

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

USTUZOU
GENDASI

EREGTPE
SOROMSET
ISEGNET
GENAGLE
ALPEASAK
ALAKS AKSEHENT
MANINLE
ENTOBAN
YEBEISK

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

**WORLDS
OF HARRY
HARRISON**

WEST OF EDEN

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА

Издательская фирма «Полярис»
1993

West of Eden
Copyright © 1984 by Harry Harrison

«К Западу от Эдема»
© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, иллюстрации

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии.

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка романа запрещена без разрешения
издателя и переводчика. Всякое коммерческое исполь-
зование данного издания возможно исключительно с
письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-024-7

К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА

перевод с английского Ю. Соколова

Книга первая		13
Книга вторая		231
Приложение		465

И насадил Господь Бог рай в Эдеме,
на востоке, и поместил там человека,
которого создал...
И пошел Каин от лица Господня и
поселился в земле Нод, *на восток*
от Эдема

Бытие, гл. II, ст. 8

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками, вроде землеройки; крупные, быстрые и более смысленные загры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменялось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

Предисловие Керрика

Я перечел эти страницы и искренне уверяю: именно такова истинная история нашего мира.

К этому убеждению я пришел нелегким путем. Всякий может сказать, что мой взгляд на мир очень узок. Я родился у озера, в небольшом поселении, нас было три семьи. В теплое время мы жили на берегу озера, богатого рыбой. И мое первое воспоминание — с берега гляжу на высокие горы за озером, а на вершинах белеет первый снег новой зимы. Когда этот снег спускался вниз и покрывал наши шатры, наставало время охотникам отправляться в горы. И я торопился вырасти, торопился стать охотником на оленя и большого оленя.

Этот мир простых удовольствий исчез навсегда, все переменилось, — увы, не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью от одной только мысли: все, что было со мной, — сгнуло, забылось. Этот глупый мир глубоко переменился. То, что давало мне всю полноту бытия, оказалось крошечным закоулком реальности, а огромное мое озеро и высокие горы за ним — кусочком великого континента, разделявшего два океана. Я знаю про Западный океан: там рыбачили наши охотники, они говорили.

О мургу я узнал прежде, чем встретил первого из них. И тогда уже научился их ненавидеть. Наша плоть горяча — они холодны. И у нас на голове растут волосы, гордость охотника — борода... Животные, которых мы убиваем, тоже теплокровны и покрыты шерстью, но мургу не такие. Гладкие, прохладные, покрытые чешуей... у них когти и зубы — чтобы рвать и терзать. Они — огромные и ужасные, вид их вселяет трепет. И ненависть. Я знал, что живут они на юге, в теплых океанских водах и на берегу моря. Они не выносят холода и до недавних времен не беспокоили нас.

Но все изменилось, изменилось невероятно, прежних времен не вернуть. Увы, теперь мне известно, что наш мир — капля, окруженная огромным морем мургу. Мы живем на севере большого континента, далеко на юге он соединяется с южным. И на всей этой земле от океана до океана кишмя кишат мургу.

Впрочем, это не самое худшее. Там, за Западным океаном, лежат континенты еще более обширные. По ним не бродят охотники. Ни одного. Там только мургу, одни мургу. Весь мир, кроме наших гор, принадлежит им.

Но я еще не поведал самого главного о мургу. Они ненавидят нас, как и мы их. Но все бы ничего, если бы все мургу были неразумными. Тогда мы сумели бы укрыться от них на своем севере.

Но есть и другие мургу, разумные как охотники и свирепые как охотники. Их не сосчитать, достаточно будет вам знать, что им-то и принадлежат все земли нашего огромного мира.

Повествование мое нерадостно, не слишком приятно говорить такое, но случившееся должно быть известным.

Я расскажу о нашем мире, об отряде охотников, очутившихся на дальнем юге, и о том, с чем они там столкнулись. И обо всем, что произошло потом, когда мургу — хозяева мира — обнаружили, что он принадлежит не им одним, как они считали от века.

**К
Н
И
Г
А**

ПЕРВАЯ

Глава первая

*Isizzo' fa klabra massik, den
sa rinyur ovot meth alpi.*

*Плюнь в лицо зиме: все равно
умрет весной.*

Амагаст уже не спал, когда первые лучи зари тронули океан. Над головой догорали самые яркие звезды. Он знал, что они — тхармы мертвых охотников — каждый вечер высыпают в небесных полях. Но наступала пора даже припозднившимся следопытам, лучшим из лучших добытчиков и храбрецов, прятаться от лучей. Яркое солнце южных краев ничем не напоминало привычное для охотников, вялое северное светило, еле согревавшее заснеженные леса под бледным небом. Казалось, это совсем другое солнце. Но перед восходом у воды было прохладно и приятно. Так будет недолго. С первыми лучами жара вернется. Амагаст почесал на руке укусы и стал ждать рассвета.

Из тьмы постепенно проступали очертания деревянной лодки. Суденышко оттащили на песок дальше сухих веток и ракушек, очертивших границу самого высокого прилива. Около лодки темнели силуэты его спавших спутников, четверых из его саммада, ушедших с ним на далекий юг. Амагаст с горечью подумал — один из них, Дайкин, умирает... скоро их останется только трое.

Кто-то из мужчин проснулся и, всем телом опираясь на копьё, медленно поднялся на ноги. Старик Огатир. Руки и ноги его сковала болезнь — сырость и холод многих зим. С копьём в руке встал и Амагаст. Мужчины сошлись и направились к водяным ямам.

— Сегодня жарко будет, курро, — произнес Огатир.

— Здесь каждый день жарко, старый. Тебе везет. Солнце исцелит твои кости.

Медленно и осторожно они подступали к черной стене леса. Высокая трава шелестела от утреннего ветра. Какие-то лесные твари объели верхушки невысоких пальм и, отыскивая воду, разрыли под ними землю. Охотники углубили ямы вчера вечером, и теперь они были до краев полны чистой пресной воды.

— Пей вволю, — приказал Амагаст, встав лицом к лесу.

Огатир кряхтя опустился на землю и жадно припал к воде.

Ночные звери еще могли таиться поблизости в тени деревьев, и Амагаст стоял наготове, крепко стиснув копье. Воздух был полон запахов гниющей растительности, к ним примешивался аромат ночных цветов. Утолив жажду, на страже стал старик, и Амагаст окунул лицо в чистую воду. Напившись, он распрямился и долго плескал на себя, смывая пот и грязь вчерашнего дня.

— Следующая ночевка будет последней. Завтра же утром поворачиваем обратно, по своим следам, — бросил через плечо Огатир, не отводя глаз от кустов и деревьев.

— Так ты говорил. Но какая разница — еще один день или несколько?

— Время возвращаться. Каждый закат я завязывал узелок на шнурке. Дни стали короче, я знаю. Новый закат наступает все раньше, солнце слабеет, не может взлететь высоко на небо. Начинает меняться ветер, это и ты мог заметить. Все лето он дул с юго-востока. Все... Помнишь прошлый год, бурю?... Она едва не потопила лодку и повалила целый лес. Тогда она пришла тем же путем. Пора возвращаться. Я все запомню, завяжу узелки на шнурке.

— Я знаю, ты умеешь, старый. — Пальцы Амагаста пробежали по густой шевелюре. Волосы ложились на плечи, а влажная окладистая светлая борода ниспадала на грудь. — Но ты знаешь, что наша лодка еще неполна.

— Вяленого мяса много...

— Не достаточно. Чтобы протянуть зиму, нам нужно больше. Охота была плохой. Потому мы и забрались далеко на юг. Нужно мясо.

— Еще один день, и надо поворачивать. Больше нельзя. Путь в горы далек и труден.

Амагаст не ответил. Он уважал Огатира за мудрость: старик знал, как делать орудия, умел отыскивать чудесные растения. Знал он и обряды, предвещающие охоту, и заклинания, которые отгоняют духов усопших. Он помнил события своей жизни и многих жизней до него. Старики рассказывали, а он запоминал и сам уже мог рассказывать от восхода солнца до заката, но так и не закончить повествование. Но было и нечто такое, чего старей не помнил и что беспокоило Амагаста, поскольку требовало новых решений.

Зимы, морозные зимы, свирепые, бесконечные зимы... Дважды уже должна была прийти весна: день удлинялся, солнце светило жарче, но весна все не приходила, глубокие снега не таяли, лед по-прежнему сковывал ручьи. Начался голод. Олень и большой олень ушли на юг из привычных долин и с горных лугов, стиснутых жестокой рукой зимы. Амагаст повел свой саммад вслед за животными на широкие равнины, иначе охотников ждала голодная смерть. Но охота давала скудное пропитание — стадам тоже досталось в эту ужасную зиму. И беда навалилась не только на них. Они встречали охотников из других саммадов, и не только тех, с которыми были связаны родственными узами, но и таких, с кем еще не приходилось встречаться. Эти люди странно произносили слова марбака или вовсе не говорили на нем и в гневе потрясали копьями, но все-таки они были тану, а тану прежде не воевали между собой. Раньше такого не было. А тут вдруг стало. И кровь тану обагрила каменные наконечники копий. Амагаста это тревожило не менее, чем бесконечные зимы. Копье — чтобы охотиться, нож — чтобы свежевать добычу, огонь — для приготовления пищи. Так было всегда. Тану не убивают тану. Чтобы самому не нарушить обычая, он увел свой саммад с гор; день за днем они шли к восходящему солнцу и не останавливались, пока не дошли до соленых вод великого моря. Он знал, что путь на север закрыт: Северный океан ограж-

дали льды; лишь парамутаны, народ, что плавает в обтянутых шкурами лодках, как-то выживают в этих стылых краях. Можно было идти на юг, где леса переходят в джунгли, где никогда не выпадает снег, но где кишат мургу, а где мургу, там смерть.

Оставалось одно только бурное море. Исстари люди его саммада умели сооружать лодки для летней рыбалки, но никогда прежде не осмеливались они уходить в море, теряя из виду берега, или удаляться в лодке вдоль побережья от знакомых мест. Этим летом пришлось. Одних вяленых каракатиц на всю зиму не хватит. Если охота окажется такой же плохой, как и прошлой зимой, никому из них до весны не дожить.

Оставался юг, опасный юг — другой дороги не было. Оставалось охотиться на побережье или на недалеких островах, вечно опасаясь мургу...

Проснулись и остальные. Солнце всходило. Край его выступил над горизонтом, и из глубин джунглей донеслись первые крики зверей. Пора пускаться в плавание.

Амагаст одобрительно кивнул, когда Керрик поднес ему кожаный мешок и извлек из него горсть эккотаца — мешанины из тертых орехов и сушеных ягод. В одну руку Амагаст принял дар, другой взлохматил густые волосы на голове сына. Его первенец. Скоро станет взрослым и получит мужское имя. Но пока еще мальчик, хоть высокий и сильный. Прежде белая кожа его теперь золотилась: как и все, он был только в набедренной повязке из оленьей шкуры. На шее на прочном кожаном шнурке висел нож из небесного металла, такой же, как у Амагаста, только поменьше. Эти ножи были тупее каменных, однако ценились высоко. Всего двумя ножами из небесного металла располагал весь их саммад. Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь, и он впервые охотился с мужчинами. События более важного еще не случилось в его жизни.

— Напился вволю? — спросил Амагаст.

Керрик кивнул. Он знал, до заката воды не будет. Охотник должен был привыкнуть и к этому. Раньше он жил вместе с женщинами и детьми, мог пить воду когда заблагорассудится и, проголодавшись, всегда мог отыскать горсточку ягод или сочные корни. Все. Теперь он с охотниками и должен научиться жить, как они, —

обходиться без питья и еды с рассвета и до темноты. Он гордо подхватил свое небольшое копьё.

Вдруг в джунглях раздались треск сучьев и крики. Мальчик испугался, но старался не подавать виду.

— Сталкивайте лодку! — приказал Амагаст.

Люди повиновались: крики раздавались все громче и ближе. Грузить в лодку было особенно нечего: копьё, луки и колчаны со стрелами, бурдюки и мешки с эккотцем. Лодку быстро столкнули в воду. Рослый Хастила и Огатир придерживали ее, пока мальчик, бережно держа раковину, в которой тлели угольки утреннего костра, не вскарабкался на борт.

На берегу Дайкин с трудом поднимался на ноги, стараясь последовать за остальными, но сегодня силы совсем оставили его. Он побледнел от усилий, на лице выступили крупные капли пота. Подошедший Амагаст склонился над ним и углом оленьей шкуры обтер лицо раненого товарища.

— Отдохни. Мы перетащим тебя в лодку.

— Не надо, если не смогу сам, — с трудом прохрипел Дайкин. — Вам легче будет, если я останусь здесь. И мне легче.

Его левая рука была очень плоха. Два пальца откусило или оторвало чудовище, во мраке ночи напавшее на стоянку. Даже не узнав, с кем пришлось иметь дело, люди отогнали его копьями в темноту. Сначала рана Дайкина не казалась слишком серьезной: охотники выживали и после худшего, — а для него сделали все, что было в человеческих силах. Рану промыли в морской воде, пока кровотечение не ослабело, потом Огатир перевязал ее, покрыв целебным мхом, собранным в дальних высокогорных урочищах. Но рана оказалась хуже, чем они думали. Плоть его сперва побагровела, потом почернела, и чернота поползла вверх по руке; воняло от нее просто ужасно. Он скоро умрет. Амагаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

— Когда сюда явятся звери, мой тхарм уже будет далеко, — произнес Дайкин, проследив за направлением взгляда Амагаста.

Правая рука его была сжата. Когда он на миг разжал кулак, блеснул острый осколок камня — скребок, ко-

торым свежуют и разделявают туши. Достаточно острый, чтобы вскрыть вену на руке.

Амагаст медленно распрямился и стряхнул песок с коленей.

— На небе я буду искать тебя, — произнес он тихим голосом, так, чтобы слышал один умирающий.

— Ты всегда был мне братом, — ответил Дайкин.

Когда Амагаст отошел, он закрыл глаза и отвернулся, чтобы каким-либо знаком не поманить охотников назад...

Лодка тихо покачивалась на волнах. Доброе и прочное суденышко было выдолблено из ствола огромного кедра. Керрик сидел на корме, поддерживая огонь в маленькой жаровне, поставленной на камни. Взметнулись языки пламени, послышался треск, — огонь охватил подложенные им ветки. Мужчины уже вдели весла между колышками из дерева тхоле и были готовы грести. Амагаст через борт перевалился в лодку. Глаза всех были обращены к оставшемуся на берегу охотнику, но ни слова не было произнесено. Так полагалось. Охотник не показывает боли... жалости тоже. Каждый мужчина вправе выбрать время, когда тхарм его поднимется в ерман, ночное небо, где его встретит Ерманпатар, отец и небесный правитель. Там, среди звезд, встречаются тхармы ушедших охотников. Такое право принадлежало каждому, и говорить было не о чем: кто мог помешать охотнику? Даже Керрик уже знал об этом и потому молчал, как и все остальные.

— Навались! — приказал Амагаст. — Правь на остров!

Неподалеку виднелся невысокий, поросший травой островок, преграждавший путь волнам. Его высокий южный берег покрывали деревья. Трава и тень сулили добрую охоту. Если только там не окажутся мургу.

— Поглядите-ка! — крикнул Керрик, показывая на воду.

Под ними проплывала огромная стая хардальтов, за их прикрытыми раковинами телами тянулись щупальца. Хастила схватил копьё и застыл над водою.

Это был рослый охотник, выше Амагаста. Несмотря на огромный рост, он двигался ловко и быстро. Он выждал немного и вдруг молниеносно вонзил копьё в

волны, — так что рука его по локоть оказалась в воде, — а потом так же быстро вскинул копьё кверху.

Удар был меток — в мягкое тело прямо за раковиной, и хардальт оказался на дне лодки, щупальца его слабо подрагивали, из пробитого копьём мешка сочилась черная жижa. Все радостно расхохотались. Верное имя — Хастила, Копьё-зажатое-в-кулаке. Копьё, которое не промахнется.

— Хорошая еда, — проговорил Хастила, ставя ногу на раковину и освобождая копьё.

Керрик был возбужден. Все так просто: один быстрый удар — и готово, вот он — огромный хардальт, которого хватит всем на целый день. Он взял свое копьё за конец, как Хастила. Оно было в два раза короче копья взрослого охотника, но наконечник был столь же остер. Хардальты не ушли, они тесно окружали лодку, а один как раз всплыл под кормою.

Керрик с силой ударил. Острие вошло в чье-то тело. Схватив копьё двумя руками, он потянул добычу вверх. Деревянное древко дергалось у него в руках, но он, посуровев, упорно тянул.

Вода возле лодки вспенилась, забурлила, и показалась скользкая голова. Керрик выпустил копьё и упал навзничь. Распахнулись огромные челюсти, два ряда зубов оказались так близко, что на мальчика пахло гнусным дыханием чудовища. Острые когти впились в борт, вырывая куски дерева.

Но Хастила не сплеховал, его копьё ударило в открытую пасть — раз, другой. Мараг заревел, брызнула кровь. Челюсти сомкнулись, и на мгновение Керрик увидел перед собой круглый немигающий глаз.

Миг — и чудовище ушло под воду, оставив на поверхности кровавую пену.

— Гребите к острову! — приказал Амагаст. — За этим придут другие, крупнее... Как мальчик?

Огатир плеснул горсть воды в лицо Керрику и умыл его.

— Просто перепутался, — проговорил он, глядя на осунувшегося мальчика.

— Удачлив, — мрачно сказал Амагаст, — счастье приходит однажды. Впредь не станет наобум тыкать копьём.

«Никогда!» — едва не выкрикнул Керрик, глядя на разбитый в щепу борт. О мургу он слышал, видел в ожерельях их когти, трогал разноцветный и гладкий мешок, выкроенный из шкуры одного из них. Но рассказы о мургу не пугали по-настоящему, трудно было представить чудовище ростом до неба: зубы как копья, глаза словно булыжники, когти — ножи. А тут он испугался. Он отвернулся: на глазах выступили слезы, а он не хотел, чтобы их заметили, и молча кусал губы, пока они медленно приближались к берегу. Вдруг оказалось, что лодка всего лишь хрупкая скорлупка в полном чудовищ море, и он отчаянно захотел очутиться на твердой земле. Когда под лодкой заскрипел песок, он чуть не вскрикнул от облегчения. Пока остальные вытаскивали лодку из воды, он смывал с себя кровь марага...

Притаившись в траве над откосом, Амагаст изучал остров. Вдруг он тихо зашипел сквозь зубы — сигнал охотника, — и все замерли. Саммадар жестом приказал всем лечь, потом подозвал к себе. Раздвигая перед собой траву, Керрик пополз за остальными.

Олени. Целое стадо невысоких животных паслось на расстоянии полета стрелы. Раздобревшие на сочных травах, они медленно передвигались, длинные уши подергивались, отгоняя жужжавших вокруг мух. Расширив ноздри, Керрик принялся, — до него донесся сладкий запах животных.

— Идем медленно вдоль берега, — сказал Амагаст. — Ветер к нам — не почуют. Подберемся.

Пригнувшись, он побежал первым, остальные за ним, Керрик замыкал цепочку.

Прячась за откосом, охотники достали стрелы и натянули тетивы, а потом одновременно вскочили и выстрелили.

Стрелы летели точно: пара зверей упала, третий, раненый, зашатался. Маленький олененок со стрелой в боку рванулся в сторону. Амагаст кинулся следом и быстро нагнал его. Олененок повернулся на месте, угрожающе наставив крошечные рожки, но Амагаст, расхохотавшись, прыгнул вперед, схватил за них и дернул. Зверь фыркнул, пошатнулся и заблеял, теряя

равновесие. Когда подбежал Керрик, Амагаст уже запрокидывал голову животного на спину.

— Бери копьё, убивай. Первый раз. В горло, сбоку, воткни глубже, потом поверни.

Керрик так и поступил; олененок закричал в агонии, алая кровь окропила руки Керрика. Кровью гордятся. Он еще глубже вонзил копьё; зверь задрожал мелкой дрожью и затих.

— Отлично! — с гордостью произнес Амагаст. Тон его означал, что про морского марага забыто.

Разделявая добычу, охотники хохотали от радости. Амагаст показал на юг, в сторону более высокой части острова.

— Донесем до деревьев, там развесим и провялим.

— Будем еще охотиться? — спросил Хастила.

Амагаст покачал головой.

— Нет, завтра нам возвращаться. Чтобы разделать и прокоптить сегодняшнюю добычу, нужны день и ночь.

— Есть будем, — произнес Огатир, облизываясь. — Больше в желудке — меньше на плечах!

Под деревьями было прохладнее, но зато не было отбоя от каких-то кусачих мух. Оставалось только отмахиваться и умолять Амагаста поторопиться с костром.

— Освежьте, — велел он, пнув ногой поваленное дерево. Ствол развалился в труху. — Прогнило. Здесь нечего жечь. Огатир, принеси из лодки огонь, накорми его сухой травой к нашему возвращению. Мы с мальчиком соберем плавник.

Оставив на земле лук и стрелы, он взял копьё и направился в сторону океана. Сделав то же самое, Керрик последовал за ним.

Берег был широким, белый песок слепил словно снег. Вдали на отмели пенились буруны, разбившиеся валы невысокими волнами катили к берегу. Там, куда уже не мог дотянуться прибой, валялись щепки, изломанные губки, разноцветные раковины, фиолетовые улитки, длинные зеленые пучки водорослей, осыпанные крошечными крабами. Мелкие ветки, принесенные морем, не стоили внимания, и люди направились к холмам, от которых уходил в воду каменистый берег. Легко поднявшись по склону, они увидели в просветах между деревьями уютную бухту. С противоположной стороны

на песке нежились какие-то существа, должно быть, тюлени.

И в тот же самый миг они заметили, что из-за ближайших деревьев кто-то тоже следит за бухтой. Должно быть, охотник. Амагаст уже был готов окликнуть его, когда тот выступил из тени.

Слова сразу застряли в горле, все мышцы оцепенели. Это был не охотник, не человек, нет. Фигура хоть и напоминала человеческую, но казалась мерзким подобием тану.

Существо было нагим и безволосым, начинавшийся на голове пестрый гребень сбегал на спину. Яркое солнце освещало отвратительную шкуру, покрытую пестрыми чешуями.

Мараг. Не такой большой, как населявшие джунгли гиганты, но тем не менее мараг. И как свойственно их роду, он стоял неподвижно, словно окаменел. А потом медленно стал поворачивать голову, пока наконец не оказались обращенными к ним его крутой и невыразительный глаз и массивная выпяченная челюсть. Охотники застыли подобно мургу, крепко стиснув копья. При таком повороте головы мараг не заметил среди деревьев их безмолвные силуэты.

Амагаст шевельнулся лишь когда существо вновь обратило свой взгляд к океану. Бесшумно шагнув вперед, он поднял копье. Когда существо заподозрило или наконец услышало что-то, Амагаст уже успел добраться до края рощи. Чудовище резко повернуло голову и взглянуло в лицо человеку.

Охотник с размаху всадил каменный наконечник прямо в лишенный век глаз. Копье глубоко вошло в мозг. Содрогнувшись всем телом, мараг рухнул. Он умер, еще не коснувшись земли. Амагаст извлек копье и обернулся, разглядывая склон и берег позади. Поблизости никого не было.

Керрик подошел к отцу, встал рядом с ним и молча поглядел на труп.

Существо было грубой и мерзкой пародией на человека. Красная кровь еще сочилась из пробитой глазницы, другой глаз был безжизненно обращен вверх вертикальной прорезью зрачка. Носа не было, просто дырки. В

раскрывшейся в короткой агонии пасти белели остро-конечные зубы.

— Что это? — спросил Керрик дрожащим голосом.

— Не знаю. Какой-то мараг. Небольшой. Таких я еще не видел.

— Но он стоял и ходил, словно человек, тану. Он из мургу, отец, но руки его похожи на наши.

— Не совсем. Сосчитай. Раз, два, три пальца и большой палец. Нет, смотри, только два пальца и два больших.

Оскалившись, Амагаст глядел на существо. Кривые и короткие ноги с плоскими ступнями и когтями на пальцах, короткий толстый хвост. Смерть скорчила лежавшее на земле тело. Амагаст ногой перевернул его. Еще одна тайна, подумал он: в руках ящер держал длинную узловатую палку.

— Отец — берег! — крикнул Керрик.

Спрятавшись за деревьями, люди следили, как прямо перед ними из моря выбирались какие-то существа.

Мургу было трое. Двое из них очень напоминали убитого, третий, жирный, был крупнее и передвигался медленно. Первые двое подталкивали его. Крупный мараг забулькал дыхательными отверстиями, а потом медленно и лениво почесал брюхо когтями ноги. Один из мургу, поменьше, замахал лапами и резко зацокал.

Гнев душил Амагаста, он едва не задохнулся от отвращения. Ненависть ослепила его, и, не думая о последствиях, он бросился вниз по склону, вскинув копьё.

Через какой-то миг он оказался возле мургу и ударил копьём ближайшего. Ящер увернулся от удара — острый наконечник копья только разодрал кожу на ребрах. Чудовище открыло рот и попыталось убежать. Следующий удар Амагаста был точным...

Вывав копьё, Амагаст обернулся — второй мараг с плеском бросился в воду. Но вдруг раскинул лапы и повалился вперед: маленькое копьё неожиданно настигло его.

— Меткий бросок, — похвалил Амагаст сына.

Убедившись, что ящер мертв, он извлек копьё и отдал Керрику.

Теперь оставался только жирный и крупный мараг. Глаза его были закрыты, он словно не замечал происходящего вокруг.

Когда копые Амагаста проткнуло его бок, он закричал почти по-человечески. Тварь вся заросла жиром — охотник колот и колот... Наконец мараг замер на песке. Покончив с ним, Амагаст оперся на копые и с брезгливостью поглядел на убитых: ненависть еще владела им.

— Твари! Их надо убивать! Мургу — не мы. Гляди: пятна на шкуре, шерсти нет, холода бояться, ядовиты, в пищу даже не годятся. Когда попадают, надо убивать! — рычал он, и Керрик лишь кивал в знак согласия, ощущая такое же глубокое и бездумное отвращение.

— Иди, приведи остальных! — приказал Амагаст. — Быстро. Смотри, на том краю бухты другие. Надо убить всех...

Вдруг убитый мараг шевельнул хвостом, и Амагаст снова занес копые.

Нет! Хвост не двигался, что-то шевелилось у его основания, там была какая-то щель, открывавшаяся словно сумка. Острием копыя Амагаст ткнул туда, и его замутило от одного вида бледных созданий, посыпавшихся на песок.

Сморщенные и слепые, похожие на взрослых... Значит, детеныши. Задыхаясь от гнева, он топтал их ногами.

— Всех, всех передавлю! — бормотал он, а Керрик уже мелькал между деревьями.

Глава вторая

*EndeE hante'hei, ate' Eembokeka
iirubushei kaksheise', he'avahei;
he'vai'ihei, kaksheinte, enpeleinu
asahen enge.*

*Из отцовской любви вступить в объятия
моря — вот первая боль жизни, а первая
радость — подруги, которые сразу же
окоужат тебя.*

Энтиисенат резал волны громадными плоскими плавниками. Он приподнял голову — вода заструилась по темной шкуре; голова на длинной шее поднималась все выше, энтиисенат огляделся по сторонам — и, заметив за собой огромный силуэт, торопливо ушел под воду. «Стайка кальмаров», — радостно зацокал второй энтиисенат. Массивные хвосты заколыхались, и ящеры рванулись за добычей; могучие гиганты, для которых не было преград, разинули широкие пасти.

Выбрасывая струи воды, кальмары бросились в разные стороны. Некоторые из них спаслись в чернильных облаках, но большинство нашло смерть в ненасытных плоских пастях, проглоченные в один миг. Насытившись, гиганты повернули назад.

Неподалеку океан бороздило еще более огромное существо. Вода перехлестывала через его спину, пенилась вокруг громадного спинного плавника. Приблизившись к нему, энтиисенаты нырнули и пристроились рядом, стараясь держаться возле чудовищного, усеянного зубами клюва. Урукето, должно быть, увидел их,

глаз его, медленно поворачиваясь, следил за обоими, черный зрачок обрамляло костяное кольцо. Неторопливый мозг чудовища соображал медленно, клюв приоткрылся, потом распахнулся пошире.

Один за другим энтиисенаты подплыли к разверзшейся пасти и, по очереди просунув головы в колоссальную полость, извергли только что проглоченных кальмаров. Опустошив желудки, они отвалились в сторону, загребая сильными плавниками. Челюсти позади сомкнулись так же неторопливо, как открылись. Урукето не спеша продолжал путь.

Большая часть массивной туши находилась под водой, только спинной плавник взрезал поверхность вод. Вздываясь над волнами, плоская верхушка его, морщинистая и высохшая, была покрыта белыми пятнами экскрементов морских птиц и шрамами от ран, оставленных острыми клювами. Одна из птиц как раз опускалась на верхушку плавника, расправив огромные белые крылья и выставив вперед перепончатые лапы. Вскрикнув, птица вдруг метнулась назад: сверху на плавнике открылась узкая щель. Она увеличивалась, расходилась во всю длину — громадный ход внутрь живой плоти — из него пахло спертым воздухом.

Отверстие все ширилось, пока наконец иилане' не смогла просунуть в него плечи. Второй офицер, она несла вахту. Поднявшись на невысокий костный карниз, огибавший плавник изнутри, она с наслаждением вдохнула свежий морской воздух, покрутила головой во все стороны. Удовлетворенная, она спустилась вниз, где иилане', выполнявшая сегодня обязанности кормчего, внимательно смотрела в прозрачный круглый диск прямо перед собой. Первая иилане' поглядела на светившуюся в полумраке иглу компаса и заметила, что они отклонились от курса. Кормчая потянулась в сторону, зашипнула узел нервного окончания в плавнике и стиснула его. Дрожь сотрясла все «судно»: полуразумное существо повиновалось. Вахтенная кивнула и отправилась вниз, в длинную пещеру. Расширяясь, зрачки ее быстро приспособлялись к темноте.

Помещение в живом теле урукето, проходившее от головы до хвоста, освещали только фосфоресцировавшие пятна на стенах. Сзади, почти в полной тьме, лежали

со связанными ногами иилане'-узницы; коробки с припасами, емкости с водой отделяли их от пассажиров и экипажа, располагавшихся впереди.

Вахтенная подошла к капитану и отпрапортовала. Эрефнаис оторвалась от светившейся карты, которую держала в руках, и одобрительно кивнула. Удовлетворенная, она свернула карту и направилась вверх, к плавнику. На ходу она слегка прихрамывала: давала знать о себе детская травма спины, там до сих пор проступали морщинистые шрамы. Только великие способности позволили ей достичь высокого положения капитана при таком физическом недостатке. Наверху она тоже принялась оглядываться, глубоко вдыхая свежий морской воздух.

За спиной пропадали из виду берега Манинле. Впереди, на горизонте, едва виднелась цепь невысоких островов, тянувшаяся с юга на север. Склонившись вниз, она заговорила самым формальным тоном. Приказы она отдавала тверже и решительнее. Сейчас этого не требовалось. Она говорила вежливо и безлично, как иилане' низшего ранга следует обращаться к вышестоящей. А ведь она командовала судном... Значит, та, к которой она обращалась, занимала воистину высокое положение.

— Есть на что поглядеть, Вейнте'.

С этими словами она шагнула в сторону, уступая дорогу. Вейнте' стала осторожно подниматься по ребристой внутренности плавника, за ней следовали еще двое иилане'. Вейнте' приникла к краю отверстия. Открывая и закрывая ноздри, она вдыхала острый, соленый, морской воздух. Эрефнаис с восхищением глядела на нее, в этот миг Вейнте' была воистину прекрасна. Даже если не знать, что она поставлена во главе нового города, по любому движению сразу можно было догадаться об ее истинном положении. Не замечая восхищенных взоров, Вейнте' гордо стояла, запрокинув голову и выставив вперед нижнюю челюсть; под жгучими лучами солнца зрачки ее сузились в вертикальные щелки. Сильными руками она крепко держалась за плавник урукето, для равновесия широко расставив ноги, ее причудливый ярко-оранжевый гребень изредка подергивался. Она

рождена, чтобы повелевать, — это чувствовалось в каждом движении ее тела.

— Скажи мне, что там впереди? — отрывисто произнесла Вейнте'.

— Цепь островков, высочайшая. Имя их соответствует сути. Алакас-Аксехент — золотые камни, идущие друг за другом. Песок и вода на них теплые в любое время года. Острова цепочкой протянулись к материку. Там, на берегу, и растет новый город.

— Алпеасак. Прекрасные пляжи... — прошептала Вейнте', едва шевельнув губами. — Моя судьба. — Она повернулась лицом к капитану. — Когда мы прибываем?

— Сегодня к вечеру, высочайшая. Но еще до заката. Теплое океанское течение быстро несет нас вперед. Кальмаров вокруг в изобилии, и энтиисенат, и урукето сыты. Иногда даже слишком сыты, но это трудности капитана в дальнем походе. За ними приходится следить, иначе они не станут торопиться и мы прибудем...

— Тихо. Я хочу побыть со своими эфенселе.

— Удовольствие для меня, — пятась, проговорила Эрефнаис и исчезла внизу.

Вейнте' обернулась к молчавшим спутницам и ласково взглянула на них.

— Ну вот мы и прибыли. Трудная дорога в новый мир, в Гендаси, заканчивается, впереди новые трудности — теперь придется создавать новый город.

— Мы поможем, приказывай, — отвечала Этдиирг, сильная и крепкая как скала, всегда готовая помочь. — Приказывай, пойдём на смерть.

В других устах такие речи могли бы показаться притворством, но только не в устах Этдиирг. Искренность проступала в каждом движении ее крепкого тела.

— Этого я не стану приказывать, — сказала Вейнте', — но попрошу тебя быть рядом со мной, первой помощницей во всем.

— Сочту за честь.

Вейнте' обернулась к Икеменд, тоже готовой исполнить любое приказание.

— Ты будешь на самом ответственном месте. Наше будущее у тебя между большими пальцами. Тебе — заботиться о ханане и самцах.

Икеменд вздохнула, выражая разом согласие, удовольствие и преданность. Вейнте' ощутила теплоту их дружбы и поддержки; но тут же нахмурилась.

— Благодарю обеих, — сказала она, — оставьте меня. Пришлите сюда Энге. Одну.

Урукето качнула большая волна. Вейнте' крепко вцепилась в грубую шкуру. Накативший от хвоста зеленый вал разбился о черную башню плавника. Соленая пена брызнула Вейнте' в лицо. Прозрачные мигательные мембраны, опустившиеся на глаза, медленно поднялись. Она не замечала капель воды, мысли ее были далеко; они опережали огромное существо, которое несло их по морю из самого Инегбана.

Впереди ее ждал Алпеасак, золотой пляж ее будущего... Высоко взлетала она в мечтах своих, едва покинув теплое море детства, и обошла многих из своего эфенбуру, и эфенбуру, многими годами ее старше. Хочешь подняться — лезь в гору. И наживай врагов. Но как никто Вейнте' знала, что надо уметь обзаводиться и союзниками. У нее было свойство помнить обо всех из своего эфенбуру, какое бы положение они ни занимали, и встречаться с ними при первой возможности. Тех, кто был равен ей или выше, она умела расположить к себе, младшие же в эфенбуру ею восхищались. В городе они были ее ушами и глазами, служили ей тайной силой. Без их помощи она не сумела бы добиться права на это путешествие, решиться на величайший риск. Ее ждал взлет — или падение. Пост начальницы Алпеасака, нового города, — важный пост. Назначение это позволило ей опередить многих. Но она могла потерпеть и неудачу, ведь в новом городе, самом далеком от Энтобана, ее поджидали серьезные проблемы. Если новый город не вырастет вовремя, она падет так низко, что никогда не поднимется. Как Диисте, которую она сменил на посту эйстаа нового города. Если она потерпит неудачу, ее тоже сместят. Такое было возможно, но рискнуть следовало. В случае успеха, на который все надеялись, она пойдет в гору, и ничто не остановит ее.

Снизу поднялась и встала рядом знакомая иилане', с которой были связаны и добрые, и горькие воспоминания. Вейнте' ценила дружбу всех из своего эфенбуру, она знала ей цену. Будущее Энге было туманным. Вейн-

те' хотела, чтобы ее эфенселе понимала, что ждет ее на берегу. Сейчас был последний шанс переговорить с глазу на глаз перед высадкой на берег. Внизу для этого слишком много настороженных ушей и внимательных глаз, там нельзя откровенничать, но все нужно сказать именно сейчас, и пусть эта глупость закончится навсегда.

— Мы уже возле берега. Впереди Гендаси. Капитан сказала мне, что мы прибудем в Алпеасак еще до вечера.

Энге молчала и лишь в знак согласия шевельнула пальцем. Жест не был оскорблением, но и не выражал никаких эмоций. Разговор начался неудачно, но Вейнте' не могла позволить себе разгневаться и отвлечься от главного. Она повернулась к своей эфенселе.

— Из отцовской любви вступить в объятия моря — вот первая боль жизни... — начала Вейнте'.

— А первая радость — подруги, которые сразу же окружают тебя, — закончила Энге знакомую фразу. — Я казню себя, Вейнте', я знаю, как ты страдаешь от моего эгоизма.

— Мне не надо ни извинений, ни твоего унижения, даже объяснений твоего из ряда вон выходящего поведения. Мне просто непонятно, почему и ты, и твои последовательницы не преданы позорной смерти. Но не буду говорить об этом — я думаю не о себе. Меня беспокоишь ты, и только ты. Не эти заблудшие существа внизу. Если у них хватило ума пожертвовать свободой ради вредной философии, значит, хватит смекалки и на добрую работу. Город найдет для них применение. Он может использовать и тебя, и не в качестве заключенной.

— Я не просила развязывать меня.

— Тебе не надо было этого делать. Я приказала. Для меня позор, когда одна из моего эфенбуру связана как преступница.

— Я никогда не желала опозорить ни тебя, ни наше эфенбуру. — В голосе Энге не было раскаяния. — И поступала в соответствии с собственными убеждениями. Их глубина полностью переменяла всю мою жизнь... они могут изменить и твою, эфенселе. Но все-таки приятно слышать, тебе стыдно. Это пробуждение — начало веры.

— Пстой. Я стыжусь лишь за наше эфенбуру, которое ты опозорила. А сама я ощущаю лишь гнев — и не более. Сейчас мы вдвоем, нас никто не слышит. Со мной будет покончено, если ты проболтаешься, но я знаю — ты не станешь причинять мне вред. Слушай же. Перед высадкой на берег тебя вновь свяжут, как и твоих подруг, но ненадолго. Едва уйдет судно, я освобожу тебя, ты будешь помогать мне. Алпеасак — моя судьба, я нуждаюсь в твоей помощи. Дай мне ее. Ты знаешь, какие ужасные события происходят ныне, что с севера дуют все более холодные ветры. Два города уже погибли, и нет сомнений, что Инегбан ждет та же участь. Усилиями прежних глав нашего города основан новый, еще более великий, город на этом дальнем берегу. Инегбан умрет, но Алпеасак будет жить. Я долго билась за право быть эйстаа нового города, я направляю его рост, буду готовить его к тому дню, когда в него переселится весь наш народ. Но мне нужна помощь. Мне нужны друзья, готовые усердно трудиться вместе со мной и вместе возвыситься. Я прошу тебя помочь мне, Энге. Будь со мной в этих нелегких трудах. Ты моя эфенселе. Мы вместе оказались в море, вместе росли, вместе вышли из него и стали подругами в одном эфенбуру. Нашу связь невозможно нарушить. Помогни мне, будь рядом со мной, возвысься, будь моей правой рукой. Ты не можешь отказать мне. Согласна?

Голова Энге склонилась. Сложив молитвенно руки, она подняла глаза.

— Я не могу. Я связана с подругами, Дочерьми Жизни, связью более сильной, чем со своим эфенбуру. Они следуют за мной.

— Ты привела их в ссылку, в дикие края, на верную смерть!

— Надеюсь, что нет. Я только учила их пониманию мира. Я пересказала им истины, открытые Угуненапсой, которые даровали ей вечную жизнь. Не только ей — мне, всем нам. Просто ты и другие иилане' слепы и ничего не видите. Одно только может вернуть зрение — память о смерти позволит узнать жизнь.

Вейнте' была вне себя и на миг потеряла дар речи, по-детски протянув к Энге руки. Она видела — плающие ладони Энге были обращены к ней в самом

оскорбительном из жестов. Еще более разгневало ее то, что Энге не растрогала проявленная забота, не огорчил гнев.

— Не надо, Вейнте'. Если мы вновь окажемся вместе, обнаружится нечто более важное, чем наши желания, чем преданность эфенбуру...

— И преданность городу?

— Да... Это важнее всего на свете.

— У меня нет даже слов. Ты предала все, чем мы живем, и я презираю тебя. Все иилане' от яйца времен живут как положено иилане', и в этот порядок, словно паразит в живую плоть, вгрызается твоя презренная Фарнексеи, проповедующая возмутительную чушь. К ней относились с терпением, но она настаивала на своем, получила предупреждение, но не образумилась... пока не осталось единственного выхода — изгнать ее из города. Но она не умерла, первая из вас, живых покойниц. И если бы не спасительница Олпесааг, она до сих пор жила бы и проповедовала.

— Угуненапсой звали ее потому, что устами ее говорила великая правда. Олпесааг-разрушительница уничтожила ее тело, но не откровение.

— Имя дается, она была Фарнексеи, ищущая. Она забыла про осторожность и за это умерла. Такой конец ждет и вашу детскую веру, место которой среди кораллов и водорослей. — Вейнте' глубоко вздохнула, пытаясь сдержать себя. — Разве ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Последний шанс. Жизнь вместо смерти. Будешь со мной — и поднимешься. Если эта изменная вера важна для тебя, верь в глубине сердца, но молчи, не говори о ней ни мне, ни другим иилане', спрячь под плащ, где ее никто не увидит. Сделай это.

— Не могу. Правду нельзя спрятать.

С яростным ревом Вейнте' схватила Энге за шею, больно ткнув большими пальцами в гребень, и ударила лицом в неподатливую поверхность плавника урукето.

— Вот тебе правда! — закричала она, разворачивая Энге лицом к себе, чтобы до той дошло каждое слово. — Правда в том, что я сую в птичье дерьмо твою круглую как луна рожу. И еще правда в том, что тебя ожидает новый город, окруженный дикими джунглями, тяжелая работа, грязь, отсутствие всех привычных удобств. Та-

кова будет твоя судьба, и, уверяю, смерть ждет тебя, если ты не откажешься от своего высокомерия, не прекратишь этого жалкого визга.

Услыхав тихие шаги капитана, которая была ошеломлена увиденной сценой и теперь пыталась незаметно уйти, Вейнте' крикнула, толкнув Энге на карниз:

— А ну сюда! Что значит это шпионство?!

— Я не хотела... высочайшая, у меня не было дурных намерений, я уйду, — забормотала Эрефнаис, не прибегая к тонкостям и пышным фразам: так велико было ее смущение.

— Что привело тебя сюда?

— Пляжи... Я просто хотела показать вам пляжи, белые родильные пляжи. Вон там, к ним мы и направляемся.

Вейнте' обрадовалась, что отыскалась причина закончить эту отвратительную сцену. Отвратительную — ведь она позволила себе вспышку гнева. Подобное она допускала нечасто, потому что прекрасно понимала, какое оружие отдает в чужие руки. Теперь вот капитан разнесет новость, и ничего хорошего не получится. А во всем виновата Энге, строптивая, неблагодарная, глупая Энге. Теперь ее ждет судьба, которую она заслужила. Не отводя глаз от зеленого берега, Вейнте' прислонилась к стенке, гнев ее утихал, дыхание замедлялось. Энге поднялась на ноги: она тоже хотела взглянуть на пляж.

— Мы подойдем поближе, — произнесла Эрефнаис, — поближе к берегу.

Наше будущее, думала Вейнте', первый восторг, первые яйца, первые рождения, первое подрастающее в море эфенбуру. Гнев ее улегся, она едва не улыбнулась, представив себе жирных ленивых самцов на пляжах. Молодняк, блаженствующий в сумках у них под хвостами. Первое рождение — памятное событие в новом городе.

Экипаж сумел заставить урукето подойти близко к берегу, почти в самые буруны, вдоль которого тянулись пляжи, прекрасные пляжи...

Энге и капитан остолбенели. Громко, с мукой в голосе, закричала Вейнте'.

На ровном песке валялись изуродованные трупы.

Глава третья

Крик резко оборвался. Когда Вейнте' заговорила снова, из ее слов исчезла вся многозначительность, вся утонченность и отточенность речи. Только обнаженные кости смысла, только безжалостная и жесткая необходимость.

— Капитан, немедленно отправить на берег десять сильнейших членов экипажа. Выдать всем хесотсаны. Пусть урукето остается на месте. — Она выглянула наружу, опершись на плавник, и показала на Энге. — Ты пойдешь со мной.

Зацепившись когтями ног за шкуру урукето и помогая себе руками, Вейнте' выбралась на спину животного и нырнула в прозрачное море. Энге чуть отставала.

Они вынырнули из волн прибоя возле трупца самца. Мухи густо усеяли многочисленные раны с запекшейся кровью. Зрелище это заставило Энге пошатнуться, словно ее качнул невидимый ветер, она сплетала пальцы, не замечая того, — детский знак боли.

А Вейнте'? Она стояла спокойно, с непроницаемым лицом, только глаза метались по сторонам.

— Я хочу отыскать тех, кто это сделал, — произнесла она невозмутимым тоном, ступив вперед и склонившись над телом. — Эти существа убивали, но не ели. У них длинные когти, клыки или рога — погляди на эти раны! Видишь? Убиты ведь не только самцы, но и няньки. Где же стража?

Она повернулась, из моря навстречу ей спешили командир и вооруженные члены экипажа.

— Растянитесь в шеренгу, оружие наготове, прочешите весь пляж! Найдите охрану, которая должна была

находиться здесь и вместе отправляйтесь по следам. Вперед! — Вейнте' проследила за ними и обернулась, когда Энге позвала ее.

— Вейнте', я даже представить не могу, какое животное нанесло эти раны: повсюду одиночные проколы или разрезы, словно у этого зверя один рог или клык.

— У ненитеска на конце морды один грубый рог и у хурукаста тоже один рог.

— Это гигантские, неповоротливые, глупые твари, они не способны на подобное. Ты сама говорила мне, что здешние джунгли опасны. Здесь могут оказаться другие звери, стремительные и коварные.

— Но где же охрана? Опасности им известны, почему они не справились со своим делом?

— Она была здесь, — проговорила Эрефнаис, медленно возвращаясь по песку, — все мертвы. Убиты.

— Это невозможно! А их оружие?

— Не использовано и полностью заряжено. Это существо... существа... они смертельно опасны.

Одна из членов экипажа издали окликнула их, но на таком расстоянии голос ее был едва слышен, а знаки непонятны. В большом возбуждении она бежала к ним.

— Я нашла след... идите сюда... там кровь, — Вейнте' наконец разобрала слова. Нескрываемый ужас был в этом голосе... — Я шла по следу, высочайшая, — заговорила иилане', указывая на деревья. — По-моему, существ было по крайней мере пять — столько было следов — и все кончаются у воды. Они исчезли. Но есть кое-что еще, это следует видеть.

— Что?

— Место убийства... Там много костей и крови, и еще... Увидишь сама.

Не дойдя до места, они услышали сердитое жужжание мух. Там действительно были следы страшного убийства, но было и нечто куда более важное. Проводница молча показала на землю.

Там лежала кучка углей и пепла, из которой еще вился серый дымок.

— Огонь? — громко произнесла Вейнте', озадаченная увиденным, как и остальные. Ей уже приходилось видеть огонь, но он ей не понравился. — Назад, дура! —

крикнула она, когда капитан сунулась к тлеющим углям. — Тут огонь. Он очень горячий и жжется.

— Я не знала, — стала извиняться Эрефнаис. — Я только слыхала о нем, но никогда не видела.

— А вот кое-что еще, — продолжила говорившая, — на берегу оказалась грязь. Она засохла под лучами солнца. И на ней следы. Очень четкие. Я взяла один, вот он.

Вейнте' подошла и склонилась над потрескавшимся куском глины с углублениями в твердой поверхности.

— Невелики, очень невелики, они ниже нас. Такие мягкие ступни, нет и следа когтей. Цо! Считайте. — Она выпрямилась и обернулась к сопровождавшим, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. — Пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает зверей с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

— Здесь столько тайн. Мне не нравится это. Сколько вокруг стражниц?

— Три, — ответила Эрефнаис, — по одной у каждой оконечности пляжа, третья в середине.

Она умолкла. Из подлеска, треща ветками, на берег выскочила еще одна из экипажа.

— У берега лодка, — доложила она, — небольшая.

Вейнте' вышла из-за деревьев и заметила покачивавшуюся на волнах небольшую лодку, груженную какими-то емкостями.

Одна из иилане' придерживала на волнах живое суденышко, чтобы не удрало, еще две таращились на трупы на пляже. Заметив Вейнте', они переглянулись. На шее одной из них блеснуло ожерелье из крученой проволоки. Вейнте' пристально оглядела ее.

— Если ты эсекасак, та, что защищает родильные пляжи, почему ты не спасла своих подопечных?

Ноздри эсекасак расширились от ярости.

— Кто ты, чтобы так разговаривать со мной?

— Я — Вейнте'. Теперь я эйстаа этого города. Живо отвечай на мой вопрос, низкая, я теряю терпение.

Эсекасак почтительно прикоснулась к губам и отступила на шаг.

— Извини меня, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

- Ты в ответе за них. Где ты была?
- В городе, я ходила за пищей и новой сменой.
- Сколько времени ты отсутствовала?
- Всего три дня, высочайшая, как всегда.

— Как всегда? — Вейнте' душила ярость. — Я не понимаю твоих слов. Почему ты морем отправилась в город? Где же терновая стена, где линии обороны?

— Они еще не подросли, высочайшая, и ненадежны. Реку уже очистили и углубили, но еще не совсем освободили от опасных зверей. Решили безопасности ради родильные пляжи временно оставить на берегу океана.

— Безопасности ради? — Более Вейнте' не могла сдержать гнева... Показывая на трупы, она завопила: — Вот они — все убиты! Ты виновата! Лучше бы ты погибла вместе с ними. За это величайшее из преступлений я требую самого строгого наказания. Ты изгоняешься из города, из числа говорящих, будь среди безъязыких! Долго ты не проживешь, но пока жива, будешь помнить, что твоя собственная ошибка, твоя безответственность, уклонение от обязанностей навлекли на тебя наказание!

Вейнте' шагнула вперед и, большими пальцами схватившись за металлическую эмблему высокого поста, сорвала ожерелье с эсекасак. Затем, бросив ожерелье в прибой, она затянула литанию деперсонализации:

— Я лишаю тебя поста! И все присутствующие лишают тебя поста за безответственность. Каждая жительница Инегбана, города нашего и дома, каждая живущая иилане' лишает тебя гражданства. А теперь я забираю твое имя, никто из живых не произнесет его, но все будут помнить тебя, злую тьму. Возвращаю тебя к безымянным и бессловесным! Ступай!

Вейнте' указала на бушующий океан, ужасающий своим гневом.

Деперсонализированная эсекасак рухнула на колени, распростерлась на песке у ног Вейнте'. Слова ее едва можно было понять.

— Нет, только не это, умоляю! Не моя вина, это Диисте приказала, она заставила нас. Рождений не было, но она не укрепляла сексуальную дисциплину. Меня в этом нельзя винить, иначе не было бы рождений. В случившемся виновата не я...

Голос ее постепенно слабел, судорожные движения конечностей замедлились и остановились.

— Поверните ее! — приказала Вейнте'.

Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, которые перевалили обмякшее тело на спину. Глаза умирающей еще глядели, но дыхание затихло. Она умирала. Правосудие свершилось. Вейнте' одобрительно кивнула и тут же забыла о несчастном создании — оставалось еще столько дел.

— Эрефнаис, останешься здесь и проследишь, чтобы тела убрали, — распорядилась она, — а потом води урукето к городу. Я отправлюсь в этой лодке. Хочу видеть эту эйстаа Диисте, которую я должна сместить.

Когда Вейнте' забралась в лодку, охранница, находившаяся возле нее, смиренным жестом попросила разрешения заговорить.

— Встретиться с Диисте невозможно. Она мертва уже много дней. Лихорадка... Она умерла в числе последних.

— Значит, мое прибытие слишком запоздало.

Вейнте' уселась, а стражница, склонившись к уху лодки, отдала приказ. Лодка задрожала и выбросила струю воды.

— Расскажи мне о городе, — попросила Вейнте', — но сперва назови свое имя.

Она говорила спокойно и доброжелательно. Стражница не виновата в несчастье, дежурила не она. Вейнте' должна найти в ней союзницу, должна думать о городе.

— Я — Инленат, — отвечала та уже не таким испуганным голосом. — Город будет уютным. Мы все этого хотим. И мы усердно работаем, хотя у нас много трудностей и проблем.

— И Диисте была одной из вас?

Инленат спрятала руки, чтобы не выдать себя.

— Не мне говорить. Я прожила в городе недолго.

— Но если ты живешь в городе, ты принадлежишь ему. Можешь говорить: я — Вейнте', и я — эйстаа. А потому ты принадлежишь и мне. Задумайся, потрать немного времени. Вся власть в моих руках. Ко мне будут идти со всеми проблемами. От меня будут исходить решения. Теперь ты понимаешь свою ответственность. Говори, правдиво отвечай на мои вопросы.

— Повинуюсь твоему приказанию, эйстаа, — преданно отвечала Инленат, приспосабливаясь к новому порядку.

Постепенно тщательными и осторожными распросами Вейнте' удалось выяснить последовательность событий в городе. Стражница занимала слишком низкое положение и не знала, что происходило среди высочайших, но результаты их действий она знала прекрасно. И они не обнадеживали.

Диисте не любили, это было очевидно. Она явно окружила себя группой приживалок, почти не выходивших на работу. И все указывало на то, что именно они утратили чувство ответственности, не обратились к другим способам получения удовлетворения, когда пришло время откладывать яйца, а воспользовались самцами, хотя родильные пляжи еще не были готовы. И если это так, правду несложно было выяснить, даже не стоило тратить силы на публичный суд. Преступниц следовало направить на работу вне города, чтобы они трудились, пока не свалятся мертвыми или не попадут в зубы местным хищникам. Иного они не заслуживали.

Впрочем, не все новости были так плохи. Уже были расчищены первые поля, город вырос почти наполовину и развивался по плану. Когда победили здешнюю лихорадку, прочих медицинских проблем уже не возникало — случались только травмы, обычные при тяжелой работе.

Когда лодка вошла в устье реки, Вейнте' в основном представляла себе, что придется делать. Конечно, она проверит слова Инленат, это естественно, но предчувствие говорило ей, что простодушное создание и впрямь выложило все городские проблемы. Конечно, вперемишку со сплетнями, но в основном все подтвердится.

Солнце опускалось в облака, лодка скользнула между водяными корнями города и оказалась в гавани. Вейнте' машинально набросила на плечи один из плащей: становилось прохладно. Плащ кормили хорошо, и он грел, к тому же скрывал ее ранг, и это было неплохо. Если бы не трагедия на пляже, она настояла бы на официальной встрече урукето. Но теперь торжественность была неуместной. Вейнте' тихо вступит в Алпеасак, так, чтобы когда слухи о случившемся проникнут

в город, она могла бы правильно использовать их. О гибели стражницы иилане' не позабудут, но вспоминать об этом будут как о конце неурядиц, начале доброй поры. И она пообещала себе, что теперь все будет иначе, совершенно иначе.

Глава четвертая

Прибытие Вейнте' не осталось незамеченным. Еще издали она увидела на причале фигуру в плаще, явно дожидавшуюся ее прибытия.

— Кто это? — спросила Вейнте'.

Инденат проследила за ее взглядом.

— Я слыхала, что ее зовут Ваналпе', ранг ее — высочайшая. Она никогда не разговаривала со мной.

Вейнте' знала о ней из ее отчетов. Деловые и формальные, ни слова о личностях или трудностях. Она была эсекаксонка, буквально — «меняющая форму вещей». Она принадлежала к тем немногим, кто умел изменять растения и животных, создавать новые полезные виды. Именно она отвечала за проект города и его выращивание. Вейнте' была эйстаа, предводительница поселения, распоряжающаяся всеми его жителями; Ваналпе' полностью отвечала за физическую форму самого города. Вейнте' попыталась скрыть внезапную скованность: важна первая встреча, она покажет, как сложатся отношения. А от них зависят судьба и будущее самого Алпеасака.

— Я Вейнте', — произнесла она, ступая на сырые доски причала.

— Приветствую тебя и приглашаю в Алпеасак. Одна из фарги заметила урукето и приближающуюся лодку и доложила мне. Больше всего я хотела, чтобы это оказалась именно ты. Мое имя Ваналпе', служащая, — вежливо проговорила она, делая жест подчинения.

Она сделала его в старомодной манере, дважды широко поведя рукой, а не коротко, как было принято теперь. Она стояла, расставив ноги, крепкая, готовая

повиноваться. Вейнте' сразу же почувствовала к ней расположение и по-дружески взяла за руку.

— Я читала твои отчеты. Ты хорошо поработала для Алпеасака. А скажи, больше фарги ничего не рассказывала... о пляже не вспоминала?

— Нет, просто доложила о твоём прибытии. А что случилось на пляже?

Вейнте' открыла было рот, но поняла, что не может говорить. После той короткой вспышки гнева она держала свои чувства под строгим контролем. И теперь ощутила, что, если заговорит об убийстве самцов и молодняка, гнев и ужас вновь овладеют ею. А в нынешнем положении это будет ошибкой, ибо нарушит вид холодной рассудительности, с которым она всегда появлялась публично.

— Инленат, — приказала она, — расскажи Ваналпе', что мы обнаружили на пляже.

Стараясь не прислушиваться, Вейнте' расхаживала по причалу, планируя дальнейшие действия. Когда голоса умолкли, она обернулась и увидела, что обе ожидают распоряжений.

— Теперь понимаешь? — спросила Вейнте'.

— Чудовищно! Следует отыскать тварей, что сделали это, и уничтожить!

— Ты не имеешь представления, что это за звери?

— Нет, но мне известно, кто знает. Сталлан, она работает вместе со мной.

— Имя охотницы ей присвоено?

— Это истинное ее имя. Она в одиночку исходила джунгли вокруг города. Она знает о них все. Используя ее сведения, я внесла изменения в проект города, о которых должна рассказать тебе поподробнее.

— Потом. Хоть я теперь эйстаа, некоторые дела могут подождать, сначала надо разобраться со случившимся на пляже. В городе все в порядке? Неотложных проблем нет?

— Другие вопросы могут подождать. Все идет своим чередом. Лихорадка остановлена. Кое-кто умер.

— Диисте умерла. О ней будут вспоминать?

В задумчивости Ваналпе' молча потупила глаза. А когда заговорила, стало ясно, что она, понимая свою ответственность, тщательно взвесила каждое слово.

— В городе были недобрые настроения... многие говорили, что в них виновата Диисте. Я согласна с ними. Ее будут вспоминать немногие.

— И кто же?

— Подружки. Ты быстро найдешь их.

— Понимаю. Пошли за Сталлан, я приказываю ей явиться ко мне. А теперь покажи мне город.

Ваналпе' провела ее меж высоких корней и откинула в сторону задрожавший от прикосновения тяжелый полог. Внутри было теплее, и они сбросили плащи возле двери. Медленно выпустив щупальца, плащи принялись ощупывать стенку и, ощутив сладкий запах древесосока, присосались к ней.

Иилане' миновали какие-то сооружения у края воды, где узловатые стволы деревьев были прикрыты полупрозрачными листьями.

— Новый метод, — пояснила Ваналпе'. — Этот город заложен после долгого перерыва. И дни, прошедшие со времени закладки последнего, расходовались мудро: в проект были внесены значительные усовершенствования. — Она оживилась и, улыбнувшись, погладила хрупкие листья. — Я вырастила их сама. Модифицированные куколки насекомых. Если личинки сытно кормить, они могут производить много таких листов. Их снимают и соединяют, пока они еще мягкие. Высыхая, они твердеют. Ничего не тратится напрасно. А вот и дерево — город.

Она показала на переплетения складывавшихся в стены тяжелых корней, закрытые теми же прозрачными листьями.

— Они состоят исключительно из углеводов. Дерево поглощает их, впитывая много энергии.

— Великолепно! — Вейнте' остановилась возле фонарика, прильнувшего к распростершему мембраны крыльев нагревателю, и огляделась с неподдельным восхищением. — Даже не могу сказать, как я довольна. Я читала все твои отчеты. Я знала о твоих достижениях. Но видеть этот уверенный рост — это абсолютно другое. Впечатляет, впечатляет и впечатляет. И в первом же сообщении в Энтобан я это отмечу.

Не осмеливаясь заговорить, Ваналпе' отвернулась. Всю жизнь она работала, проектировала города, и Ал-

пеасак был вершиной ее мастерства. Бурный энтузиазм новой эйстаа ошеломил ее. Она заговорила нескоро, указав в сторону нагревателя.

— Он такой новый, что сообщение о нем еще не попало в отчеты. — Ваналпе' погладила нагреватель, на миг он извлек клыки из древесосака и, открыв слепые глаза, тоненько вскрикнул. — Я выводила их много лет. И могу теперь доложить, что эксперименты оказались успешными. Они долгожители, иного питания, кроме сахаристого древесного сока, им не нужно. Попробуй температуру тела на ощупь — выше, чем у всех прочих.

— Могу только восхищаться.

Ваналпе' с гордостью вела новую эйстаа вперед по лабиринту корней. Нырнув в какое-то отверстие, она приподняла корни, чтобы Вейнте' могла пройти, и показала на толстый ствол.

— Вот место, где я посадила семя города. — Рассмеявшись, она протянула вперед руку ладонью вверх. — Вот на этой ладони оно лежало, крохотное... Даже нельзя представить, сколько трудов, дней и ночей ушло на мутацию генных цепей. И пока зерно не возшло, никто не был уверен, что труды не напрасны. Место это по моему приказу очистили от кустов, деревьев, от насекомых, после чего я сама удобрила и увлажнила почву и вот этим большим пальцем сделала дыру... и положила туда семя. В ту ночь я спала возле него, я не могла отойти. А уже на следующий день пробился крошечный зеленый побег. Не могу даже описать своих чувств. А теперь — вот!

С великой гордостью и радостью Ваналпе' похлопала по огромному корню. Потом подошла поближе и прикоснулась к коре дерева. Ее дерево, ее город...

— Я буду тут. Скажи всем, что это мое место.

— Это твое место. Чтобы оградить апартаменты эйстаа, мы посадим стены. А теперь я пойду за Сталлан, ее проводят сюда.

Когда она удалилась, Вейнте' молча подождала, пока первая проходившая мимо фарги не взглянула в ее сторону, и сразу же отправила ее за мясом. А когда та вернулась, Вейнте' была уже не одна.

— Мое имя Хексеи, — произнесла прибывшая официальным тоном. — Разнеслись слухи о твоём прибы-

тии, великая Вейнте', и я поторопилась поприветствовать тебя в твоём городе.

— Что ты делаешь в городе, Хексеи? — спросила Вейнте' столь же официально.

— Пытаюсь быть подручной, всем помогать, быть верной городу...

— Ты была близкой приятельницей умершей эйстаа Диисте?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и стрела попала в цель.

— Я не знаю, что ты слышала. Многие ревнуют, рассказывают небылицы...

Она умолкла: возвращалась Ваналпе', за ней следовала иилане' с перевязью через плечо, на которой висел хесотсан. Глянув на оружие, Вейнте' отвернулась: — по закону в городе с ним нельзя было показываться.

— Это та самая Сталлан, о которой я говорила, — произнесла Ваналпе', скользнув взглядом по Хексеи, словно той вовсе не существовало.

Сталлан приветствовала ее официальным жестом и отступила на шаг к двери.

— Я виновата, — с хрипотцой произнесла она, и Вейнте' заметила длинный шрам на ее шее. — Я, не подумав, принесла сюда оружие. Только увидев твой взгляд, я поняла, что оружие надо было оставить.

— Ты всегда его носишь с собой? — спросила Вейнте'.

— Всегда, я больше времени провожу в джунглях, чем в городе. Мы ведь здесь недавно, и вокруг так много опасностей.

— Тогда носи его, Сталлан, раз это необходимо. Ваналпе' рассказала тебе о случившемся на пляже?

Сталлан молча сделала утвердительный жест.

— Ты знаешь, какой зверь свирепствовал там?

— И да и нет.

Вейнте' не обратила внимания на невольный жест сомнения и недоверия Хексеи.

— Объясни.

— Здесь, в новом мире, есть болота, огромные леса и горы. На запад отсюда лежит большое озеро, далеко за ним океан. На север уходят бесконечные леса. Много зверей. Одни похожи на тех, которые живут в Энтобане.

Другие совершенно иные. Чем дальше к северу, тем больше разница. Там мне попадалось много-много устузоу. Я убивала их, они опасны. Они ранили моих спутниц-фарги, некоторые из них умерли.

— Опасны?

Хексеи громко расхохоталась:

— Разве мышь под полом опасна? Надо бы послать за элиноу, чтобы ты не боялась...

Сталлан медленно повернулась к Хексеи.

— Ты всегда смеешься, когда я рассказываю о них, хотя ничего не знаешь. Настало время прекратить глупый смех.

Холодный тон ее не допускал возражений. Все молча смотрели, как она направилась к двери и сразу же вернулась с большим свертком.

— В этой стране живут устузоу, звери, покрытые мехом, которые много крупнее той самой рассмешившей тебя мыши под полом. У себя на родине мы встречали только этого крошечного зверька, и до сих пор многие думают, что все устузоу такие же маленькие. Следует отказаться от этой мысли. Здесь все по-другому. Встречается и такой зверь, у которого нет еще имени.

Развязав сверток, она раскатала его по полу. Это оказалась лохматая шкура животного, которая протянулась от стенки до стенки. Все умолкли, пораженные размерами зверя. Сталлан приподняла одну из лап и указала на когти, которые были длиннее ее ладони.

— На твой вопрос, эйстаа, я ответила — и да и нет — и вот почему. Здесь пять когтей. У многих опасных лохматых зверей по пять пальцев. И я думаю, что побоище на пляже устроили устузоу какого-то еще не знакомого мне вида.

— По-моему, ты права, — согласилась Вейнте' и отвернула в сторону уголок толстой шкуры, стараясь не выдать отвращения от этого мягкого прикосновения. — Как ты думаешь, мы сумеем найти этих тварей?

— Я пойду по их следу на север. Они могли уйти только туда.

— Найди их. Быстро. И доложи мне. Тогда мы их уничтожим. Уйдешь с рассветом.

— С твоего разрешения, прямо сейчас.

Вейнте' изобразила на лице легкое недоверие.

— Скоро будет темно. Разве ты можешь путешествовать и ночью? — спросила она.

— Возле города можно, очертания берега позволяют. У нас есть большие плащи и ночная лодка. Она пойдет вдоль береговой линии, и к рассвету мы уже пройдем немалую часть пути.

— Ты настоящая охотница. Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна навстречу опасностям. Тебе потребуется помощь. Вот Хексеи говорила, что она всем помогает. Пусть она отправится с тобою.

— Путешествие будет тяжелым, эйстаа, — возразила Сталлан ровным, лишенным выражения тоном.

— Я уверена, что путешествие будет полезным для нее, — продолжала Вейнте', отвернувшись от Хексеи и не обращая внимания на явное негодование и просьбы внимания. — Может быть, ваш поход окажется удачным.

Глава пятая

*Naudinza istak ar ovot at kvalaro,
at etcharro — ach i marinanni terpar.*

*Путь охотника всегда самый тяжелый
и долгий, но заканчивается он
среди звезд.*

Далекие вспышки молнии озаряли низкие темные облака над горизонтом. Доносился отдаленный рокот грома. Гроза удалялась в море, а вместе с нею и ливень, и шквалистый ветер. Высокий прибой тяжело рушился на берег, далеко накатывая на песок. Волны добегали до самой кромки солончаковых трав, почти до вытащенной на берег лодки. Как раз за лодкой, в небольшой рощице, и находился шатер из шкур, натянутых на весла и палки. Из-под шкур сочился дымок.

Старый Огатир выглянул из укрытия и прищурился: низкие лучи вечернего солнца вдруг выбились из-под отступающих облаков. Он принялся.

— Гроза кончилась, — объявил он, — можно отправляться дальше.

— Не в такое море, — ответил Амагаст, раздувая огонь. Костер вспыхнул. Над ним висели крупные куски оленины, капли сока падали вниз и шипели на углях. — Лодку захлестнет, сам знаешь... Утром.

— Но мы опаздываем, опаздываем...

— Ничего не могу поделать, старый. Ерманпадар посылает нам грозы, не спрашивая нашего согласия.

Он отвернулся от огня к убитому оленю. Охота была удачной, прибрежные кустарники просто кишели зверь-

ем. Когда они разделают последнюю тушу и прокоптят мясо, лодка будет полна. Он развел передние ноги оленя и с трудом вспорол шкуру острым осколком камня: нож был тупым. Амагаст отбросил его в сторону и крикнул Огатиру:

— Эй, старый, сделай мне новый нож! Ты это умеешь.

Огатир, кряхтя, поднялся на ноги. От здешней сырости ныли все кости.

С трудом доковылял он до лодки и долго шарил внутри. Потом возвратился, держа в каждой руке по камню.

— Ну, мальчик, учись, — проговорил он, приседая на корточки и протягивая камни Керрику. — Погляди. Что ты видишь?

— Два камня.

— Конечно. Но что это за камни? Что ты можешь мне о них рассказать?

Он покрутил их, чтобы мальчик мог как следует рассмотреть. Керрик потрогал поверхность пальцем и пожал плечами.

— Простые камни.

— Это потому, что ты еще молод и глуп. От женщин о камнях не узнаешь — это мужские знания. Охотнику нужно копьё. Разве есть охотник без копьё? А копьё необходим наконечник. И ты должен научиться не только отличать камни друг от друга, замечать внутри камня нож или наконечник, но и открыть камень, извлечь из него спрятанное... Начнем урок. — Он дал Керрику круглый, окатанный водой голыш. — Вот тебе молот. Видишь — гладкий? Чувствуешь — тяжелый? Этот камень разобьет все камни. Он откроет этот, где прячется нож.

Керрик крутил в руках камень, с яростной сосредоточенностью вглядываясь в его грубую поверхность, поблескивающие сколы. Пока он смотрел, Огатир терпеливо ждал, потом забрал камень.

— В нем нет наконечника копьё, — объявил он, — не тот размер, форма не та. Но нож есть, и не один. Чувствуешь? Сейчас я его открою.

Огатир аккуратно поставил камень на землю и ударил его молотом. Сбоку отскочил острый осколок.

— Вот и нож, — сказал он, — острый, но недостаточно. Смотри внимательно, следи за моими руками.

Он достал из мешка кусок оленьего рога и, положив каменный осколок на ребро, осторожно надавил тупым концом. Он сделал это несколько раз, и каждый раз от ножа отскакивала небольшая чешуйка. Когда он обработал камень по всей длине, лезвие оказалось тонко заточенным. Он передал его Амагасту, внимательно наблюдавшему за работой. Опытной рукой тот пропорол оленю шкуру от горла до паха.

— Никому из нашего саммада не отдает камень такие ножи, кроме тебя, — сказал Амагаст. — Пусть он тебя научит, мой сын: охотник без ножа — не охотник.

Керрик нетерпеливо схватил камни и ударил их друг о друга. Ничего не произошло. Он стукнул вновь камнем о камень — опять без успеха. И только когда Огатир, взяв его руки в свои, правильно расположил их, Керрику удалось отбить неровный осколок. Но он был доволен первым успехом и долго потом затачивал нож куском оленьего рога, пока не устали пальцы.

Огромный Хастила мрачно следил за их работой. Потом, зевая и потягиваясь, он выбрался из-под укрытия, приняхался, как Огатир, и зашагал вверх по склону. Гроза ушла, ветер налетал лишь изредка, слабеющими порывами, солнце проглядывало меж облаков. Только белые гребни волн еще бежали от горизонта — знак недавнего буйства стихии. Прибрежный гребень понижался к заросшей травой равнине. По ней медленно двигались темные силуэты. Пригнувшись, Хастила вернулся назад в убежище.

— Еще олени. Здесь хорошая охота.

— Лодка полна, — ответил Амагаст, отрезая кусок дымящегося мяса. — Добавить — потонем.

— Кости ноют от лени, весь день провалялся, — буркнул Хастила, беря копьё. — Надо поучить мальчика, как следует подкрадываться к зверю, чтобы можно было поразить его острым наконечником. Пойдем, Керрик. Бери копьё и следуй за мной. Если выследим оленя, уьем. Я покажу тебе, как ползут против ветра к самому осторожному зверю.

Взяв копьё, Керрик вопросительно взглянул на отца. Жуя жесткое мясо, Амагаст кивнул.

— У Хастилы есть чему поучиться. Иди, он научит.

Со счастливым смехом Керрик побежал за Хастилой. Поравнявшись с ним, он замедлил шаг.

— Слишком шумишь, — заметил Хастила, — у всех лесных зверей хорошие уши, услышат тебя, прежде чем увидят.

Хастила остановился и поднял руку: тихо. Потом он приложил ладонь к уху, обратившись к впадине между дюн. Керрик слушал внимательно, но мог уловить лишь далекий рокот прибоя. Вдруг сквозь плеск волн он явственно расслышал треск со стороны дюны. Подняв копьё, Хастила осторожно шагнул вперед. Керрик почувствовал, как заколотилось в груди сердце. Он следовал за рослым охотником, стараясь не издавать шума... Звук становился все громче.

Подкравшись к подножию дюны, они почуяли сладковатый отвратительный запах разлагающегося мяса. Там, вдали от лагеря, валялись ободранные туши оленей. Хруст стал громче. Послышалось жужжание бесчисленных мух. Хастила сделал знак Керрику, чтобы тот подождал, а сам быстро поднялся по склону. Отпрянув, он обернулся. Лицо его исказило отвращение, он махнул мальчику, зовя его к себе. Возле гребня Хастила вскинул копьё, Керрик последовал его примеру. Что там? Кого они выследили? Охваченный одновременно страхом и любопытством, Керрик, пригнувшись, ринулся за охотником.

Хастила громко крикнул, и трое существ подняли головы, оторвавшись от своего мерзкого занятия, и замерли, напуганные внезапным появлением людей. Пущенное сильной рукой копьё устремилось вперед и пробило грудь одному из чудовищ между передними лапами. Зашипев от страха, двое других побежали, переваливаясь на длинных ногах и вытянув хвосты и шеи.

Керрик замер с занесенным копьём. Мургу. Умиравший мараг отчаянно цеплялся когтями за пронзившее грудь копьё. Он был очень похож на того, на берегу. Открытая пасть. Острые зубы. Кошмарная морда.

Хастила не глядел на мальчика, не замечал его страха. Жгучая ненависть овладела им. Мургу. Он их ненавидел.

Распростертый у ног человека пожиратель падали — к перепачканной в крови морде прилипло гнилое мясо — слабо лязгнул зубами. Ногой оттолкнув голову марага, Хастила наступил ему на шею и выдернул копые. Бледная серая кожа твари была покрыта зеленоватыми, словно трупными пятнами. Мараг был ростом с человека, но узкая голова его оказалась не больше кулака. Хастила вновь ударил копьем. Мараг вздрогнул и замер. Отмахиваясь от мух, охотник выбрался из ямы. Керрик опустил копые и старался сдержать дрожь. Заметив это, Хастила положил руку ему на плечо.

— Не бойся их. Пусть они и большие, но это всего лишь трусливые и грязные трупоеды. Тану их ненавидят и не боятся. Когда Ерманпадар сотворил наш народ из речного ила, он создал тогда и оленя, и прочих зверей, чтобы тану могли охотиться на них. Потом он поселил их в траве среди гор у сладкой воды и чистых снегов. А закончив дело, поглядел на юг и узрел всю пустоту его. Только он уже отошел от реки и слишком устал, а потому не стал возвращаться и лишь зачерпнул грязи из болота. Из нее-то он и сотворил мургу, и они так и живут, зеленые, грязные твари, чтобы после смерти снова превратиться в болотную жижу, из которой были созданы.

Говоря так, Хастила несколько раз вонзил копые в песок, очишая его от крови марага. После этого он слегка успокоился. Страх, охвативший Керрика, тоже исчез. Один мараг умер, остальные сбежали, скоро охотники оставят этот берег и вернутся к саммаду.

— А теперь я покажу тебе, как подбираться к дичи, — сказал Хастила. — Эти мургу были заняты едой, иначе услышали бы тебя: ты топал по склону, как мастодонт.

— Я шел тихо, — возразил Керрик. — Я умею ходить. Однажды я шел за белкой и подобрался к ней на длину копья...

— Белка — самая глупая, долгозуб — самый смысленый. Олень не умен, но слышит лучше всех. Я останусь здесь, а ты отойди в траву и попробуй подобраться ко мне. У меня слух оленя.

Керрик радостно побежал вверх по склону и, опустившись в густую траву, исчез. Молча, бесшумно, он

отполз от берега, потом вновь повернул к океану. Стало жарко. Он вымок в прибрежной траве, но без толку — Хастила встретил его на поддороги.

— Внимательно смотри под ноги, прежде чем ступить, — сказал охотник, — а затем двигайся вперед и не топай. Раздвигай траву и не спеши. Попробуем снова.

Поблизости оказался крохотный пляж, Хастила спустился к воде и стал смывать с копыя остатки крови марага. Керрик еще раз взобрался вверх по склону и остановился отдышаться.

— Ну сейчас ты меня не услышишь! — потрясая копьем, вызываяще крикнул он рослому охотнику.

Хастила махнул ему и оперся на копьё.

Вдруг из пены прибоя неподалеку от него вынырнуло что-то темное. Керрик отчаянно крикнул, предупреждая, и Хастила резко обернулся, выставив копьё. Что-то хрустнуло, словно сухая ветка. Охотник выронил копьё, согнулся, схватившись за живот, и упал лицом в воду. Чьи-то лапы схватили его... Еще мгновение — и он исчез в пене волн.

С криком Керрик бросился к лагерю. Навстречу уже спешили Амагаст и Огатир. Пока они бежали обратно к пляжу, где разыгралось ужасное событие, мальчик, задыхаясь, рассказал о случившемся.

На песке никого не было, в океане тоже. Амагаст вошел в воду, выловил длинное копьё и внимательно поглядел на море.

— А ты не видел, на что это было похоже?

— Я видел только лапы этой твари, — проговорил Керрик, стуча зубами. — Они протянулись из моря...

— Какого цвета?

— Я не заметил, просто мокрые, наверное, зеленые. Ведь могут же они быть зелеными, отец?

— Они могут быть любыми, — мрачно ответил Амагаст. — Повсюду одни мургу. Придется держаться всем вместе. Стеречь по очереди, пока остальные спят. Надо торопиться в саммад. В здешних водах нас ждет лишь смерть.

Глава шестая

*Alaktenke' alakte'kan olkeset;
esetakolesnta< tsuntesnalak
tsuntensilak satasat.*

*Что случается теперь, потом не
имеет значения, ведь уже послезавтра
неотлично от позавчера.*

Гроза миновала, дождь прекратился, земля дымилась под жгучими лучами солнца. Вейнте' стояла в жидкой тени засохшего дерева и следила, как работницы ровными рядами высаживали саженцы. Ваналпе' размечала гряды в земле, остальные следовали за нею. Она медленно подошла и встала в тень рядом с Вейнте', от жары широко раскрыв рот.

— Саженцы опасны? — спросила Вейнте'.

Тяжело дышавшая Ваналпе сделала отрицательный жест.

— Потом, когда появятся колючки, через восемь-десять дней. Тогда их еще могут пожирать некоторые животные, но лишь до тех пор, пока шипы не начнут выделять токсины. Животным побольше они кажутся лишь горькими, для существ поменьше они ядовиты.

— Очередное твое нововведение? — спросила Вейнте', выходя из тени.

— Да, этот терновник выращивали еще в Инегбане, мы привезли с собой семена. Все мы так привыкли, что стены терновника вокруг городских полей куда выше головы, что забыли, быть может, — такими они были не от яйца времен. Много лет прошло, прежде чем они стали такими. Молодые ветви вырастают на старых,

создавая непроходимый барьер. Но всякую новую ограду в новом городе всегда приходится сооружать по-новому. — Ей стало легче говорить: она наконец отдышалась, но пока хоть часть ее тела оставалась на солнце, шевелиться ей было довольно трудно. — Новая ограда, которую я создала, растет быстро, живет долго, и она ядовита. Но еще задолго до того, как она погибнет, мы успеем посадить обычный терновник, он будет неторопливо расти и сменит временную ограду.

— А деревья? — спросила Вейнте', глядя на голые безжизненные силуэты посреди нового поля.

— Их убили. Смотри, с того высокого уже упали сучья. Их заразили самыми прожорливыми из жуков-древоточцев. Когда дерево съедят без остатка, личинки окуклятся. Тогда их можно собрать — куколки долго сохраняются в прочной оболочке. И мы сохраним их, пока они нам снова не понадобятся.

Вейнте' отодвинулась в тень и заметила, что почти все работницы тоже попрятались кто куда. Приятное утро становилось жарким и уже не годилось для работы.

— Когда окончите посадку, отошли работниц обратно в город, — велела Вейнте'.

Среди прочих работниц была и Энге. Вейнте' дождалась, пока та поглядела на нее, и знаком велела ей заканчивать работу. Энге знаком выразила благодарность, после чего заговорила:

— Ты велела снять путы с пленниц. Мы весьма благодарны.

— Не стоит. На урукето я велела связать вас, чтобы не попытались захватить судно и бежать.

— Ты не понимаешь Дочерей Жизни. Нам чуждо...

— Рада слышать, — сухо проговорила Вейнте', — но мой принцип — не рисковать. Теперь, когда урукето отправился назад, лишь леса остаются для недовольных своей судьбой, для тех, кто пожелает бежать. И не одна ты, все твои товарки будут теперь работать лучше.

— Но мы ведь по-прежнему пленницы...

— Нет, — твердо ответила Вейнте', — вы свободные жительницы Алпеасака, обладающие всеми правами граждан. Не следует путать то, что есть, с тем, что было. Совет Инегбана решил, что вы недостойны его гражданства, и сослал вас сюда, чтобы в новом городе

вы начали новую жизнь. Надеюсь, вы поймете, что не следует повторять старых ошибок на новом месте.

— Ты грозишь нам, Вейнте'? Или, как эйстаа Алпасака, считаешь нас не такими, как прочие жительницы, и объявляешь, что станешь относиться к нам иначе.

— Это не угроза, а предупреждение, моя эфенселе. Учись на том, что случилось. Верьте во что угодно, но среди своих, и все свои тайны держите при себе. Я запрещаю вам разговаривать с остальными. Они не желают знать вашей чуши.

— А тебе откуда это известно? — сурово спросила Энге. — Или ты настолько мудра?

— Достаточно мудра, чтобы видеть в вас источник беспокойства, — отрезала Вейнте'. — И уверена в этом настолько, чтобы позаботиться о мерах предосторожности: за вами будут следить. Уж здесь вы не сумеете натворить такого, как в Инегбане. Я куда менее терпелива, чем тамошний совет.

Пока она говорила, Энге едва шевельнулась.

— Ну какое от нас беспокойство? Мы не пытаемся ничего... Мы просто верим...

— Прекрасно. И верьте где-нибудь в темном углу, где вас никто не услышит. Я не потерплю никаких проповедей в моем городе.

Вейнте' ощутила, что снова начинает терять самообладание перед твердой, словно скала, невозмутимостью Энге с ее странной верой. Поэтому она с облегчением вздохнула, заметив, что к ней торопится фарги с какой-то вестью.

Молодая говорила невнятно, но главное Вейнте' поняла.

— Город... идет одна... имя Сталлан. Говорит, важные новости... требуется присутствие.

Вейнте' знаком отпустила ее, повернулась спиной к Энге и направилась в город.

Сталлан ожидала ее, во всем ее облике чувствовалась радость.

— Ты выполнила мое распоряжение? — спросила Вейнте'.

— Выполнила, эйстаа. Я преследовала зверей-убийц и догнала их. Я выстрелила и убила одного из них и возвратилась с его телом. Оно здесь. Я оставила никчем-

ную Хексеи приглядывать за ним. Кое-что в этом устузоу беспокоит меня.

— Что именно? Скажи мне.

— Надо показать, чтобы ты поняла.

Сталлан молча повела ее в часть города, примыкавшую к реке. Хексеи сторожила большой туюй тюк. Кожа ее была испачкана и расцарапана. Едва они появились, она сразу же протестующе заскулила. Не говоря ни слова, Сталлан ударила ее по голове и толкнула на землю.

— Небесполезная — хуже, — прошипела Сталлан. — Ленивая, шумная на охоте, переполненная страхом. Из-за нее мне пришлось медлить и нас обеих чуть не убили. Она не нужна мне.

— И Алпеасаку тоже, — быстро рассудила Вейнте'. — Оставь нас. Оставь город.

Хексеи начала было протестовать, но Сталлан жестоко ударила ее по лицу, и Хексеи бросилась бежать. Ее вопли терялись в воздушных корнях и листьях. Вейнте' мгновенно выбросила из головы никчемное создание и указала на туюк.

— Это и есть кровожадный убийца?

— Да.

Сталлан потянула за край шкуры, и на влажную землю скатился труп Хастилы.

При виде его Вейнте' онемела, и лишь жесты ее выдавали ужас и изумление. Одолев отвращение, она медленно шагнула вперед, ткнула тело ногой.

— Их было четверо, этих существ, — начала Сталлан. — Все остальные меньше этого. Я их нашла и следовала за ними. Они не шли по берегу, а плыли по океану. И не в лодке, а в дереве, опущенном в воду, и они толкали его вперед кусками дерева. Я видела, как они убивали других лохматых зверей. Самцов и стражниц они убили тем же образом. Они не используют при этом ни зубы, ни рога, ни когти. Видишь, рогов у них нет, а зубы и когти слишком слабые и маленькие. И убивают они чем-то вроде острого зуба, прикрепленного к длинной палке.

— Эти лохматые твари умеют многое. Мозги у них есть.

— Мозги есть у всех тварей, даже у примитивных хесотсанов. — Сталлан погладила свисавшее с плеча оружие. — Но если правильно обращаться с хесотсаном, то он не опасен, не то что эти. Погляди внимательно на него, если тебе угодно. Видишь, много шерсти на самом верху тела, на голове. А вот этот мех внизу не принадлежит существу, а обвязан вокруг него. У него был мешок, а в мешке я обнаружила заостренный кусок камня. Смотри, обвязанную шкуру можно снять, под ней его собственный мех.

— Это самец! — воскликнула Вейнте'. — Неужели покрытые шерстью самцы устузоу, полузвери с неразвитым мозгом, осмелели настолько, что угрожают нам, иилане'? Ты это хотела сказать мне? Что эти уродливые звери опасны для нас?

— Думаю, так, Вейнте'! Но ты эйстаа, тебе и решать, что есть что. А я просто рассказала тебе все, что знаю, и показала свою добычу.

Зажав большими пальцами твердый острый камень, Вейнте' долго разглядывала труп, потом сказала:

— Выходит, даже устузоу могут развиваться до низкого уровня интеллекта и хитрости. Наши лодки понимают некоторые команды. Энтиисената можно научить разыскивать в море пищу. Кто может сказать, какие странные вещи творились в этом дальнем уголке мира от яйца времен? Пора разобраться с этим. Здесь нет иилане', которые повсюду правят и властвуют. А потому, вероятно, — и это трудно отрицать, ведь свидетельство перед нашими глазами, — что некий вид этих отвратительных млекопитающих может развить в себе какую-то форму извращенного интеллекта, которого им хватает, чтобы научиться отыскивать камни и убивать ими. Да, такое возможно. Но им следовало оставаться в своем лесу, убивая и пожирая друг друга. А они вылезли оттуда. Напрасно, это была их ошибка. Червяки самцы, червяки... они убили наших самцов! Слушайте и запоминайте, что следует делать. Устузоу надо разыскать и уничтожить всех до последнего. У нас нет выбора, пока город будет находиться здесь, у этих пляжей. По силам ли нам такое?

— Мы должны это сделать. Но следует навалиться всей силой, взять из города всех, кого только можно... И все должны быть вооружены хесотсанами.

— Но ты говорила, что их было только четверо? Значит, трое еще живы...

Вейнте' поняла, что охотница обнаружила небольшую группу, ушедшую на север.

— Едва ли это все... Где же их искать?

— Должны быть и другие. Эта горстка по каким-то причинам отбилась от своих. А теперь они возвращаются. Я уверена в этом. Мы должны выступить все вместе и найти их.

— И перебить!.. Конечно. Я отдам приказ, и мы выступим немедленно.

— Но это неразумно: день клонится к вечеру, и нас много. Если уйти на рассвете, на самых лучших и сытых лодках, мы легко догоним их: они еле плетутся. А по следу найдем остальных.

— И перебьем, как они перебили самцов. Хороший план. Пусть эту тварь возьмут на амбесид и повесят всем на обозрение. Нам понадобятся припасы, пресная вода на несколько дней, чтобы не останавливаться.

Во все части города разбежались фарги с приказом собраться на амбесид. Вскоре он буквально кишел иилане', как никогда прежде. Рассерженно бурча, они расталкивали друг друга, чтобы увидеть тело. Вейнте' уже вступала на амбесид, когда вдруг заметила, что Икеменд подает ей знаки, и остановилась.

— На пару слов, эйстаа.

— Опять что-нибудь случилось с самцами? — с внезапным страхом спросила Вейнте'.

Икеменд, ее эфенселе, была назначена на очень важный пост — ведать охраной и защитой самцов. Даже короткий допрос бывшей главной стражницы показал, что причиной трагедии на пляже была ее халатность. И когда Вейнте' лишила ее имени, виновная умерла.

— Все в порядке. Просто самцы узнали о мертвом устузоу и хотят его видеть. Можно ли разрешить им?

— Конечно, они не дети. Но только потом, когда амбесид освободится. Нам не нужны истерики.

Внимания Вейнте' искала не только Икеменд. Путь ей преградила Энге, не пожелавшая отойти, даже когда ей приказали.

— Я слыхала, что ты решила снарядить погоню за лохматыми зверями и убить их.

— Ты слыхала правильное слово. Сейчас я собираюсь объявить об этом.

— Прежде чем ты это сделаешь, я должна предупредить. Я не одобряю убийства. И все Дочери Жизни тоже. Это противоречит нашим убеждениям. Мы не можем участвовать в кровопролитии. Животные являются животными, потому что не знают о смерти. И убивать их просто так нельзя. Мы убиваем, только когда голодны. Все остальное — убийство. Ты должна понять, что мы не можем...

— Молчать! Сделаешь, как тебе прикажут. Иначе станешь предательницей.

— То, что ты называешь предательством, мы называем Даром Жизни, — холодно возразила Энге. — У нас нет выбора.

— Зато у меня есть. Я могу приказать немедленно перебить всех до последнего.

— Можешь. Но тогда ты сама будешь виновата в убийстве.

— Я почувствую не вину, а только гнев. И ненависть вместе с презрением к моей эфенселе, которая предаст свой народ. Я не убью тебя: вы нужны мне для тяжелой работы. Все твои будут закованы до нашего возвращения. И ты вместе с ними. Ты лишаешься своих привилегий. Я отказываюсь от тебя, ты больше не моя эфенселе. Будешь работать со своими Дочерьми и умрешь среди них. Ничья эфенселе, презренная предательница. Вот твоя участь.

Глава седьмая

*Alitha thurlastar, hannas audim
senstar, linga periar amlī, sammad
aga deinarmal na mer ensi edo.*

*Оленя убивают, мужчина гибнет,
женщина стареет, только саммаг
живет.*

Керрик как обычно сидел на корме лодки и приглядывал за огнем. Но это была детская работа, а он хотел грести вместе со всеми. Амагаст разрешил ему попробовать, но весло оказалось огромным, и мальчик не справился с ним. Наклонившись, он щурил глаза, вглядываясь в туман, но ничего не мог разглядеть. Детскими голосами рыдали над головой невидимые морские птицы. Лишь мерный рокот волн где-то слева позволял выдерживать направление. Все помнили про Хастилу, утянутого под воду, и изо всех сил налегали на весла: люди хотели наконец закончить путешествие.

Керрик понюхал воздух, поднял голову, вновь понюхал.

— Отец! — окликнул он Амагаста. — Дым, я чувствую дым!

— И мы, и мясо пахиваем дымом, — сказал Амагаст, налегая на весло. Неужели саммаг близок?

— Нет, это не наш запах! Свежий — его несет ветер спереди. Послушай волны, разве они не переменились?

Волны действительно стали другими. Дым еще можно было перепутать с запахом шкур и мяса. Но не волны.

Звук их становился все тише. И вот там, где в море вливалась большая река, показались шатры саммада. Набегавшие с океана валы затихали в потоке пресной воды.

— К берегу! — приказал Амагаст, сильнее наваливаясь на весло.

Небо светлело, туман расходился. За криками чаек путешественники услышали женский голос и ответили на зов.

Едва солнце пробилось сквозь туман, молочная пелена его стала рассеиваться быстрее. Отчетливо проступил берег. Шатры, дымящиеся костры, мусорные кучи — знакомый домашний беспорядок. Лодку заметили, поднялся громкий крик. Люди повыскакивали из палаток. Все радостно кричали. С лужайки, где паслись мастодонты, доносились знакомые трубные звуки. Наконец-то дома...

Мужчины и женщины, стоя по колено в воде, радостно махали прибывшим. Но радостные крики быстро умолкли, едва пересчитали вернувшихся. На охоту отправились пятеро. Вернулись только трое. Едва днище лодки заскрипело о песок, ее подхватили и вытащили на берег. Все молчали. Только Алет, женщина Хастилы, в ужасе вскрикнула, вскоре к ней присоединились голоса женщины и детей Дайкина.

— Оба мертвы, — сразу сказал Амагаст, чтобы ни у кого не оставалось напрасных надежд, чтобы погибших не ждали более. — И Дайкин, и Хастила. Они среди звезд. Многие ли отсутствуют в саммаде?

— Алкос и Кассис отправились вверх по реке за рыбой, — сказала Алет. — Только их нет.

— Пошлите за ними, — распорядился Амагаст. — Собирайте шатры, грузите на животных. Сегодня же уходим в горы.

Поднялся шум, все запротестовали: люди не были готовы вот так срываться с места. Во время перехода стоянку можно сворачивать хоть каждое утро: в походе все всегда под рукой. Не так было сейчас. Летняя стоянка раскинулась по обоим берегам небольшой речки, и шатры, меха, корзины и прочий скарб в беспорядке были разбросаны по всему лагерю.

Огатир громко закричал, заглушая плач женщин:

— Делайте, как велел Амагаст, или мы все погибнем в снегах! Поздняя осень, дальняя дорога!

Ничего более Амагаст не стал говорить. Причина эта была не хуже прочих. Во всяком случае, лучше, чем истинная, которую нечем было подтвердить. Он чувствовал, что за ними следят. Ему ли, охотнику, не знать, что чувствуешь, когда из охотника становишься добычей. А весь этот день и день перед сегодняшним днем он испытывал на себе чей-то взгляд. Сам он не видел никого, и море было пустынным, когда глаза его обращались к волнам. Но он чувствовал, что там есть что-то. И не мог забыть, что Хастилу утянуло под воду и волны не отдали тело. Теперь Амагаст хотел поскорее убраться отсюда, сегодня же. Следовало быстрее собрать травы, привязать их к мастодонтам и отвернуть лицо от моря и от всего, что кроется в нем. Пока они вновь не окажутся среди родных гор, он не сможет почувствовать себя в безопасности.

И хотя он заставил всех работать не покладая рук — чтобы собраться, потребовался целый день. Нелегкое дело — сворачивать летний лагерь. Разбросанные вещи надо было собрать и упаковать, не забыть переложить щупальца хардальтов с сушильных шестов в корзины. Для всех припасов корзин не хватило, и когда Амагаст приказал, чтобы часть добычи оставили, начались жалобы и стоны. Не было времени даже оплакать мертвых, пора было трогаться.

Солнце уже опускалось за горы, когда они наконец собрались. Придется идти всю ночь — не впервые. На чистом небе узеньким серпом сиял месяц, тхармы воинов ярко горели над головами, они помогут найти путь. После долгих уговоров, трубя и размахивая хоботами, отвыкшие от упряжки мастодонты позволили запрячь себя. Они разрешили мальчишкам забраться на мохнатые спины и, медленно вращая глазами, следили, как привязывают шесты. По два шеста к каждому зверю, они закреплялись по обоим бокам, между шестами привязывались поперечины, на них грузили шатры и припасы.

Керрик сидел на спине огромного самца Кару. Он устал, как и все, но радовался, что саммад наконец уходит. Уж он-то больше всех хотел оказаться как

можно дальше от океана. Из всего саммада лишь он один видел руки, утащившие Хастилу под воду. Темные руки океана, морской скользкой твари...

Он глядел на море, и вдруг его оглушительный вопль прорезал общий шум. Все умолкло, повернувшись к океану, а он показывал туда рукой и кричал.

Из вечерней темноты появились черные силуэты. Низкие черные лодки без весел неслись вперед, гораздо быстрее любой лодки тану, прямой и четкой линией, словно набегающая на берег волна. Они не остановились в воде, а влетели на берег, и из них показались фигуры мургу.

Когда они начали вылезать из лодок, старый Огатир был возле воды и ясно видел их. И понял, что это.

— Из тех, что мы убивали на пляже!

Ближайший к нему мараг поднял длинную палку и сжал ее обеими руками. Раздался громкий треск, боль пронзила грудь Огатира, и старик упал.

Треск раздавался со всех сторон. Он заглушал крики ужаса и боли.

— Они бегут! — кричала Вейнте', посылая атакующих вперед. — За ними! Чтобы ни один не ускользнул!

Она первой ступила на берег, это ее хесотсан сразил первого устузоу. И она хотела только убивать...

Это была бойня, а не битва. Иилане' убивали без разбора все живое: мужчин, женщин, детей, животных. Среди нападавших убитых почти не было. Охотники даже не успели взять луки. Они рванулись вперед с копьями в руках, но были сражены прежде, чем сумели воспользоваться оружием.

Тану оставалось только бежать, вышедшие из моря убийцы преследовали их. Перепутанные женщины с детьми пробежали мимо Кару, и мастодонт, высоко подняв голову, испуганно затрубил. Керрик отчаянно вцепился в густую шерсть, чтобы не свалиться, а потом по длинной жерди сполз на землю и побежал за копьем. Вдруг сильная рука схватила его и повернула.

— Беги! — приказал отец, — спасайся в горах!

Амагаст стремительно повернулся: из-за мастодонта появился один из мургу и перепрыгнул через деревянный шест. Пока фарги прицеливалась, Амагаст пронзил ее копьем и тут же вырвал его.

Вейнте' увидела, как упала убитая, и ее охватила жажда мести. Окровавленный наконечник был обращен теперь к ней, но она и не думала спастись — она стояла, подняв хесотсан, и, несколько раз нажав на него, быстрыми выстрелами повалила устузоу, прежде чем тот сумел добежать до нее.

Маленького устузоу она не заметила, пока острая боль не пронзила ногу... Заревев от боли, она свалила это существо наземь, ударив тупым концом хесотсана.

Рана оказалась болезненной, но не серьезной, однако Вейнте' потеряла много крови. Пока она осматривала рану, ярость утихла. Вейнте' переключила внимание на схватку вокруг.

Битва заканчивалась. Едва ли кто-нибудь из устузоу остался в живых. Одни трупы валялись повсюду — среди корзин, на шестах и шкурах. Атаковавшие с моря уже соединились с теми, кто заходил с тыла. В юности, охотясь в море, они часто брали добычу в кольцо. На земле этот прием тоже превосходно сработал.

— Сейчас же прекратите убивать! — приказала Вейнте'. — Передайте всем! Остановитесь! Мне нужно несколько живых. Я хочу поподробнее узнать об этих лохматых зверях.

Это были просто животные, умеющие использовать острые камни, она уже понимала. Еще они могли делать разные предметы, обладали примитивной социальной организацией, умели использовать крупных животных — их теперь убивали, пресекая паническое бегство. Все свидетельствовало о том, что раз существует одна такая группа, значит, есть и другие. А если так, необходимо узнать все, что возможно, об этих животных.

У ног ее шевельнулся и заскулил малыш, которого она свалила хесотсаном. Она позвала оказавшуюся рядом Сталлан.

— Охотница, свяжи этого, чтобы не убежал. Брось в лодку.

В мешке на ремешках у нее еще остались иглы. Следует возместить истраченные в бою. Хесотсан сыт и будет стрелять еще некоторое время. Она ткнула его пальцем, отверстие открылось — можно было вставлять новые иглы.

Появились первые звезды, последний красный мазок заката таял за горами. Вейнте' жестом велела фарги принести плащ из лодки и с удовольствием укуталась в его теплую полость. Привели пленников.

— Это все? — спросила она.

— Нашими воинами трудно управлять, — ответила Сталлан. — Когда начинаешь убивать, трудно остановиться.

— Полно, я знаю сама. Все взрослые убиты?

— Все. Этот детеныш прятался под шкурой, я вытащила его. — Она тащила ребенка за длинные волосы, тот выл от боли. — Этого, самого маленького, я нашла за пазухой убитой матери. — Она протянула младенца нескольких месяцев от роду.

Вейнте' с отвращением поглядела на крошечное безволосое создание в руках охотницы, привычной ко всяким отвратительным существам... Ей стало дурно от мысли, что она может прикоснуться к подобной твари! Но она — Вейнте', она — эйстаа и должна уметь все, на что способна простая иилане'. Медленно протянув руки, она взяла егозящее существо. Оно было теплым, теплее плаща, даже горячим. Приятная теплота на миг убавила отвращение. Пока она, разглядывая, крутила беспомощного младенца, тот раскрыл розовую беззубую пасть и завопил. Струйка горячих экскрементов потекла по руке Вейнте'. Недолгое приятное ощущение вновь сменилось отвращением.

Слишком уж, слишком отвратительное создание. Размахнувшись, она с размаху швырнула его на ближайший камень. Существо умолкло, а Вейнте' направилась к воде отмываться, по пути крикнув Сталлан:

— Довольно. Вели всем возвращаться в лодки. Только пусть убедятся, что живых больше нет.

— Уже сделано, высочайшая. Все убиты. Конец им.

Так ли, думала Вейнте, погружая руки в воду. Конец ли? Победа не принесла радости, почему-то ее охватило глухое уныние.

Конец... или только начало?

Глава восьмая

Энге прижалась к стене, наслаждаясь теплом нагревателя. Хотя солнце уже встало, в городе еще чувствовался утренний холодок. Вокруг пробуждались растения и животные, населяющие Алпеасак. Все было обычно, ничто не привлекало внимания. Под ногами решетчатый пол, уложенный на толстый слой сухих листьев. В листьях шуршали жуки и другие насекомые, копошилась мышь. Начинающийся день пробуждал жизнь. Высоко в небе над кроной огромного дерева светило солнце. Водяные пары уходили из устьиц листьев, их сменяла вода, медленно поднимавшаяся по сосудам деревьев, лиан, ползучих растений; миллионы корневых волосков впитывали эту воду из почвы. Брошенный плащ присосался щупальцами к соконосу.

Для Энге все было естественно, словно воздух — переплетение взаимосвязанных жизненных форм вокруг. Иногда она думала об этом. Но не сегодня, только не после того, как она услышала... Подумать только — гордиться истреблением целого вида! Как хотела она поговорить с этими глупыми хвастуньями, объяснить им значение жизни, заставить их понять весь ужас преступления, которое они совершили. Жизнь уравнивает смерть, словно море — воздух. И если ты убиваешь жизнь — убиваешь себя саму.

Какая-то фарги, потянула ее за связанные руки. Она не понимала, зачем эта веревка, и не знала, как следует обращаться к Энге. Юная фарги видела, что Энге из высочайших, но ведь руки ее связаны, как у нижайшей... У нее не хватало слов, и только прикосновением она могла привлечь к себе внимание.

— Эйстаа хочет, чтобы ты пришла, — сказала фарги.

...Когда Энге вошла, Вейнте' сидела на троне из живой коры городского дерева. На столе возле нее находились запоминающие существа. От лба одного из них отходил волосок, тянувшийся в складку угункшаа, говорителя-памяти. Угункшаа негромко бормотал, а на органической линзе его шевелилось черно-белое изображение той иилане', что наговорила в запоминающее животное. Вейнте' выключила угункшаа, едва Энге вошла, и взяла в руку каменный наконечник копья, лежавший рядом.

— Приблизься, — приказала она.

Энге подчинилась. Схватив каменное лезвие, Вейнте' замахнулась им... Энге не дрогнула, не отшатнулась. Вейнте' схватила ее за руку.

— В тебе нет страха, — сказала она, — но ты видишь, как остер этот камень, он не хуже наших струнных ножей.

Она сняла живые путы, и руки пленницы освободились. Энге осторожно потерла кожу.

— Ты освобождаешь нас всех? — спросила она.

— Не будь слишком жадной. Только тебя, мне необходимо твои знания.

— Я не стану помогать тебе убивать.

— Этого от тебя и не требуется. С убийствами закончено.

На время, подумала она, понимая, что об этом Энге лучше не говорить. Солгать она не могла, сама идея лжи была ей абсолютно чужда, как и всем иилане'. Невозможно лгать, когда каждое движение тела выдает тебя. Иилане' могли утаить свои мысли, только умолчав о них. И в такой скрытности Вейнте' была весьма опытна. Теперь она прибегла к ней потому, что нуждалась в помощи Энге: пришло время учиться.

— Когда-то ты, кажется, занималась языками?

— Ты знаешь это, мы занимались вместе с Иилеспен, я была ее первой ученицей.

— Была. Первой и лучшей. Прежде чем тебе в голову пролезла гниль. Я помню, ты наблюдала, как общаются дети, а иногда и сама прибегала ко всяким дурачествам, чтобы привлечь их внимание. Я знаю, ты даже подслушивала разговоры самцов. Это озадачивает меня. Слу-

шать этих глупцов, глупейших из глупых... Что можно от них узнать?

— У них особый язык, они общаются на нем, когда нас нет поблизости...

— Я говорю не об этом. Я имею в виду — зачем изучать подобное? Какая разница, как они говорят?

— Это очень важно. Мы — это язык, язык — это мы. Нет языка — и мы немые. Ничем не лучше животных. Подобные размышления и исследования и подтолкнули меня к великой Угуненапсе и ее учению.

— Было бы куда лучше, если бы ты занималась лишь языком и не лезла, куда не следует. Те из нас, кто становятся иилане', должны, вырастая, научиться говорить. Это факт, иначе ни тебя, ни меня не было бы здесь. Разве можно научить молодую разговаривать? Сама эта идея, на мой взгляд, отвратительна и глупа. Такое возможно?

— Возможно, — ответила Энге. — Я делала подобное. Это нелегко, большинство молодых не хотят ничего слушать, но такое возможно. Я использовала методику дрессировки лодок.

— Лодки глупы, как плащи: они умеют понимать лишь несколько команд.

— Но метод тот же.

— Хорошо... — Вейнте' искоса внимательно взглянула на нее и заговорила, осторожно подбирая слова: — Значит, ты можешь научить животное говорить и понимать тебя?

— Только понимать — не говорить. Несколько простейших команд, если мозг его достаточно велик. Чтобы говорить, нужен голосовой аппарат и области мозга, которых нет у животных.

— Но я слыхала, как животные говорят.

— Не говорят, а повторяют заученные звуки. На такое способны и птицы.

— Нет, я имею в виду речь. Общение между собой.

— Это невозможно.

— Я говорю о лохматых животных, о грязных устузоу.

Энге начала понимать, что Вейнте' имеет в виду, и, вздохнув, кивнула.

— Если у этих существ есть кое-какой разум — а грубые орудия свидетельствуют об этом, — не значит

ли это, что они могут и разговаривать между собой? Весьма необычная мысль. Ты слыхала, как они говорят?

— Слыхала. И если ты захочешь — тоже услышишь. Мы доставили сюда двоих. — Она махнула проходящей фарги. — Разыщи охотницу Сталлан и немедленно приведи ко мне.

— Как себя чувствуют животные? — осведомилась Вейнте', когда Сталлан появилась.

— Я вымыла их, обследовала повреждения — одни синяки. И весь этот грязный мех тоже убрала с головы. Покрупнее — самка, меньший — самец. Они пьют воду, но ничего не едят из того, что я предлагала. Только будь осторожна с ними.

— Я не собираюсь к ним приближаться, — ответила Вейнте', вздрогнув от отвращения. — К ним отправится Энге.

Сталлан повернулась к пленнице.

— К ним следует всегда стоять лицом. К дикому зверю нельзя поворачиваться спиной. Маленький кусается. У них когти, я для безопасности связала их.

— Я сделаю так, как скажешь.

— И еще... — сказала Сталлан, достав небольшой мешочек. — Когда я чистила зверей, на шее самца оказалось вот это. — Она положила небольшой предмет на стол перед Вейнте'.

Это было что-то вроде ножа, сделанного из металла. На тупом конце его было пробито отверстие и нацарапаны какие-то рисунки. Вейнте' нерешительно потрогала его большим пальцем.

— Тщательно сработано, — произнесла Сталлан.

Вейнте' взяла предмет и принялась изучать его.

— Рисунки мне понятны, металл неизвестен, — сказала она. — Где эти животные могли найти такое? Кто это сделал? И металл... откуда взялся металл? — Кончиком пальца она попробовала лезвие. — Совсем тупой. Зачем он?

Ответов на эти вопросы не было, да Вейнте' их и не ожидала. Она передала кусок металла Энге.

— Вот еще одна тайна, которую ты должна разгадать, когда выучишь язык этих существ.

Энге посмотрела на него и вернула Вейнте'.

— Когда я могу их увидеть? — спросила она.

— Сейчас же, — ответила Вейнте'. Она сделала знак Сталлан. — Отведи нас к ним.

Сталлан привела их по коридорам города к темному и высокому проходу. Знаком приказав соблюдать молчание, она распахнула окошко в стене. Вейнте' и Энге заглянули в комнату. Других отверстий не было — свет проходил только через прочный экран высоко над головой.

На полу лежали два отвратительных небольших существа, словно две капли воды похожих на убитого, труп которого Энге видела на амбесиде. Голая кожа на голове была исцарапана: их побрили. Без меха на голове и этих вонючих шкур, в которые они кутались, было видно, что они полностью покрыты противной, воскового цвета, шкурой, без каких-либо оттенков. Самочка, что была покрупнее, лежала ничком. Она то и дело подвывала. Самец сидел возле нее на корточках и издавал негромкие ворчащие звуки. Так продолжалось довольно долгое время, наконец вой утих. Тогда самка начала издавать и другие звуки. Вейнте' жестом велела Сталлан закрыть окошко и идти.

— Может быть, это их речь, — взволнованно произнесла Энге. — Но они почти не шевелятся, когда издают звуки, меня это смущает. Потребуется исследование. Интересна сама концепция: на чем основывается совершенно чуждый язык устузоу, так отличающихся от всех известных животных. Огромная, потрясающая задача.

— В самом деле. Настолько потрясающая, что я приказываю тебе научиться их речи и уметь разговаривать с ними.

Энге знаком выразила согласие.

— Ты не можешь приказать мне мыслить, эйстаа. Даже твоя власть не простирается в чужой разум. Я буду изучать речь этих животных, потому что хочу этого.

— Меня не интересуют выдуманные тобой причины, если ты повинешься.

— А зачем ты хочешь понимать их? — осведомилась Энге.

Вейнте' тщательно выбирала слова, чтобы не выдать истинные намерения.

— Как и ты, я нахожу нелепой мысль о том, что животные могут разговаривать. Или ты считаешь меня не способной к умственной работе?

— Прости мое недоверие, Вейнте'. В нашем эфенбур-у ты во всем была первой. Ты вела нас, потому что все понимала, а мы нет. Когда начать?

— Сейчас. В этот миг. Что ты будешь делать?

— У меня нет пока идей, ведь никто раньше не делал ничего подобного. Разреши мне подойти к окну и послушать. Быть может, у меня появится план.

Вейнте' молча удалилась, невероятно довольная тем, что ей удалось совершить. Сотрудничество Энге было необходимо. Если бы она отказалась, пришлось бы послать сообщение в Инегбан, а потом долго ожидать, пока там подберут и пришлют кого-нибудь, способного общаться с дикими зверями. Если только они и впрямь разговаривали, а не издавали случайные звуки. Это Вейнте' хотела знать немедленно: существование этих зверей сулило еще не одну беду. Следовало знать все — для безопасности города.

Прежде всего она должна знать, где и как живут лохматые звери. Как размножаются. Это первый этап.

А потом их надо будет убить. Всех. Стереть с лица земли. Ведь несмотря на примитивный рассудок и грубые каменные орудия, они просто жалкие звери. Но смертельно опасные, способные убивать без пощады... даже самцов и молодняк. Устузоу погибнут.

Из тьмы, задумавшись, Энге следила за существами. Вейнте' ни единым словом, ни единым жестом не выдала своих намерений. Одно неверное движение — и Энге наверняка раскусила бы ее. Но этого не произошло, и все мысли Энге полностью были поглощены захватывающей лингвистической проблемой.

Почти половину дня она молча наблюдала, слушала, смотрела, тщетно пытаясь что-либо понять. Но так ничего и не поняла. К концу дня, правда, появились некоторые проблески плана дальнейших действий. Она закрыла окошко и отправилась на поиски Сталлан...

— Я буду с тобой, — проговорила охотница, отпирая дверь, — они опасны.

— Недолго. Потом они успокоятся, и я смогу быть с ними одна. Тогда ты будешь стоять снаружи. Я позову, если понадобится.

Легкая дрожь пробежала по гребню Энге, пока Сталлан открывала дверь. Она ступила внутрь; от мерзкой вони, издаваемой животными, ее затрясло. Как в логове зверя. Но разум одолел физическое отвращение, и Энге не вздрогнула, когда за ней затворилась дверь.

Глава девятая

*Kennep at halikaro, kennep at
hargoro, ensi naudinz ar sen eret
skarpa tharm senstar et sano
laval.*

*Мальчик может быть легконогим
и сильноруким, но он не охотник,
пока тхарм зверя не будет извлечен
наконечником его копья.*

— Они убили мою мать, они убили брата, я видела, — говорила Исель. Она уже перестала отчаянно рыдать, но глаза еще были полны слез и щеки мокры от соленой влаги. Она утерлась тыльной стороной руки и вновь ощупала бритую голову. — Они убили всех.

А мальчик ни разу не всхлипнул. Быть может, потому, что девчонка всю дорогу захлебывалась визгом. Она была старше его на пять или шесть лет, но орала словно младенец. Керрик понимал ее, плакать — дело простое. Нужно только внутренне сдаться. Но он не сдавался. Охотник не плачет, а ведь он уже был на охоте. С отцом, величайшим из охотников. С Амагастом. Теперь он мертв, как и все из саммада. К горлу Керрика подкатил комок при этой мысли, но он не заплакал. Охотник не плачет.

— Керрик, они не убьют нас? Не убьют, ведь правда же? — спросила Исель.

— Да.

Она обняла мальчика и вновь зарыдала. Это было неправильно. Только маленькие дети ведут себя подобным образом. И хотя это было запрещено, он не мог

скрыть удовольствия от ее прикосновения. Он тронул ее небольшие плотные грудки. Он прикоснулся к ним еще раз, она оттолкнула его и зарыдала еще громче. Он встал и с пренебрежением отошел. Глупая девчонка, она никогда не нравилась ему. Они прежде даже никогда не разговаривали. Но теперь их осталось двое, и она, видите ли, решила, что их отношения изменились. Она решила, но только не он. Как было бы хорошо, если бы на ее месте оказался кто-нибудь из его друзей. Но все они убиты — воспоминание это пронзило его. Из всего саммада никто не остался в живых. Теперь их очередь. Исель не понимает этого, не понимает, что сами они не в состоянии ничего сделать.

Он снова и снова внимательно оглядывал помещение, но в деревянной пещере не было ничего: ни палки, ни камня — словом, никакого оружия. Не было и пути к спасению. Тыквы с водой слишком легки. Ими и ребенка не ушибешь. Тем более мургу, притащивших их сюда. Взяв одну из тыкв, он глотнул — в пустом желудке заурчало. Он был голоден, но все-таки не настолько, чтобы есть это мясо. От одного вида мерзкой снеди его тошнило. Ни сырое, ни жареное: оно липкой массой свисало с кости. Он тронул мясо пальцем, и его пере-дернуло. Вдруг дверь скрипнула и отворилась.

Исель прижалась к стене и отчаянно завопила, закрыв глаза. Керрик же, наоборот, встал лицом к двери, стиснул кулаки. Он жалел только, что у него нет копья... Если бы только было копье...

На этот раз появились две мургу; может, он уже видел их, может, нет. На первый взгляд, никакой разницы, все они на одно лицо. Огромные, чешуйчатые, толстохвостые, они были покрыты отвратительными пятнами, на спинах топорщились уродливые гребни. Эти мургу ходили как тану и умели брать предметы уродливыми клешнями с двумя большими пальцами.

Когда они вошли, Керрик медленно отступил, потом еще... пока спиной не коснулся стены... Отступать было уже некуда. Они смотрели на него равнодушными глазами, и он вновь затосковал... копье бы... Одна из мургу дернулась и повела руками, издавая мяукающие звуки. Керрик так прижался к стене, что заболели лопатки.

— Они еще ничего не ели? — спросила Энге.

Сталлан сделала отрицательный жест и указала на тыквы.

— Хорошее мясо, обработанное энзимами, годное в пищу. Сами они обжаривают мясо, и я решила, что сырое они не станут есть.

— А фрукты ты им не предлагала?

— Нет, они едят мясо.

— Может быть, они всеядны. Мы немного знаем об их привычках. Принеси фруктов.

— Я не могу оставить тебя с ними одну. Сама Вейнте' приказала мне охранять тебя, — произнесла охотница дрогнувшим голосом, не зная, что делать.

— Я справлюсь с обоими маленькими зверями, если придется. Они уже на тебя нападали здесь?

— Когда их только принесли. Самец злобный. Пришлось побить, чтобы прекратил злиться. Но с тех пор не нападал.

— Я в безопасности. Ты выполнила приказание эйстаа, а теперь исполняй мое.

Сталлан не оставалось выбора. Она нерешительно вышла, и Энге задумалась. Как же вступить в общение с этими существами? Самка лежала лицом к стене, издавая все тот же высокий звук. Небольшой самец молчал, еще бы — он глуп, как положено самцу. Энге наклонилась, приподняла самку за плечо и постаралась повернуть лицом к себе. Оказалось, что к теплой шкуре животного можно прикоснуться без отвращения. Вой усилился — и внезапно острая боль пронзила ей руку.

Завопив от неожиданности Энге тряхнула рукой — самец покатился на землю. Зубы зверя прокусили ей кожу, выступила кровь. Выставив вперед когтистую руку, она разгневанно зашипела.

Зверь на четвереньках пополз в сторону. Она нагнулась над ним. И остановилась, осознав свою вину.

— Да, мы виноваты, — сказала она, едва гнев отступил. — Мы убили почти всю твою стаю. Тебя нельзя винить в твоём поступке. — Потерев укушенную руку, она поглядела на яркое пятно крови.

Дверь отворилась, вошла Сталлан с тыквой, полной оранжевых фруктов.

— Самец укусил меня, — спокойно сообщила Энге. — Они не ядовиты?

Отбросив тыкву в сторону, Сталлан бросилась к ней, взглянула на рану и занесла кулак над съежившимся самцом. Легким прикосновением Энге остановила ее.

— Не надо. Это я виновата. Как укус?

— Неопасен, если вовремя очистить рану. Пойдем, я ее обработаю.

— Нет, я останусь здесь. Не следует обнаруживать страх перед этими зверями. Со мной все будет в порядке.

Сталлан неодобрительно покачала головой, но подделать ничего не могла. Она торопливо вышла наружу и вскоре возвратилась с деревянным ящичком. Она достала из него бутылку с водой и промыла рану, потом сняла крышку с нефмакела и положила его на руку Энге. Влажное прикосновение пробудило дремлющее животное, и оно прилипло к ране, выделяя антибактериальную жидкость. После чего Сталлан достала из ящика две узловатые черные шишки и произнесла:

— Придется связать самцу руки и ноги. Уже не впервые. Слишком злобный.

Маленький самец пытался спастись, но Сталлан поймала его, швырнула на пол и коленом придавила спину, придерживая одной рукой. Другой она схватила живые путы, обернула их вокруг лодыжек зверя и вставила хвост веревки в ее пасть. Повинуясь рефлексу, живая веревка глотнула свой хвост, тело ее напряглось. Когда самец оказался надежно связанным, Сталлан отпихнула его в сторону.

— Я останусь и буду тебя охранять, — произнесла она. — Я должна. Вейнте' приказала тебя защищать. Я отлучилась на миг, и ты ранена. Я не могу допустить этого более.

Энге жестом выразила вынужденное согласие. Поглядела на брошенную тыкву и раскатившиеся по полу фрукты. Она указала на распростертую на полу самочку.

— Я возьму эти круглые сладости. Ты поверни ее лицом ко мне, чтобы она меня видела.

Исель отчаянно завопила, когда холодные руки марага схватили ее, грубо развернули и прислонили к стене. Она вцепилась зубами в костяшки пальцев. Второй мараг, тяжело ступая, подошел поближе, остановился, топнул и поднял вверх апельсин. Рот его медленно

раскрылся, обнажив два ряда остроконечных зубов. Издав громкий вопль, он помахал апельсином в воздухе, одновременно царапая пол когтями. Исель только стояла от страха, не чувствуя, что прокусила кожу на пальцах, и кровь заструилась по ее подбородку.

— Это фрукт, — сказала Энге, — Крутлый, сладкий, хороший, чтобы есть. Наполняет живот, ты радуешься. Еда дает силы. А теперь делай, как я велю! — Сначала она уговаривала, а потом стала приказывать: — Ты возьмешь этот фрукт и съешь!

Заметив кровь, она поняла, что зверь поранил себя сам, и в негодовании отвернулась. Поставив тыкву с фруктами на пол, она знаком поманила Сталлан к двери.

— У них есть грубые орудия, — сказала Энге. — Ты говорила, что они сооружают что-то вроде укрытий, и даже крупные звери им служат. — Сталлан кивнула. — Должно же у них быть что-то похожее на разум?

— Но это не значит, что они должны уметь разговаривать.

— Верно подмечено, охотница. Но пока приходится предполагать, что у них есть язык, с помощью которого они общаются между собой. И мелкие неудачи не остановят меня. Смотри, самец шевелится. Должно быть, почуял запах фруктов. Реакция самцов всегда груба: голод сильнее страха перед нами. Но он все еще озирается, он дикий. Гляди! — крикнула она победно. — Ест! Первый успех. По крайней мере теперь его можно кормить. И смотри-ка, тащит фрукт самке. Альтруизм — признак интеллекта.

Но Сталлан недоверчиво качала головой.

— И дикие животные кормят своих детей. И охотятся вместе. Я видела. Это не доказательство.

— Может быть, но я все равно верю... Если простые команды могут понимать даже лодки, почему нельзя думать, что подобные твари способны на это?

— Значит, ты будешь обучать их тем же способом, что и лодки?

— Нет. Поначалу собиралась именно так и поступить, но теперь хочу достигнуть более высокого уровня понимания. При обучении лодок приходится обеспечивать положительное и негативное подкрепление немногих команд. Ошибки наказываются электрическим ударом,

кусочком еды поощряется правильный ответ. Такое обучение пригодно для лодок, а этих животных я не собираюсь учить, с ними я должна разговаривать.

— Говорить трудно. Многие из тех, кто вышел из моря на сушу, так и не научились этому.

— Ты права, охотница, все дело в развитии: молодняк с трудом осваивает взрослую речь, но в море, ты помнишь, они разговаривают между собой.

— Тогда учи этих зверей детской речи. Ее-то они должны освоить.

Энге улыбнулась.

— Прошло много лет с тех пор, как ты разговаривала по-детски. Ты помнишь, что это значит?

Она подняла руку, и зеленая ладонь медленно покраснела, она пошевелила пальцами. Сталлан улыбнулась.

— Каракатицы. Много.

— Ты помнишь. Но разве ты не видишь, как важен цвет ладони? Без этого не поймешь смысла моей речи. А эти лохматые умеют менять цвет ладоней?

— Не думаю. Я никогда не видела этого. А тела у них бело-красные.

— Может быть, в их речи это важно...

— Если только она у них есть.

— Действительно — если. Я должна пристальнее приглядеться к ним, прежде чем они начнут издавать звуки. Но велика необходимость заставить их разговаривать как иилане'. Начнем с простейших выражений. Они должны понять полноту общения.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Тогда я покажу, чтобы ты поняла. Слушай мои слова внимательно. Готова? Ну... Мне тепло. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Мне тепло. Это утверждение. Полнота его следует из обеих частей утверждения. А теперь я скажу медленнее. Мне... тепло. Я слегкадвигаю большим пальцем, глядя вверх, и произношу слово «тепло», чуть приподняв хвост. И все это: произнесенные звуки и точные жесты вместе складываются в полное выражение.

— Я никогда не думала о подобном... Даже голова заболела.

Энге расхохоталась и жестом показала, что понимает шутку.

— В твоих джунглях я заплутаюсь так же, как ты в джунглях речи. Ею занимаются немногие: все здесь так сложно и трудно. И первый шаг для понимания требует осознать филогению языка.

— Теперь голова уже сильно болит. И ты думаешь, что эти звери сумеют понять такое? Когда даже я не понимаю, о чем ты ведешь речь...

Сталлан показала на зверей, испуганно прильнувших к стене. В тыкве ничего не осталось, кусочки шкурки были разбросаны по полу.

— Ничего сложного я им объяснять не стану. Просто я хотела тебе сказать, что история нашего языка повторяет наше жизненное развитие. Когда мы юными оказываемся в море, говорить не умеет никто, и мы ищем помощи у подружек по эфенбуру, вошедших в воду вместе с нами. Мы умнеем, видим, как взрослые разговаривают между собою. Простые движения ног и рук, изменение цвета ладоней... Мы становимся старше и учимся, учимся, и когда выходим на сушу, уже можем и жестом дополнять звуки, и так далее, пока не становимся настоящими иилане'. Отсюда моя нынешняя задача. Как научить нашему языку существ с иным жизненным циклом? Или у них он такой же? Быть может, после рождения они тоже сначала живут в воде.

— Мои знания об этом далеки от совершенства, но ты должна помнить: этот вид устузоу нам почти неизвестен. Я очень сомневаюсь в том, что они могут жить в воде. Я ловила и выращивала некоторых из лохматых зверей, поменьше размером, — тех, что можно обнаружить в джунглях. У всех есть кое-что общее. Все они теплые, всегда.

— Я заметила. Очень странно.

— Остальное не менее странно. Погляди на этого самца. Видишь — у него одиночный пенис, который не втягивается должным образом. Ни у одной из разновидностей устузоу, которых мне приходилось ловить, не было нормального двойного пениса. Более того, я следила за их поведением при случке — оно отвратительно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что после оплодотворения яйца детеныша вынашивает самка. А когда он рождается, самки носят его при себе и кормят из мягких выростов на груди. Вон, видишь, в верхней части тела этой молодой самки.

— Действительно необычно. Ты считаешь, что их молодняк остается на суше? Значит, они не подрастают, как положено, в море?

— Правильно. Общая повадка у всех известных мне устузоу. Их жизненный цикл во всем отличается от нашего.

— Разве ты не понимаешь значения своих наблюдений? Если у них есть свой язык, они научаются ему по-другому, не так, как мы.

Сталлан жестом выразила согласие.

— Это я поняла, благодарю за объяснение. Но отсюда следует еще более важный вопрос. Если у них есть язык, как они обучаются говорить?

— Вопрос действительно важный, и я должна попытаться на него ответить. Но вынуждена честно признать, что не имею ни малейшего представления.

Энге поглядела на диких зверей, на липкие от съеденных фруктов лица. Они настороженно смотрели на нее. Как сумеет она найти способ общения с ними?

— А теперь оставь меня, Сталлан. Самец надежно связан, самочка неопасна. Когда я буду одна, им не на кого будет отвлекаться.

Сталлан долго размышляла, а потом нерешительно согласилась:

— Как велишь. Я согласна, что теперь опасность невелика. Но я буду здесь же, за дверью; оставляю ее незапертой и чуть приоткрытой. Позовешь меня, если они чем-то будут угрожать тебе.

— Позову. Я обещаю. А теперь начинается моя работа...

Глава десятая

В новом городе было много работы. Излишней... Приходилось исправлять ошибки прежней эйстаа, по справедливости умершей. Все эти хлопоты заполняли будни Вейнте' от первых лучей солнца до наступления тьмы. Погружаясь в сон, она завидовала ночным лодкам и другим существам, видевшим в темноте. Если бы она могла спать меньше хоть чуть-чуть — сколько всего можно было бы еще переделать. Бесплезная мысль, но как часто ночами она думала об этом... Мысли эти, конечно, не влияли на сон, — нельзя спать более беспокойно и тревожно, чем иилане'! Казалось, что, закрывая глаза, Вейнте' погружалась в глубокий сон, наподобие смерти. Но сон иилане' некрепок, его может нарушить любой шорох. Много раз в ночной тьме поднимала Вейнте' голову, встревоженная криками зверей. Глаза ее открывались, какой-то миг она вслушивалась. Потом, если все было спокойно, она вновь засыпала. И только серый утренний свет пробуждал ее.

Этим утром она как всегда ступила на пол из теплой постели и ткнула ее ногой. Та начала сворачиваться. Вейнте' подошла туда, где из бесчисленных стволов и стеблей живого города выступало что-то вроде тыквы с водой. Вейнте' приложила губы к отверстию и напилась подслащенной воды. За спиной возле стены сворачивалась в длинный сверток постель. Она охлаждалась: до следующей ночи ложе эйстаа будет пребывать в коматозном состоянии. Ночью шел дождь, и влажный плетеный пол неприятно холодил пятки.

Вейнте' направилась к амбсиду. Следом за ней одна за другой пристраивались фарги.

Каждое утро перед началом работ руководительницы проекта и простые жительницы ненадолго приходили на амбесид, чтобы поговорить. Это открытое пространство было центром города, его сердцевиной, осью, вокруг которой крутились все дела.

Вейнте', направилась к своему излюбленному месту возле западной стены, куда падали первые лучи солнца. В глубокой задумчивости она не замечала рядовых жительниц, расступавшихся, чтобы пропустить ее. Ведь она эйстаа — та, что всегда идет по прямой. Кора дерева уже согрелась, и она с удовольствием ступала по ней под восходящим солнцем, зрачки ее сузились в вертикальные щелки.

С глубоким удовлетворением смотрела она, как пробуждается Алпеасак. Она гордилась своим высочайшим положением: ведь это был ее город. Она будет растить его, строить, отгораживать от диких лесов, покрывающих все чужеземное побережье. Она построит город и построит хорошо. Когда холодные ветры задуют над Инегбаном, новый город будет уже готов. И тогда сюда придет ее народ, иилане' будут жить здесь и чтить ее за дела. Но стоило об этом подумать, как вынырнула неприятная мысль: в день, когда это произойдет, она не будет здесь эйстаа. С остальными приплывет и Малсас<, эйстаа Инегбана, которой, быть может, суждено править и новым городом.

Быть может. Эту пару слов Вейнте' скрывала особенно тщательно и никогда не произносила вслух. Быть может. Время меняет все. Малсас< уже немолода, молодежь уже подталкивает ее снизу. Время меняет все. И самой Вейнте' суждено когда-нибудь перейти этот поток. А пока — надо строить, возводить новый город... и строить его хорошо.

На глаза Вейнте' попалась Этдиирг.

— Ты обнаружила, кто убивает наших животных? — спросила Вейнте'.

— Да, эйстаа. Большой черный устузоу с огромными клыками и острыми когтями... Клыки у него такие огромные, что торчат из пасти, даже если она закрыта. Сталлан расставила ловушки возле дыр, которые он проделал в заборе. Там его и обнаружили этим утром,

две удавки схватили его за ноги, третья — за шею и удушила.

— Снимите с него голову, а потом принесите мне его чистый череп.

Вейнте' показала, что разговор окончен, и поманила к себе Ваналпе'. Оставив беседу, биолог поспешила к ней.

— Расскажи мне о новом пляже, — попросила Вейнте'.

— Близок к завершению, эйстаа. Траву расчистили, терновник высок, кораллы у берега приживаются хорошо... Времени только мало прошло.

— Великолепно. Значит, уже можно думать о новых рождениях. Они сотрут память о происшествии на старом пляже.

Ваналпе' согласилась, но с чувством легкой вины выразила сомнение.

— Пляж готов, но еще не безопасен.

— Все та же проблема?

— Со временем мы решим и ее. Я работаю вместе со Сталлан. И мы верим — решение вот-вот найдется. Мы уничтожим зверей.

— Это необходимо. Самцы должны быть в безопасности. Чтобы случившееся не повторилось.

Вейнте' переговорила со всеми и ознакомилась с новостями. Настроение ее немного улучшилось. Но она думала об охотнице. Прошло какое-то время, а Сталлан не появлялась. Вейнте' поманила фарги и приказала разыскать охотницу. Наконец около полудня Сталлан появилась и села возле Вейнте' в тени листвы.

— Несу хорошие вести, эйстаа. Пляж скоро будет в безопасности.

— Если это так, приходит конец тяжелым для города временам.

— И аллигаторам. Мы нашли, где они размножаются. Я велела фарги доставить сюда все яйца, переловить весь молодняк. Они просто восхитительны на вкус.

— Я уже ела их и согласна с тобой. Значит, будем разводить их вместе с прочим мясным скотом?

— Нет, они слишком коварны и злобны. Для них возле реки строится особый загон.

— Очень хорошо. А что ты собираешься делать со взрослыми?

— Тех, кто слишком велик для ловушек, придется убить. Конечно, это обидная потеря мяса, но выбора нет. На ночных лодках мы до зари подберемся к ним и перебьем всех.

— Покажи, где они размножаются. Хочу поглядеть сама.

Вейнте' собралась покинуть амбесид. Становилось все жарче, и вокруг многие уже дремали, забившись в тень. Она отдыхать не намеревалась, слишком много еще оставалось дел.

Вейнте' и Сталлан медленно направились к пляжу, группа фарги, как всегда, плелась за ними. Жарко было даже в тени деревьев, и все время от времени ныряли в пруды, выкопанные для охлаждения у дороги. Они миновали болото, большая часть его еще не была расчищена. Оно густо заросло кустарником и пахучими травами, кишело крохотными кусачими насекомыми. Наконец болото кончилось, за густыми зарослями открылся песчаный пляж. Из высокой травы вверх тянулись приземистые пальмы и какие-то странные растения с плоскими листьями, утыканные длинными иглами. Земля эта, Гендаси, так отличалась от привычного мира. Она была полна неизведанного. И опасностей.

Впереди текла река, неторопливая и глубокая. У берега теснились лодки: их кормили приглядывающие за ними фарги. Когда фарги заталкивали в них порции мяса, из крошечных пастей стекали тонкие струйки крови.

— Мясо аллигаторов, — пояснила Сталлан. — Не выбрасывать же... Лодки теперь так раскормлены, что готовы размножаться.

— Тогда пусть поголодают. Они нужны нам сейчас в рабочем состоянии.

Вдоль речных берегов высились ветвистые деревья. Среди них были серые с массивными стволами; тут же росли тонкие и высокие деревья, покрытые зелеными тонкими иглами; выше всех вздымались красные гиганты, от которых во все стороны разбегались корни. Земля между деревьями была покрыта пурпурными и розовыми цветками, но наверху, среди ветвей, их было еще больше. Целые ветви были усеяны огромными бутонами. В джунглях кипела жизнь. В кронах кричали птицы, на

стволах улитки оставляли за собой красные влажные полосы.

— Богатая земля... — проговорила Вейнте'.

— Когда-то и Энтобан был таким, — сказала Сталлан. Расширив ноздри, она принюхивалась. — Когда города еще не разрослись от океана до океана.

— Ты думаешь, тогда повсюду так было?

Вейнте' попыталась осознать это. Такое трудно понять. А нам кажется, что города существовали от яйца времен...

— Я не однажды говорила об этом с Ваналпе'. Она мне объяснила. Жизнь цветет в новых землях Гендаси, давным-давно так было и в Энтобане, тогда иилане' еще не выращивали свои города.

— Конечно, ты права. Если мы все время выращиваем новые города, значит, когда-то существовал единственный город. И отсюда следует неутешительный вывод, что еще раньше городов не было вовсе. Такое возможно?

— Не знаю. Поговори об этом с Ваналпе', она как дома среди подобных головокружительных идей.

— Ты права. Я спрошу ее.

Тут Вейнте' обнаружила, что их слишком уж близко окружили фарги; с открытыми ртами они пытались понять смысл разговора. Движением руки она отослала их прочь.

Они приближались к местам размножения аллигаторов, только на этот раз большая часть огромных рептилий уже навсегда оставила эти берега. Уцелевшие держались осторожно и, завидев лодку, немедленно исчезали в воде. Самки прятались последними. Эти примитивные и тупые существа просто на удивление трогательно заботились о яйцах и молодняке. Впереди на берегу стояли лодки, возле них под палящим солнцем трудился отряд фарги. Вейнте' обратилась к надсмотрщице по имени Зекакот, наблюдавшей за работами из тени дерева:

— Расскажи, как идет работа?

— Прогресс значителен, эйстаа. В город отосланы две полные лодки яиц. Ловим сетями молодняк, они глупы и легко попадаютсся.

Она наклонилась над корзинкой и, ухватив за хвост маленького аллигатора, выпрямилась. Он шипел, извивался, пытался впиться в ее руку острыми зубками.

Вейнте' одобрительно кивнула.

— Хорошо, очень хорошо. И опасность исчезнет, и животы наполнятся. Хорошо, если бы наши проблемы всегда находили такое удачное решение... — Она обернулась к Сталлан: — Других мест размножения не обнаружено?

— Во всяком случае отсюда до города — нет. Когда мы окончим здесь, пойдем дальше вверх по реке, к болотам.

— Хорошо. Теперь, прежде чем возвращаться в город, глянем на новые поля.

— Я должна возвратиться к охотницам, эйстаа. Зекакот покажет дорогу, если ты согласишься.

— Я согласна, — ответила Вейнте'.

Ветер утих, неподвижный воздух почти обжигал. Лодки спустили в реку. Вейнте' заметила, что небо приобрело странный желтоватый цвет, она еще не видела такого. Здесь, на другом краю света, все было по-другому. Ветер стал усиливаться, теперь он переменил направление и дул в спину. Вейнте' повернулась и заметила на горизонте черную полосу.

— Зекакот, что это значит? — показала она.

— Не знаю. Какие-то облака. Я еще не видела ничего подобного.

Черные облака надвигались с немыслимой скоростью. Только что они казались пятнышками над кронами деревьев и вдруг заняли уже полнеба, вокруг сразу потемнело. И когда пришел ветер, он разил словно кулак. Одна из лодок, оказавшаяся боком к ветру, вдруг перевернулась.

Послышались крики, но тут же умолкли: всех выбросило в бурлящую воду. Лодка с плеском нырнула и вынырнула, иилане' метнулись в стороны, чтобы избежать столкновения с нею. Когда их с большими усилиями извлекли из бурных вод, оказалось, что никто не получил повреждений. Но все давным-давно позабыли океан своей юности и плавали плохо. Вейнте' выкрикивала указания, наконец одна из самых предприимчивых фарги, не побоявшаяся рискнуть в надежде повисить

свой статус, подплыла к нервничавшей лодке и вскарабкалась внутрь. Там с резким криком она ударила по нужному месту и сумела взять живое суденышко под контроль.

А вокруг злобно завывал ураган, грозя потопить другие лодки. Все иилане' прикрыли глаза мембранами, носовые перепонки защищали ноздри от капель дождя. И вдруг, покрывая рев ветра, в лесу раздался страшный треск — повалилось гигантское дерево, увлекая за собой соседние.

Вейнте' не могла перекрычать шум ветра, но все и так поняли ее приказ: держаться подальше от берега, чтобы не попасть под падающие деревья.

Лодки качались на крутых гребнях. Иилане' жались теснее друг к другу, пытаясь сохранить крохи тепла под холодным секущим дождем. Казалось, прошло довольно много времени, прежде чем ветер начал ослабевать и стал порывистым. Буря утихала.

— Назад в город! — приказала Вейнте'. — Быстро, как только возможно!

Невероятный ветер проложил целую просеку в джунглях, повалив даже самые высокие из деревьев. Не зацепила ли буря город? Наверняка. Ведь образующие город деревья еще так молоды, они еще растут. Хорошо ли они укоренились? Каков ущерб? Ужасная мысль эта мучила всех.

Ухватив связанное животное за шею, Сталлан сняла веревку, сдерживавшую брыкавшиеся ноги, и бросила его в клетку. Эта тварь полностью поглотила внимание охотницы, и она заметила перемену погоды, лишь закончив возню. Носовые клапаны ее открылись, она понюхала воздух. Что-то знакомое и... недоброе. Она прибыла в Гендаси с первой группой, той самой, что подыскала место для нового города.

Посовещавшись, прибывшие решили остановиться на побережье Алпеасака. Сталлан была в той группе, что осталась на берегу, после того как урукето отправился обратно в Инегбан. Остались самые сильные... Все были отлично вооружены и прекрасно представляли себе

опасности, которыми полны окрестные джунгли. И тогда их чуть не погубила неожиданная беда, уничтожившая все припасы, — буйный и яростный ливень, какого они еще не знали.

Все началось именно так: небо пожелтело, воздух словно замер и придавил землю. Заперев за собой клетку, Сталлан изо всех сил завопила: «Беда!» Все оказавшиеся поблизости фарги тут же повернулись к ней — это слово они выучили одним из первых...

— Ты — на амбесид, остальные разбегайтесь в стороны! На нас идет буря с сильным ветром. Все на пляжи, в поля, в воду — подальше от деревьев!

Фарги побежали чуть ли не быстрее Сталлан; с первыми порывами ветра сотни иилане' уже выбегали на безопасные открытые места. Тут навалилась буря, и город исчез за стеной ливня.

На берегу реки Сталлан заметила тесно жавшихся друг к другу фарги. Прячась от дождя, Сталлан протиснулась в самую середину. Ветер словно старался их разметать. Самые молодые шипели от страха, и Сталлан резко приказала им умолкнуть. Силой своего авторитета она удерживала молодежь на месте, пока не прошла буря, а когда ураган утих, велела всем возвращаться в город.

Усталая лодка Вейнте' вяло двигалась к берегу среди усеявших воду обломков, а Сталлан уже ожидала ее. И, когда слов еще нельзя было расслышать, просигналила: все в порядке. Не отлично, но терпимо.

— Каков ущерб? — крикнула Вейнте', выпрыгивая из лодки.

— Погибли две фарги и...

Вейнте' остановила ее сердитым жестом.

— Город меня интересуется, не жители ли.

— Пока ни о чем существенном не докладывали. Мелких повреждений много, поломаны ветви, некоторые части города повалило ветром. В поля и к стадам разосланы фарги, ни одна еще не вернулась.

— Я и не надеялась на лучшее. Все сообщения — на амбесид.

Они пробирались по городу, ущерб был очевидным. Живая крыша во многих местах была повреждена, все дорожки были усыпаны листьями. В стойлах кто-то

стонал. Сталлан заметила, что один из оленей в панике сломал ногу. Одной иглой из неразлучного хесотсана она прикончила животное.

— Плохо, но могло быть и хуже, — произнесла Вейнте'. — Сильный город, растет хорошо. Буря может разразиться снова?

— Скорее всего, нет, по крайней мере, до следующего года. Дожди и сильные ветры иногда случаются, но ураганы бывают только в это время.

— Года хватит, чтобы возместить ущерб. Ваналпе' позаботится, чтобы рост был ускорен. Этот новый мир жесток и суров, но и мы можем быть столь же суровы и жестоки.

— Все будет, как ты говоришь, эйстаа, — ответила Сталлан.

Она не сомневалась, что Вейнте' сделает так, как решила.

Любой ценой.

Глава одиннадцатая

Алпеасак рос и понемногу залечивал раны. Целыми днями Ваналпе' с помощницами сновали по городу, тщательно записывая весь причиненный бурей ущерб. Гормоны подгоняли рост, и листья крыш скоро вновь легли друг на друга, а новые стволы и воздушные корни укрепили стены. Но Ваналпе' не просто восстанавливала все, как было. Прочные лианы, крепкие и упругие, пронизывали теперь стены и крышу.

Город не только стал сильнее, в нем становилось все безопаснее, ведь с каждым днем новые и новые поля прорезали джунгли. Это медленное продвижение могло показаться случайным, однако на самом деле было тщательно подготовлено и продумано.

Самое опасное дело — посев куколок в диких джунглях — выполняли Дочери Смерти. От диких зверей их защищали вооруженные фарги, но от синяков, ран, несчастных случаев, укусов змей спасения не было. Многие пострадали, некоторые умерли. Но ни город, ни Вейнте' их судьбы не тревожили. Город прежде всего.

И когда сев куколок окончился, джунгли были обречены. Вылупившиеся из яиц прожорливые червяки оправдали цель их создания. Для животных и птиц они были несъедобны, самим же гусеницам по вкусу оказалась любая растительность. Слепые и ненасытные, ползали они по древесным стволам и среди травы, пожирая все на своем пути. Лишь голые скелеты деревьев оставались после них да зловонная от эскрементов почва. Они ели и росли, росли... Отвратительные, покрытые щетинками создания вырастали длиной в руку иилане'.

А потом они умирали, гибель была заложена в их генах — тщательно продуманная предосторожность, чтобы гнусные твари не пожрали весь мир. Они умирали и гнили в кучах собственных испражнений. Хитроумие Ваналпе', генных инженеров сказалось и в этом. Черви-нематоды с помощью бактерий, населявших их кишечники, превращали эту отвратительную массу в плодородную почву. Жуки не успевали съесть мертвые деревья, как уже сеяли траву и терновник защитных стен. Новое поле углублялось в джунгли, отодвигая их все дальше от города, новый барьер отделял город от них.

В медленном этом продвижении не было ничего неестественного. Иилане' жили в гармонии с окружающим их миром, они были неотъемлемой его частью. Как же могло быть иначе? У полей не было определенных форм и границ. Все это зависело от сопротивляемости листвы и прожорливости гусениц. Терновник разрастался в живые ограды различной ширины, некоторое разнообразие в ландшафт добавляли уцелевшие кое-где участки джунглей.

Столь же разнообразны были пасущиеся стада. Всякий раз, когда из Инегбана приплывал урукето, на нем привозили оплодотворенные яйца или новорожденных существ. Самых незащитных и мирных держали поближе к городу на первых полях, там достигали зрелости урукубы и онетсенсасты. У границы джунглей паслись всеядные гиганты. Становясь в два раза больше мамонта, они продолжали расти; огромные рога и бронированные шкуры защищали их от любых опасностей...

Приходя на амбесид, Вейнте' каждый день радовалась успехам. Она все больше убеждалась, что нет проблем, которые она не может решить. Но однажды утром произошло нечто важное. Отчаянно толкаясь, на амбесид влетела фарги.

— Эйстаа, урукето вернулся. Я была в рыбацкой лодке, я сама видела...

Резким жестом Вейнте' приказала глупому созданию умолкнуть, а потом подала знак помощникам.

— Встретим их на причале. Я хочу знать новости из Инегбана.

Горделиво и молча она шествовала по тропе, подружки и помощницы следовали за нею, замыкала шествие

бесконечная толпа фарги. В Алпеасаке не бывало холодов, но в это время года то и дело лил дождь, поэтому все были в плащах, согревавших и спасавших от морозящего дождя.

Когтистые лапы-лопасти ейсекола достаточно углубили реку и примыкавшую к ней гавань. Теперь уже не требовалось перегружать грузы из урукето в лодки: гигантское существо могло подходить прямо к берегу.

Когда Вейнте' со свитой появилась на берегу, гигант только что вынырнул из пелены дождя. Начальница гавани командовала фарги: они укладывали на подводный карниз свежую рыбу — корм для урукето. Тупое создание заметило еду и повернуло в нужную сторону, теперь гавань можно было запирать. Вейнте' с удовольствием следила за слаженной работой. В хорошем городе все устроено разумно. А у нее хороший город. Она глядела на большой черный корпус, на плавник, из которого выглядывала Эрефнаис. Рядом с ней стояла... Малсас<.

Вейнте' застыла: она уже успела выбросить из головы старшую эйстаа, поэтому, когда поняла, кого видит перед собой, ужасная мысль пронзила ее больнее ножа.

Малсас< — эйстаа Инегбана. Это для нее строился город. Это она приведет сюда народ, когда все будет закончено, и станет править вместо Вейнте'. Выпрямившись, Малсас< властно и внимательно оглядывалась. Она еще не стара и здорова. Что помешает ей стать эйстаа в Алпеасаке?

Пока Малсас< и ее свита выбирались из урукето, Вейнте' не двигалась, чтобы не выдать своих мыслей. Ей оставалось только надеяться, что истинные чувства удастся спрятать под формальными интонациями и жестами.

— Приветствую тебя в Гендаси, эйстаа, приветствую в Алпеасаке, — проговорила Вейнте', сопровождая приветствие жестами удовольствия от прибытия эйстаа и глубокой благодарности.

— И я рада оказаться в Алпеасаке, — ответила Малсас< столь же официально.

Согласно этикету в знак расположения нужно было быстро приоткрыть рот и показать зубы. Но эйстаа не закрывала рот несколько дольше положенного. Этот

знак легкого неудовольствия был для Вейнте' достаточным предупреждением, другого не требовалось. Вейнте' уважали за ее труд, но незаменимых нет, поэтому она, предупредительно потупившись, выбросила из головы и коварство, и ревность.

Краткий обмен знаками был столь недолгим, что прочие иилане' его не заметили. Не их дело интересоваться взаимоотношениями высочайших. Прежде чем заговорить вновь, Малсас< велела помощникам и фарги отойти подальше, чтобы разговор не подглядели или не подслушали по пути в город.

— Прошлая зима была холодной, но эта еще холоднее. Когда настало лето, ни молодежь, ни фарги из Соромсета не попросились в Инегбан. Когда чуть потеплело, я послала отряд охотниц в этот город. Он умер. Соромсет больше не существует. Он умер, словно Эритпе, листья на городе умерли, птицы-трупоеды расклеивают кости живших там иилане'. Жив один Инегбан, но с каждой зимой холод пододвигается ближе. Стада уменьшаются. Скоро настанет голод.

— Алпеасак ждет.

— Он должен ждать... своего времени. Нужно расширять поля, умножать стада. А мы должны разводить урукето. Труд этот велик, мы опоздали с началом. Есть надежда, что новая порода окажется удачнее. Они будут поменьше, чем это огромное существо, в котором я прибыла, они быстрее растут. Их нужно вырастить, чтобы переселить весь город за одно лето. А теперь покажи мне Алпеасак...

— Вот он. — Вейнте' показала на стволы и покрытые прожилками ветви — решетчатые полы города, со всех сторон окружавшего гавань.

Дождь прекратился, показалось солнце, на листья поблескивали капли. Малсас< жестом выразила одобрение. Вейнте' широко повела рукой.

— За городом — поля. Их уже наполняют звери, полезные и приятные для глаза.

Вейнте' жестом приказала вооруженным стражникам идти впереди: они направлялись через пастбище к внешним полям. В просветах между стволами виднелись гигантские туши урукубов, объедавших зеленые листья на окраине джунглей, доносился стук больших булыж-

ников, перемалывавших пищу в желудках этих огромных созданий. Некоторое время Малсас< молча наслаждалась зрелищем, потом повернула назад, к центру города.

— Ты хорошо устроила, Вейнте', — произнесла она так, чтобы следовавшие за ними могли услышать ее слова. — Ты все сделала правильно.

Благодарный жест Вейнте' был исполнен искренности сверх всех ритуалов. Похвала и одобрение эйстаа, высказанные в присутствии иилане' — перед подобным отличием вся ее ревность и недовольство исчезли без следа. В этот миг она не раздумывая последовала бы по приказу Малсас< на верную смерть. Высочайшие позволили свите приблизиться, чтобы слушать и учиться: другого способа учиться и запоминать не было. Когда они миновали Стену Истории, разговор вновь обратился к более мрачным вещам, ведь история, запечатленная здесь, — повесть о смерти.

Окружая родильные пляжи, стена отделяла от них амбесид. Глубоко утопали в ней символы, имевшие когда-то глубокий смысл и значение. В стену были вплетены останки древних животных. Неужели иилане' действительно разводили раньше таких огромных крабов? Говорят, они в океане защищали самцов. Было такое, но когда?.. Уже от яйца времен иилане' не видели подобных существ. Покрытые шипами лианы и терновники и теперь использовали как когда-то встарь... А гигантские панцири скорпионов? О таких давно никто не слышал, но древние экзоскелеты тщательно сохраняли, ими восхищались и с великой осторожностью сняли когда-то со стены в Инегбане и доставили сюда в знак преемственности.

В стене запечатлена была и живая история: около входа со стороны пляжей в нее были вплетены тела мертвых хесотсанов, а рядом с ними — зубастые черепа хищников, охотничьи трофеи.

В самом конце пустыми глазами глядел круглый череп, выбеленный солнцем. Его окружали наконечники копий, острые каменные лезвия. Заметив редкость, Малсас< остановилась перед ними и потребовала объяснить, что это такое.

— Один из тех устузоу, что оскверняют землю. Черепа эти принадлежат блохастым, покрытым мехом,

теплым и вонючим устузоу... Они угрожали нам, и мы их убили. Своими острыми каменными ножами они совершили преступление, хуже которого не придумаешь.

— Да, они убили самцов и детей... — проговорила Малсас^с холодным тоном. — Теперь они вас больше не беспокоят?

— Нет, все умерщвлены, опасности нет. Это не здешние существа, они пришли с севера. Мы выследили их и убили, всех до единого...

— Значит, пляжи теперь в безопасности?

— Со всех сторон, кроме коралловых рифов. Но они быстро растут, и, когда достигнут нужной высоты, состоятся первые рождения. Тогда родильные пляжи станут совсем безопасными. — Вейнте' занесла когтистую руку над белеющим черепом. — И эти детоубийцы теперь не опасны. Они никогда более не потревожат нас.

Глава двенадцатая

Трапеза в этот день проходила необычно: Малсас< и ее свиту следовало поприветствовать официально. Подобные события были редкостью. Большая часть молодых фарги не видела ничего подобного, они возбужденно металась из стороны в сторону и говорили все разом, не слушая друг друга. В рамках повседневного существования иилане' каждый день ожидают тех приятных минут, когда можно подремать с полным желудком, так что поглощение мяса само по себе достаточно торжественный акт. Все по очереди подходят с широким листом к обработчицам мяса, получают свою порцию восхитительного, обработанного энзимами продукта и поглощают его в укромном уголке. Еду всегда принимали именно так, и невозможно было даже представить, чтобы этот процесс мог происходить иначе.

В тот день все работали недолго. Жительницы города сходились на амбесид, иные вскарабкивались на нижние ветви ограды, чтобы видеть происходящее.

Обойдя город и поля, Вейнте' и Малсас< тоже направились туда же. Там Малсас< по очереди приняла всех отвечавших за рост Алпеасака и больше всего времени провела с Ваналпе'. Удовлетворившись услышанным, Малсас< отпустила всех и обратилась к Вейнте':

— Солнечное тепло и цветущий город отогнали воспоминания о зиме. С этой вестью я вернусь в Инегбан. Она согреет жителей перед лицом наступающей зимы. Эрефнаис сообщила, что урукето нагружен, накормлен и в любое время готов к отплытию. Поедим, и я отправлюсь назад.

Вейнте' выразила огорчение, вызванное внезапным расставанием. Малсас< поблагодарила ее и отклонила все просьбы остаться.

— Понимаю тебя. Но я уже все осмотрела и знаю, что дело в хороших руках. Ведь урукето такие тихоходы, а я не могу потерять даже дня. Поедим. Помнишь Алакенси, мою первую советницу и эфенселе? Сегодня она подаст тебе мясо.

— Весьма высокая честь для меня, весьма высокая... — ответила Вейнте', стараясь думать только об оказанной ей почести, а не об Алакенси, которую прекрасно знала — создании изобретательном и коварном.

— Хорошо. — Малсас< жестом велела Ваналпе' замолчать. — А теперь — едим. Алакенси, ближайшая мне во всем, подаст Вейнте' мясо. Ты же, Ваналпе', за свои заслуги, за то, что ты растила, обустроивала и расширяла этот город, избрана прислуживать мне.

Ваналпе' безмолвно застыла, словно юная и бессловесная фарги, — гордость сквозила в каждом ее движении.

— По особому случаю будет подано два мяса! — объявила Вейнте'. — Одно из старого мира, другое — из нового.

— Да смешается новое и старое внутри нас, как Инегбан сольется с Алпеасаком, — провозгласила Малсас<.

Вокруг раздались одобрительные крики: иилане' оценили меткое новое выражение; они принялись обсуждать прекрасную мысль. Вейнте' дожидалась, пока слова Малсас< дошли до стен амбесида. Теперь их знали все.

— Мясо из Энтобана — это урукуб, которого вырастили из яйца, бережно доставленного на новые берега. Он вылутился под солнцем Гендаси, вырос на травах Гендаси. Он самый большой, но не последний. Все видели их на пастбище в болотах и восхищались гладкой шкурой, изгибами длинной шеи, тучностью. Все видели их.

Речь ее тоже была встречена с одобрением, все иилане' видели, как из болота выныривает крошечная голова на длинной шее, из пасти которой свисает влажная трава.

— Убит первый урукуб. Он такой огромный, что всем хватит наесться досыта. А для Малсас< и тех, кто прибыл вместе с нею, будет подан другой зверь — такого они еще не ели — олень с острыми копытами, из тех, что водятся только в Гендаси. Пусть начнется еда.

Обе назначенные прислужницы поспешили в сторону и вернулись с тыквами, наполненными мясом. Каждая опустилась на колени перед той эйстаа, которой должна была прислуживать. Малсас<, протянув руку, приняла длинную кость с крошечным черным копытцем — прохладная сладкая плоть свисала с нее. Оторвав зубами кусок, она подняла ее вверх, чтобы видели все.

— Урукуб! — провозгласила она, и все вокруг тотчас оценили шутку. Даже самая крохотная кость урукуба была больше, чем все это создание.

Вейнте' была довольна. Торжественная трапеза продолжалась, а когда с мясом было покончено, высочайшие омыли руки в тыквах с водой, которые подали внимательные прислужницы. Церемония закончилась, тогда за еду принялись и остальные, чтобы успеть до темноты.

Сейчас, когда никто не слышал их и не следил за ними, Малсас< могла с глазу на глаз говорить с Вейнте'. Голос ее был тих, движения рук едва заметны.

— Все, что говорилось сегодня здесь, — истина. Все усердно трудились, ты — больше всех. Теперь я знаю, ты сумеешь воспользоваться трудом Дочерей Смерти, которых я привезла с собой.

— Я видела. Они работают.

— Пусть работают до изнеможения, до смерти! — Зубы Малсас< громко лязгнули, подчеркивая решительность ее намерений. — Их становится все больше и больше, они словно термиты выедают сердцевину нашего города. Внимательнее приглядывай за ними, чтобы не попытались погубить и твой город.

— У них для этого здесь нет ни малейшей возможности. Все они на тяжелой и опасной работе. Такова их участь.

— Тогда наши мысли едины. Хорошо. Теперь о тебе, закаленная, не знающая устали Вейнте': чем еще можно тебе помочь?

— Ничем, у нас есть все необходимое.

— Ты умолчала о своих нуждах, о том, что тебе нужна помощница. Поэтому я хочу, чтобы словно моя собственная рука тебе помогала. Моя эфенселе Алакен-си, ближняя для меня во всем. Пусть она войдет в твою свиту первой помощницей и разделит твои труды.

Вейнте' не позволила себе даже шевельнуться: одно единственное слово или жест могли выдать внезапно вспыхнувший гнев. Но ей и не пришлось говорить. Малсас< глядела ей прямо в глаза, так что они прекрасно поняли друг друга. Малсас< сделала едва заметный насмешливый жест в знак победы, повернулась и следом за свитой направилась к урукето.

Окажись сейчас при Вейнте' оружие, она не колеблясь послала бы губительную иглу прямо в удалявшуюся спину. Малсас< явно рассчитала все еще до прибытия. В Алпеасаке у нее были шпионки, доносившие обо всем, что происходит в городе. Она понимала, что, побыв здесь эйстаа, Вейнте' не захочет отказаться от власти. Поэтому-то и притащила сюда свою мерзкую Алакен-си. Теперь она сядет рядом с Вейнте', будет за всем следить, шпионить и доносить. Присутствие Алакен-си вечно будет напоминать Вейнте' о ждущей ее участи. Ей уготовано трудиться и строить, чтобы в конце концов оказаться не у дел. Ведь в один неизбежный черный день Малсас< все заберет в свои руки. Теперь Вейнте' все поняла. Малсас< так задумала с самого начала. Пусть Вейнте' старается, одолевает трудности, строит — зарабатывает себе печальную участь.

Машинально Вейнте' водила ногой по полу, острые когти царапали дерево. Нет! Этого не будет. Она всегда хотела, возвысившись собственным трудом, присоединиться к правительницам. Все. Малсас< никогда не будет здесь править. Алакен-си умрет, поручение эйстаа — смертный приговор для нее. Как это случится, Вейнте' еще не знала, но будущее за ней. Зима опускалась на Инегбан — над Алпеасаком светило солнце. В старом городе правила слабость — в новом власть забирала

сила. Алпеасак принадлежит ей, Вейнте', никто не сумеет отобрать у нее город.

В ярости Вейнте' покинула свиту и отправилась по городу кружным путем, где только редкие фарги могли ее видеть... Немногие встречные в страхе бежали: каждое движение ее тела выдавало гнев. Казалось, рядом с ней шла сама смерть...

Тени носильщиц, завершавших погрузку урукето, все удлинялись. В живое судно заносили последний груз — обмякшие туши оленей. Ваналпе' хорошо потрудились над токсином, которым оглушали крупных животных, потом их можно было даже переносить с места на место. Новый яд не парализовывал и не убивал — животное существовало на грани жизни и смерти. Сердцебиение было едва слышно, дыхание замедлялось. Обработанных таким образом зверей могли везти за океан, в Инегбан: они не нуждались ни в еде, ни в питье — свежее мясо, столь нужное голодным жителям Инегбана. Вейнте' безумно хотелось — она даже произнесла это вслух, ведь никто не мог здесь подслушать ее — таким же образом обработать саму Малсас<. Чтобы лежала ни живая ни мертвая до конца времен...

Когда урукето в сумерках отплыл, мрачная Вейнте' вернулась в свои апартаменты, никого не встретив в сгущавшейся тьме, — и мгновенно уснула, невзирая на все еще одолевавший ее гнев.

Утро вечера мудренее. Но и наутро тяжелые мысли еще не оставили Вейнте'. На амбесиде она казалась спокойной. Но, когда на его противоположном краю показалась Алакенси, Вейнте' отвернулась, окаменев от злобы. Многие уже успели познакомиться с ее крутым нравом. На несчастье Энге, на этот раз под руку подвернулась именно она.

— Я с небольшой просьбой, эйстаа... — начала Энге.

— Отказываю. От тебя и твоих живых покойниц мне нужна только работа.

— Раньше ты никогда не была без причины жестокой, — спокойно возразила Энге. — Мне казалось, что для эйстаа все жительницы равны.

— Правильно. Только по моей воле Дочери Смерти теперь не жительницы нашего города, а рабочие живот-

ные. Вы будете работать, пока не умрете — такова ваша судьба. — Она вдруг вспомнила о данном Энге поручении. — Устузоу, которых ты учишь говорить... Что с ними? Прошло время, много времени.

— Нужно больше времени — вот моя просьба. Или больше времени, или его не нужно вовсе.

— Объясни.

— Каждое утро я начинаю работать с устузоу в надежде, что сегодня начнется понимание. И каждый вечер я оставляю их с чувством напрасно потраченного труда. Самочка разумна... на уровне элиноу, который рыскает по городу, выслеживает и ловит мышей. Действия ее похожи на разумные, но не являются таковыми.

— А самец?

— Глуп, как все самцы. Не реагирует, даже когда бьют. Просто сидит и молча глазеет. Но самочка отвечает на доброту, как элиноу, с ней приятно иметь дело. Пока она научилась всего нескольким фразам, правда всегда говорит невпопад и путает. Она их заучила, как лодка, не понимая смысла.

— Новости не радуют меня, — ответила Вейнте', жестами выражая соответствующие чувства.

Все это время Энге могла бы работать в полях, здесь все ее труды были впустую. Теперь причины, по которым она хотела беседовать с устузоу, уже не имели значения. Свирепые создания более не представляли опасности... Но интерес не исчез. Вейнте' сказала об этом вслух:

— Если существа эти не могут выучить язык иилане', то, может быть, ты успела выучить их язык?

Конвульсивно содрогнувшись всем телом в знак отчаяния и сомнения, Энге произнесла:

— И на этот вопрос у меня нет ответа. Сперва мне даже показалось, что они амбенины — безъязыкие, не умеющие общаться. Но теперь я считаю их угунинами.

— Невозможно! — Вейнте' с ходу отвергла эту мысль. — Как может любое существо общаться, не обмениваясь информацией. Ты предлагаешь загадки вместо ответа.

— Я понимаю, мне стыдно, но другого имени для них у меня нет. Их движения и звуки, которые они издают, не связаны никакой закономерностью. Я уверена в

этом — я запомнила тысячи сочетаний и звуков. Они все бессмысленны. В конце концов пришлось поверить, — что общение у них осуществляется на другом уровне, который закрыт для нас навсегда. Даже не представляю, как быть. Я слыхала теорию об излучениях мозга: разум может общаться непосредственно с разумом. Возможно использование радиоволн. Если бы в городе был физик, мы сумели бы разобраться.

Она умолкла. Вейнте' делала жесты сомнения, неуверенности, огорчения.

— Ты не перестаешь удивлять меня, Энге. Какой первоклассный ум погиб для города, когда ты отдалась этой отвратительной философии. Я считаю, что твои эксперименты и наблюдения надо заканчивать. Вот погляжу на твоих устузоу и решу, что делать.

Заметив Сталлан, Вейнте' поманила ее за собою.

Она шла впереди, Энге и Сталлан следовали за нею. Когда они приблизились к тюремной камере, Сталлан поспешила открыть засов. Оттолкнув ее, Вейнте' шагнула внутрь и взглянула на юных устузоу. Сталлан сразу приготовилась отражать нападение. Самочка сидела на корточках, растянув рот так, что открылись зубы. Неуместная угроза рассердила Вейнте'. Невысокий самец неподвижно стоял у стены.

— Ну пусть показывают свои трюки! — приказала Вейнте'.

Услышав скрип засова, Керрик мгновенно вскочил и прижался спиной к стене, как всегда уверенный, что сегодняшний день и станет днем его смерти. Исель засмеялась.

— Глупый мальчишка, — сказала она, почесывая царапины на голове, — испуганный младенец... Мараг носит нам пищу и играет с нами.

— Мургу приносят только смерть, однажды они убьют нас.

— Глупый! — Она швырнула в него шкуркой апельсина и, улыбаясь, обернулась к двери.

Но первым вошел незнакомый мараг, и улыбка ее исчезла. Но следом шел тот, знакомый, и улыбка вернулась. День, как день.

Она была ленивой девочкой и не слишком смысленной.

— Говори! — скомандовала Вейнте', остановившись перед устузоу, и медленно, подчеркнуто раздельно, повторила, словно обращаясь к юной фарги: — ГО-ВО-РИ!

— Прошу, дай я, — покорно попросила Энге. — Мне они отвечают.

— Нет, теперь это не нужно. Если зверь не говорит, конец ему. Слишком много времени потрачено даром. — И, обернувшись к самке устузоу, Вейнте' сказала четко и ясно: — Вот мое личное распоряжение, и неотложное к тому же. Ты сейчас будешь говорить членораздельно, как положено иилане'. Если ты говоришь — будешь жить и расти. Речь — твой рост, речь — твоя жизнь. Поняла?

Исель поняла: она ощутила в словах угрозу и испугалась.

— Но мне трудно говорить, ну пожалуйста...

Слова тану не вызвали никакой реакции в отвратительном существе, возвышавшемся над нею. Надо сделать то, чему ее учили. Она попыталась, как могла, изобразить какое-то подобие нужных движений, произнося:

— Хас лейбе эне уу...

Вейнте' казалась озадаченной.

— И это речь? Что она говорит? Не может же это означать: «Старая самка утодничает...»

Энге тоже была озадачена.

— Быть может, она хочет сказать, что старая самка становится добрее.

Гнев охватил Вейнте', пока она пыталась осмыслить эти слова. Быть может, в другой день она бы и отнеслась снисходительнее к этой жалкой попытке, усмотрев в ней свидетельство того, что устузоу можно научить говорить. Но не сегодня. Только не после вчерашних оскорблений и бесившего ее присутствия Алакенси. Это было уже слишком — вежливо разговаривать с отвратительными лохматыми созданиями. Нагнувшись, Вейнте' схватила самку за обе передние конечности, подкинула высоко в воздух и яростно завопила на глупое создание, приказывая ей говорить.

Тварь даже не попыталась. Напротив, она закрыла глаза, выдавила из них струйки воды, широко раскрыла пасть и издала животный вопль, оглушивший Вейнте'.

Потеряв всякое самообладание, вне себя от переполнявшей ее слепой ненависти, Вейнте' наклонилась и впиалась острыми коническими зубами прямо в глотку устузоу. Горячая кровь хлынула в рот, ее замутило от этого вкуса. Оттолкнув тело в сторону, Вейнте' с отвращением сплюнула. Сталан тихо шевельнулась, молчаливо одобряя. Перед лицом Вейнте' очутилась тыква с водой. Она выхватила ее у Энге и прополоскала рот, сплевывая и откашливаясь; оставшейся водой она омыла лицо.

Слепой гнев отступил, теперь она могла думать. И ощутила удовлетворение от содеянного. Но дело еще было не кончено. Второй устузоу оставался жив. Быть может, это последний из них, и с его смертью такие устузоу исчезнут с лица земли.

Вейнте' быстро подошла к Керрику и поглядела на него сверху вниз.

— Ну, последний, — сказала она, протягивая к нему руки.

Отступать было некуда. Он зашевелился — и заговорил:

— ...Эсекакуруд-эсекйилсхан... элел лейбелейбе...

На первый взгляд, смысла тут не было никакого, но только на первый взгляд... Вейнте' внимательно поглядела на существо.

Это была просьба, по крайней мере, неуклюжая ее попытка. Но почему он так странно дергается из стороны в сторону? Какая-то бессмыслица. Она поняла — у твари ведь нет хвоста, поэтому она не может правильно приподняться. Но если эти движения соответствовали подниманию хвоста, он, может быть, пытается выразить или отвращение, или крайнее желание говорить. Кусочки головоломки начинали складываться.

— Ты понимаешь, Энге? — крикнула Вейнте'. — Смотри, он опять это делает!

Неуклюже, но отчетливо и вполне внятно устузоу говорил:

— Я очень много не хочу умирать. Я очень много хочу говорить. Очень долго, очень усердно.

— Ты не убила его, — сказала Энге, когда они вышли из камеры, и Сталлан закрыла за ними дверь. — Но самку ты не пощадила.

— Она оказалась никчемной. А теперь дрессируй его, он понадобится нам. Вокруг, может быть, мародерствуют другие стаи этих существ. Ты говорила, что раньше он не разговаривал?

— Никогда. Может быть, он оказался умнее ее. Он все время следил за мной и всегда молчал.

— Энге, вижу, ты хорошо учишь, скромничаешь. — Теперь Вейнте' была великодушна. — Ты только ошиблась в выборе устузоу.

Глава тринадцатая

Над головой ярко синело небо, а над перевалом змеилась поземка. Колючий северный ветер, рвавшийся из-за гор, поднимал снег со склонов, бросал клубами через перевал.

Херилак боролся с ветром, он почти ложился на него всем телом, одолевая порывы. Левый снегоступ обломился, это мешало идти. Но если он остановится и примется за починку, то умрет прежде, чем закончит работу. И он продолжал шагать вперед, оступаясь и падая, отряхиваясь, все дальше и дальше. Наконец он почувствовал, что дорога пошла под уклон. Через какое-то время он миновал каменистый выступ, серые кости земли, пронзавшие сугробы, и почувствовал — ветер ослаб. Значит, он одолел перевал. Еще несколько шагов — и ветер совсем утихнет за скалами.

Херилак со вздохом опустился на снег, привалившись спиной к огромному камню: подъем исчерпал даже его огромную силу. Верхние рукавицы заледенели. Прежде чем снять их, он постучал одной о другую... Потом теплой внутренней рукавицей смахнул снег, замерзший на ресницах и бровях, и, моргая, поглядел вниз, в долину.

В этом укромном месте зимовал большой олень. Вдалеке виднелось оленье стадо.

Лут возле ручья окружали высокие деревья. Ручей никогда не замерзал: породивший его источник выбивался из-под земли. Превосходное место для зимнего лагеря, урочище это называли «леврелаг Амагаста», — место стоянки саммада Амагаста, который был мужем сестры Херилака.

Теперь долина была пуста...

Херилак узнал о беде, постигшей саммад Амагаста от саммадара по имени Улфадан. Тот клялся, что был там и что говорит истинную правду. Херилак решил убедиться в этом сам.

Взяв копье, лук со стрелами и густо натерев тело гусиным жиром, он надел мягкие бобровые шкуры мехом к телу, а сверху — грубое одеяние из шкур большого оленя. К тяжелым меховым сапогам привязал снегоступы. Чтобы идти быстро, он вышел налегке. В мешке за плечами было только вяленое мясо и немного эккотаца, смеси сушеных ягод с орехами.

И вот он у цели, но увиденное не радовало. Отправив в рот пригоршню снега, он склонился над сломанным снегоступом. Время от времени, отрываясь от работы, он поглядывал на пустую долину, словно боялся поверить в горькую правду: тану здесь не было.

Работу он окончил уже за полдень и, пожевав вяленого мяса, стал размышлять, что делать дальше. Впрочем, выбора не было. Покончив с едой, он поднялся на ноги. Рослый мужчина — он был на голову выше всех в своем саммаде. Почесывая окладистую бороду, он думал, глядя на лежавшую перед ним долину. Идти предстояло на юг. Он стал спускаться вдоль склона, не оглядываясь более на опустевшее место стоянки.

Он шел весь день и остановился, когда первые звезды высыпали на потемневшее небо. Тогда он плотнее завернулся в шкуры и долго глядел в ночное небо. Он искал знакомые созвездия. Мастоdont бросался на охотника, замахнувшегося копьем. Неровный ряд звезд складывался в пояс охотника. А не появилась ли в нем еще одна звезда? Не такая яркая, как остальные, но тоже заметная в чистом и прозрачном зимнем небе. Твердой уверенности не было. Только тхарм могучего воина мог оказаться в таком почетном месте, добавляя силы охотнику. Быть может, звезда эта появилась там не вчера? И пока он думал об этом, глаза его закрылись, и он уснул...

На третий день Херилак вышел из редкого леса на берег быстрой реки. Бурное течение не позволяло морозам сковать воду на самой стремнине. Он шел тихо, как подобает охотнику, и только однажды спутнул небольшое стадо оленей. Быстро и высоко прыгая,

разбрасывая снег во все стороны, звери исчезли среди деревьев. Один, по крайней мере, мог стать легкой добычей. Но сейчас Херилак не охотился. Не время для охоты. Пробираясь через густые кусты, он вдруг замер — меж двух ветвей были натянуты силки из кроличьих жил.

После этого он запел на ходу и принялся стучать копьём по нижним ветвям деревьев. До морозных зим этого не было. Старики не помнили такого обычая. Нужда в нем появилась только теперь. Тану убивают тану. Мир стал не таким, как прежде: раньше охотник не опасался охотника.

Тут Херилак заметил в снегу утоптанную тропинку. Добравшись до поляны, он остановился, воткнул в сугроб копьё, словно штандарт, и уселся на корточки возле него. Долго ждать не пришлось.

Бесшумно, словно дым от костра, на поляну скользнул охотник. Копьё он держал наготове. Завидев сидевшего Херилака, он опустил оружие. Потом воткнул его в сугроб и шагнул вперед. Херилак поднялся навстречу.

— Я пришел на твои охотничьи земли, но не для того, чтобы охотиться... — начал Херилак. — Здесь охотится саммад Улфадана. Ты саммадар?

Улфадан кивнул в знак согласия. Длинная борода его низко опускалась на грудь.

— Ты Херилак, — произнес он. — Моя племянница замужем за Алкосом из твоего саммада... Возьмем копьё и отправимся в мой шатер. Там теплее, чем на снегу.

Они молча шагали бок о бок по заледеневшей тропе: не пристало охотнику трещать подобно сороке. У излучины реки располагалась зимняя стоянка саммада — двенадцать больших и прочных шатров. На лугу за шатрами, добывая сухую траву, мастодонты взрывали снег бивнями, дыхание их облачками пара несло по ветру. Из каждого шатра в безоблачное небо сочилась тонкая струйка дыма. Среди шатров с криками носились дети, увлеченные какой-то игрой. Мирная сцена, знакомая Херилаку, так живет и его собственный саммад. Подойдя к шатру, Улфадан откинул меховую полу и первым шагнул в теплый сумрак...

Сидели они молча, а старуха наливала из берестяного туеска в деревянные чашки горячий настой из сушеных

трав. Оба охотника грели руки о чашки, прикладывались к настою, а женщины, завернувшись в шкуры и судача на ходу, по одной выскальзывали из шатра.

— Теперь ешь, — сказал Улфадан, когда они остались одни.

— О гостеприимстве Улфадана знают во всех шатрах тану от гор и до моря.

Предложенное угощение было скудным: несколько уже припахивавших кусочков сушеной рыбы. Зима длинна — и до весны еще ждать и ждать. К этому времени в шатрах наступит голод.

Херилак с шумом выразил удовлетворение, втянул последние капли жидкости и даже громко рыгнул в знак сытости. Он знал, что теперь следует поговорить об охоте, погоде, стадах и только потом назвать цель своего визита. Но и этот древний обычай изменился теперь.

— Моя сестра — жена Амагаста, — произнес Херилак. Улфадан кивнул в знак согласия, он знал это. Все саммады в горных долинах были связаны родственными узами. — Я был на месте стоянки Амагаста — оно пусто. — Улфадан кивнул снова. — Этой весной они ушли на юг, путь их всегда проходит через эту долину. Мы видели, что половина их мастодонтов перемерла. Была плохая зима.

— Все знают, теперь зимы всегда плохие. — Улфадан грустно закивал. — Они не возвратились.

Херилак раздумывал, представляя себе путь из долин на равнины, а потом на восток к морю.

— Значит, они отправились к морю?

— Каждый год они становятся на лето возле реки на побережье.

— Но в этом году они не вернулись?

Другого ответа, кроме молчаливого согласия, не было. Что-то случилось, но что именно, никто не знал. Быть может, саммад Амагаста нашел новое место для зимней стоянки. Многие саммады уже погибли от холода, места стоянок освобождались. Такое бывало. Скорее всего, что-то произошло, но что?

— Дни короткие, — сказал Херилак, поднимаясь на ноги. — А путь долг.

Улфадан тоже поднялся, в знак дружбы взяв за руки рослого охотника.

— Зимой путь к морю долог и одинок. Да сохранит тебя Ерманпадар в этой дороге.

Больше говорить было не о чем. Херилак вновь плотно обмотался шкурами и снова обратил копье свое к югу.

На равнине он смог идти быстрее, здесь смерзшийся снег не проваливался под его тяжестью. Одна зима грозила ему здесь, на безжизненных, снежных равнинах.

Только однажды за весь долгий путь он увидел большого оленя, тощего горемыку, по следам которого плелись несколько изголодавшихся саблезубов. Он издали заметил, что они бредут по равнине в его сторону. Неподалеку оказался невысокий холм, на котором высились несколько голых деревьев, и Херилак остановился возле них, наблюдая сверху за происходящим.

Обреченный большой олень слабел, с истерзанных боков его уже капала кровь. Добравшись до подножья холма, он споткнулся и, вконец обессиленный, резко повернулся навстречу преследователям. Голодные саблезубы, не думая об опасности, бросились со всех сторон: запах свежей крови будоражил их. Острые рога зацепили одного из нападавших и отбросили в сторону. Тогда вперед выступил вожак, он повалил большого оленя одним ударом лапы. С громким блеянием зверь упал — ему пришел конец. Вожак, рослый черный зверь с мохнатой грудью, отступил, пропуская вперед остальных; мяса хватит на всех.

И тут вожак почувствовал на себе внимательный взгляд. Инстинкт сразу подсказал, что за ним следят. Рыкнув, он поднял голову и заметил Херилака. Пригнувшись, зверь двинулся в его сторону... Херилак уже видел немигающие желтые глаза.

Человек не пошевелился, не опустил копье. Взгляд его был тверд. Он словно говорил: «Вы идете своим путем, а я своим. Если нападете — убью». Саблезуб знал, на что способно копье. Еще раз внимательно взглянув желтыми глазами, зверь вдруг повернулся и спустился к стае. Он подошел к оленю, саблезубы потеснились. Но, прежде чем вонзить зубы в теплое мясо, он снова поглядел вверх. Под деревом никого не

было. Человек с копьем исчез. Саблезуб опустил морду и принялся за еду...

Буран заставил Херилака отлеживаться под шкурами целых два дня. Большую часть времени он проспал, экономя припасы. Но или ешь, или умирай от голода.

Когда буран наконец прекратился, охотник отправился дальше. В тот же день удача улыбнулась ему — Херилак наткнулся на свежие следы кролика. Заложив копье за перевязь на спине, он взял лук и натянул тетиву... Ночью он пировал, зажарив на костре свежее мясо. Наелся до отвала раз, второй — и засиделся допоздна, обжаривая остатки над углями.

Здесь, на юге, снега было меньше, но зима такая же морозная. Под ногами ломались мерзлые стебли трав. Услышав какой-то звук, охотник поднес ладонь к уху и прислушался. Да, вдали шумела вода, волны прибоя разбивались о берег. Море...

Херилак шел, держа наготове копье, готовый к любой опасности.

Но опасность здесь уже не подстерегала его. Под серым зимним небом он обнаружил лужок, усеянный останками мастодонтов. Холодный ветер свистел в обнажившихся ребрах: здесь поработали пожиратели трупов, попиروвали вороны и морские птицы. Рядом белел скелет тану. А когда охотник увидел, что весь речной берег усеян человеческими скелетами, глаза его сузились, и он стиснул зубы.

Что тут случилось? Мертвы все... все, весь саммад, это ясно с первого взгляда. Погибли дети и взрослые. Но кто убил их? Какой враг напал и перебил всех? Другой саммад? Невозможно. Тану взяли бы шатры и увели мастодонтов, а не перебили бы их вместе с хозяевами. Шатры были на месте, большей частью свернутые, уложенные на травойсы, оказавшиеся возле скелетов мастодонтов. Саммад снимался со стоянки, тану собирались в путь, когда явилась смерть. В ребрах одного из скелетов Херилак заметил металлический блеск. Осторожно приподняв кость он увидел порыжевший нож из небесного металла. Смахнув рукой ржавчину, он взглянул на рисунки, которые так хорошо знал. Выронив копье на мерзлую землю, он сжал нож обеими

руками, поднял к небу и завыл от горя. Слезы боли и гнева текли по его лицу.

Погиб Амагаст, а значит, и жена его, сестра Херилака. Их дети, женщины, взрослые охотники. Мертвы, все мертвы, все. Нет более саммада Амагаста...

Кипя от ярости, Херилак смахнул с глаз слезы: жаркий гнев сжег горе. Надо найти убийц. Согнувшись, бродил он взад и вперед в поисках чего-то неизвестного, а чего именно — не знал и сам. Но он искал тщательно и внимательно, как подобает охотнику. Тьма помешала Херилаку, и ночь он провел возле костей Амагаста, разыскивая его тхарм на небе. Он там, конечно же, среди самых ярких звезд.

На следующее утро он нашел останки какого-то непонятного существа. Он долго рассматривал их, пока наконец не догадался, что перед ним...

Это было длинное и тонкое существо, с крошечными ножками, на которых нельзя было ходить. Ребер и позвонков было куда больше, чем нужно.

Мараг — сомневаться не приходилось. Правда, таких он еще не видел. Он не из здешних краев, но мургу, случалось, жили и вдали от жаркого юга.

Юг... И в самом деле! Херилак встал и взглянул на запад, откуда пришел. Откуда там взяться мургу, это же невозможно. Он медленно обернулся к северу и увидел уходящие вдаль снега и ледяные поля. Там жили парамутаны, они во всем были похожи на тану, лишь разговаривали иначе. Но их было очень мало, и они редко заходили на юг, к тому же они воевали только с зимой, а не с тану или между собой. На востоке, в океане, ничего не было.

Но с юга, с жаркого юга всегда приходили мургу. Приносили смерть, а потом исчезали. С юга.

Став коленями на заледеневший песок, Херилак внимательно рассматривал скелет марага, запоминая подробности, чтобы суметь нарисовать его, когда понадобится, на песке целиком, до мельчайших косточек.

А потом встал и раздавил хрупкие кости. Повернулся спиной к морю и пустился в обратный путь.

Глава четырнадцатая

Керрик так никогда и не понял, что жизнь ему спасла его детская любознательность. Не то чтобы Вейнте' пощадила столь юное существо, к устузоу любого возраста она ощущала лишь отвращение, и смерть их не вызывала у нее отрицательных эмоций. Исель просто оказалась слишком взрослой, чтобы естественным образом отреагировать на новый язык, тем более на такой сложный, как у иилане'. Она считала, что иной речи, чем марбак, и быть не может, и вместе с другими женщинами потешалась, когда к ним в шатер навесывались охотники с Ледяных гор, говорившие так, что их едва можно было понять. С ее точки зрения, это было признаком глупости: любой нормальный тану должен говорить на марбаке. Поэтому уроки языка иилане' ее не интересовали, она просто запоминала самые забавные звуки, чтобы угодить марагу и получить от него пищу. Иногда она вспоминала, что при разговоре следует шевелить телом. Для нее все это казалось просто глупой игрой. Потому-то она и погибла.

Керрик не думал о языке как таковом, он просто хотел понимать. Он был еще достаточно мал и воспринимал новое без особых усилий, — просто слушая и наблюдая. Если бы ему кто-нибудь сказал, что концептуальных полей в языке иилане' несколько тысяч, что комбинировать их можно было 125 миллионами способов, он просто пожал бы плечами. Числа не имели смысла, ведь он умел считать лишь до двадцати и не мог представить себе большего количества. Число пальцев — двадцать — было для него пределом. Так что все его общение основывалось на подсознании. Но Энге пыталась привлечь его внимание к некоторым правилам,

символам и их значениям и заставляла повторять неуклюжие движения до тех пор, пока они не становились правильными.

Поскольку менять цвет кожи Керрик не мог, она учила его так называемой сумеречной речи. В густых джунглях, на рассвете и на закате иилане' общались, не прибегая к изменению цвета, а переиначивая выражения соответствующим образом.

Каждое утро, когда открывалась дверь, маленький заключенный ожидал смерти. Слишком хорошо он помнил гибель своего саммада: мужчин, женщин, детей, всего живого, даже мастодонтов. Их с Исель тоже однажды убьют, иначе и быть не могло. И когда уродливый мараг приносил утром еду, он понимал только одно — смерть его отодвинулась еще на один день. А потом он молча следил, стараясь не рассмеяться, как то и дело ошибается глупая Исель, и так день за днем. Но он охотник, он горд. И не станет помогать ни ей, ни марагу, он будет отвечать лишь когда спросят его самого. Побой он сносил, как подобает охотнику, — молча. Через много дней он уже кое-что понимал в разговоре Энге с другим марагом, которого он ненавидел сильнее других: именно он бил и связывал их. Но мальчик молчал, храня в тайне свои познания, — крохотный успех посреди всеобщего несчастья.

А потом Вейнте' убила девчонку. Он не жалел ее: та была глупа и заслуживала того, чтобы ее отправили ко всему саммаду. Только когда Вейнте' схватила его — свежая кровь алела на зубах убийцы — маленький охотник не выдержал. Он ведь был на охоте один только раз, его еще не приняли в охотники — так он оправдывался потом, пытаясь объяснить себе, почему не принял смерть от ужасных острых зубов. На самом деле он просто насмерть перепугался, как тогда, когда его копье вырвало из глубины моря марага. Он заговорил со страху, едва понимая, что делает, и сумел произнести все достаточно правильно, чем сохранил свою жизнь.

Керрик знал — его все равно убьют, когда он надоест мургу. Но день этот был впереди, и он впервые позволил себе крошечную надежду. С каждым днем он понимал все больше и говорил все лучше. Его еще не выпускали из этой клетушки. Но когда-нибудь его вы-

ведут наружу — не считают же они, что можно всю жизнь просидеть под замком, — тогда он и убежит. Мургу не ходили, а переваливались, и он был уверен, что бегают быстрее любого из них — если только они умеют бегать. Такова была его тайная надежда, и в расчете на это он делал все, о чем его просили, и надеялся, что его строптивость уже позабыта.

Дни начинались одинаково. Сталлан отпирала дверь и вваливалась внутрь. Керрик держался осторожно с грубой тварью. Хотя он более не сопротивлялся, охотница по-прежнему бросала его спиной на пол, больно придавливала коленями и надевала живые веревки на руки и ноги. Потом Сталлан скребла его голову струнным ножом, чтобы соскоблить отросшие волосы. Обычно эта процедура сопровождалась порезами. Позже приходила Энге с фруктами и мясным желе — он наконец сумел преодолеть отвращение и заставил себя есть. Мясо — это сила. Керрик никогда не говорил со Сталлан, если та ударом не требовала ответа, но подобное случалось редко. Он знал: от уродливого охрипшего создания сочувствия не дождешься.

С Энге было иначе. Керрик заметил, что она не похожа на других мургу. Лишь ее расстроила гибель девочки. Сталлан же восторгалась и хвалила Вейнте'. Иногда Энге появлялась вместе со Сталлан. Керрик стал говорить значительно лучше, а когда уверился в том, что может сказать именно то, что хочет, стал еще более разборчив в посетителях: если приходила Сталлан, он забывал обо всем до следующего дня.

Однажды утром Энге вошла вместе со Сталлан. Охотница обошла с ним грубее, чем обычно. Когда руки его охватила холодная живая веревка, он заговорил:

— Почему ты бьешь и связываешь меня? Я же не могу причинить тебе боль.

Сталлан возмутилась и отвесила ему затрещину. Но мальчик заметил, что Энге слушает его слова.

— Мне трудно разговаривать, когда я связан, — проговорил он.

— Сталлан, — произнесла Энге, — он прав.

— Он ведь один раз уже набросился на тебя, разве ты забыла?

— Я не забыла, но это было давно, когда его только привезли сюда. Потом вспомни, он кусался, когда решил, что я побью самку. — Она повернулась к Керрику: — Будешь теперь причинять мне боль?

— Нет. Ты моя учительница. Я знаю, что, если я буду говорить хорошо, ты покормишь меня и не станешь наказывать.

— Просто удивительно, что устузоу умеет разговаривать, но... дикого зверя всегда следует остерегаться. — Сталлан была непреклонна. — Вейнте' поручила его моей опеке, и я повинуюсь приказу.

— Повинуйся, только не перестарайся. По крайней мере освободи ему ноги.

В конце концов Сталлан уступила. И весь день Керрик был особенно старателен, ведь тайный план его начал осуществляться, хоть и медленно.

Считать дни Керрик не умел, да и не интересовался, сколько времени миновало. На севере, где жил его саммад, зима и лето отличались друг от друга, и для охотников не составляло труда различать времена года. Для живших здесь, в этой бесконечной жаре, не имело значения, сколько прошло времени. И когда по прозрачной пленке над его головой забарабанил дождь, лишь изредка затихая, Керрик понял, что после смерти Исель прошло уже много дней. Тогда-то в его повседневных занятиях случился непредвиденный перерыв.

Скрежет замка снаружи отвлек их от урока. Энге и Керрик повернулись к двери. Керрик обрадовался было, но оказалось, что это Вейнте'.

На первый взгляд, мургу не отличить друг от друга, но он уже научился замечать разницу. Уж Вейнте'-то он не забудет никогда. Привычным жестом он засвидетельствовал подчинение и уважение и с радостью заметил, что та пребывает в хорошем настроении.

— Ты мастерица, Энге. Ты отлично воспитываешь животных, глупые фарги и те приветствуют меня не так проворно, как этот. Пусть говорит.

— Ты можешь сама говорить с ним.

— Неужели? Просто не верится. Наверное, это все равно, что разговаривать с лодкой. Ты командуешь — она подчиняется. — Вейнте' повернулась к Керрику и четко произнесла: — Налево, лодка, налево.

— Я не лодка, но я могу пойти налево.

Он медленно обошел комнату, и Вейнте' зажестиковала, выражая неверие и удовлетворение.

— Встань передо мной. Скажи мне имя, которое тебе дано.

— Керрик.

— Оно ничего не значит. Но ведь ты устузоу и не можешь правильно выговорить слово. Твое имя следует произносить так — Экерик.

Вейнте' не понимала, что имя мальчика складывается только из звуков. Она добавила жесты, означавшие «медленный — глупый».

— Экерик, — повторил он, а потом добавил идентификаторы — «медленный — глупый».

— Словно с фарги разговариваешь, — произнесла Вейнте': — Понятия «медленный — глупый» он выражает нечетко.

— Лучше он просто не может, — пояснила Энге, — без хвоста он не может как следует выполнить это движение, но, смотри-ка, он ведь научился извиваться очень похоже.

— Скоро мне понадобится это создание. Из Инегбана прибыл урукето и привез Зхекак, которая будет работать с Ваналпе'. Она толста и тщеславна, но в Энтобане нет ученой умнее. Она должна остаться здесь, нам нужна ее помощь. И я хочу ублажить ее, как только возможно. Без сомнения, этот устузоу заинтересует ее. Говорящий устузоу! Она поймет, какой это успех.

Изобразив почтительное внимание, Керрик глядел на Вейнте'. В отличие от иилане', выразивших движением каждую мысль, Керрик прекраснейшим образом умел лгать. Вейнте' окинула его взглядом.

— Грязен, надо умыть.

— Моем ежедневно, это его естественный цвет.

— Отвратительно. И еще этот пенис. Нельзя ли его заставить втянуть все в этот мешочек.

— Он не убирается туда.

— Сделайте мешочек телесного цвета, не будет так бросаться в глаза. А почему череп так исцарапан?

— Мы каждый день соскабливаем с него мех, как ты приказала.

— Конечно же, я приказала делать это. Но я ведь не приказывала царапать этого уroda. Поговори с Ваналпе', пусть придумает другой способ снимать с него мех. Немедленно.

Когда иилане' уходили, Керрик смиренно благодарил и выражал глубокое уважение. И как только дверь оказалась закрытой, он выпрямился и громко расхохотался. Этот мир был к нему очень жесток, но в девять лет он уже умел бороться за жизнь.

В тот же день в сопровождении Сталлан пришла Ваналпе'. За ними следовала обычная свита помощниц и ретивых фарги. Для маленькой каморки их было слишком много, и Ваналпе' приказала всем, кроме первой помощницы, ждать снаружи. Пока Ваналпе' разглядывала Керрика, ее помощница раскладывала на полу свертки и расставляла какую-то посуду.

— Я никогда не видела их живыми, — произнесла Ваналпе'. — Но такие существа мне известны. Я уже анатомировала один экземпляр.

Она сказала это за спиной Керрика, поэтому он не слышал ее, что было вовсе неплохо, ведь понятие «анатомировать» на языке иилане' выражалось следующим набором слов: «резать-мертвое-мясо-на-части-учиться».

— Скажи мне, Сталлан, оно действительно разговаривает? Но это же просто животное.

Общего интереса к говорящему устузоу Сталлан не разделяла и желала ему только смерти. Но приказам повиновалась и не причиняла Керрику вреда.

— Говори! — приказала Ваналпе'.

— Что ты хочешь услышать от меня?

— Великолепно, — произнесла Ваналпе', мгновенно потеряв дальнейший интерес. — Что ты использовала для снятия меха?

— Струнный нож.

— Очень неудачно. Такие ножи хороши для разделки туши. Дай мне унутакха, — приказала она помощнице. Та вытряхнула из контейнера на ладонь Ваналпе' бурого слизня. — Я использую это для подготовки образцов. Переваривает только мех, а не кожу. Правда, мы испытали его только на мертвых устузоу. Посмотрим, как он управится с шерстью на живом.

Сталлан швырнула Керрика на пол и навалилась на него, пока Ваналпе' разворачивала свернувшегося унутак-ха и пристраивала ему на череп. От холодного скользкого прикосновения он поежился, а иилане' с интересом следили, как слизень полз по его коже.

— Очень хорошо, — объявила Ваналпе', — кожа цела, меха нет. Следующая задача: нужен мешочек. У меня есть подходящая по цвету дубленая шкура, мы просто приладим ее к нужному месту. Я придумала специальные наклейки для кожи. Хорошо? Примерь.

Керрик готов был расплакаться от оскорбительного и грубого обращения, но сдержал слезы. Мургу не дождутся их. Холодный слизняк медленно двигался по голове и как раз прикрыл ему один глаз. Когда он отполз в сторону, Керрик поглядел вниз, где прилаживали мешочек. Мешочек его не беспокоил, и мальчик забыл о нем, едва слизняк неторопливо переполз на ресницы второго глаза.

Он никогда не узнал, что мешочек был сделан из тщательно выделанной кожи Исель, той самой девочки, которую мургу убили у него на глазах.

Глава пятнадцатая

— Я долго думала над твоим положением, — произнесла Энге, — и пришла к выводу: ты — низжайший из низких.

— Я низжайший из низких, — согласился Керрик, стараясь не обращать внимания на унутакха, увлажнявшего слизью череп.

Он очищал тело мальчика от волос только третий день, и его влажное прикосновение еще было для маленького тану непривычным. Керрик относился к крохотному созданию с опаской. Когда вчера утром он скovyрнул унутакха с головы, слизень прицепился к пальцу и быстренько объел едва ли не половину ногтя.

Слизень уполз на затылок, и Керрик смог обтереть безбровое, лишенное даже ресниц лицо тыльной стороной ладони.

— Ты слушаешь меня? — спросила Энге.

— Да. Я низжайший из низких.

— Но ты не так говоришь. Ты так и не научился правильно произносить. Теперь ты должен говорить так: низжайший из низких.

Отметив по-особенному согбенную позу Энге, подогнутый вниз хвост, Керрик по возможности попытался изобразить ее.

— Лучше. Практикуйся. Скоро тебе придется бывать в обществе высочайших, а они не потерпят твоих ошибок.

— А откуда ты знаешь, что я низжайший из низких? — спросил Керрик, представив фразу в виде вопроса, задаваемого глупцом. На самом же деле разговор казался ему скучным и уже начинал досаждать.

— Вейнте' — эйстаа и правит в Алпеасаке. Она высочайшая. Ниже ее — в бесконечной выси над тобой

и мной — Сталлан, Ваналпе' и другие правительницы. Им служат помощницы, они обучают фарги. И пусть ты разговариваешь лучше многих фарги, ты всегда останешься ниже их, потому что они иилане', а ты — всего лишь устузоу: говорящее животное остается животным.

Все эти сложные ранги и титулы для Керрика не значили ничего. Его заинтересовало слово, которого мальчик еще не слышал.

— Что такое «фарги»?

— Фарги, ну, это просто фарги.

Сказав это, Энге ощутила отсутствие смысла в сказанном. Некоторое время, задумавшись, она пыталась найти определение. Его трудно было сформулировать — понятие повседневное, общепринятое, иилане' принимали его за данность, не сомневаясь в существовании предмета. Так можно спросить: «Что есть солнце?» Просто солнце! Оно определяется фактом своего существования. Энге прекрасно знала, что физики могли многое рассказать о солнце, куда больше, чем ей хотелось бы знать. Но если она учит этого устузоу общению с высочайшими, он должен знать и обычные сведения, которые знали все. Объяснения пришлось вести с самого начала.

— С родильных пляжей наш молодняк попадает прямо в воду. Они много лет живут в океане, растут и зреют. Счастливое время: рыбу ловить несложно, опасностей мало. Все, кто входит в океан в одно и то же время, принадлежат к одному эфенбуру. Друг для друга они эфенселе, связь между ними длится целую жизнь. А потом все взрослеют и выходят на сушу. Самцов отделяют и доставляют в город, ведь они слишком глупы, чтобы постоять за себя. Настает трудное время, каждая самка должна обрести в жизни собственную дорогу. Еды много, но много и опасностей. Жизнь идет в городах, и молодые отправляются туда. Они слушают, учатся, а те, кто начинает говорить, становятся нижайшими. Это фарги. Ты ниже их.

— Я понимаю. Но как же насчет самцов? Все фарги самки?

— Конечно.

— Но ты же самец...

— Не оскорбляй меня. Ты никогда не видел самцов. Их содержат в хорошо защищенном месте — в ханане.

Известие это ошеломило Керрика. Самки! Все мургу самки! Все, даже отвратительная Сталлан. Ну все у этих мургу не так! Вот тану все умеют говорить, даже самые маленькие. Ясно, мургу глупые.

— А что случается с теми, кто не обучается говорить? — спросил он.

— Это не твое дело. Помни одно. Ты ниже нижайшей из фарги, тех, что зовутся «иилейбе» — с трудом говорящие.

— Я нижайший из низких, — согласился Керрик, подавив зевоту.

Их занятия прервал скрип засова. Керрик сделал безразличное лицо, чтобы на нем не отразилась ненависть, которую он всегда ощущал при виде Сталлан. Она принесла запечатанную бутылку.

— Время пришло, — проговорила Сталлан. — Вейнте' требует устузоу к себе. Я принесла это, чтобы он не был опасен.

Сняв с головы Керрика унутакха, Сталлан помыла его с головы до пяток. Живая веревка на запястьях мальчика Сталлан не понравилась, и она заменила ее новой. Потом извлекла из бутылки длинный, темный, извивающийся жгут.

— Никаких неприятностей от устузоу! — объявила Сталлан, притянув к себе Керрика, и набросила ему на шею длинную тварь.

Рот веревки присосался к собственному телу. Когда на шее мальчика оказалась нежная петля, Сталлан крепко взялась за другой конец.

— Скажи, чтобы он следовал за тобою, — велела она Энге, все еще отказываясь признавать в Керрике больше, чем дрессированного зверя. Они одинаково ненавидели друг друга.

Но Керрику сейчас было не до нее: впервые после пленения он выйдет из помещения. Когда его несли сюда, он успел запомнить только деревья и лес. Теперь он был готов ко всему и старался выглядеть ручным и покорным. Энге распахнула дверь, и Керрик со связанными руками последовал за ней. Последней шла Сталлан, крепко держа поводок.

Перед ним простирался освещенный неярким зеленым светом туннель. Пол был плетеным, как и в камере, но стены казались куда менее прочными. Они были живым переплетением тонких и толстых древесных стволов, ползучих лиан, цветущих кустов и каких-то неизвестных ему растений. Над головою листва смыкалась в крышу. То и дело в стороны отходили коридоры, по которым двигались темные силуэты и исчезали у выходов в ярких солнечных лучах. После долгого заключения он щурился. Свет резал глаза, но мальчик жадно смотрел вокруг сквозь слезы.

«Где я, где Алпеасак?» — думал Керрик. Со слов Энге он представлял город как огромное стойбище с бесчисленными шатрами. Он должен был сразу сообразить, что мургу и понятия не имеют о настоящей стоянке. Но скопление деревьев и коридоров казалось огромным. И повсюду были мургу. Их было слишком много, Керрик словно свалился в яму, кишашую мургу. Они толпились вокруг, расталкивали друг друга, чтобы увидеть идущего устузоу, и следовали за ним. По коже его пробежали мурашки. И эти мургу тоже глупы, многие едва умели говорить. Должно быть, это и есть фарги, о которых рассказывала Энге.

Туннель привел их к открытому пространству, куда большему, чем те, которые им встречались. Глаза Керрика начали привыкать к свету. Повсюду группами стояли иилане'. Сталан резко крикнула, и фарги раступились, давая им пройти. Они направились к дальней стене, где оказалось несколько иилане'. Две явно были очень важными персонами, и все остальные почтительно сгибались в их присутствии — это было видно даже издали. Подойдя поближе, Керрик узнал Вейнте'. Ее-то он никогда не забудет. Возле эйстаа на корточках сидела очень толстая иилане', шкура ее, казалось, вот-вот лопнет. Вейнте' знаком велела им остановиться и обратилась к толстой:

— Теперь ты сама видишь его, Зхекак, это один из злодеев устузоу, совершивших преступления, о которых тебе уже известно.

— Подведите его поближе, — тонким голосом приказала Зхекак. Жир мешал ей шевелить конечностями. — Не похоже, чтобы он был опасен.

— Это молодой. А взрослые больше.

— Интересно. Покажи мне его прикус.

Пока Керрик гадал над смыслом нового слова, Сталлан схватила его, раздвинула челюсти и поволокла поближе к Зхекак, чтобы она могла заглянуть ему в рот. Увиденное заинтересовало Зхекак.

— Очень похож на те экземпляры, которые хранит Ваналпе'. Есть над чем подумать, очень интересно. Я уже вижу тот день, когда Алпеасак превзойдет все города в изучении устузоу и их использовании.

Вейнте' просто лучилась от счастья.

— Ты должна узнать кое-что еще об этом существе: оно говорит!

Зхекак откинулась, выражая недоверие, удивление и сомнение одновременно, тучное тело ее колыхалось.

— Покажи! — приказала Вейнте'.

Сталлан толкнула Керрика. Энге встала рядом, чтобы он мог ее видеть.

— Назови свое имя перед персонами великого ранга, — приказала она.

— Я — Керрик, низайший из низких.

Зхекак была, пожалуй, слишком щедра на похвалы.

— Великолепная дрессировка, мне еще не приходилось видеть зверя, который умел бы произносить свое имя.

— И не только это, — уважительно добавила Энге. — Он говорит, как все иилане'. Можешь поговорить с ним, если хочешь.

Восхищение, сомнение и недоверие Зхекак были очень велики. Закончив жестикулировать, она склонилась вперед и очень медленно и отчетливо произнесла:

— В это трудно поверить. Ты ведь не умеешь говорить по-настоящему?

— Я умею говорить. Могу говорить очень быстро и четко.

— Ты заучил эти слова.

— Нет, я выучился им, как все фарги.

— В океане?

— Нет. Я не умею плавать. Я учился, слушая Энге.

Зхекак и не поглядела в сторону Энге.

— Приятно услышать хоть что-то доброе о той, которая причинила всем столько неприятностей в далеком и любимом Инегбане. Как это правильно, что только

у грубого зверя нашлись добрые слова о Дочери Смерти. — Она обернулась к Вейнте'. — Могу тебя поздравить, ты сделала нечто из ничего: город из джунглей, говорящее существо из устузоу, учительницу из лишенной смерти. Истинно, будущее Алпеасака сулит нам тепло.

Вейнте' жестом отпустила Энге и Керрика и обратилась к Зхекак:

— Эти слова я буду помнить всегда. Новый мир — новые вещи, мы стараемся. А теперь, не съешь ли мяса? У нас здесь водится кое-что вкусное, такого ты еще не пробовала.

Зхекак лязгнула зубами.

— Мне уже говорили, и я собираюсь сама все попробовать.

Жирная мургу, объешься и лопни, подумал Керрик, но даже намек на подобные мысли не выражала его покорно склоненная фигура.

— Отведи животное на место, — велела Вейнте'.

Сталлан дернула за поводок и потащила Керрика за собою. Он спотыкался, едва не падал, но не жаловался. Покинув огромное пространство без крыши, они вновь вступили под зеленые своды. Энге повернула в боковой туннель, и Керрик осторожно оглянулся. Вблизи не было никого, вдали темнели редкие фигуры, и Керрик вскрикнул будто от боли.

— Помоги! Такая боль... Эта штука на моей шее... Задыхаюсь...

Сталлан обернулась и отвесила Керрику оплеуху. Но она понимала, что этому зверю нужно сохранить жизнь. Поводок придется ослабить. Она выпустила свободный конец и потянулась к голове животного.

Керрик вырвался и побежал, не обращая внимания на яростные вопли за спиной.

Беги, парень, беги, беги изо всех сил, быстрее всех мургу! Впереди замаячили два силуэта. Бестолковые фарги.

— В сторону! — крикнул он.

Фарги повиновались! Глупые бессмысленные создания... Поводок свисал с плеча, он держал руками, чтобы не споткнуться. Пробегая через одно из открытых про-

странств, он заметил, что Сталлан безнадежно отстала. Он был прав, эти твари не умеют быстро бегать.

Он чуть замедлил бег, можно было уже не нестись стремглав. Он мог бежать целый день. Ему легко дышалось, ноги шлепали о мостовую. Надо было бороться за жизнь.

Остановить Керрика было некому. Завидев впереди мургу, он тут же сворачивал в сторону. Фарги отступали, покорно повинувшись ему. Один мараг, остановившись, попытался схватить его, но он легко уклонился от неуклюжих рук и припустил дальше. Оторвавшись от погони, беглец остановился, чтобы отдышаться и все обдумать.

Вокруг был город. Лучи солнца просачивались сквозь листву. День подходил к концу, позади шумело море, а земля была там, куда опускается солнце.

Незаметно город сменился полями. Керрик бежал легкой трусцой, увеличивая темп, лишь когда его замечали. Первой преградой на его пути оказались высокие кусты, усеянные острыми иглами. Сердце мальчика замерло. Если его обнаружат здесь, он пропал. Он быстро побежал вдоль живой изгороди в поисках какой-нибудь дыры. Да, вот и отверстие, прочные лианы крест накрест перегораживают его. Улегшись на живот, он проскользнул под нижней поперечиной. Стадо низкорослых оленей в испуге бросилось наутек в высокую траву. Он последовал за ними, около следующего забора их пути разошлись. Зная, что искать, следующее прикрытое плетеной калиткой отверстие он нашел без труда. Оглянувшись, он заметил на дальнем конце поля группу мургу, они открывали калитку, под которой он недавно прополз. Теперь его уже не догнать!

Так он добрался до последнего поля. Последним оно было потому, что за ним зеленой стеной высились джунгли. Крохотные кусочки джунглей ему уже попадались, всегда за забором. Пустой лес за последней оградой пугал. Но любые опасности, подстерегавшие в джунглях, были ничтожными по сравнению с тем ужасом, что сулил город. Проскользнув под калиткой, он в страхе застыл: какие-то огромные твари уставились на него.

Ужас охватил Керрика. Он не мог даже пошевелиться. Звери были огромные, куда больше мамонтов — это

были мургу из ночных кошмаров. Серые морщинистые шкуры, ноги, подобные стволам деревьев, огромные костистые воротники, рога, наставленные на него... Сердце Керрика так заколотилось, что, казалось, вот-вот разорвется.

Тут он заметил, что им вовсе не до него. Крошечные глазки, утонувшие в морщинистой коже, были обращены к земле. Скорее всего они не заметили его. Огромные головы были опущены, мощные челюсти перемалывали траву. Медленно, шаг за шагом, он обошел их, двигаясь к следующей еще не поднявшейся изгороди.

Свобода! Откинув свисавшие лианы, он ступил на прохладную подстилку джунглей. Вновь откинул лианы... и снова...

И вдруг они прилипли к рукам и медленно стянулись вокруг них.

Это были совсем не лианы, а живые силки. Керрик дернулся, попытался рвануть их зубами, но безуспешно. А ведь он был так близок, так близок к свободе. Повернувшись в этих холодных объятиях, он увидел мургу, приближавшихся к окраине поля. Они были совсем близко.

И, бессильно повиснув в тенетах, он повернулся лицом к лесу. Керрик даже не почувствовал, как жесткие руки с двумя большими пальцами впились в его тело. Он глядел вверх — на кроны деревьев, на небо.

Внезапно среди листьев, в просвете, он увидел бородатое лицо, которое сразу же исчезло. А его поволокли назад, в плен.

Глава шестнадцатая

Погрузившись в думы, Вейнте' покойно откинулась на «дерево отдыха» и не шевелилась. Рядом были помощницы, они негромко переговаривались; их, в свою очередь, окружали услужливые фарги. Вейнте' находилась внутри островка молчания, никто не смел нарушить покой эйстаа. Мысли ее — мысли всего города.

Но в этот миг в сердце ее кипела ненависть, и, замерев, Вейнте' пыталась спрятать ее... Одна ненависть — никаких высоких мыслей. Она словно застыла, только правый глаз медленно следил за тремя удалявшимися иилане'. Ваналпе', ее бесценная помощница, растящая город; ученая Зхекак — она может оказаться столь же незаменимой. А рядом с ними — Алакенси, тяжкий груз на ее шее. Как прекрасно задумала коварная Малсас< тонкое злодейство: вдруг является такая Алакенси, чтобы Малсас< могла потом спокойно воспользоваться результатами ее труда! Чтобы следила, запоминала и доносила, а потом — передала всю власть Малсас<. Она наблюдала как уходит Алакенси, разговаривая с Зхекак, вслушивается в ученые речи.

Они ушли, и взгляд Вейнте' остановился на бесшумно подошедшей Энге, склонившейся в позе покорности.

— Оставь меня, — коротко произнесла Вейнте'. — Я ни с кем не говорю.

— Дело величайшей важности. Умоляю, послушай.

— Уходи!

— Ты должна выслушать. Сталлан убьет устузоу. Я боюсь, что она убьет его.

Вейнте' посмотрела на Энге уже внимательно и потребовала немедленных объяснений.

— Существо пыталось бежать, но было поймано. Сталлан страшно бьет его.

— Я не велела. Распорядись, чтобы она прекратила. Подожди, я сделаю это сама. Следует узнать подробности побега. Как это случилось?

— Знает одна Сталлан. Она не рассказывала.

— Мне расскажет, — ответила Вейнте' с угрюмой властью в голосе.

...Подойдя к камере, они увидели, что дверь распахнута, изнутри доносились глухие удары и стоны, они были слышны из коридора.

— Прекрати! — приказала Вейнте' так грозно, что Сталлан замерла, подняв руку с окровавленным хлыстом.

У ног ее корчился от боли Керрик, забитый до полусмерти — спина его казалась куском мяса.

— Перевяжи это создание! — приказала Вейнте'. Энге бросилась вперед. — А ты — положи эту вещь и немедленно объяснись!

В ее словах звучала такая угроза, что содрогнулась даже бесстрашная и крепкая Сталлан. Хлыст выпал из ее ослабевших пальцев. Ей пришлось напрячь всю волю, чтобы ответить. Вейнте' могла произнести еще только несколько слов — и Сталлан была бы обречена на смерть.

— Зверь вырвался и убежал. Очень быстро, никто не мог поймать его. Мы гнались за ним до полей, прямо по пятам. Но недостаточно быстро. Он бы удрал, если бы не одна из ловушек, расставленных вокруг полей на случай ночных набегов устузоу.

— Так далеко... — произнесла Вейнте', глядя на скрючившуюся фигурку. — У диких животных столько неизвестных нам способностей. — Гнев ее таял, и Сталлан с облегчением шевельнулась. — Но как он удрал?

— Не знаю, эйстаа. То есть я знаю, что произошло, но не могу объяснить этого.

— Попробуй.

— Я попытаюсь. Зверь шел рядом, исполняя мои команды. Когда мы отошли подальше, он остановился, поднял руку к ошейнику и завопил, что задыхается. Такое возможно. Я стала ослаблять поводок, но устузоу убежал. И на бегу он вовсе не задыхался!

— Но тебе он сказал, что задыхается?

— Да, так он говорил.

Теперь гнев Вейнте' совершенно утих, и она крепко задумалась над словами охотницы.

— Поводок был у тебя в руке?

— Я выпустила его, когда стала ослаблять петлю. Задыхающийся зверь не может убежать.

— Конечно. Ты поступила правильно, иначе нельзя было поступить. Но он-то не задыхался? Ты уверена в этом?

— Полностью. Он долго бежал и дышал ровно. А когда его поймали, я первым делом поглядела на поводок: ошейник оказался затянутым, и ни он, ни я не ослабляли его.

— Необъяснимо... — произнесла Вейнте', глядя на потерявшего сознание устузоу.

Над ним склонилась Энге, обтирая кровь со спины и груди. Под побелевшими от боли глазами темнели синяки, на лице запеклась кровь.

— Ошейник не душил его. Но сам-то он говорил, что задыхается. Это невозможно, но так было.

Вейнте' не двигалась. Мысль была невероятной, ничего подобного даже в голову не могло прийти суровой, но простоватой охотнице. Вейнте' справилась с собой, отогнала назойливую мысль и пробормотала:

— Уходи немедленно.

Сталлан заторопилась к выходу, жестами выражая на ходу облегчение и благодарность. Она понимала, что жизнь ее на какое-то время вне опасности, и с радостью забыла все, что произошло.

Но не Вейнте'. Энге все еще стояла спиной к ней, поэтому она могла вновь обратиться к размышлениям, все обдумать, не опасаясь, что кто-нибудь подглядит за ходом ее мыслей.

Невероятно, но как иначе объяснить такое. Обучаясь мыслить, в числе первых она усвоила следующее положение: когда отпадают все прочие объяснения, оставшееся, каким бы нелогичным или вздорным оно ни казалось, является единственно верным.

Устузоу сказал, что ошейник душит его.

Ошейник его не душил.

Утверждение, которого не существует.

Устузоу сказал то, чего нет.

В языке иилане' для такого поступка не было названия. Пусть будет — «ложь». Устузоу солгал.

Иилане' не умеют лгать. Только за неподвижностью, за отсутствием всякого выражения можно спрятать свои думы, утверждение — это мысль, мысль — это утверждение. Речь эквивалентна мысли.

Устузоу поступил иначе.

Этот зверь умеет думать одно, а говорить другое. Представился ручным и тихим, а потом сказал, что задыхается — и все это время думал только о бегстве. Он может лгать.

Зверь должен выжить, его придется беречь и охранять, чтобы не убежал. В туманном будущем Вейнте' еще не различала подробностей, но знала, что оно как-то связано с этим устузоу. Она использует и его самого, и его способность ко лжи. Использует, чтобы лезть вверх, к вершинам своих устремлений.

Но пока следует выбросить из головы все мысли об этом невероятном даровании. Все будет делаться по ее приказу так, чтобы не знали другие. Придется пресечь все разговоры о неожиданном бегстве. Должна ли Сталлан умереть? Она задумалась ненадолго, потом отвергла эту мысль. Охотница слишком нужна. Сталлан исполнит приказ и будет молчать, она несомненно выполнит его, ведь она еще не забыла, как близка была к смерти. Сбравшись, Вейнте' спросила у Энге:

— Тварь сильно ранена?

— Не могу сказать. На спине синяки и ссадины, возможно, это все. Погляди, шевелится. Открыл глаза.

Бледными пятнами мургу маячили над Керриком. Он не сумел убежать, он ранен, его постигла неудача. Но ничего, все меняется...

— Скажи, что ты чувствуешь, — приказала Вейнте', и он удивился неожиданному беспокойству, прозвучавшему в ее голосе.

— Больно. — Он пошевелил руками и ногами. — Боль... Все болит.

— Это потому, что ты пытался бежать, — объяснила Вейнте'. — Ты воспользовался возможностью и бежал, когда Сталлан выпустила из рук поводок. Я позабочусь, чтобы подобное не повторилось.

Керрик все-таки был не настолько избит, чтобы не уловить уклончивость в голосе эйстаа. Вейнте' знает, какие слова он сказал, чтобы Сталлан выпустила из рук поводок. Энге не заметила этого, а он заметил, удивился и тут же забыл. Слишком велика боль.

Пришла одна из учениц Ваналпе' и обработала раны, а потом его на много дней оставили в одиночестве, пока все не зажило. Ученица по утрам приносила еду, проверяла, как заживают раны. Уроки языка прекратились, и ему больше не приходилось встречаться со страшной Сталлан. Пути сняли, но дверь всегда была надежно заперта.

Когда боль утихла, мысли вернулись к неудавшемуся бегству, к тому, что преградило путь. В следующий раз он так не попадется. Он перепрыгнет эти лианы и уйдет в джунгли.

Но бородатое лицо в листве? Или это надежда и отчаяние нарисовали среди ветвей лицо тану? Он не был уверен. Быть может, ему просто хотелось его там увидеть? Впрочем, это ничего не значило. Нужна помощь. И возможность убежать. В следующий раз его ничто не остановит...

Дни шли за днями, раны зажили, оставив белые рубцы. Ученица все еще внимательно осматривала его каждое утро. Когда с головы исчезли все синяки, она принесла унутакха — снять подростший ежик. Пришлось заново привыкать к скользкому прикосновению. Пока ученица была с ним, дверь всегда оставалась закрытой, и за нею угадывалось злое присутствие Сталлан. Пути для бегства не было. Но его не станут вечно держать в камере.

В тот день в движениях ученицы было заметно возбуждение. Он понял: что-то произойдет. Она обмыла его, внимательно осмотрела, проверила, на месте ли кожаный мешочек, а потом склонилась перед дверью. Керрик знал, что спрашивать бесполезно. Она с ним никогда не разговаривала и не отвечала на вопросы. Поэтому он сел и тоже поглядел в сторону входа.

День оказался действительно особенным. Дверь открылась, вошла сама Вейнте', за нею колыхалось жирное тело Зхекак. Следом за ними фарги и помощницы несли какие-то ящички.

— Он удрал однажды, — произнесла Вейнте', — следует сделать так, чтобы этого не могло случиться вновь.

— Интереснейшая проблема, эйстаа. Размышления над нею доставили мне истинное удовольствие. Я считаю, ответ мне уже известен, но не стану говорить, лучше я покажу, чтобы ты разделила со мной удовольствие от этого откровения.

— Все труды Зхекак доставляют мне радость, — вежливо ответила Вейнте', сделав при этом жест особенного удовольствия.

Зхекак сделала знак фарги и взяла ящичек из ее рук.

— Совершенно новая вещь, — сказала она, извлекающая длинную узкую полоску гибкого материала.

Тонкий красноватый лист был очень прочен. Зхекак показала, что он не рвется, приказав фарги тянуть его за противоположные концы. К всеобщему удовольствию они чуть не попадали, перетягивая друг друга. Потом Зхекак достала струнный нож и попыталась разрезать материал. Когда она передала полоску Вейнте', та заметила лишь царапину на блестящей поверхности и выразила восхищение и удивление.

— Рада объяснить... — объявила Зхекак с огромным удовлетворением. — Струнный нож — это одна длинная молекула. Она режет потому, что мал ее диаметр. Ее нельзя переломить — ведь внутримолекулярные связи обладают высочайшей прочностью. Сейчас мы пытались разрезать аналогичный материал. Гибкое полотно сделано из волокон молекулярного углерода, выращенных в той же среде. Они гнутся, но не ломаются, их нельзя разрезать.

Вейнте' сделала жест одобрения.

— Значит, ты нашла веревку, которой можно надежно связать зверя. Тогда я задам очевидный вопрос. Ты привяжешь ее к устузоу. А что ты привяжешь к другому концу?

Зхекак подобострастно завияла жирным телом.

— Эйстаа так хорошо все понимает. А вот и воротник для зверя.

Помощница извлекла полупрозрачный предмет длинной с руку. Он лениво извивался, пока Зхекак пристраивала его на плечах Керрика. Холодное прикосновение

не доставило ему удовольствия, но он уже знал, что лучше не протестовать. Повинуясь коротким распоряжениям Зхекак, помощницы смочили концы существа каким-то раствором, а потом соединили, сомкнув толстый ошейник вокруг шеи Керрика.

— Быстро, — распоряжалась Зхекак. — Процесс секреции уже начался.

Они осторожно обвили поводком полупрозрачное тело, потом натянули петлю так, что она ушла вглубь, в середину плоти воротника.

— Посмотри, эйстаа, — предложила Зхекак. — Увидишь — процесс пошел.

Прозрачное вещество быстро сгущалось вокруг чуждого объекта в самой его середине.

— Это животное — простейший секретор металла. Оно осаждает молекулы железа на инородное тело. Скоро оно застынет и обретет прочность. Мы будем кормить его, пока вокруг шеи устузоу не образуется металлический ошейник. Ошейник, который нельзя будет сломать или разрезать.

— Восхитительно. Но что же будет на другом конце?

Складки жира на теле Зхекак заколыхались вновь. Она проковыляла через камеру к наблюдавшим за происходившим фарги и вытолкнула одну из них вперед. Она была повыше и покрепче прочих, под ее шкурой при ходьбе перекачивались сильные мускулы. Зхекак попыталась ущипнуть мускулистую руку двумя большими пальцами, но не сумела.

— Эта фарги прислуживала мне много лет, сильнее ее я не встречала, она едва умеет разговаривать, но превосходно исполняет в лаборатории все тяжелые работы. Теперь она принадлежит тебе, эйстаа, и будет исполнять более важную функцию. — Крохотные глазки Зхекак, почти утонувшие в складках жира, оглядели притихших слушательниц. — У нее теперь будет другая работа. Второй воротник будет на ее шее, конец поводка вырастет в него. Устузоу и фарги всегда будут вместе, как два фрукта на одной ветке.

— Такому уму, как твой, нет равных, — произнесла Вейнте', и все помощницы и ассистентки одобрительно зажестикულიровали. — Соединенные и неразлучные навечно. Мне говорили, что наш устузоу умеет очень

быстро бегать. Скажи мне, устузоу, далеко ли ты убежишь с этой «крошечной» фарги на другом конце поводка?

Ответа не требовалось, и Керрик молчал. Глядя на глупую морду существа, к которому присоединили поводок, Керрик не чувствовал ничего, кроме жгучей ненависти. Но, заметив, что Вейнте' не сводит с него глаз, знаками изобразил подчинение и покорность. Она одобрительно кивнула.

— У этой фарги теперь будет новое имя, — сказала Вейнте', и все умолкли. — С этого дня ее будут звать Инлену<, потому что могучее тело ее делает весь мир тюрьмой для устузоу. Ты запомнила, как тебя зовут?

— Инлену<, — отвечала фарги с большим удовольствием, понимая, что имя ей дала сама эйстаа и служить Инлену< теперь будет ей.

Покорность Керрика была настолько же лживой, насколько искренним было удовольствие остальных. Он медленно потянулся, потрогал пальцем ошейник, уже обдумывая, чем и как можно будет сломать его.

Глава семнадцатая

Es mo tarril drepastar, er em so man drija.

Если брат мой ранен — кровь течет у меня.

На багровом полотне заката вырисовывались черные силуэты деревьев, а над океаном уже выпали первые звезды — тхармы сильнейших воинов. Четверо мужчин на берегу молча внимательно вглядывались в темную стену джунглей — они боялись зверей, что прятались среди стволов. Спины их упирались в прочный борт лодки, что придавало уверенности всем четверым. Эта лодка доставила их сюда и — все очень надеялись — унесет отсюда, из полного опасностей места.

Ортнар не мог более молчать и выразил общую мысль:

— Там, конечно, мургу; они неотступно следят за нами, выбирают время, чтобы напасть. Нам не следовало здесь останавливаться.

Он озабоченно закусил губу, воображение его наполняло тьму невидимыми опасностями — высокий и стройный охотник чувствовал себя неуверенно.

— Херилак велел нам ожидать здесь, — произнес Теллгес решительно.

Он не боялся того, чего не видят глаза, и предпочитал командовать, а не подчиняться. Сам он будет терпеливо дожидаться возвращения саммадара.

— Но его нет уже целый день. Может, он уже мертв, съеден мургу... — Страх владел мыслями Ортнара. — Не следовало забираться на юг так далеко. Мы проплыли мимо стад оленей, можно было поохотиться...

— Поохотимся на обратном пути, — ответил Серриах, заражаясь страхом Ортнара. — А пока — заткнись.

— Почему? Потому что я говорю правду? Разве все мы должны умереть, если Херилак жаждет мести? Не надо было приплывать сюда.

— Тихо, — сказал Хенвер. — По берегу кто-то идет.

Они пригнулись, выставив вперед копья — и с облегчением опустили их, когда на фоне неба возникла фигура Херилака. Он поднимался на дюну.

— Тебя не было целый день, — с упреком произнес Ортнар, когда саммадар приблизился.

Херилак промолчал и остановился, устало опершись на копье.

— Принесите воды, — попросил он, — и выслушайте то, что должны узнать.

Он жадно пил, потом бросил на песок пустую тыкву и устало опустился рядом. Помолчав, он тихим голосом заговорил о вещах, уже известных.

— Люди Амагаста истреблены, кости их белеют на песке — вы видели их. Вот — на моей груди нож Амагаста из небесного металла. Я нашел его среди костей. Я обнаружил останки людей на берегу — и решил, что смерть пришла к ним с юга. Я избрал вас своими спутниками, чтобы отыскать эту смерть. Я взял именно вас, потому что вы все сильные охотники. Много дней мы плыли на юг, останавливаясь лишь когда наши желудки требовали пищи. Мы пришли на юг, в страну мургу, и видели их во множестве. Но вчера мы увидели другое: следы, которые оставили не дикие мургу. Я пошел по этим следам и теперь расскажу, что увидел.

Что-то в голосе Херилака заставило притихнуть даже Ортнара.

Последние лучи заката озарили лицо Херилака, превратив его в жуткую маску. От гнева, он так стиснул зубы, что слова стали почти неразборчивы.

— Я обнаружил убийц. Следы эти оставлены мургу, каких я еще не видел. Тут у них целое гнездо, они кишат в нем как муравьи. Только это не муравьи и не тану, хоть и ходят на ногах, как мы. Это не дикие звери, а какие-то неизвестные мургу. По воде они плавают в

странных существах, похожих на лодки, а гнездо их ограждено терновой стеной. У них есть и оружие.

— Что ты сказал? — В голосе Ортнара слышался явный ужас: Херилак говорил об оживших ночных кошмарах. — Кто видел мургу, которые ходят подобно тану? У которых есть копья и луки, которыми они убивают так же, как мы? Надо уплывать скорее, немедленно, пока они не добрались до нас.

— Молчи! — мрачно бросил Херилак. — Ты охотник, а не женщина. Звери, на которых ты охотишься, увидят твой страх и станут смеяться, а все твои стрелы пролетят мимо цели.

Ортнар знал, что это правда, и сжал губы, показывая, что будет молчать. Будешь говорить об оленях — они услышат тебя, как бы далеко ни паслись, и убегут. Но, что еще хуже — если охотник боится, об этом сразу же узнают все животные, и его копье никогда не нанесет верного удара. Ортнар понимал, что все осуждают его, что говорил он слишком поспешно, не подумав. И он решил молчать.

— Эти мургу похожи на тану, но они не тану. Я следил за ними из укрытия целый день и видел, как они делают многие вещи, которых я не понимаю. Видел я и какое-то оружие, не копье и не лук. Это палка. Мараг наставил ее на оленя, раздался треск — и зверь упал мертвым. Я видел это, хотя не могу объяснить. Палка — это оружие, мургу с такими палками много. Они и уничтожили саммад Амагаста.

Последовавшее продолжительное молчание нарушил Теллгес. Он верил словам Херилака, но все-таки сомневался.

— Эти мургу с шумящими палками... Откуда ты знаешь, что именно они погубили саммад?

— Я знаю, — мрачно и решительно ответил Херилак. — Я уверен. На моих глазах они поймали бежавшего мальчика тану. Они знают о нас, а мы о них.

— Что нам делать, Херилак? — спросил Серриак.

— Вернемся в саммад, ведь нас только пятеро, а мургу даже нельзя сосчитать. Но мы вернемся сюда не с пустыми руками. Надо предупредить об опасности тану, чтобы все узнали об этих мургу!

— Но как это сделать? — Голос Ортнара дрогнул.

— Я подумаю об этом перед тем, как уснуть, а утром расскажу вам. А теперь — спать, завтра придется многое сделать.

Всей правды Херилак не сказал. Он уже решил, что надо делать, но хотел, чтобы люди выпалились, а не размышляли всю ночь, страшась неизбежного. В особенности Ортнар. Он был одним из лучших охотников, только всегда слишком много думал о том, что может произойти. Иногда лучше не думать, а просто действовать.

На заре, когда все проснулись, Херилак приказал грузить в лодку пожитки и готовиться к отплытию.

— Вернемся, — начал он, — придется отплывать без задержки. Быть может, за нами будут гнаться. — Он улыбнулся, глядя на вытянувшиеся лица. — У мургу есть небольшой шанс. Но если мы поступим, как подобает охотникам, такого шанса у них не будет. Вот что мы должны сделать. Мы выследим небольшую группу, отбившуюся от остальных. Вчера я видел такие отряды. Все были чем-то заняты. Мы выследим их незаметно и перебьем из засады. Всех, не поднимая шума. Если ранен мой брат — кровь течет из моих ран. Если мой брат убит, я должен заплатить за его смерть! В путь!

Глядя на сумрачные безмолвные лица, Херилак понимал, что охотники взвешивают его слова. Он предлагал им опасный шаг. Но они идут на охоту — убивать мургу, тех мургу, что напали на саммад Амагаста и перебили всех: женщин, детей, мастодонтов. Эти мысли пробуждали гнев.

Херилак кивнул и взял оружие. Вооружившись, за ним последовали остальные.

Под деревьями было темно: плотная листва не пропускала солнца, но по утопанной тропе идти было легко. Люди шли молча. Над их головами в густом зеленом шатре перепархивали и кричали яркие птицы. Не один раз пришлось останавливаться, взяв копья на изготовку, когда где-нибудь неподалеку раздавался звук тяжелых шагов.

Тропа петляла среди песчаных холмов, вокруг высились сосны, свежий утренний ветерок доносил аромат хвои, шелестел в ветвях.

Херилак резко вскинул руку, и охотники замерли. Подняв голову, он втянул носом воздух и прислушался.

Послышался негромкий звук, похожий на слабый треск горевших сучьев или шуршание гальки в волнах. Охотники поползли вперед, туда, где деревья расступались перед травянистым лугом.

По всему лугу разбрелось гигантское стадо мургу. Четвероногие, упитанные твари, раза в два выше любого мужчины, медленно поворачивая головы, пожирали траву и сосновые шишки. Один, с утиным клювом, встал на задние лапы и ухватил ветку небольшими, но когтистыми передними лапами, на задних когти были еще острее.

Херилак сделал знак обойти стадо. Но не успели они тронуться с места, как в джунглях раздался яростный визг, из леса появился огромный мараг и прыгнул прямо на одного из пасущихся. Толстую шкуру нападавшего покрывала чешуя, с острых белых зубов капала кровь. Крошечные передние лапки его дергались в воздухе, задними с огромными когтями он терзал добычу. Стадо кинулось бежать, вопя от страха. Поспешили скрыться и охотники, пока ужасный мараг их не заметил.

Тропа вышла из леса и теперь петляла среди кустов. Земля стала мягче, под ногами захлюпала вода. На открытых местах солнце безжалостно пекло спины. Вдали от лесной тени влажный горячий воздух душил. Все покрылись потом и пыхтели. Херилак дал знак остановиться.

— Смотрите вперед, — произнес он так тихо, что люди едва расслышали его. — Открытая вода. Там я видел их. Идите молча и скрытно.

Охотники двигались словно тени. Ни одна травинка не шевельнулась, ни один листок не колыхнулся там, где они прошли. По одному они пробрались к озеру и спрятались в зарослях на берегу. Один из охотников тихо охнул, и Херилак бросил на него негодующий взгляд.

Хоть саммадар и предупреждал о том, что их ждет, на деле все выглядело гораздо страшнее. Насторожившись, охотники следили за двумя темными предметами, приближавшимися к ним по воде. Первый прошел совсем близко от притаившихся охотников.

Лодка... Нет, не лодка... Весел не было. Спереди она была украшена большой раковиной. Нет, раковина не украшение, она росла там, она часть того живого суще-

ства, что служило лодкой. А на спине непонятной твари восседали мургу. Может быть, именно те, о которых рассказывал Херилак. Но слова совсем не то, что отвратительная реальность. Мургу стояли, как тану, или сидели на толстых хвостах. Одни держали какие-то странные предметы, другие — темные палки, должно быть, то самое оружие, о котором говорил Херилак. Затаив дыхание, охотники следили, как на расстоянии полета стрелы проплывали мимо них отвратительные создания. Одно из них не то лязгало, не то бормотало.

Темные предметы подплыли к противоположному берегу. Мургу стали выбираться на сушу.

— Видели? — спросил Херилак. — Я говорил. Они делали так и вчера, а потом возвратились. Теперь расходитесь, неслышно... Найдите на берегу место поукомней, положите перед собой стрелы и ждите. Когда они будут возвращаться, я дам знак. Выбирайте цели и ждите. Луки натягивайте, но стрел не спускайте. Ждите. А когда я дам команду — стреляйте. Всех, чтобы ни один не спасся и не смог предупредить остальных. Понятно?

Он взглянул на мрачные сосредоточенные лица. Охотники кивнули в знак согласия, молча разошлись по местам и застыли в ожидании. Солнце поднималось все выше, жара становилась невыносимой, докучали насекомые. У людей пересохло в горле. Но ни один не шевельнулся. Они ждали.

Мургу делали что-то непонятное, издавая при этом громкие звуки. Они то замирали, словно каменные фигуры, то вновь начинали двигаться. Так продолжалось невыносимо долго.

Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Мургу сложили свои предметы в живые лодки и забрались сами. Те, у которых были палки-убийцы, залезли первыми. Лодки отчалили.

Дневная жара заставила птиц замолчать. Только вода плескалась о борта приближавшихся лодок. Они подходили все ближе и ближе. Бледные чешуйчатые пятна на шкурах казались теперь особенно отвратительными. Они плыли к берегу и, когда поравнялись с невидимыми охотниками...

— Давай!

Зазвенели тетивы, свистнули стрелы. Кто-то из мургу взвизгнул, кто-то хлопнул, прежде чем умолкнуть навеки: стрелы пронзали их.

Наконечники впивались и в темные шкуры живых лодок. Те дергались, переворачивались, мургу падали в воду. С громким плеском Херилак нырнул и поплыл к месту побоища. Вскоре он вернулся, волоча за собой тело марага. Охотники помогли ему выбраться из воды.

Персвернув чудовище лицом вверх, они глядели в невидящие глаза, осторожно тыкали в труп луками.

— Отлично, — сказал Херилак, — все убиты. Теперь отправляемся, а это возьмем с собой. — Он взял одну из палок. — Тело тоже прихватим.

Охотники молча уставились на саммадара. Херилак мрачно улыбнулся.

— То, что видели мы, должны увидеть другие. Людей надо предупредить. Труп возьмем с собой. Будем грести день и ночь, если потребуется. Уберемся подальше отсюда, от всех этих мургу. А потом обдерем марага, пока не завонял.

— Хорошо, — сказал Теллес. — Череп возьмем тоже. Шкуру выделаем.

— Правильно, — согласился Херилак. — Тогда сомнений не будет. Никаких. Каждый тану, увидев все это, узнает, когда потребуется, и живых мургу.

Глава восемнадцатая

Модель эта была просто необходима для планирования города и совершенствования его. Для тех же целей можно было бы воспользоваться картой, какие применяли на урукето иилане'-мореходы. Необходимость требовала, и карты изготовлялись просто из чистого прагматизма. Но в городе подобных ограничений не существовало, и потому была создана масштабная модель Алпеасака — для планирования... и еще для удовольствия.

Вейнте' медленно ходила вокруг нее, ощущая огромное удовлетворение. Когда из Инегбана прибыла Сокайн с опытными помощниками, модель значительно усовершенствовали. Они внесли изменения, о которых было известно до этого лишь изыскательницам. Крошечные деревца окружали кружок амбесида, центр города. Когда Вейнте' склонилась поближе, она увидела золотой серпик родильных пляжей в мельчайших подробностях — вплоть до стены из терновника.

За плечом эйстаа сопела Алакенси — постоянное напоминание о том, что Малсас< знает о каждом поступке и решении Вейнте'. Вечная докука, портившая любое удовольствие. За ней, как всегда, стоял Керрик. Он был возбужден и заинтересован еще более, чем Вейнте', хотя старался ничем не выдать этого. Модель он видел впервые, раньше он даже не подозревал о ее существовании. Следует изучить ее и попытаться запомнить все, что возможно. Когда ему удастся убежать, то он будет знать самый безопасный путь. Позади в нескольких шагах двигалась Инлену<, придерживая подобранный петлей поводок, что связывал их обоих. Керрик уже настолько привык к ней, что не замечал ее присут-

ствия. Он не мог от нее избавиться, как и от металлического ошейника. Когда он останавливался, останавливалась и она. Отвернувшись, она ничего не слушала, предаваясь обычным безмятежным раздумьям, пока рывок поводка не заставлял ее следовать дальше.

Модель занимала почти все помещение, и вечно любопытные фарги вынуждены были оставаться снаружи. Они теснились возле дверного проема, заглядывали и рассказывали друг другу, как удивительна модель, восхищались размером прозрачного потолка, пропущившего в помещение только золотые лучи.

Вейнте' подошла к тому краю модели, где работали Сокайн с помощницами. Они не сразу заметили ее.

— Добро пожаловать, эйстаа, добро пожаловать, — стряхивая с колен мусор, произнесла Сокайн. Она поспешно встала, не выпуская из рук какое-то оранжевое существо.

— Не отрывайся ради меня от работы, — ответила Вейнте'.

— Она завершена, мы закончили перевод размеров.

— С помощью вот этого? — Вейнте' показала на оранжевое животное. — Я таких еще не видела.

Сокайн передала Вейнте' оранжевый предмет. У хитона были крошечный рот и закрытые глазки, трубка на голове и несколько впадин на боку.

— Объясни! — приказала Вейнте', потому что эйстаа должна знать в городе все до малейших подробностей.

Сокайн указала туда, где к модели пристраивали кусок, на воткнутые в нее тонкие палочки.

— Эти палочки соответствуют шестам, которыми мы пользовались при изысканиях. В поле я помещаю эти измеряющие существа на отмеченное место на почве, гляжу сквозь эту трубку на удаленный от меня на известное расстояние шест и нажимаю на эти углубления, чтобы инструмент запомнил углы и расстояния. Потом я перевожу трубку на другой шест и делаю то же самое. И так много раз. Когда я работаю с моделью, животное-инструмент определяет уменьшенное в масштабе расстояние между шестами и правильные углы между ними. В результате создается модель!

— Великолепно! А что за изогнутые канавы процарапаны в почве?

— Русла ручьев, эйстаа. С этой стороны к городу примыкает большое болото. Мы определяем его границы.

Вейнте' покачала головой.

— Нам нужно много полей. Можно ли осушить или засыпать эти болота?

— Едва ли, эйстаа. Но Акасест, улучшившая качество питания стад, обследовала и эти края, и теперь мы планируем сооружение перегородок. Есть много животных, предпочитающих болота, таких, как урукубы. Они будут процветать в подобных условиях.

— Весьма удовлетворительное решение, приспособляющее среду к нашим нуждам. Вас обеих следует повесить.

— Счастливы служить Алпеасаку, — преданно ответила Сокайн, выражая жестами огромную радость.

Много позже Вейнте' пришлось вспомнить этот разговор: больше ей не пришлось беседовать с изыскательницей...

Этот день, как и все остальные, был полон дел. Город рос, прибавлялось и работы, а вместе с этим увеличивалось и число решений, которые приходилось принимать.

Когда тени начали удлиняться, Вейнте' ощутила усталость, отослала внимательных фарги и приказала Керрику принести питьевой фрукт. Один как раз торчал на соконосе неподалеку. Мальчик дергал его, пока не отлипла присоска. Керрик поднес зеленую грушу Вейнте', та раскрыла отверстие и глотнула прохладную сладковатую воду. За этим занятием ее и нашла Сталлан. Охотница выглядела такой огорченной, что Вейнте' поняла — что-то случилось.

— Говори! — приказала Вейнте'.

— Отряд изыскательниц, Сокайн и другие, еще не вернулся, хотя уже поздно!

— Раньше они так не задерживались?

— Нет. С ними вооруженная стража, их каждый день привозили обратно в одно и то же время.

— И сегодня они впервые не вернулись вовремя?

— Да.

— Что можно сделать?

— До утра — ничего.

Вейнте' поняла, что случилось несчастье, присутствующие тоже забеспокоились.

— На заре я хочу отправить на поиски очень большой вооруженный отряд. Я сама поведу его.

...Вейнте' проснулась, едва небо слегка посветлело. Послала фарги за Керриком. Зевая и потягиваясь, еще не вполне проснувшись, он шел за эйстаа. Алакенси Вейнте' не звала, но она явилась незваной. И как всегда горела рвением, желая видеть все, что может заинтересовать Малсас<.

Сталлан с вооруженными стражницами подготовили лодки. Керрику уже не впервые приходилось на них плавать, и каждый раз он не мог скрыть восхищения этими созданиями. Одну из них только что покормили: из ее пасти еще торчали лапы и хвост молодого аллигатора. Маленькие глазки существа, расположенные под раковиной, слегка выпучились, мокрая шкура натянулась — и аллигатор исчез из вида. Керрик забрался на борт следом за остальными. Рулевая прокричала команду в ухо лодке. Плоть под их ногами ритмично запульсировала, втягивая и извергая воду. С первыми лучами солнца небольшая флотилия вышла в водную протоку.

Сталлан в первой лодке показывала путь. Мимо медленно проплывали поля. Животные на берегу либо разбегались при появлении лодок, либо с кроткойглупостью наблюдали. За осушенными полями сохранились огороженные участки болота; огромные деревья, хорошо укоренившиеся в жидкой грязи, соединяли изгородью. Ее выращивали прямо на месте — гибкие и прочные лианы. В этих загонах сидели крупные урукубы, больше вблизи не было никого. От движения огромных тварей разбегались волны, разбиваясь о решетчатые изгороди. Крошечные головки на длинных шеях казались еще меньше по сравнению с громоздкими телами. Животные обгладывали деревья вокруг, спускались в болото за сочной травой. Один из молодых урукубов, чуть побольше мастодонта, пронзительно завопил, когда лодки показались рядом, и отбежал подальше. Керрик еще никогда не был в этой части города, поэтому тщательно запоминал путь.

Когда миновали последнее поле, началось дикое болото. Сталлан ввела флотилию в узкий канал. С обеих

его сторон росли деревья, корни их высоко поднимались над лодками, с ветвей свисал белый мох. Повсюду виднелись цветы. Тучами носились кусачие насекомые. Керрик без конца прихлопывал садившихся на него и уже начал жалеть о том, что его взяли в эту поездку. Впрочем, выбора все равно не было.

Лодки медленно вошли в другой канал, еще более узкий. Наконец Сталлан дала сигнал остановиться.

— Тут они и работали! — крикнула она. Стало тихо.

Высоко в ветвях кричала какая-то птица. Больше ничего не было слышно. Видно ничего тоже не было. Стражницы, стиснув оружие, оглядывались по сторонам. Ничего. Гробовое молчание нарушила Вейнте'.

— Их надо найти. Растянитесь цепочкой, осмотрите каналы. Не теряйте бдительности.

Зоркий Керрик первым заметил какое-то движение.

— Там! — крикнул он. — На той водной дороге что-то пошевелилось!

Мгновенно туда обратились все хесотсаны, но Сталлан приказала опустить оружие.

— Друг друга перестреляете. Или меня убьете. Я отправлюсь туда. Опустите хесотсаны.

Ее лодка медленно скользила вперед. Наступив на раковину ногой, Сталлан вглядывалась в густую тень под деревьями.

— Тут одна из наших лодок! — раздался ее голос. — Она пуста...

Когда лодка Сталлан ударилась о потерявшуюся лодку, та задрожала. Дрожь усилилась, когда Сталлан перепрыгнула с борта на борт. Пришлось и покричать, и поколотить, как следует, прежде чем беглянка отошла от берега. Возвращаясь на ней к спутницам, Сталлан безмолвствовала, но указующий жест ее был чрезвычайно красноречив.

Из толстой шкуры лодки что-то торчало. Сталлан нагнулась и потянула предмет, лодка содрогнулась от боли. Сердце Керрика отчаянно забилося, когда Сталлан показала всем находку.

— Стрела устужоу...

Сталлан ополоснула стрелу в речной воде, потом передала ее Вейнте'. Та покрутила ее в руках; отворачи-

тельный смысл, заключенный в этом предмете, заставил ее содрогнуться от гнева и брезгливости. Она поглядела на Керрика, и мальчик отшатнулся, словно от удара.

— Узнаешь, не так ли? И я узнаю. Дело рук устузоу — на конце стрелы камень. Оказывается вокруг нас все еще бродят мерзкие устузоу! Мы убили не всех. Теперь мы исправим ошибку: погибнут все до единого. Найти их и уничтожить! Земля Гендаси велика, но вам, устузоу, в ней не спрятаться. Иилане' или устузоу! Конечно же, победят иилане'!

Раздалось громкое одобрительное шипение. Керрик с опаской подумал: как бы не начали убивать немедленно, прямо с него. Вейнте' хотела было выбросить стрелу, но опустила руку и задумалась. А потом с интересом поглядела на Керрика.

В гибели Сокайн и остальных должен быть смысл, подумала она. Потом она долго молчала, не шевелясь и не замечая ни Алакенси, ни прочих, словно вглядываясь в нечто, видимое только ей одной. Все терпеливо ждали. Наконец она заговорила:

— Ищи, Сталлан, пока не убедишься, что никто из них не заблудился. Возвращайся до темноты. Я немедленно отправлюсь в город. Я обязана там быть.

Всю обратную дорогу до Алпеасака она молчала. План был готов... Если бы она пошевелилась, то неминуемо выдала бы свои мысли. Только когда все оказались на пристани и уже поднимались на берег, она позволила себе пошевелиться. Вейнте' взглянула на широкую спину Алакенси и задумалась.

План и в самом деле был готов.

Глава девятнадцатая

Отряд изыскательниц исчез бесследно. О трагической его судьбе свидетельствовала стрела. Вейнте' отправилась в свою комнату и там присоединила ее к прочим произведениям рук устузоу, хранящимся в сундуках, выращенных возле стены. А потом села на свой трон и послала за Ваналпе' и Сталлан. Вместе с ними явилась вездесущая Алакенси. Потом заглянул и Керрик, но тут же скрылся, повинаясь жесту. Сейчас у нее не было сил терпеть присутствие устузоу. Потом все трое долго совещались со Сталлан, советовались о том, что следует предпринять, чтобы подобное не повторилось. Нужно было расставить новые ловушки, увеличить число стражниц и впредь не высылать изыскательные отряды. Потом Вейнте' отпустила всех и велела войти одной из фарги, которую недавно произвела в помощницы: она разговаривала лучше всех.

— Скоро прибудет урукето. Я хочу, чтобы ты отправилась на нем обратно. Я хочу, чтобы ты вернулась в Инегбан и отыскала там Малсас<. Ты сообщишь ей то, что я сейчас тебе скажу. Ты произнесешь все именно так, как я. Ты поняла?

— Понимаю, эйстаа. Я выполню твой приказ.

— Вот это сообщение: «Приветствую тебя, Малсас<, я принесла тебе весть от Вейнте' из Алпеасака. Печальную весть, исполненную гнева и великой заботы. Несколько иилане' погибло. Убита Сокайн. Ее и других убили устузоу той же разновидности, что устроили побоище на родильном пляже. Мы не видели их, но уверены в этом. Мы нашли оружие из дерева и камня, которое они используют. Этих устузоу следует разы-

скать и уничтожить. Всех. Когда урукето вернется в Алпеасак, прошу тебя послать в нем много фарги, которые умеют стрелять, с хесотсанами и запасами игл. Я чувствую требование необходимости. Жизнь Алпеасака — в смерти устузоу».

Вейнте' умолкла, угнетенная мрачной правдой собственных слов, а фарги в страхе покачивались, услышав ужасное сообщение. Но у Вейнте' было достаточно сил, чтобы справиться с печалью, и она одолела уныние. Потом велела фарги повторять сообщение, пока та не запомнила все слово в слово.

На следующее утро после отбытия урукето, Вейнте' отправилась в свои покои и послала за Керриком. С тех пор как он в последний раз предстал перед нею, прошло много времени, и теперь мальчик приближался к эйстаа не без страха. Но он беспокоился напрасно. Вейнте' даже обрадовалась его появлению — это было видно с первого взгляда.

— Инлену<! — позвала она, и рослая фарги послушно вышла вперед. — Ты будешь стоять в проходе, загораживать его своим телом, и кто бы ни подошел — не пропускай. Ты поняла?

— Они уходят.

— Так! Только скажи это громче.

— Уходите, приказывает Вейнте'!

— Теперь правильно. Выполняй.

Инлену< была хорошей стражницей — едва она встала в дверях, как по коридору зашлепали ноги. Вейнте' обернулась к Керрику и заговорила, как подобает эйстаа, отдающей приказы:

— А теперь ты расскажешь мне все об устузоу, о своих устузоу. Говори!

— Я не понимаю смысл твоих слов, эйстаа.

Заметив его страх и смятение, Вейнте' поняла, что вопрос слишком общий. Следует спрашивать поконкретнее.

— Как называется город устузоу?

— У устузоу нет городов. Этот город первый, который я увидел. Устузоу живут в... — Он тщетно подбирал нужное слово: в последний раз на марбаке он говорил так давно, что слова не шли на язык. Пришлось обратиться к описанию. — В непрочных сооружениях

из шкур, развешенных на шестах. Их разбирают, а шесты перевозят большие мохнатые звери.

— Почему их разбирают? Зачем перевозят?

Керрик пожал плечами и мучительно заерзал, стараясь припомнить.

— Просто так делается. Охотишься на одном месте, выбабишь в другом. Так это делается.

Дальнейшие расспросы позволили кое-что выяснить. Устузоу жили группами, вроде той, которую иилане' перебили. Существовали и другие группы, сколько их — неизвестно. Давние детские воспоминания оказались весьма смутными. Наконец Вейнте' решила, что вопросов хватит, и движением руки остановила разговор. Теперь начиналась самая важная часть. Страхом и поощрением она заставит устузоу исполнить необходимое.

Тон ее переменялся, она говорила как эйстаа, властвующая над городом и жительницами.

— Ты знаешь, что я могу в любой миг убить тебя или приказать сделать это?

— Я знаю... — Мальчик задрожал, встревоженный резким изменением тона.

— Но я могу и возвысить тебя, и тогда ты не будешь вечно оставаться устузоу, низайшим из низких. Тебе это понравится, не так ли? Будешь сидеть возле меня и приказывать, а другие будут работать за тебя. Я могу сделать это. Но и ты сделай кое-что для меня. Только ты можешь сделать это. И ты сделаешь для меня то, что можешь сделать только ты.

— Я выполню твое распоряжение, эйстаа, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Я не понимаю твоих слов.

— Ты умеешь думать одно, а делать другое. Так ты поступил со Сталлан: сказал ей, что задыхаешься, а сам не задыхался.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — ответил Керрик с растерянным видом, жестами признавая свою глупость и несообразительность.

Вейнте' подошла к мальчику.

— Великолепно! Ты и сейчас это делаешь. Говоришь о том, что было, так, словно ничего не было. Признавайся, иначе я немедленно убью тебя.

Резкое изменение настроения Вейнте' ужаснуло Керрика. Острые зубы иилане' блестели прямо возле его лица.

— Да, я так делал, признаюсь. Чтобы убежать.

— Очень хорошо. — Она шагнула назад, опасность миновала. — Делать это умеешь только ты и никто из иилане'. Мы назовем это ложью. Я знаю, что ты уже лгал мне и, без сомнения, будешь лгать и в будущем. Предотвратить это я не могу, но Инлену< будет следить, чтобы новая ложь не позволила тебе убежать. Теперь, когда известно, что ты умеешь лгать, мы найдем должное употребление и для лжи. Ты будешь лгать в моих интересах. Ты сделаешь это для меня.

— Я сделаю, как прикажет мне эйстаа, — торопливо согласился Керрик, еще не совсем понимая, о чем речь.

— Правильно. Ты поступишь, как я прикажу. И не посмеешь уклониться от выполнения приказа. Иначе ты умрешь. Вот ложь, которую ты должен произнести. И ты должен говорить с волнением. Ты скажешь: «Смотрите, среди деревьев устузоу, я его видел!» Таковы будут твои слова. Теперь повтори.

— Там, среди деревьев, я видел устузоу!

— Достаточно неплохо. И не забудь этих слов. Но ты произнесешь их лишь тогда, когда я тебе прикажу. Я сделаю вот такое движение.

Керрик согласился. Выполнить приказ было несложно, хотя он и не понимал, зачем это нужно, но опасность ему грозила большая, а потому, возвращаясь в город, он старательно зубрил фразу и жесты.

...В последний раз Керрик видел Энге много дней назад. Он редко вспоминал о ней, увлеченный своей необычной свободой. Сперва он боялся выходить из камеры, даже радовался присутствию глупой Инлену<: в какой-то мере она обеспечивала его безопасность. Он очень быстро понял, как много ступеней содержит социальная структура общества иилане'. Скоро он догадался, что его место — наверху, раз все видят его рядом с эйстаа... он сидит возле нее. Для не имевших имени фарги это означало, что он высоко стоит над ними, и свое безыскусное уважение они выражали манерой обращения к нему.

Разгуливая по зеленым коридорам, он понял, как быстро втягивались в жизнь города фарги поумней, способные овладеть языком. Они готовили пищу, разделяли мясо, становились стражниками, начальниками рабочих отрядов, агрономами и так далее. О многих работах он даже не имел представления. С этими иилане' он разговаривал нейтрально, обращался с ними или как с равными, или так, словно они были только чуть ниже его. Против такого обращения не возражали.

Уважительно он разговаривал только с правительственными. В отличие от рода занятий положение их всегда было очевидным, ведь их всегда окружала стая помощниц и подручных, за которыми в свою очередь следовали усердные фарги, готовые услужить, чтобы отыскать себе место в иерархии города.

Вокруг было столько всего, но Керрику не хватало ежедневных визитов Энге. В этой муравьиной куче все было чем-то занято, и он так часто хотел, чтобы она объяснила ему наиболее загадочные стороны жизни Алпеасака. Несколько раз он спрашивал о ней, но резкие ответы заставили его более не затрагивать эту тему. Впрочем, такая реакция только разожгла его интерес. Наедине Энге разговаривала с Вейнте' как равная. Почему же тогда нельзя упоминать ее имя? Он гадал, отвергал собственные догадки, наконец спросил у Вейнте'. Эйстаа весьма определенно дала понять, что тему для разговора впредь будет определять только она сама.

...Керрик увидел Энге случайно. Он еще не успел отойти от амбесида — Вейнте' только что отпустила его — когда фарги заволновались. Они о чем-то переспрашивали друг друга, а потом заторопились в одну и ту же сторону. Из любопытства он последовал за ними и увидел четверых иилане', несущих пятаю. В толпе он не мог подобраться поближе, но не стал просить расступиться, чтобы не привлекать к себе внимания. Он уже собирался уйти, когда все четыре иилане' возвратились. Теперь они не торопились и тяжело дышали. Кожа их была заляпана грязью, на ногах запеклась красная глина. Тут Керрик заметил среди них Энге. Он

окликнул ее, и она обернулась. Выражая внимание, она молчала.

— Где ты была? — спросил он. — Я давно тебя не видел.

— Теперь мое знание языка больше тебе не нужно, наши уроки закончились. Я работаю теперь на новых полях.

— Ты? — В голосе мальчика слышалось изумление, разочарование и полное непонимание.

— Я... — Спутницы Энге тоже остановились, и она жестом велела им идти дальше. — Я должна возвратиться на работу.

Она повернулась и пошла, Керрик торопливо семенил рядом. Он очень хотел разгадать ее тайну, но не знал, с чего начать.

— Вы только что унесли одну из своих. Что случилось?

— Укусила змея. Их много там, где мы работаем.

— Но почему ты среди них? — На ходу их не могли подслушать, топавшую следом Инлену< можно было не брать в расчет. — Ты говоришь с эйстаа как равная, а выполняешь работы, подобающие только нижайшим из фарги. Почему?

— Это нелегко объяснить. Эйстаа запретила мне рассказывать об этом иилане'.

Сказав эти слова, Энге уловила их двусмысленность. Керрик не был иилане'. Она показала на Инлену<.

— Прикажи ей идти вперед.

Потом Энге повернулась к Керрику и заговорила с такой страстностью, которой он не предполагал в ней:

— Я попала в эти края, и они вместе со мной, потому что мы верим, а наши правительницы против нашей веры. Нам приказывали забыть про веру, но мы не можем. Когда обретишь истину, от нее нельзя отказаться.

— О какой истине ты говоришь? — спросил озадаченный Керрик.

— Это пламенная, тревожная правда. Ведь и весь мир, и все в нем суть большее, чем кажется с виду. Ты об этом никогда не думал?

— Нет, — с абсолютной искренностью ответил он.

— А надо бы. Но ты еще юн, и ты не иилане'. Ты был для меня загадкой, уже когда начинал говорить, и твое существование до сих пор озадачивает меня. Ты не иилане', но ты и не зверь устузоу. И я не знаю, кто ты и какое место занимаешь в огромном миропорядке.

Керрик уже начинал жалеть, что встретился с Энге. В ее словах для него было немного смысла. И теперь, когда она начала этот разговор, не для него — ради себя, остановить ее было невозможно.

— Наша вера — истинная вера, ведь в ней есть сила, превосходящая понимание неверующего. Первой поняла это Угуненапса. Она всю жизнь преобразовывала свой разум, приноравливалась, чтобы понять. Трудно принести в мир новое, о существовании которого никто и не подозревал. Она рассказывала о своей вере другим — над ней просто смеялись. Эйстаа ее города узнала о ее странных повадках, и Угуненапсе пришлось предстать перед нею. Эйстаа велела ей говорить. И она говорила. О сути, что кроется в нас, которая позволяет нам говорить и отличает от бездумных животных. У животных нет этой сути, поэтому они не могут говорить. Речь просто голос того, что живет внутри. И эта вещь внутри — жизнь и одновременно — память о смерти. Животные не знают ни жизни, ни смерти. Они есть, а потом их нет. А иилане' знают и жизнь, и смерть... и ты теперь тоже. Такова великая загадка, которая мне пока не по силам. Кто ты? Что ты есть? Какое место тебе предназначено?

Энге обернулась к Керрику, заглянула в его глаза, словно пытаясь отыскать в них ответ. Но ему нечего было сказать, и она поняла это.

— Когда-нибудь ты поймешь это, — проговорила она, — а пока ты еще слишком молод. Но я очень сомневаюсь, чтобы ты смог понять чудесное видение, дарованное Угуненапсе, явленную ей истину, которую она открыла остальным и доказала своей судьбой. Она прогневала эйстаа, приказавшую забыть ложные предрассудки и жить, как иилане' жили от яйца времен. Угуненапса отказалась и тем поставила свою веру выше города, выше велений своей эйстаа. Увидев неповиновение, эйстаа лишила ее имени и прогнала из города.

Знаешь ли ты, что это такое? Нет, не знаешь. Ни одна иилане' не может жить вне города, без имени, данного ей. Оставить город — значит умереть. От яйца времен отлученная от города иилане' умирает. Потрясение так велико, что иилане' теряет сознание, падает и умирает. Так было всегда.

Энге находилась теперь в странном приподнятом настроении, смешанном с восхищением. Остановившись, она взяла Керрика за обе руки и поглядела ему в глаза, стараясь выразить свои чувства.

— Но Угуненапса не умерла, И меня тоже отлучили от Инегбана, приказали умереть, но я осталась жива. И все мы живы, потому-то мы здесь. Они зовут нас Дочерьми Смерти, потому что считают, что мы продались ей. Но это не так. Сами мы зовем себя Дочерьми Жизни — и это верно. Ведь мы живем, когда другие умирают.

Высвободившись из ее прохладной и мягкой хватки, Керрик, отвернувшись, солгал:

— Я ушел слишком далеко. Мне запрещено забредать в поля. — Потянув за поводок, стараясь не смотреть в тревожные глаза Энге, он произнес: — Инлену<, возвращаемся.

Энге молча глядела ему вслед, потом повернулась и пошла прочь. Обернувшись, Керрик следил, как она неторопливо ступает по пыльной дорожке, так и не поняв ничего. Он озадаченно покрутил головой. Потом заметил поблизости апельсиновое деревце и потянул к нему Инлену<. Горло его пересохло, солнце палило, из каждых десяти слов Энге он понял не более одного. Он не понимал, что эта вера впервые за миллионы лет нарушила однородность общества иилане'. Быть иилане' значило жить, как положено иилане', остальное было невысказано. До сих пор.

Вооруженные стражники, повсюду теперь стоявшие в городе, с любопытством следили, как Керрик обрывал с дерева спелые апельсины. Стражники обеспечивали безопасность днем, ночью же входы перекрывали крепкие и прочные живые силки. Но стражники целыми днями не видели никого, а в силки попадались только звери. Убийцы устузоу больше не возвращались...

За все то время, что урукето плыл через океан в Инегбан и возвращался обратно, нападений на город не произошло. Когда урукето прибыл, Вейнте' со свитой уже ждала его на берегу. Первой на берег ступила Эрефнаис, капитан. Она почтительно замерла перед Вейнте', склонясь перед ней по обычаю.

— Я привезла тебе, эйстаа, личное послание Мал-сас<. Она озабочена свирепостью устузоу, и я должна наедине передать тебе ее слова. Она велела мне громко призвать всех к бдительности и копить силы для уничтожения устузоу. Для этого она прислала своих лучших охотниц с хесотсанами и иглами. Они горят желанием уничтожить эту угрозу.

— Все мы хотим одного,— ответила Вейнте'. — Иди рядом: я хочу слышать все новости Инегбана.

Новости были, и, уединившись с Вейнте' в ее покоях в присутствии одной только Алакенси, Эрефнаис рассказала:

— Зима была лютой. Некоторые животные погибли, но погода оказалась лучше, чем в прошлые годы. Вот дневная сторона того, что я должна сообщить. Теперь ночная — среди урукето случился мор. Погибло более половины. Они вырастали слишком быстро, слишком слабыми. Теперь мы выращиваем других урукето. Но ни этим летом, ни следующим жительницы Инегбана не смогут еще перебраться в Алпеасак.

— Трудные слова ты говоришь, — произнесла Вейнте'. Алакенси жестами выразила сожаление. — Тем более необходимо истребить устузоу. И ты должна возвратиться туда с известием о нашем росте, чтобы горечь речей исчезла с твоего языка. Тебе нужно взглянуть на модель. Алакенси, скорее прикажи фарги при-
слать сюда Сталлан.

Алакенси вовсе не радовало, что ею распоряжаются словно фарги, но, скрыв негодование, она отвернулась, чтобы передать приказ.

Когда они подошли к модели, Сталлан была уже там.

После смерти Сокайн Алпеасак не вырос, но оцетинился надежными укреплениями. Сталлан показала на новые терновые изгороди и посты, где теперь днем и ночью дежурили вооруженные иилане'.

— Какой толк от стражницы ночью? — обычным своим возмущенным тоном проговорила Алакенси.

— Очень небольшой, — вежливо и четко ответила Сталлан. — Но там безопасно, на постах есть нагреватели и плащи, и ночью стражницы отдыхают. Теперь им не надо каждый день проделывать дальний путь в город и обратно. С зарей они выходят на стражу и караулят до заката.

— Трудовые ресурсы, мне кажется, следует использовать разумнее, — недовольным тоном ответила недоверчивая Алакенси.

Вейнте' решила занять нейтральную позицию, это было непривычно — она всегда делала вид, что не слышит речей Алакенси.

— Быть может, Алакенси права. Нужно только чувствовать уверенность. Посмотрим сами, посмотри и ты, Алакенси, чтобы доложить Малсас < о принятых мерах.

Гуськом они шли по городу: Сталлан и Вейнте' впереди, остальные в соответствии с рангом следовали за ними. Неразлучный с Инлену < Керрик шагал за капитаном урукето. Следом шли помощники и фарги. Моросил дождь, Вейнте' и кое-кто еще кутались в плащи. Керрик не стал надевать плащ, он наслаждался легким прикосновением капель.

Он внимательно запоминал дорогу через поля и живые калитки. Настанет день, когда он пройдет этим путем. Один. Он еще не знал, как все это произойдет, но был уверен в том, что это будет.

На краю последнего поля, возле леса, росли деревья. Со всех сторон роща была окружена терновником и лианами, свободным оставался только вход в укрепление. Сталлан показала на помост наверху, на иилане' с хесотсанами.

— Когда они здесь, никто не проберется, — сказала она.

— Удовлетворительно, — произнесла Вейнте', обернувшись к Алакенси. Та нехотя кивнула.

Вейнте' направилось было дальше, но Сталлан остановила ее.

— Здесь повсюду бродят всякие звери. Пусть впереди пойдут стражницы.

— Согласна. Но я эйстаа в Апеасак и хожу, куда мне угодно. Вместе со своими советницами. Пусть остальные останутся здесь.

Однако дальше они отправились, лишь когда вперед выступила цепочка внимательных стражниц с хесотсами наготове. На дальней стороне рощи Сталлан показала ловушки и живые стены.

— Ты сделала хорошо, — одобрила Вейнте'. Алакенси начала было возражать, но Вейнте', не обращая внимания, обратилась к Эрефнаис: — Извести об этом Малсас<, когда вернешься. Апеасак вне опасности, его охраняют.

Она повернулась и незаметно сделала условный знак Керрику. Он понял.

— Там!.. — крикнул он громко. — Там, на деревьях я вижу устузоу!

Слова его звучали настолько убедительно, что все повернулись. И пока все смотрели в сторону деревьев, Вейнте' сбросила на землю плащ, под которым была спрятана деревянная стрела с каменным наконечником.

Крепко сжав ее обеими руками, чуть повернувшись, она воткнула ее в грудь Алакенси.

Это видел один только Керрик, не глядевший в сторону леса. Алакенси схватилась за стрелу пальцами, глаза ее широко открылись от ужаса. Она хотела что-то сказать — и осела на землю.

Тогда Керрик понял, зачем Вейнте' нужна была его ложь. И мгновенно крикнул:

— Стрела устузоу! Прилетела из леса! Сразила Алакенси!

Возбужденная Вейнте' шагнула в сторону, тело ее напряглось, выдавая тревогу.

— Стрела из деревьев! — завопила Инлену<. Глубое создание всегда повторяло все, что слышало.

«Стрела! Устузоу! Алакенси!» — закричали все наперебой. Дело было сделано. Тело Алакенси поспешно унесли. Сталлан и Эрефнаис проводили Вейнте' в безопасное место.

С места происшествия Керрик ушел последним. Он еще раз поглядел на стену джунглей, близкую, но бесконечно далекую, потом подобрал поводок, тянувшийся от ошейника, и послушная Инлену< пошла за ним.

Глава двадцатая

О смерти верной своей Алакенси Вейнте' горевала у себя в покоях. Так объявил появившийся оттуда Керрик беспокойно ожидавшим иилане'. Она не желала никого видеть. Уходя, все печалились. Лжец мальчишка был великолепен. Вейнте', подглядывавшая и подслушивавшая через небольшое окошко в листе, дивилась этому дару, прекрасно понимая, как необходимо ей такое оружие. Ей пришлось прятаться, поскольку каждое движение ее выдавало торжество и радость. Никто не видел ее — она больше нигде не появлялась до отплытия урукето. К этому времени можно было уже не оплакивать погибшую, это не было в обычае иилане'. Кем была Алакенси, чем была Алакенси?.. Теперь ее не стало. Мертвое тело ей не принадлежало, с ним управились нижайшие из фарги, в чьи обязанности это входило. Вейнте' торжествовала. Живые будут жить, их жизни не только продолжатся — процветут... Скоро все об этом узнают.

Вейнте' приказывала, правительницы слушали, Керрик стоял в сторонке и наблюдал. В воздухе что-то носилось, это чувствовалось по позе Вейнте'. Появлявшихся она приветствовала по именам, чего раньше не делала.

— Ваналпе', вырастившая этот город из семени, ты здесь. Сталлан, хранящая нас от бед этого мира, ты здесь. Зхекак, знания которой служат нам, ты здесь. Акасест, дающая нам пищу, ты здесь.

И она говорила, говорила, пока все не собрались. Группа небольшая, но влиятельная — правительницы Алпеасака. В неподвижном молчании выслушали они обращенные ко всем слова Вейнте'.

— Некоторые из вас прибыли сюда с первым урукето, когда города еще не было, другие позже, как я. Но теперь все мы трудимся, чтобы Алпеасак рос и процветал. Все помнят о трагедии, случившейся в день моего прибытия в город — об убийстве самцов и молодняка. Мы отомстили: совершившие преступление устузоу мертвы — подобное не повторится. Наши родильные пляжи теперь в безопасности, их охраняют, но там тепло и... пусто.

Когда она произнесла эти слова, вокруг словно пробежал ветерок — собравшиеся зашевелились. Только Керрик застыл, внимательно слушая и со страхом ожидая следующих слов Вейнте'.

— Да, вы правы, пришло время. Золотые пляжи должны принять жирных и ленивых самцов. Время. Начнем.

За все время своего пребывания в Алпеасаке Керрик еще не видел подобного возбуждения. Иилане' громко разговаривали и смеялись на ходу, непривычно спешили. Озадаченный, он следовал за ними по городу до входа в ханане, огражденное место, где жили самцы. Стражница Икеменд отступила в сторону, энергично приглашая всех жестами и пропуская входивших. Керрик направился было следом, но потянувшийся поводок остановил его. Инлену< стояла молчаливая и неподвижная как скала, и он напрасно тянул поводок. За его спиной хлопнула запираемая дверь.

— Что там случилось? Говори, я приказываю! — сказал он раздраженно.

Инлену< обернулась, обратив к нему пустые глаза.

— Не мы, — проговорила она. И повторила: — Не мы.

Больше он ничего не сумел из нее выжать. Некоторое время он еще думал о странном событии, а потом забыл — разве можно упомянуть все тайны этого города?

Он потихоньку изучал Алпеасак, все было ему интересно. Поскольку каждая иилане' знала, что он сидит возле эйстаа, ему никто не препятствовал. Покинуть город он не пытался, этому помешали бы стражницы и Инлену<, но где только было возможно, он побывал.

Это было естественно, так вели себя все дети его саммада. Но теперь о прежней жизни он вспоминал все реже и реже, ведь ничто не напоминало ему о ней. Он уже давно приспособился к спокойному течению дней иилане'.

Все дни начинались одинаково. Город начинал пробуждаться с первыми лучами солнца. Как и все прочие, Керрик по утрам умывался, но, в отличие от остальных, он с утра чувствовал жажду и голод. Иилане' же ели только один раз в день — иногда даже пропускали несколько дней — тогда же и пили вволю.

С Керриком все обстояло иначе. Сначала он выпивал водяной фрукт, быть может, невольно вспоминая те краткие дни, что провел среди охотников. А потом съедал припасенные с вечера фрукты. Если находились важные дела, он поручал раздобыть фрукты фарги, но если было возможно, предпочитал заниматься этим сам. Фарги, как их ни учи, всегда приносили раздавленные или подгнившие плоды. Они думали, эти круглые шары — корм для зверей, которым все равно, что есть. Когда он принимался за еду, рядом вечно оказывались фарги. Они всегда собирались около него, тупо глядели и переговаривались, пытаясь понять, чем он занят. Самые отважные надкусывали апельсин, а потом выплевывали, что всегда развлекало собравшихся. Керрик поначалу пытался отсылать фарги: присутствие их раздражало его — но они непременно возвращались. Потом он привык к их докучливому вниманию и едва замечал его, как подобает иилане', и отсылал фарги только тогда, когда разговор заходил о чем-нибудь важном.

Понемногу он стал замечать в явном хаосе, царившем в Алпеаске, строгий контроль и порядок. Если бы он был склонен к обобщениям, то удачнее всего было бы сравнить сновавших по городу иилане' с кишашими муравьями в подземных ходах. Как будто бездумная суета... но на самом деле четкое разделение труда: работники собирали пропитание, няньки нянчили молодняк, когтистые стражи охраняли «муравейник», и сердце всего — царица, хранившая весь этот ручей жизни, обеспечивающий существование «муравьиного городка». Сравнение пусть и не совсем точное... но ведь Керрик был только мальчишкой, которому приходилось

приспосабливаться к невероятным условиям жизни, — поэтому ему было не до сравнений, и он, не замечая, давил муравьев босыми ступнями.

Часто с утра он выходил вместе с фарги, которых гуртовщицы посылали за фруктами в рощи, окружавшие город. До полуденной жары занятие было приятным, его растущее тело требовало нагрузки. Он ходил быстро или бежал — следом тяжело топала Инлену<. Ему приходилось часто останавливаться, когда она перегревалась и отказывалась следовать дальше. Обливаясь потом, он чувствовал свое превосходство: он даже не начал уставать, а самая сильная из иилане' уже выдохлась.

Город окружали рощи и зеленые поля, они чередовались в бесконечном разнообразии. Ассистентки Ваналпе' и их помощницы неустанно выводили новые растения и деревья. Одни из новых фруктов и овощей были восхитительны, другие отвратительно пахли и на вид были не менее скверными. Керрик перепробовал все: иилане' не выращивали ядовитых растений.

Все это растительное изобилие служило кормом большому числу животных. Керрик не представлял себе причин консерватизма иилане', их миллионнолетней культуры, обращавшейся к нововведениям в последнюю очередь — если они не угрожали стабильности и непрерывности существования. Будущее должно было быть во всем подобным прошлому, стабильным и неизменным. Осторожные манипуляции с генами являли миру новые виды, но ни один из существовавших не был уничтожен. В лесах и джунглях Гендаси попадались удивительные, неизвестные никому животные, восхищавшие Ваналпе' и ее помощниц. Большая часть их была знакома Керрику и не интересовала его. Сам же он любил наблюдать за огромными безмозглыми холоднокровными существами, которых привык звать мургу — марбакское слово, он уже почти забыл его вместе со всеми остальными.

Как Алпеасак был отростком Инегбана, так и жизнь старого света процветала в новом мире. Часами Керрик мог наблюдать за трехрогими ненитесками, бездумно щипавшими траву и утолявшими беспрестанный голод. Бронированные шкуры и толстые костные воротники

когда-то защищали этих животных от хищников... Последние вымерли миллионы лет назад, быть может, их еще в небольшом числе содержали в самых древних городах Энтобана. Но наследственная память об опасности до сих пор была впечатана в крохотные мозги гигантов, иногда они принимались кружить, цепляя землю рогами, если им чудилась какая-то опасность. Но такое случалось редко, в основном они стригли подлесок, поглощая ежедневно огромное количество веток и листьев.

Керрик медленно и осторожно подбирался к огромным тварям поближе, тогда они не видели в нем опасности. Шкуры их были изборождены глубокими морщинами, по ним сновали небольшие пестрые ящерицы, выедавшие паразитов из складок кожи. Однажды, несмотря на беспокойство Инлену^с, то и дело тревожно дергавшей за поводок, он осмелился подобраться поближе и потрогать прохладную грубую шкуру. Результат был неожиданным — он вдруг вспомнил, как другой огромный серый зверь, мастодонт Кару, задрав хобот, посыпал себя песком, кося ясным глазом на Керрика. Видение тут же исчезло — перед мальчиком вновь возникла серая стена — шкура ненитеска. Он вдруг возненавидел это существо, бесчувственное как камень, глупое и неповоротливое. Повернувшись спиной, он уже решил уходить, но ненитеск по какой-то причине разгневался на соседа, и, тяжело топая, гиганты столкнулись, ударяя рогами о костяную броню. Керрик с удовольствием смотрел, как колоссы топтали деревца и вырывали из земли комья, медленно успокаиваясь.

Керрик не любил бывать на бойне, где каждый день убивали и разделывали зверей. Убивали их быстро и безболезненно. Стражница у входа расстреливала приведенных животных. Упавших оттаскивали во двор громадные звери, очень сильные и глупые, безразличные к тому, что им приходилось ходить по крови, которая лилась рекой. Еще теплые туши свеживали и резали на куски, потом бросали в баки с энзимами. Успев привыкнуть к полупереваренному мясному желе, Керрик все-таки хотел бы вовсе забыть о процессе его приготовления.

Лаборатории, где трудились Ваналпе' и Зхекак, не были интересны мальчику, там ему было скучно, и Керрик редко приходил туда. Он предпочитал долго разглядывать постоянно совершенствующуюся модель города... или разговаривать с самцами. Их он обнаружил, когда его прогнали от родильных пляжей. Туда пускали только стражниц и прислугу. Судя по тому, что можно было разглядеть сквозь терновую изгородь, на пляжах было невероятно скучно. Жирные самцы вечно валялись под солнцем.

Но в ханане самцы вели себя иначе. К этому времени Керрик успел уже забыть глубочайшее удивление, когда он впервые узнал, что все иилане', даже ужасная Сталлан, были самками. Теперь он воспринимал все как факт, давно позабыв о роли мужчин и женщин среди тану. Его просто заинтересовала часть города, в которой он еще не бывал.

Когда его несколько раз прогнали от ханане, он пожаловался Вейнте'. Она развеселилась, и он не мог понять почему. Потом она решила, что как самца его туда можно пустить. Но раз Инлену< туда хода не было, то для него тоже. Керрик долго искал выход и наконец нашел его. Он входил в дверь и закрывал ее за собой. Инлену< оставалась снаружи.

Но он мог находиться только возле двери, и внутренняя часть ханане была для него недоступна. Впрочем, это было неважно. Самцы сами подходили к нему, радуясь новизне, нарушающей однообразие их существования.

Внешне отличить самцов от самок Керрик не мог. Он был еще слишком юн и не придавал еще этому значения.

Многие из самцов задавали ему вопросы, вступали в разговор, но только Алипол спешил поздороваться всякий раз, когда мальчик появлялся. Старшей над ханане была Икеменд, но жизнью внутри него заправлял Алипол. В Инегбане на этот важный и ответственный пост выбрали именно его. Он был много старше всех остальных. А еще Алипол был художником, о чем Керрик даже не догадывался... Это выяснилось, когда однажды Керрик не обнаружил его и спросил о нем у другого самца.

— Алипол как всегда занят своим искусством, — ответил тот и поспешил прочь.

Керрик не понял: самцы по большей части изъяснялись еще примитивнее, чем фарги, — слово это было как-то связано с красотой, с созданием новых предметов. В тот день Алипол так и не вышел к нему, и во время следующего визита Керрик дал волю любопытству.

— Искусство — вещь величайшей важности, быть может, самая важная на свете, — сказал Алипол. — Только глупые молодые самцы еще не знают об этом, а жестокие самки даже не догадываются о его существовании.

Алипол, как и остальные самцы, всегда так отзывался о самках — со страхом и уважением. Керрик этого не понимал. Ему не объясняли, а он и не спрашивал.

— Пожалуйста, расскажи мне, — с любопытством попросил Керрик.

Алипол воспринял его слова с некоторым подозрением.

— Редкое отношение... — произнес он — и решился. — Останься. Я покажу тебе, что я делаю. — Он тронулся было с места, потом остановился. — Ты когда-нибудь видел ненитеска?

О ком именно шла речь, Керрик не понял, но сказал, что уже видел огромных зверей. Алипол ушел и вернулся с предметом, поразившим Керрика. Радости Алипола не было границ.

— Ты видишь то, чего не замечают другие, — сказал он. — У них нет глаз, нет понимания.

Четырьмя большими пальцами Алипол бережно держал изображение ненитеска. Ярко поблескивавшая фигурка казалась сплетенной из солнечных лучей. Красными бусинками горели глаза, блестел каждый изгиб хвоста и рогов, толстых лап. Наклонившись поближе, Керрик заметил, что крошечная фигурка сделана из тонких нитей какого-то блестящего материала. С любопытством он прикоснулся пальцем — поверхность оказалась твердой.

— Что это? Как ты это делаешь? Я еще не видел ничего подобного.

— Сплел из проволоки, серебряной и золотой. Эти металлы никогда не тускнеют. А глаза — это крошеч-

ные самоцветы, которые я привез из Инегбана. Там их находят в ручьях и на берегах рек. Я умею полировать их.

Алипол показал Керрику и остальные свои изделия, которые казались мальчику чудом. Керрик восхищался искусством мастера и страстно хотел получить одну из фигурок, но не осмелился попросить, чтобы вдруг не нарушить складывавшуюся дружбу.

Город рос и процветал, оставалась одна проблема. Устузоу. В дождливые месяцы, когда на севере было холодно, город тщательно охраняли со всех сторон. А когда на север возвратилось тепло, Сталлан повела отряды вдоль побережья на север. Только однажды им попалась большая группа устузоу — они убили всех, кто не сумел убежать. Один раз в город привезли раненого грязного пленника. Вместе со всеми Керрик отправился поглядеть на чумазое, укутанное в меха существо и не почувствовал абсолютно ничего общего с ним. Устузоу был без сознания и скоро умер. Непрекращавшиеся стычки между иилане' и устузоу больше не вызывали в городе никаких толков. Столкновения происходили вдалеке, они были делом Сталлан и ее подручных.

Времена года в Алпеасак не отличались друг от друга, и ход времени трудно было заметить. Город медленно рос, словно растение или животное, он поглощал леса и джунгли и наконец занял все обширное пространство между рекой и морем. Сообщениям из Инегбана не придавали значения, как дальней грозе или урагану на другом краю света. Последние зимы выдались достаточно мягкими, так что некоторые иилане' уже начали надеяться, что холодные зимы закончились, хотя разбиравшиеся в погоде ученые настаивали, что тепло возвратилось ненадолго. Все толковали об изменениях температуры воздуха и воды, отмеченных на летней станции в Тескхете, напоминали о зловещем увеличении числа прожорливых устузоу, которых холода прогнали с севера, из краев, где им положено жить.

В Алпеасак все этим рассказам не уделяли особого внимания. Подрастали новые урукето — это было приятно, ведь однажды Инегбан явится в Алпеасак, и город

обретет полноту. Однажды... А до того следовало сделать многое, и солнце грело по-прежнему.

На взгляд Керрика, здесь царило вечное лето, не было даже осени, а про зиму и снег он и думать забыл. Со своего почетного места возле эйстаа он следил, как растет город, и сам рос вместе с ним. Память о прежней жизни потускнела, почти все забылось, и лишь иногда сны что-то напоминали ему. Умом, пусть не телом, он стал иилане', и никто не осмеливался теперь утверждать обратное в его присутствии. Он не был теперь устузоу и Экериком. Теперь Вейнте' произносила его имя иначе, и каждая иилане' следовала ее примеру. Он теперь был не Экерик, глупый и медленный. Он был Керирик, что значило «приближенный».

Имя ему действительно было необходимо: он стал ростом с иилане', а потом перерос их. Волос на теле его прибавилось, а когда унутакх умер, по всей видимости от обжорства, его снабдили еще более крупным и прожорливым. Но, если нет зимних холодов, как узнать, что окончился старый год? Весенняя зелень не возвещала теперь начало нового года. Нечем было измерять время.

Керрик не знал, что ему уже пятнадцать лет, когда Вейнте' в очередной раз призвала его.

— Утром, когда отплывет урукето, я отправлюсь на нем в Инегбан.

Керрик знаками выразил общий интерес, не более, хотя при этом солгал и словами выразил печаль по поводу расставания. Что есть Инегбан — только слово.

— Грядут изменения. Когда достигнут зрелости молодые урукето, через лето, самое большое — через два, Инегбан оставят. Там так боятся будущего и перемен, которые оно несет, что и думать не хотят о наших вполне существенных проблемах. Они слышать не желают об устузоу, что угрожают нам, и о Дочерях Смерти, которые высасывают наши силы. Меня ждут огромные труды. И ты должен помочь мне. Поэтому я беру тебя с собой в Инегбан.

Теперь Керрику действительно стало интересно. Отправиться на урукето через океан в неизвестный город... Он испугался и обрадовался одновременно. Вейнте' заметила это: в смятении он забыл про ложь.

— Ты привлечешь всеобщее внимание, и тогда я сумею убедить всех сделать необходимое. — Она с сомнением поглядела на него. — Но теперь ты стал слишком похож на иилане'. Придется напомнить им, что ты был устузоу и остался им.

Она подошла к отверстию, в которое много лет назад убрала небольшой нож, и достала его оттуда. Зхекак, осмотрев примитивную вещицу, объявила, что сделана она из метеоритного железа и нанесла антикоррозионное покрытие. Передав нож Этдиирг, своей первой помощнице, Вейнте' приказала повесить его на шею Керрика. Этдиирг воспользовалась куском витой золотой проволоки, обвив ее вокруг блестящего железного ошейника. А фарги у входа слушали и смотрели.

— Станный предмет можно посмотреть и второй раз, — сказала Вейнте', протянув руку, чтобы прижать торчавшие концы проволоки. Пальцы ее впервые за много лет прикоснулись к коже Керрика, и она с удивлением ощутила тепло.

Керрик без всякого интереса глядел на тусклое лезвие, уже ничего не напоминавшее ему.

— Устузоу облачаются в шкуры, это все знают. Когда тебя принесли сюда, на тебе была эта шкура.

Она дала знак Этдиирг, и та достала из свертка гладкую оленью шкуру. Фарги с неудовольствием затрещали, Керрик отодвинулся.

— Прекратить! — приказала Вейнте'. — Шкура выделана и простерилизована, обработка будет производиться ежедневно. Этдиирг, убери мешочек и приспособь вместо него шкуру.

Тут Вейнте' приказала всем фарги выйти, а Инлену< встать в проходе: она вдруг вспомнила, почему возникла необходимость в мешочке.

Этдиирг сняла мешочек и попыталась обвязать Керрика оленьей шкурой, но завязки оказались не там, где нужно. Отойдя в сторонку, Этдиирг стала возиться со шкурой, а Вейнте' с интересом поглядела на Керрика. Он изменился, вырос и казался теперь ей привлекательным в своем уродстве. Подойдя к нему, она опустила вниз руку. Керрик поежился от холодного прикосновения. Вейнте' рассмеялась.

— Ты самец и похож на наших самцов. Только у тебя один, а у них два, но ты реагируешь, как положено.

Керрику было неприятно, он попытался отстраниться, но она удержала его.

Агрессивная, как все самки иилане', Вейнте' возбудилась. Керрик пытался вырваться.

Он не понимал, что происходит. Но Вейнте' знала прекрасно. Она была эйстаа, и ей дозволены были любые поступки. Привычным движением она швырнула его на пол и уселась сверху. Этдиирг с интересом наблюдала.

Кожа ее холодила, но ему было странно тепло, а потом все и произошло. Что именно, он не понял — прежде с ним еще не случалось ничего более восхитительного.

Глава двадцать первая

— С уважением передает Эрефнаис, — трепеща от усердия, сообщила фарги, медленно и осторожно выговаривая слова, — погрузка закончена. Урукето подготовлен к отплытию.

— Выступаем! — объявила Вейнте'. Повинуясь ее движению, Этдиирг и Керрик шагнули вперед. Она оглядела собравшихся правительниц Алпеасака и заговорила официальным тоном: — Вверяю вам город до своего возвращения. Содержать его правильно. Оправдайте мое доверие.

Она повернулась и направилась к причалу. Керрик и Этдиирг шагали в почтительном отдалении. Керрик давно уже научился контролировать свои чувства и казался таким же невозмутимым, как и все остальные. На самом же деле его раздирали противоречивые эмоции. Он и ждал путешествия, и опасался, что настанет конец приятной и размеренной жизни. И еще вчера... Он до сих пор не мог понять, что случилось с Вейнте'. И что вызвало такое всепоглощающее чувство? Случится ли подобное вновь? Он надеялся на это! И все-таки что это было?

Все воспоминания о физических страстях тану, о различии между полами, о занятных тайных забавах старших мальчиков, даже об удовольствии, испытанном им от прикосновения к юному телу Исель, давно уже улетучились. Все было задавлено и забыто — так старался он выжить среди иилане'. Самцы в ханане никогда не толковали о своих взаимоотношениях с самками или же просто никогда не делали этого в его присутствии. Инлену< в этих вопросах не разбиралась. Так, не зная о сексуальности как тану, так и иилане', он лишь гадал над этим.

Когда процессия подошла к гавани, небо уже посветлело. Энтиисенаты, возбужденные предстоящим путешествием, выпрыгивали из воды и плюхались обратно, взбивая пышную пену.

На борт Керрик поднялся последним. Ход в высоком плавнике вел в тускло освещенное помещение. Пол под ногами дрожал, мальчик споткнулся и упал. Путешествие началось...

Новизна быстро приелась, смотреть здесь было не на что, делать тоже ничего не приходилось. Большую часть живого корабля занимали ни живые ни мертвые туши оленей и сталакелы. С огромными клювами и маленькими передними лапками, сталакелы были сложены в штабеля. Олени глядели на Керрика пустыми глазами — это было хорошо видно в свете люминесцентных полосок. Ему все казалось, что звери зовут на помощь. Они ведь не могли даже пошевелиться. Он просто приписывал им собственные чувства. Замкнутое пространство давило, и он стискивал кулаки от страха, усугублявшегося бесконечным, как ему казалось, штормом.

Плавник урукето оставался сомкнутым, и воздух внутри становился спертым и влажным.

В темноте иилане' становились вялыми и много спали. Лишь одна или две по очереди караулили. Однажды мальчик попытался заговорить с дежурной, но она не ответила, поскольку все внимание ее было поглощено компасом.

...Когда шторм окончился, и волны улеглись, Керрик спал. Разбудил его хлынувший вниз прохладный соленый воздух. Иилане' зашевелились, потянулись к плащам, но ему свежий воздух и яркий свет доставляли только удовольствие. Он дергал за поводок, пока наконец ленивая Инлену< не проснулась и не натянула на себя плащ, а потом перетащил ее поближе к отверстию в плавнике. Быстро вскарабкавшись по выступам наверх, он оказался возле Эрефнаис, которая стояла, завернувшись в большой плащ. Насколько позволял поводок, Инлену< осталась внизу. Керрик принял к плавнику и глядел то на бежавшие навстречу зеленые волны, то на белую пену за спиной урукето и хохотал, когда соленые брызги попадали ему в лицо. Все было так необычно, удивительно и тревожно. Прорезая обла-

ка, солнечные лучи освещали раскинувшееся до горизонта море. Он ежился, обняв плечи руками, но не уходил. Эрефнаис обернулась и заметила его.

— Ты замерз. Иди вниз. Возьми плащ,

— Нет, мне так нравится. Теперь я понимаю, почему вы пересекаете море в урукето — с подобными ощущениями ничто не сравнится.

Эрефнаис жестом выразила удовольствие.

— Немногие это понимают. Если теперь лишить меня моря, я буду чувствовать себя очень странно.

Слово «странно» сопровождалось жестами огорчения, отчаяния, даже легким намеком на смерть. Шрам на спине мешал капитану выразиться точно, но чувства ее и без того были очевидны.

В небе парили морские птицы. Эрефнаис показала на них.

— Сейчас мы не так далеко от земли. Видишь, темная линия на горизонте. Берег Энтобана.

— Я слышал это слово, но не понимал его смысла.

— Это огромная суша, это дом иилане'. Здесь полно городов, здесь поля их смыкаются.

— Мы плывем туда?

Эрефнаис кивнула.

— На северное побережье. Сначала через пролив, известный под названием Генагле, в теплые воды Анканаала, на берегах которого находится Инегбан. — В голосе ее звучала радость. — Радуйся, что сейчас середина лета, город не знал еще более суровой зимы. Посевы погибли. Животные тоже. С севера приходили звери, нападали на стада. А однажды с неба выпала твердая вода, она белым слоем укрыла землю, а потом растаяла.

Твердая вода — это было понятно, но как она называется? И, не успев задать вопроса, Керрик на миг представил себе покрытые снегом горы. Он потер глаза, потом поглядел на море и постарался все позабыть. Твердая вода... Она не стоила внимания.

— Мне холодно, — сказал он наполовину правду, наполовину ложь, — вернусь в тепло...

...Утром Керрика разбудил солнечный свет. Теплый воздух струился внутри открытого плавника.

Мальчик быстро поднялся наверх, к Вейнте' и Этди-ирг. Вид их обеих удивил его, но они молчали, а по опыту он знал, что лучше не спрашивать. Вейнте' этого не любила. Искоса он поглядел на нее. Лоб и острые скулы иилане' были разрисованы красными линиями и завитушками. У Этдиирг на лбу узоров не было, но руки ее словно охватывали черные лианы, оканчивавшиеся листьями на тыльных сторонах ладоней. Керрику еще не приходилось видеть разукрашенных таким образом иилане', но он сдержал любопытство и все глядел на берег, неторопливо проплывавший совсем рядом; зеленые, поросшие лесом холмы возвышались над синими водами.

— Инегбан... — сказала Этдиирг, выражая при этом целую гамму чувств.

Леса перемежались полями, на них чернели силуэты пасущихся зверей. За острым мысом открылась большая гавань. На берегах ее лежали пляжи Инегбана.

Керрик, которому Алпеасак казался краем чудес, теперь увидел настоящий город и дал волю своим чувствам к огромному удовольствию Вейнте' и Этдиирг.

— Когда-нибудь таким станет и Алпеасак, — сказала Вейнте', — ведь Инегбан рос на этом месте от яйца времен.

— Алпеасак будет еще более великим, — со спокойной уверенностью сказала Этдиирг. — Таким сделаешь его ты, Вейнте'. Перед тобой — новый мир, и ты начала строить. Ты справишься с этим.

Вейнте' не отвечала... Но и не возражала.

...Когда урукето подходил к внутренней гавани, Эрефнаис поднялась на верх плавника, подозвала к себе остальных и стала отдавать приказы. Огромное существо замедлило ход, потом остановилось, замерев в прозрачной воде. Два энтиисената поплыли было вперед, но резко повернули назад, от плавучего бона из больших бревен. Они не имели никакого желания прикасаться к жгучим щупальцам медуз, облепивших бревна. Так они метались взад и вперед, ожидая, пока распахнутся ворота гавани и пропустят их внутрь, где их ожидала еда — уже обработанная — которой они жаждали. Задержка случилась из-за того, что из гавани выводили урукето. Еще не выросшие до нормальных размеров, не до конца обученные существа повиновались с трудом.

Когда с ними управились, еще один урукето медленно растворил ворота, и энтиисенаты бросились внутрь. Их собственный урукето неторопливо поплыл следом.

Керрик замер, открыв рот. Огромный причал был заполнен ожидавшими их прибытия иилане'. За ним вздымались стволы древних деревьев — их ветви и вершины словно вонзались в небо. По уходящему от пристани путепроводу можно было бы прогнать урукуба. Заполнившие его иилане' расступились, пропуская небольшую процессию. В голове ее четыре фарги несли какое-то сооружение, сделанное из плавно изогнутых жердей и завешенное цветастыми тканями. Назначение его выяснилось сразу же, как только фарги осторожно опустили его на землю и присели рядом на корточки. Из-под ткани показалась рука — и на землю ступила иилане', блиставшая великолепием золотых узоров на лице. Вейнте' немедленно узнала ее.

— Гулумбу, — произнесла она, тщательно сдерживая эмоции и позволяя себе показать лишь крохотное неудовольствие. — Я давно знаю ее. Значит, это она теперь сидит возле Малсас<. Встретим ее.

Прибывшие уже высадились и дожидались медленно приближавшуюся Гулумбу на причале. Она смиреннейшим образом приветствовала Вейнте', обратила внимание на Этдиирг и медленно скользнула невидящим взглядом по Керрику.

— Приветствую вас в Инегбане, — произнесла она. — Добро пожаловать, Вейнте', строительница Алпеасака, что за бурным морем, в свой собственный дом.

— Как поживает Малсас<, эйстаа нашего города? — отвечала Вейнте' столь же официально.

— Она приказала мне приветствовать тебя и проводить к себе на амбесид.

Пока они переговаривались, паланкин унесли. Вейнте' и Гулумбу пошли рядом, возглавив направлявшееся в город шествие. В числе прочих за ними в молчании следовали Керрик вместе с Этдиирг — таков был обычай.

Керрик смотрел на все круглыми глазами. От широкого путепровода отходили другие, столь же широкие. Они были забиты иилане', и не ими одними — в толпе бежали небольшие существа с острыми когтями и пест-

рыми чешуйками. В стволы самых крупных деревьев были врезаны ступени, ведущие к балконам, с которых глазели иилане' с раскрашенными телами. Под одним из таких древесных обиталищ, что было побольше остальных, стояли вооруженные стражницы.

Некоторые иилане' были внешне похожи на самцов: они двигались и сбивались в группы точно так же. Это наверняка и были самцы.

Иилане' показывали на Керрика и отрывисто спрашивали друг друга о странной персоне.

Были там и иилане', каких он еще не видел, лишь в половину обычного роста. Они стояли группами, пропускающая идущих, озабоченно озирались и молчали. Керрик притронулся к руке Этдиирг и вопросительно показал на них.

— Нинсе, — пренебрежительно проговорила она, — иилелбе.

«Безответные, тупицы». Керрик понял. Они явно не умели разговаривать и ничего не понимали, когда к ним обращались. Неудивительно, что их звали безответными. Этдиирг более ничего не пояснила, и он отложил вопросы до подходящего момента.

Амбесид оказался такой величины, что противоположной стены не было видно за волновавшейся толпой. Но перед процессией все расступились, и прибывшие проследовали к почетной солнечной стене, где на помосте, занавешенном мягкими тканями, среди советниц отдыхала Малсас<. Эйстаа блистала великолепием золотой и серебряной раскраски на лице и руках, золоченые завитки украшали ее сухое безгрудое тело. Она разговаривала с помощницей и, казалось, не замечала гостей, пока те не оказались перед нею. Тщательно выбрав момент, чтобы приветствие не превратилось в оскорбление, и твердо помня, кто есть кто, она повернулась, заметила Вейнте' и подозвала к себе. Иилане' расступились, чтобы эйстаа могли поприветствовать друг друга.

Керрик озирался и почти не слушал, о чем говорилось. Он перепугался, когда к нему подошли две иилане' и схватили за руки. Они потянули его за собой, он испуганно взглянул на Вейнте', но она дала знак не сопротивляться и следовать за ними. Выбора не было.

Его влекли прочь, и он покорился, а Инлену< послушно последовала за ними.

Поблизости от амбесида находилось странное сооружение. О размере его судить было трудно: оно полностью укрывалось за деревьями города. В обе стороны от входа расходились панели из какого-то прозрачного материала, разделенные древесными стволами. Прочные на вид двери были сделаны из того же материала, на поверхности их не было ни ручки, ни углублений. Не выпуская руки Керрика, одна из иилане' нажала на упругую грушу у двери. Через некоторое время дверь отворилась, из нее выглянула фарги. Керрика втокнули внутрь, Инлену< следом за ним. Дверь закрылась.

— Сюда, — произнесла фарги, обращаясь к Инлену<, словно Керрика и не было здесь, и пошла вперед.

Все было необычно. Короткий коридор, облицованный тем же прозрачным материалом, вел к другой двери. За ней была еще одна дверь, следующая комната была поменьше. Там фарги остановилась.

— Опустите глазные мембраны, — обратилась она к Инлену<, прикрыв глаза прозрачными защитными пленками.

А потом, растопырив большие пальцы, потянулась к лицу Керрика, чтобы опустить ему веки.

— Я слышал, — ответил тот, отмахиваясь, — уберите свои грязные лапы от моего лица.

Открыв рот от изумления, фарги выслушала его слова и не сразу отреагировала.

— Важно, чтобы глаза были закрыты, — наконец произнесла она, зажмурилась и нажала красный выступ на стене.

Керрик едва успел закрыть глаза, как сверху на него обрушился поток теплой воды.

Капли затекли в рот — вкус был едкий и горький. Он плотно сжал губы. Душ прекратился, но фарги опять повторила:

— Глаза закрыты.

На них дунул ветер, быстро высушивший кожу. Керрик нерешительно открыл глаза. Фарги приподняла глазную мембрану и, когда увидела, что глаза мальчика

открыты, подтолкнула его к последней двери — в длинную комнату с невысоким потолком.

Для Керрика все здесь было странным. Ничего подобного он еще не видел. Полы, потолки и стены — все было сделано из того же прочного материала. Солнечный свет просачивался сверху сквозь прозрачные панели, на полу дрожали тени листьев. Вдоль дальней стены протянулось возвышение, уставленное совершенно непонятными предметами. С ними возились иилане', даже не отреагировавшие на появление чужих.

Ничего не говоря, фарги оставила их. Инлену<, как всегда, не интересовалась ничем, отвернулась и села на толстый хвост.

Наконец их заметили. Одна из работавших что-то сказала толстой иилане', с многозначительным видом разглядывавшей небольшой квадрат. Та повернулась, заметила Керрика и, громко топая, подошла поближе. У нее не было одного глаза, опавшая глазница сморщилась, оставшийся же был выпучен, словно от усердия — так старался он работать за двоих.

— Эссаг, посмотри! — громко крикнула она. — Посмотри-ка, что нам прислали из-за моря.

— Очень странное создание, — вежливо ответила Эссаг, — но все-таки похожее на прочие виды устузоу.

— Похож, только шерсти мало. Зачем этот материал? Снимите его.

Эссаг сделала движение вперед, но окрик Керрика остановил ее:

— Не трогайте меня! Я запрещаю!

Эссаг отступила, а толстая Икемеи радостно воскликнула:

— Говорит! Устузоу говорит! Невероятно. Следовало сказать мне об этом. Нет же, конечно, он просто заучил несколько фраз. Как тебя зовут?

— Керрик.

— Что я говорила? Хорошо выдрессирован.

Твердость заблуждения Икемеи начинала сердить Керрика.

— Ты ошибаешься, — ответил он. — Я разговариваю, как и все вы, и много лучше, чем та фарги, что привела меня сюда.

— Трудно поверить, — произнесла Икемеи. — Но предположим на миг, что ты говоришь сам, а не повторяешь заученное. А если так, то ты можешь отвечать на вопросы?

— Могу.

— Как ты прибыл сюда?

— Меня привезла Вейнте', эйстаа Алпеасака. Мы пересекли океан на урукето.

— Верно. Но это утверждение тоже можно заучить. — Икемеи задумалась. — Но есть предел заученным утверждениям. Я спрошу тебя о том, чего не могла знать твоя дрессировщица. Да. Расскажи, что произошло с тобой перед тем, как ты вошел в эту дверь?

— Нас омыли горькой на вкус жидкостью.

Икемеи одобрительно топнула ногой.

— Чудесно. Ты — животное, которое умеет говорить. И как это получилось?

— Меня научила Энге.

— Да. Если кто-то и способен на это, так только она. Но теперь замолчи и делай, как я велю. Подойди к рабочему столу.

Керрик видел, что они делают, но ничего не понимал. Эссаг увлажнила подушечку его большого пальца, а Икемеи резко ткнула чем-то острым. Керрика удивило, что он ничего не почувствовал, даже когда Икемеи стала выдавливать из его пальца крупные капли крови. Эссаг подхватывала их в крохотные контейнеры, захлопывавшиеся, когда она нажимала на крышку.

Затем ладонь Керрика положили не поверхность и потеряли какой-то подушечкой. Сначала он почувствовал прохладу, потом рука словно онемела.

— Погляди сюда! — велела Икемеи, указав вверх на стену.

Подняв глаза, Керрик ничего не увидел. Поглядев на руку, он понял, что, пока он смотрел на стену, с ладони струнным ножом срезали тонкую полоску кожи. Боли он не почувствовал. Выступившие капельки крови немедленно прикрыли клейкой повязкой нефмакела.

Керрик более не мог сдерживать любопытство.

— Вы взяли мою кровь и кожу? Зачем?

— Любопытный устузоу, — сказала Икемеи, делая знак, чтобы он лег на низкую скамейку. — Нет конца чудесам этого мира. Я исследую твоё тело, вот что я делаю. Эти цветные листы позволяют провести хроматографическое исследование, а эти колонки, прозрачные трубочки, откроют мне химические секреты твоего тела. Ты удовлетворен?

Керрик молчал, ничего не понимая. Икемеи усадила ему на грудь какой-то серый клубень и похлопала его.

— Вот это существо сейчас излучает ультразвук, чтобы мы могли заглянуть в глубь твоего тела. Когда оно закончит, мы будем знать о тебе все... Вставай, мы закончили. Фарги покажет, как выйти.

Поглядев на закрывшуюся за Керриком и Инлену дверь, Икемеи удивилась:

— Говорящее животное!.. Впервые мне хочется в Алпеасак. Я слыхала, что там очень много самых разнообразных и интересных форм устузоу. Я уже думаю о будущих исследованиях. Приказываю!..

— Я слушаю, Икемеи, — ответила Эссаг.

— Проведите все серологические исследования, полностью проверьте метаболизм. Дайте мне полную картину биологии этого существа. Тогда и начнем работать. — Икемеи повернулась к рабочему столу и добавила: — Следует поподробнее разобраться в метаболизме. Нам приказано отыскать паразитов и все, что только может вредить этим существам.

Она покрутила телом, выражая неудовольствие, помощница разделяла это чувство. Икемеи жестом приказала ей молчать.

— Твои мысли я знаю и разделяю. Мы создаем жизнь. Мы не губим ее. Но именно эти устузоу оказались вдруг особенно грозной опасностью. Их следует прогнать. Да, именно так — прогнать. Они уйдут и никогда более не будут тревожить новый город. Нам не придется их убивать. Мы их просто прогоним.

Она говорила с искренностью, на которую только была способна. Но и она, и Эссаг опасались, что задуманы более мрачные вещи. Их уважение к жизни, к любым живым существам вступало в конфликт с инстинктом самосохранения, и жесты их выражали внутреннюю борьбу.

Глава двадцать вторая

Когда огромные створки медленно закрылись, доносившиеся с амбесида звуки затихли. Раньше Вейнте' не замечала каких-нибудь особенностей внешнего вида дверей, хотя в прошлом бывала в этом помещении неоднократно. Теперь все внимание ее было обращено на громадные створки. Они были покрыты искусной резьбой, изображавшей животных и растения, окованы блестящим металлом и усыпаны драгоценными камнями. Вот еще одна роскошь, еще одна радость древнего города, к которой привыкли все жительницы. Как отличается это от едва выросшего из семени Алпеасака, там дверей еще почти нет, а немногие уже сформировавшиеся еще пропитаны соком. Все там было еще грубым, зеленым и юным, не то что здесь, в городе культурном и древнем. И, конечно, это дерзость: чем ей, эйстаа города, еще как следует не выросшим в глуши, можно гордиться перед теми, кто правит в не знающем времени Инегбане.

Вейнте' мгновенно воспротивилась этой мысли. В новизне нет позора, и не ей унижаться в великом городе. Инегбан стар, богат... но и обречен, в этом сомнения не было. Деревья умрут, мертвые листья будут кружить в его опустевших коридорах в холодном тумане. Пышные двери рухнут под тяжкими ударами времени, превратятся в щепу и пыль. Это сейчас иилане' Инегбана могут фыркать, услышав о ее городе, примитивном и далеком, но он будет для них же спасением.

Мысль понравилась Вейнте', она упивалась ею и даже позволила себе увлечься. Алпеасак будет их спасением, а она и есть Алпеасак, и Вейнте' повернулась лицом к Малсас< и ее помощницам, гордо выпрямив-

шись. Гордость ее граничила с дерзостью. Они почувствовали это, и две из них беспокойно зашевелились. Ликмелик и Мелпон знали Вейнте' много лет, знали ее ранг и ожидали уважения. Малсас< тоже не испытывала особенной радости от такого нахальства. И она сухо спросила:

— Ты кажешься радостной, Вейнте'. Можно узнать почему?

— Я счастлива вновь быть в Инегбане со всем его комфортом, быть с эфенселе моего эфенбуру. А еще я рада сообщить, что порученная мне работа продвигается успешно. Алпеасак растет и процветает, поля его обширны, животные многочисленны. Гендаси — богатая и плодородная земля. Алпеасак будет расти, как ни один город доселе.

— За твоими словами кроется тень, — сказала Малсас<. — Колебания и печаль столь очевидны...

— Ты чересчур восприимчива, эйстаа, — ответила Вейнте'. — Тень есть. Устузоу и другие звери этой земли многочисленны и опасны. Мы смогли открыть родильные пляжи, только когда истребили аллигаторов — они очень похожи на известных всем крокодилов, но куда более многочисленны. Некоторые виды устузоу прекрасны на вкус — ты сама пробовала их, приезжая в наш город. Есть и такие устузоу, что ходят на задних лапах, это примитивное подобие иилане'. Они причиняют много вреда и постоянно опасны.

— Это я понимаю. Но как могут эти животные противостоять нашему оружию? Их сила — не в твоей ли слабости?

Эту прямую угрозу Вейнте' немедленно отразила.

— Если бы причиной была моя слабость, я бы просто отошла в сторону, чтобы сильнейшая заняла мое место. Но эти опасные животные метят в нас и убивают. Твоя эфенселе, сильная Алакенси, неусыпная Алакенси... Мертвая Алакенси! Быть может, их и немного, но во всех — низменная хитрость дикого устузоу. Вокруг засады! Сокайн и весь ее отряд погибли в ловушке. Когда гибнет фарги, ее место пустовать не будет. Но кто заменит Алакенси или Сокайн? Устузоу убивают наших животных. Мы растим их, а устузоу убивают, как

на родильных пляжах. Кто заменит погибших самцов, молодняк?

Мелпон громко вскрикнула. Она была очень стара и к молодняку относилась с излишней сентиментальностью. Но она выразила общие чувства, даже Малсас< охватили те же переживания. Но она была слишком мудра, чтобы поддаться эмоциям.

— Пока опасность сдерживается. Ты действуешь хорошо.

— Правильно, но я стремлюсь к большему.

— А именно?

— Позвольте мне представить новую информацию об устузоу. Я хочу, чтобы вы обо всем услышали из уст пойманного зверя.

Поразмыслив, Малсас< знаком выразила согласие.

— Если существо может дать ценные сведения — пусть говорит. А оно действительно разговаривает? Отвечает на вопросы?

— Ты все увидишь сама, эйстаа.

Керрик, должно быть, ожидал где-то неподалеку: он тотчас явился на зов. Инлену< уселась лицом к закрытым дверям, а Керрик вопросительно взглянул на собравшихся, безмолвно ожидая приказа, как подобает низшему перед лицом высочайших.

— Прикажи ему говорить! — распорядилась Малсас<.

— Расскажи нам о своей стае, устузоу, — проговорила Вейнте'. — Говори так, чтобы всем было понятно.

Керрик быстро взглянул на нее и тут же отвел глаза. Последняя фраза служила сигналом. Теперь он должен был сообщить всем информацию, которой она предусмотрительно снабдила его.

— Сказать можно немного. Мы охотимся, выкапываем из земли насекомых и растения. И убиваем иилане'...

Немедленно последовали сердитые жесты и бормотание.

— Объясни последнее! — приказала Малсас<.

— Просто естественная реакция. Мне рассказали, что иилане' испытывают естественное отвращение к устузоу. Те же самые чувства ощущают и устузоу по отношению к иилане'. Устузоу жестоки, они убивают и

разрушают. И единственная цель каждого — убивать иилане'. И они будут это делать, пока все не погибнут.

С точки зрения Керрика, это выглядело довольно глупо. Кто может поверить очевидной лжи? Но и ответ был столь же очевиден — не знающие лжи иилане' поверят во все, что услышат. В их движениях угадывался гнев. Керрик отшатнулся. Он с облегчением вышел, повинаясь приказу. Как только дверь закрылась, Малсас< заговорила:

— Устузоу будут уничтожены раз и навсегда. Все до последнего. Выследить и убить! Гнать и убивать, как убили они Алакенси, что сидела рядом со мной! А теперь, Вейнте', расскажи, как это будет сделано.

Вейнте' прекрасно сознавала — нельзя, чтобы они поняли, что она выиграла сражение. Из осторожности думая лишь о планах, она откинулась на хвост и пересчитала шаги к грядущей победе над устузоу.

— Во-первых, мне нужно больше вооруженных фарги. Слишком много их оказаться не может. Они охраняют поля, прочесывают джунгли, сдерживают устузоу.

— Да, это будет сделано, — согласилась Малсас<. — Мы размножили хесотсаны и научили фарги применять их. В обратный путь с вами отправятся фарги с оружием — сколько сможет увезти урукето. К дальнему морскому путешествию уже готовы еще два урукето поменьше. И они тоже повезут фарги. Что еще нужно? Животные-шпионы, животные-убийцы? Ученые иилане' могут вывести таких созданий.

— За этим мы также приглядим, — произнесла Ликмелик. — Большая часть работ уже выполнена. Теперь, когда взята проба тканей вашего устузоу, работа приблизится к завершению. Всей работой руководит Икемеи. Она ожидает неподалеку. Она объяснит.

— Значит, сделано все, что можно — произнесла Вейнте', выражая удовольствие и благодарность каждым движением тела.

— Сделано, — согласилась Малсас< с легким неудовольствием. — Начато, но не закончено. Течение времени не минует нас. Занятые погодой рано возвратились в этом году из Тескхета. Они предсказывают прохладное лето, раннюю осень, опасаются длинной

суровой зимы. Следует быть осмотрительными, но действовать надо.

Жесты горечи, гнева и страха были столь красноречивы, что присутствующие отшатнулись. Долго молчали они в страхе. Наконец Малсас< нарушила тишину.

— Пошлите за Икемеи! Послушаем, что уже сделано.

Собравшиеся не только слышали о ходе исследований, но и собственными глазами увидели результаты работ. За Икемеи следовала вереница тяжело нагруженных фарги, которые поспешно опустили свой груз на землю. Икемеи потянула покрывало с клетки, в которой могла уместиться взрослая иилане'.

— Царь небес! — горделиво произнесла она, выпучив единственный глаз. — Дрессированный раптор, сильный и умный.

Огромная птица взъерошила перья и медленно повернула голову, обратив к присутствовавшим один глаз. Крючковатый клюв — чтобы терзать плоть, длинные крылья — чтобы без усталости нести их обладателя высоко и быстро. Пальцы ног птицы заканчивались острыми кривыми когтями. Птице не понравились устремленные на нее взоры. Захлопав крыльями, она сердито заклекотала. Икемеи указала на продолговатый предмет, охвативший лодыжку птицы.

— Это существо представляет собой нейрологический регистратор изображения, — сказала она. — Весьма усовершенствованный, специально для этого случая. Как вы, конечно, знаете, изображение, создаваемое его глазом, фокусируется на расположенной внутри мембране. Оно фиксируется нейронами в микроанглиях. Поскольку сохраняются отдельные изображения, а не последовательные серии кадров, число запоминаемых снимков почти не ограничено.

— Каких снимков? — резко спросила Малсас<, в легком раздражении от технических подробностей, которых она не понимала.

— Тех самых изображений, которые нам необходимы, эйстаа, — отвечала Икемеи. — Птица почти не восприимчива к холоду и может высматривать добычу с большой высоты. После завершения дрессировки ей было приказано лететь на север. Результаты оказались

весьма успешными. Обычно рапторы не интересуются длиннозубыми плотоядными устузоу, обитающими на крайнем севере. Для нее они не представляют угрозы, и она не нападает на них — слишком велика добыча. Но птица выдрессирована и знает, что получит награду, если будет следовать инструкциям. Этот раптор залетел далеко на север. И мы здесь можем увидеть все, что видел он.

Икемеи развернула какой-то сверток и извлекла стопку снимков. Черно-белые зернистые картинки впечатляли. Она расположила их в определенной последовательности. Сначала на белом поле чернели темные пятна. Потом пятна обрели очертания, потом силуэты стали узнаваемыми. Четвероногие, покрытые шерстью устузоу. Один из них рос, постепенно заполняя собой всю картинку, потом поглядел вверх и оскалился, обнажив изогнутые клыки. Потом отпрыгнул в сторону от напавшей птицы. Этот кадр был самым драматическим — тень крыльев воздушного хищника закрыла и длиннозуба, и снег.

Когда Малсас< закончила разглядывать снимки, Вейнте', тоже заинтересовавшись, стала нетерпеливо перебирать их.

— Его можно выдрессировать на поиски любого существа?

— Любого.

— И устузоу, подобных тому, что я привезла из Алпеасака?

— В особенности этих устузоу. Раптор будет искать их и найдет, а потом вернется. А где он побывал, можно легко понять: последовательные снимки складываются в карту.

— Такое оружие мне необходимо! Устузоу передвигаются небольшими стаями, а земля велика. Одну стаю мы обнаружили и с легкостью уничтожили, а теперь сумеем найти остальных.

— И ты уничтожишь их тем же способом, — не терпящим возражения тоном проговорила Малсас<.

— Мы уничтожим их. Я обещаю!

— Приятно слышать. Вейнте', останься. Остальные могут уйти.

Малсас< застыла в ледяном молчании, пока за спинами уходивших не закрылись тяжелые двери. Только тогда она шевельнулась и, обернувшись к Вейнте', знаками выразила сожаление и легкие признаки страха. Почему эйстаа Инегбана выглядит растерянной и испуганной? Причина могла быть только одна. Вейнте' догадалась, и движения ее повторили движения Малсас<. Она спросила:

— Опять Дочери Смерти?

— Опять. Они не умирают, и число их растет.

— Не умирают они и в Алпеасаке. Сначала так и было: трудная работа, много опасностей. Но теперь, когда мы выросли и процветаем, все изменилось. Они калечатся на работе, некоторые умирают. Но таких мало.

— Ты возьмешь с собой в урукето самых строптивых. Тех, кто говорит вслух, тех, кто обращает новых иилане' в свою веру.

— Возьму. Но каждая из них уменьшит на одну число фарги. А в Алпеасаке эти бессмертные мешают мне, потому что не желают помогать в уничтожении устузоу. Это балласт.

— Они балласт и для Инегбана.

— Я возьму их, но только в новый, еще неопробованный урукето.

Малсас< согласилась.

— Ты тверда и опасна, Вейнте'. Если молодой урукето не осилит путь через океан, в этой неудаче будет и польза.

— И я так думаю.

— Хорошо. Об этом мы еще переговорим перед твоим возвращением в Алпеасак. А теперь я устала, день был долгим.

Вейнте' официально попрощалась и не успела закрыть за собой дверь, как ей пришлось старательно прятать восторг.

Она шла по городу, мысли о будущем переполняли ее, и движения тела отражали эти мысли, к ним примешивались и мысли о смерти — фарги, к которым она приближалась, отбегали в стороны.

Она почувствовала голод и быстро направилась к ближайшей мясной. Там была очередь, но Вейнте' при-

казала расступиться. Она хорошо поела, помыла руки и направилась к себе. Ей были отведены апартаменты, удобные и комфортабельные, стены украшали раскрашенные ткани.

...Повинуясь короткой команде, фарги заторопились прочь. Все, кроме одной, которой Вейнте' приказала остаться.

— Разыщи и приведи сюда моего устузоу.

Фарги не знала, где искать Керрика. Она стала спрашивать о нем всех встречных, пока кто-то не сказал, где его можно найти.

Когда он наконец появился, Вейнте' уже почти забыла о том, что велела его отыскать, увлекшись мыслями о будущем.

— Сегодня был день успеха, моего успеха,— сказала она самой себе, не замечая мальчика.

Инлену< уютно устроилась на собственном хвосте, лицом к стене, в бездумном восхищении узорами.

Вейнте' притянула к себе Керрика и сорвала с него меховое одеяние. Смеясь, он пытался вызвать ее возбуждение, а она возбуждала его.

Теперь случившееся уже не пугало Керрика. Слишком приятно. А когда все кончилось и она оттолкнула его, он опечалился, надеясь, что это повторится снова и снова.

Глава двадцать третья

В темных облаках зловеще грохотал гром, потоки дождя хлестали поверхность океана. Большой урукето медленно удалялся от берега, следом двигались два урукето поменьше. Вновь, блаженствуя в океане, впереди неслись энтиисенаты. Они качались на волнах, ныряли. Вскоре Инегбан остался далеко позади и исчез за пеленой дождя.

Путешествие было нелегким. После радостей и неожиданных удовольствий Инегбана обратное путешествие стало для Керрика сплошной мукой. Внутри урукето теперь было тесно. Повсюду валялись фарги, даже ступить было некуда. Еды и воды было мало, их экономили. Для иилане' в этом не было особых проблем — они просто замирали и спали. Но Керрик чувствовал себя как в душном мешке — нечем было дышать. Сон тоже не приносил облегчения: ему снилось, что он тонет и задыхается, и он с криком просыпался в холодном поту. Ходить ему не удавалось, и лишь дважды за все бесконечное плавание он сумел пробраться наверх и, задыхаясь, хватал ртом спасительный соленый воздух.

Посреди океана их захватил шторм, потому-то плавник урукето и оставался закрытым так долго, что духота стала уже невыносимой. В конце концов его пришлось чуть-чуть приоткрыть, но вместе с воздухом вниз плеснуло холодной водой. Промокший и озябший, Керрик молча страдал.

Когда шторм наконец утих и плавник можно было открыть снова, Вейнте' отослала всех прочь и сама поднялась наверх. Волны еще бушевали, повсюду белели гребни. Море было пустым. Два небольших урукето бесследно исчезли, их более не видели.

Морская болезнь Керрика закончилась лишь в гавани Алпеасака. Недомогание и долгая голодовка так ослабили его, что он едва сумел встать на ноги. Крылатый хищник в клетке страдал не меньше. Когда его выносили, он слабо крикнул, низко свесив голову. На берегу Керрик оказался последним — Инлену[<] и еще двоим фарги пришлось вытаскивать его из плавника.

Вейнте' жадно вдыхала влажный теплый воздух, наполненный ароматами живого города, и с невероятным удовольствием стряхивала с себя летаргию долгого пути. Она скользнула в первый же пруд, попавшийся ей по дороге, отскребла засохшие соль и грязь и вновь явилась на солнечный свет активной и освеженной.

Созывать правительниц не было необходимости, все уже собрались на амбесиде, ожидая ее.

— Хорошо ли в Алпеасаке? — спросила Вейнте' и почувствовала большое удовлетворение, когда все выразили согласие. — Как насчет устузоу, Сталлан, этих червей, что подтачивают нашу жизнь?

— Пустая докука, не более. Крали наших животных, убивали их ночью, а мясо уносили с собой. Но укрепления прочны, а более они ни на что не способны.

— И этого довольно. Их необходимо остановить. И остановят их фарги. Я привезла много фарги, они обучены управляться с оружием. Они пойдут по следам устузоу и перебьют всех.

— Трудно будет выследить, — с сомнением заметила Сталлан. — В лесу они ловки, как дикие звери, и не оставляют следов. А если находится след, он приводит к засаде. Так погибли многие фарги.

— Этого больше не будет, — произнесла Вейнте' и выразила удовольствие, когда раптор вскрикнул в своей клетке, словно в ответ.

Клетку вынесли на солнце, и птица охорашивалась.

— Следует объяснить, — сказала Вейнте', — что это летающее создание позволит нам отыскать логово устузоу, в котором они прячут своих щенков и самок. Но сначала я хочу услышать подробные отчеты обо всем, что произошло за время моего отсутствия.

...Крылатый хищник быстро оправился от морского путешествия, и Вейнте' с нетерпением ожидала нового набега устузоу. Когда ей наконец сообщили об этом, она

принялась поспешно распоряжаться и сама отправилась на дальнее пастбище, подвергшееся нападению. Первой там появилась Сталлан, она с отвращением показала на окровавленные трупы животных.

— Расточительство. Унесли только мясистые задние части.

— Практично, — без всяких эмоций констатировала Вейнте'. — И нести легко и отходов меньше. Куда они направились?

Сталлан указала на дыру, проделанную в терновой изгороди, след исчезал среди высоких деревьев.

— Как всегда, на север. След легко различим. Это значит, что его оставили для нас. Мясо унесли, а на дороге нас ожидают только засады, ловушки и смерть.

— Птица долетит туда, куда мы не сможем дойти, — ответила Вейнте'.

Принесли хищника. Он сердито кричал и рвал веревку, стягивавшую ему ноги. Теперь он сидел на деревянном насесте на длинном шесте, чтобы переносившим его фарги не досталось от клюва или когтя.

В это время, удивляясь раннему вызову, появился Керрик.

— Делайте свое дело, — приказала Вейнте'.

Когда жесткие пальцы схватили и поволокли его вперед, Керрик понял, что теперь он более не праздный наблюдатель. Кровавые туши, их вид и запах возбудили раптора, он клекотал и грозно потрясал крыльями. Одна из фарги отодрала кусок мяса от бока убитого зверя и швырнула его птице. Та жадно схватила лапой кровавый кусок, подняла его на насест и принялась отдирать алые полосы. Наконец птица наелась. Сопровотившегося Керрика вытолкнули вперед, почти под крючковатый, обогранный кровью клюв.

— Лети, ищи! Лети, ищи! — все громче и громче кричала служительница. Керрика подпихивали все ближе и ближе.

Раптор не нападал. Повернув голову, он уставился на мальчика холодным серым глазом. И не отводил взгляда, пока не прекратились крики, а потом принялся мигать и качать головой.

— Поворачивайте насест в сторону следа! — приказала служительница. За спиной птицы быстро отпустили веревку.

Раптор заклекотал, присел и, хлопнув огромными крыльями, подпрыгнул в воздух. Керрик повалился навзничь. Птица глядела в его сторону, а дрессировщица все выкрикивала команды. Пернатый хищник был прекрасно выдрессирован. Он быстро взлетел, описал над ними один только круг и направился на север.

— Началось, — с удовольствием произнесла Вейнте'.

...Энтузиазм Вейнте' с каждым днем убывал: раптор не возвращался. Озабоченные дрессировщицы старались не попадаться ей на глаза — в ее движениях сквозил явный гнев. И когда Керрику не приказано было присутствовать, он старался по возможности избегать ее. В тихом ханане его не легко было отыскать. К тому же он еще не побывал там после возвращения.

Икеменд открыла ему дверь.

— Ты был в Инегбане, — полувопросительно-полутвердительно сказала она. Движения ее выдавали возбуждение.

— Такого города я никогда не видел.

— Расскажи мне о нем, ведь я уже никогда не увижу его своими глазами.

Слушая Керрика, она пристроила поводок в прорезанную для него в двери канавку и закрыла дверь. Керрик знал, чего она ждет, и рассказал ей только о великолепии города, — о толпах и своем восторге, но умолчал о голоде и холодных зимах. Свои визиты в ханане он любил и был рад, что Икеменд ждала его. Самцы Икеменд не любили и всегда избегали ее. Сейчас никого из них вблизи не было. Керрик поглядел в глубь ханане, где он никогда не был.

— Это я, Керрик! Я хочу говорить с вами.

Проходивший мимо самец в нерешительности замер, потом отправился дальше и остановился лишь тогда, когда Керрик вновь обратился к нему.

— Я был в Инегбане. Хотел бы ты услышать об этом городе?

Искушению трудно было сопротивляться. Самец медленно вышел на свет, и Керрик узнал его. Это был Эсетта, своенравное существо. С ним он разговаривал

раз или два. Все прочие самцы восхищались пением Эсетты, но Керрик находил его заунывным и скучным. Впрочем, вслух он об этом не говорил.

— Инегбан — настоящий город, — произнес Эсетта отрывистым сдавленным голосом, как говорят самцы. — Там мы могли сидеть высоко в ветвях, среди листьев, и следить за всем, что происходит на путепроводах. Там мы не были обречены на скуку, как здесь, где не о чем думать, кроме пляжей. Расскажи мне.

— Расскажу. Только сперва пошли за Алиполом. Я хочу, чтобы слышал и он.

— Я не могу.

— Почему?

— Почему я не могу? Ты хочешь знать, почему я не могу сделать этого? Я отвечу тебе, почему это невозможно. — Он помедлил, шевеля языком меж зубами. — Ты не можешь теперь говорить с ним: Алипол мертв.

Новость потрясла Керрика. Коренастый Алипол казался крепким, как древесный ствол.

— Он заболел... или случилось несчастье?

— Хуже. Его изнасиловали. Его, дважды побывавшего на пляжах. А они знали это, грубые твари, они знали; он говорил им, умолял, показывал свои чудесные вещицы — но они только смеялись. Некоторые ушли, но эта уродина, покрытая шрамами, предводительница охотниц!.. Его протесты казались ей смешными, она схватила Алипола — и все крики его умолкли под ее уродливой тушей. Они целый день пробыли там, целый день, я видел. Яйца были.

Керрик понял только, что с другом произошло что-то ужасное, но не понял, что именно. На миг забыв о нем, Эсетта закачался с закрытыми глазами. Он зажужжал, а потом запел:

Юным я уйду на пляжи.

Знаю — вернусь.

Снова иду, уже постарев.

Вернусь ли?

Но не посылай меня в третий раз,

Не надо, прошу.

Мало нас возвращается в третий.

Я знаю — я не вернусь!

Эсетта умолк. Забыв, что Керрик собирался рассказать об Инегбане, он повернулся и, не отвечая на вопросы Керрика, зашаркал назад. Как ни звал Керрик громким голосом, никто не появился. Что имел в виду Эсетта? Что убило Алипола на пляже? Этого он не понимал.

Инлену< уснула на солнышке, прислонясь к стене. Но Керрик свирепо дернул за поводок. Она поглядела на него пустыми глазами, зевнула и медленно поднялась на ноги.

Глава двадцать четвертая

Фарги торопилась доставить сообщение — ведь оно предназначалось самой эйстаа, — но в рвении своем слишком спешила по жаре. И когда добралась до амбесида, то так запыхалась, что говорить уже не могла. По инерции она рванулась на солнце, но тут же отступила в прохладную тень. Есть ли поблизости пруд? В подобном состоянии она не могла вспомнить. Никто из оказавшихся поблизости фарги не обращал внимания на ее шевелившиеся пальцы и на игру цвета ладоней.

Все фарги эгоистичны, они всегда думают лишь о себе, не обращают внимания на других фарги. Посланица рассердилась, не думая о том, что сама в такой ситуации поступила бы точно так же. В отчаянии она заглядывала в ближайшие коридоры и наконец обнаружила питьевой фрукт. Она высосала из него прохладную воду, остатками обрызгала тело и руки. Наконец отдышавшись, она произнесла:

— Эйстаа... у меня к тебе послание...

Медленно, стараясь держаться тени, фарги обошла амбесид, протолкалась вперед через толпу фарги перед эйстаа. Здесь она застыла в позе внимательного ожидания, как положено нижайшей перед лицом высочайшей.

Через некоторое время ее заметила Ваналпе' и привлекла внимание Вейнте' к безмолвной фигуре.

— Говори! — приказала эйстаа.

Фарги затряслась от усердия и принялась выговаривать тщательно заученные слова:

— Эйстаа, я принесла весть. Весть от той, что кормит раптора. Птица вернулась.

— Вернулась! — В голосе Вейнте' послышалась радость, и фарги восторженно заюлила, в простоте своей

считая себя удостоенной этой эмоции. Быстрым жестом Вейнте' призвала другую фарги. — Найди Сталлан. Пусть немедленно явится ко мне, — и повернулась к вестнице. — Ты возвращайся к тем, кто возле птицы. Оставайся там, пока все картинки для меня не будут готовы, после чего возвратись и сообщи мне. Повтори.

— Вернуться к тем, кто возле птицы. Остаться. Вернуться к эйстаа, когда готовы будут...

— Картины, виды, ландшафты, — отчеканила Вейнте', чтобы глупое создание запомнило. — Повтори, акайил.

Акайил, косноязычная. Вездесущие фарги шепотом передавали друг другу убийственное слово и в страхе отодвигались от пустившейся в обратный путь вестницы, словно опасаясь заразиться.

— Ваналпе', сколько займет обработка? — спросила Вейнте'.

— Часть информации уже доступна. Банк памяти из ганглий птицы уже был перемещен в более емкую память. Я сама делала это при записи схем роста. Первые и последние снимки уже можно видеть. Но чтобы разобраться в том, что происходило между ними, потребуется время.

— Неясно говоришь.

— Я глупа в объяснениях, эйстаа. Птицы не было много дней. И все это время, ночью и днем, каждый миг она запоминала картинку. Запоминающему существу можно приказать выбросить все черные картинки, полученные ночью, но все равно их останется очень много. И каждое изображение следует вывести на экран из жидких кристаллов, а потом запомнить или забыть. На это уйдут дни, много дней. Значит, будем терпеливыми и подождем.

Вейнте' посмотрела вперед и, заметив коренастую, покрытую шрамами Сталлан, дала ей знак приблизиться.

— Птица вернулась. Мы скоро узнаем, обнаружены ли устузоу. Мы готовы к нападению?

— Готовы, фарги теперь метко стреляют. Хесотсаны сыты. Посажены игольчатые кусты, собранно много игл. Лодки размножались, и некоторые из молодых уже подросли и готовы к службе.

— Приготовь все. Погрузи воду и пищу, потом явись ко мне. Ты, Ваналпе', — твой опыт с картинками

следует использовать — немедленно отправляйся и помоги тем, кто занят этой работой.

Весь остаток дня и весь следующий день Вейнте' занималась городскими делами и выбросила из головы все мысли об устузоу. Но всякий раз, когда она расслаблялась, если вблизи никого не было, — мысли возвращались. Найдены ли устузоу? Если найдены, их необходимо убить, выследить и убить. Носовые клапаны ее белели от гнева, когда она думала об устузоу.

Когда она чувствовала себя так, еда не доставляла ей удовольствия, и характер ее портился настолько, что одна фарги даже умерла от испуга, когда та слишком грубо говорила с ней. И для безопасности города было вовсе недурно, что до Вейнте' весть дошла уже на третий день.

— Картинки готовы, эйстаа, — произнесла фарги, и присутствующие затрепетали от облегчения.

Даже Керрик присоединился к большой группе любителей.

— Их обнаружили, — произнесла Ваналпе', — обрабатывается большой снимок, он почти уже готов.

Из отверстия в существе медленно выползло изображение. Ваналпе' поспешно выдернула его. Вейнте'хватила у нее еще мокрый и теплый лист.

— Их действительно обнаружили, — сказала она, и картинка задрожала в ее пальцах от движений удовольствия. — Где Сталлан?

— Здесь, эйстаа, — ответила Сталлан, откладывая в сторону снимки, которые изучала.

— Ты знаешь, где это место?

— Пока нет. — Сталлан указала в центр листа. — Достаточно уже того, что рядом течет река. Мы нападём из воды. Я сейчас намечаю путь, начало его уже нанесено на мои карты. А с этими картинками я смогу преследовать их до самого места. Смотри — вот их логово. Укрытия из шкур, большие звери — все как было.

— И они погибнут, как гибли и прежде! — Она жестом позвала к себе Керрика, ткнула пальцем в листок. — Знаешь, что это?

Черные и белые пятна не складывались в изображение, до сих пор ничего такого он не видел. Взяв листок, он покрутил его, даже заглянул с обратной стороны.

Вейнте' вырвала его из рук Керрика.

— Не хитри, — сказала она, — тебе приходилось видеть и такие сооружения, и этих существ.

— Свидетельствую свое уважение, эйстаа, — смиренно и униженно вмешалась Ваналпе', — но фарги реагируют точно так же. Их приходится учить разглядывать картинки, иначе они не видят в них смысла.

— Понятно. — Вейнте' отложила картинку. — Заканчивайте приготовления. Отправляемся сразу, когда определим место. Ты, Керрик, отправишься с нами.

— Благодарю тебя, эйстаа. Счастлив помочь.

Керрик говорил вполне искренне. Он и представления не имел, куда и зачем они отправляются. И он просто предвкушал новое удовольствие — поход в лодках...

Энтузиазм его исчез быстро; они отбыли на рассвете, плыли до сумерек, а потом спали на берегу. Так продолжалось день за днем, он уже начинал завидовать иилане', способным впадать в почти бессознательное состояние. Ему оставалось глядеть на берег и представлять, что кроется за стеной прибрежных деревьев.

Пока они продвигались на запад, береговая линия медленно менялась. Джунгли сменились лесом, потом болотами, потом низким кустарником. Они миновали устье большой реки и направились дальше. Потом флотилия вошла в большой залив и взяла курс на север. Вейнте' и Сталлан, плывшие в первой лодке, изменили направление, и отряд направился вдоль берега бухты.

Появилась какая-то новизна... Сонные фарги начали пробуждаться. В одном месте их лодки распугали птиц. Оглушительно крича, они взлетали огромными стаями, закрывавшими небо. Когда болота вновь сменились пляжем, Вейнте' дала знак высаживаться, хотя солнце еще и наполовину не опустилось к горизонту.

Вместе со всеми Керрик ждал, какое будет принято решение. Сталлан показала на один из снимков.

— Мы здесь, а устузоу там, на берегу реки. Если мы подойдем поближе, они могут нас заметить. Разумнее

облегчить лодки здесь, оставить на пляже все припасы. Подготовимся к нападению на рассвете.

Вейнте' согласилась:

— Нападем из воды разбивающимся валом, если на этот раз мы не можем зайти им в тыл. Я хочу, чтобы всех убили. Нескольких по моему приказу Сталлан возьмет в плен. Понятно? Повторите!

Начальницы отрядов повторяли инструкции, фарги с напряжением вслушивались. Они все повторяли и повторяли, наконец даже самые тупые поняли, что следует делать. Керрик, заскучав, отошел, но тут же вернулся, повинувшись жесту Вейнте'.

— Ты останешься здесь, возле припасов, и будешь дожидаться нашего возвращения. Я не хочу, чтобы тебя убили по ошибке, когда начнется стрельба. Твоя работа начнется позднее.

Не дождавшись ответа, она отвернулась. Керрик не горел желанием видеть чью-нибудь смерть, даже устузоу, и потому был доволен.

С рассветом иилане' погрузились в лодки, Керрик все это время сидел на берегу и следил, как живые суденышки исчезают в тумане. Инлену< тоже глядела, но с явным отсутствием интереса. Едва лодки удалились, она торопливо открыла один из контейнеров с мясом.

— Скверная обжора, — сказал Керрик, — растолстеешь.

— Еда — хорошо, — произнесла Инлену<. — Ешь и ты.

Он не любил мясо, хранившееся в пузырях — у него всегда был своеобразный привкус. Но все-таки он пожевал, потом запил водой, прекрасно зная, что Инлену< не сдвинуть с места, если она не наелась. Поглядев на нее внимательнее, он заметил, что та действительно потолстела.

И хотя Керрик успел уже привыкнуть к постоянной компании, он понял, что одиночество все еще доставляет ему удовольствие. Инлену< не в счет. Когда лодки ушли, наступила тишина. Ветер шелестел в высокой траве, ленивые волны набегали на берег. Только голосов не было — постоянной трескотни амбесида.

Керрик шел первым по чистому песку между поросшими травой кочками, птицы взлетали почти из-под ног. Они шли и шли, наконец Инлену< принялась скулить, но он приказал ей молчать. Они подошли к высокой черной скале, с которой лентами свисали водоросли, прямо над водой темные ракушки облепили влажный камень.

— Вкусные... — громко причмокнула Инлену<.

Зайдя по колени в воду, она попыталась отодрать раковины, но они прочно держались за камень. Керрик отвел ее на берег и выбрал камень размером с кулак. Он отбил от скалы несколько ракушек, Инлену< схватила их и отправила в рот, в могучих челюстях хрустнули скорлупки. Выплюнув осколки раковин, она с удовольствием проглотила сладкое содержимое. Керрик отломил несколько раковин и для себя и вскрыл их висевшим на шее ножом. Этим делом они занимались до тех пор, пока в глотку уже ничего не стало лезть.

День был прекрасный, лучшего Керрик припомнить не мог. Но нужно было быть на месте к возвращению иилане', и едва за вечерело, они отправились к месту высадки. Ждать пришлось долго, солнце уже спускалось за горизонт, наконец лодки появились.

Первой на берег вышла Вейнте'. Она пересекла пляж, опустила оружие на песок и схватила большой кусок мяса. Жадно впившись в него, она бросила на Керрика испытующий взгляд. Прожевав и проглотив кусок, она сказала:

— Никто не спасся. Убийцы убиты. Они отбивались, погибли фарги, но в мире достаточно фарги. Мы совершили то, ради чего явились сюда. А теперь ты выполняй свое дело.

Она что-то крикнула, и две фарги вытащили из одной лодки тяжелый тюк и поволокли его по песку. Керрику показалось, что там одни шкуры. Но тюк шевелился.

Когда фарги притащили тюк, он раскрылся, и перед Керриком оказался бородатый человек. Кровь запеклась на его волосах, в широко раскрытых глазах застыл ужас. При виде Керрика он раскрыл рот и издал странные резкие звуки.

— Устузоу говорит, — произнесла Вейнте'. — У этих грязных существ подобное сходит за речь. Что он говорит, Керрик? Приказываю, слушай и говори мне.

Нельзя было и подумать о неповиновении. Когда говорит эйстаа, все исполняют. Но Керрик не в силах был повиноваться, и страх охватил его.

Он не понимал звуков. Они не значили ничего. Со-
всем ничего.

Глава двадцать пятая

— Существо разговаривает? — заторопила его Вейнте'. — Скажи мне скорее.

— Не знаю, — признался Керрик. — Возможно. Но я ничего не понимаю.

— Значит, эти звуки — просто звуки?

Вейнте' разъярилась. Планы ее встретили непредвиденное препятствие. Не надо было доверять Энге, эти грязные твари не могут объясняться друг с другом. Она ошиблась. Свой гнев Вейнте' обратила на пленного устузоу и ударила его ногой в лицо. Он застонал от боли и громко вскрикнул.

Керрик склонил голову и внимательно прислушался, прежде чем заговорить.

— Эйстаа, пожалуйста, подожди, есть кое-что.

Отступив на шаг, в гневе она повернулась к нему. Он заговорил быстро, чтобы ярость не обрушилась на него.

— Ты слыхала, он много раз говорил это слово... много раз, и я понимаю, то есть я думаю, что понимаю его. — Он умолк, закусил губу, прислушиваясь к полузабытому, припоминая слова. — Мараг. Он сказал — мараг.

— В этих звуках нет смысла.

— Есть, я знаю, что есть. Это то же самое, что устузоу.

Теперь Вейнте' казалась озадаченной.

— Но ведь это и есть устузоу.

— Я не это имею в виду. Для него иилане' — устузоу.

— Смысл ясен не полностью, и мне не по вкусу сравнение. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. Продолжай расспрашивать. Если, по-твоему, этот устузоу — иилелбе и не умеет говорить, найдем другого. Начинай.

Но Керрик был бессилен. Пленник молчал. И когда Керрик наклонился, чтобы подбодрить его, устузоу плюнул ему в лицо. Вейнте' не обрадовалась.

— Вытрись! — приказала она, а затем махнула фарги. — Приведи сюда другого устузоу.

Керрик едва замечал, что происходит. «Мараг». Слово это крутилось и крутилось в его голове, пробуждая невнятные воспоминания. Крики в джунглях, что-то кошмарное в воде. Мургу. Это когда мараг не один. Мургу, мараг, мургу, мараг.

Задумавшись, он даже не услышал, что Вейнте' гневно кричит:

— И ты тоже стал вдруг иилелбе, не умеешь открыть рта, словно фарги, только что вышедшая из воды.

— Извини, воспоминания, звуки, издаваемые устузоу напомнили мне...

— Мне дела нет до твоих воспоминаний. Разговаривай со вторым.

Керрик взглянул в испуганные голубые глаза. Голову существа покрывали густые светлые волосы. На лице существа волос не было и скрытое шкурами тело казалось иным. Испуганное существо застонало, когда Вейнте' схватила копье с каменным наконечником, отобранное у устузоу, и ткнула пленника в бок.

— Погляди, — сказала Вейнте'. — Я покажу, что тебя ждет, если ты будешь молчать, как тот, и не будешь говорить.

Бородатый пленник хрипло закричал: Вейнте' погружала и погружала копье в его тело — а потом замолчал. Второй пленник застонал, дергаясь и отворачиваясь. Вейнте' вытащила копье.

— Ослабьте путы, пусть он говорит, — приказала она, отворачиваясь.

Это было нелегко. Существо завывало, зашлось кашлем, из глаз его текли слезы, по подбородку сочилась слюна. Керрик нагнулся поближе, подождал, пока оно затихнет, и проговорил единственные слова, которые знал:

— Мараг. Мургу.

Немедленный ответ прозвучал слишком быстро для него. Но он узнал — «мургу», а потом кое-что еще. «Саммад». Да, саммад, убили целый саммад. Это оно и говорило. Она сказала, что весь саммад перебит мургу.

«Она». Слово само пришло в голову — женщина. Она — линга, убитый — ханнас. Самец и самка. Керрик тоже ханнас.

Понимание росло, медленно, по одному слову, по выражению. Некоторые слова он вовсе не понимал. Он помнил слова восьмилетнего ребенка, а не взрослой женщины.

— Вы оба издаете звуки. Понимание есть?

Керрик заморгал, вскочил на ноги и долго смотрел на Вейнте', прежде чем смысл вопроса пробился через пелену слов марбака, окутавшую его ум.

— Да, конечно, эйстаа. Понимание есть. Оно движется медленно... но движется.

— Значит, ты делаешь хорошо. — Тени стали длинными, солнце опустилось за горизонт, и Вейнте' завернулась в плащ. — Свяжите устузоу, чтобы оно не могло удрать. Утром продолжишь. Когда ты добьешься отличного понимания, задашь устузоу вопросы. Такие, на которые необходимы ответы. Если тварь станет противиться — напони ей об участии первого.

Керрик отправился за плащом, потом вернулся и сел на песке рядом с женщиной. В голове его кружились слова, звуки и имена.

Женщина произносила слова... и он понимал их, хотя было темно, и он не видел ее движений.

— Мне становится холодно.

— Ты можешь говорить во тьме, и я тебя понимаю!

— Холодно.

Конечно, это марбак, не язык иилане'. На нем говорят не движениями, а звуками, только звуками. Удивляясь открытию, он снял пропитанную кровью шкуру с тела мужчины и набросил на женщину.

— Мы можем говорить даже ночью, — сказал он, вытирая о песок липкие руки.

Она отвечала негромко, со страхом в голосе, но уже с любопытством.

— Я — Ине из саммада Охсо. Кто ты?

— Керрик.

— Ты здесь тоже пленник, привязан к марагу. Ты умеешь с ними говорить?

— Да, конечно. Что вы здесь делали?

— Пропитание добывали. Станный вопрос. Не надо было нам так далеко заходить на юг, но прошлой зимой многие умерли от голода. Ничего больше нам на оставалось. — С заметным любопытством она поглядела на его силуэт. — Керрик, когда тебя поймали?

— Когда?.. — На вопрос было сложно ответить. — Это было, должно быть, много лет назад. Я был еще очень мал...

— Все они мертвы, — сказала она, вдруг вспомнив, и зарыдала. — Эти мургу убили всех, кроме горстки пленников.

Она зарыдала еще громче, и шею Керрика вдруг охватила боль. Он схватился за ошейник, это Инлену< потащила его прочь. Шум разбудил ее, и она просто удалялась в спокойное место, волоча Керрика за собой. После этого он уже не стал более пытаться говорить...

Утром он долго не мог проснуться. Было жарко. Голова болела. Должно быть, вчера он перегрелся на солнце. Обнаружив емкости с водой, он принялся жадно пить. Тут подошла Сталлан.

— Эйстаа сказала мне, что ты говоришь с другим устузоу. — Слова свои она сопровождала жестами глубокого презрения к животному способу общения.

— Я — Керрик, что сидит возле эйстаа. Твоя манера речи — оскорбление.

— А я — Сталлан, которая убивает устузоу для эйстаа. Называть вас так, как вы заслуживаете, не оскорбление.

И сегодня убийство еще пьянило охотницу. Обычно она вела себя грубо, но не столь вызывающе. Но Керрик чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы начать спор со страшилищем. Не сегодня. Не обращая внимания на движения презрения и превосходства, он повернулся к ней спиной и пошел туда, где лежала связанная женщина.

— Говори с этой тварью! — приказала Сталлан.

Женщина задрожала. Испуганными глазами поглядела на Керрика.

— Я хочу пить.

— Я принесу воды.

— Оно извивалось и произносило звуки, — сказала Сталлан, — твои звуки были столь же отвратительны. Каков смысл?

— Она хочет воды.

— Хорошо. Дай твари немного. А потом я буду задавать вопросы.

Ине боялась марага, стоявшего возле Керрика. Он смотрел на нее пустым и холодным взглядом, а затем задвигал конечностями, издавая звуки. Керрик перевел.

— Где еще тану? — спросил он.

— Где?.. Что ты имеешь в виду?

— Я спрашиваю вместо этого уродливого марага. Он хочет знать, где другие саммады.

— На западе, в горах, ты это знаешь.

Сталлан не удовлетворилась ответом. Допрос продолжался. Немного погодя, даже едва понимая язык, Керрик догадался, что Ине избегает прямых ответов.

— Ты говоришь не все, что знаешь, — сказал он.

— Конечно, нет. Этот мараг хочет узнать, где другие саммады, и всех перебить. Я не скажу. Лучше я умру. Или ты хочешь, чтобы эта тварь все узнала?

— Мне все равно, — правдиво отвечал Керрик.

Он устал, голова его болела. Мургу убивают устузоу или же устузоу — мургу, ему было все равно. Вдруг он зашелся сильным кашлем. Вытерев мокрые губы, он заметил в слюне кровь.

— Спрашивай снова! — приказала Сталлан.

— Сама спрашивай! — ответил Керрик таким оскорбительным образом, что Сталлан в гневе зашипела. — Воды. Пить. Глотка пересохла.

Он жадно припал к воде, потом закрыл глаза, чтобы мгновение передохнуть.

Потом он почувствовал, что его куда-то потащили, но открыть глаза оказалось непосильным трудом. Когда его оставили одного, он поджал ноги к груди и обхватил руками. Под жаркими лучами солнца его бессознательное тело бил озноб.

Глава двадцать шестая

Он чувствовал течение времени, боль не проходила. Та самая боль, чье присутствие вдруг стало самым важным в жизни Керрика, сокрушавшая его своей тяжестью. Он то терл сознание, то вновь приходил в себя и радовался бездумным темным ночам, как спасению от лихорадки и нескончаемой боли. Однажды он проснулся от какого-то слабого крика и не сразу догадался, что кричал сам.

Худшее медленно проходило. Сознание возвращалось ненадолго, но Керрик уже начал ощущать, что резкая боль становится ноющей. Зрение отказывало ему, но сильные прохладные руки, поддерживавшие его за плечи во время питья, могли принадлежать только Инлену<. Сиделка, думал он, постоянная сиделка. Он расхохотался от этой мысли, не зная почему, вновь теряя сознание.

Наконец пора безвременья закончилась — однажды он вдруг понял, что пришел в себя, но не имел силы даже пошевелиться. Его не держали, не связывали — ужасная слабость сковывала его. Он понял, что может двигать глазами, но и они болели — от попытки невольно хлынули слезы. Рядом сидела Инлену<, уютно устроившись на хвосте. Она с безмолвным удовольствием глядела в никуда. Керрик ухитрился с огромным трудом выдавить из себя слово «вода» — и был не в состоянии пошевелиться, чтобы произвести необходимые телесные движения, означающие, что следует принести некоторое количество воды. К нему обратился глаз Инлену< — она обдумывала единственное слово. Наконец желание его стало очевидным даже ей, она пошевелилась и отправилась за тыквой.

Керрик поперхнулся, закашлялся, обессилев, откинулся на спину в полном сознании. У входа зашевелились. В поле его зрения всплыла Акотолп.

— Неужели он заговорил? — спросила она. Инлену^с ответила утвердительным жестом. — Очень хорошо. Очень хорошо, — сказала ученая, нагибаясь над ним.

Керрик заморгал, когда ее жирная физиономия с обрюзгшими щеками словно полная луна появилась перед ним.

— Ты должен был умереть, — с легким удовлетворением произнесла она. — И ты умер бы, не окажись меня с вами. Покачай головой, чтобы видно было, как ты мне благодарен за это.

Керрик умудрился изобразить легкое движение челюстью, и Акотолп удовлетворилась.

— Ужасная болезнь, она поражает весь организм. Эти нарывы на твоей коже — одно из ее проявлений. Фарги боялись к тебе прикоснуться. Глупые, они не понимают, что такие инфекции не передаются от вида к виду. Поэтому мне пришлось самой ухаживать за тобой. Весьма интересно. Если бы мне уже не приходилось работать с теплокровными устузоу, в твоей печальной участи не стоило бы сомневаться.

Рассуждая вслух, Акотолп меняла повязки на его теле. Боль была не сильной, не такой, как прежде.

— У некоторых пойманных устузоу эта болезнь протекала в более легкой форме. С детства выработанные антитела. У тебя их не было. Я полностью выдавила кровь из одного больного, приготовила сыворотку — и все. Работа окончена. Теперь ешь.

— Как долго... — выдавил Керрик.

— Долго — пища? Долго — антитела? Тебя еще лихорадит?

Керрик сумел сделать знак времени.

— Поняла. Как долго ты болел? Очень долго. Я не следила. Это не важно. Теперь выпей это. Тебе нужен протеин. Ты потерял треть своего веса. Это великолепное мясо, энзимированное в жидкость, великолепно переваривается.

Керрик был слишком слаб, чтобы протестовать. От отвратительной жижи его выворачивало наизнанку, но он все-таки протолкнул в себя несколько глотков. А

потом, обессилев, уснул. Это был кризис. Он выздоровел, надо было набираться сил. Кроме толстой ученой его не посещал никто, да он и не желал никого видеть. Воспоминания о тану, с которыми он разговаривал, вновь и вновь вставали перед ним. Нет, не тану, устузоу — убийцы с горячей кровью. Люди, похожие на него самого. Двойственность его жизни теперь стала ему понятна, в ней не было никакого смысла. Конечно же, он тану, ведь его притащили в этот город еще ребенком. Но все это происходило так давно, что даже память о детстве забылась. Осталась только память о памяти, словно ему говорили когда-то о тану. Физически он не иилане', он и не может стать им. Но думал он так, как они, двигался, как они, говорил их словами. А телом он оставался тану, и в снах его окружали тану. Сны тревожили, пугали, и, просыпаясь, он радовался, что не запоминает их. Он пытался вспомнить слова тану, но не мог. Даже те слова, которые он говорил тогда на пляже, ускользнули из его памяти за время болезни.

Если не считать привычной безмолвной Инлену<, он был в полном одиночестве. Керрика посещала одна Акотолп, что удивляло его.

— Неужели они все еще охотятся на устузоу? — спросил он ее однажды.

— Нет. Все по крайней мере двадцать дней как вернулись.

— Но здесь никого нет, кроме тебя, даже фарги сюда не заходят.

— Конечно же, нет. — Акотолп уселась на хвост, соединив все четыре больших пальца на толстом животе. — Ты мало знаешь об иилане', вот столько, — не больше, чем между двумя пальцами. — Показав, она вновь переплела их. — Ты живешь среди нас, ничего не зная.

— Я — ничто, и мои знания ничто. Ты знаешь все. Просвети, пожалуйста.

Слова его не были простой вежливостью. Большую часть своей жизни он прожил в городе, полном секретов. О многих сторонах жизни иилане' он мог только догадываться, поскольку об этом никто не желал говорить. Если лестью и низкопоклонством можно добиться

чего-то от этой жирной твари, он согласен изображать любую покорность.

— Иилане' не болеют. Болезни поражают только низших животных, вроде тебя. Могу предположить, что существовали и поражавшие нас болезни. Они давно уже ликвидированы, эти заболевания, как та самая лихорадка, от которой погибло здесь несколько иилане'. Недомоганием могут сопровождаться травмы и раны, с ними легко справиться. Поэтому твоя хворь озадачивает глупых фарги. Они не могут понять, что с тобой, и потому игнорируют твою болезнь... и тебя вместе с ней. Но мое искусство в обращении со многими формами жизни так велико, что я-то знаю, что делать.

Она изобразила великое довольство собой, и Керрик поспешно согласился с ней.

— Тебе, высочайшая, известно все, — добавил он. — Не позволишь ли глупому устузоу побеспокоить тебя вопросом?

Акотолп знаком разрешила.

— А среди самцов разве нет хвори? Мне говорили в ханане, что многие из них умирают на пляжах.

— Все самцы глупы и ведут дурацкие разговоры. Иилане' запрещено разговаривать об этом.

Испытующе глянув на Керрика одним глазом, Акотолп скользнула другим по крепкой спине Инлену< и решилась.

— Но тебе рассказать можно. Ты не иилане'... и ты — самец, так что слушай. Я буду говорить просто, ведь по-настоящему понять все это можно, лишь обладая моими великими познаниями. Я собираюсь описать тебе интимные подробности сложного процесса размножения. Во-первых, ты должен понять свое ничтожество. Все теплокровные самцы, в том числе и ты, извергают сперму... вот и весь ваш вклад в процесс рождения. Для нас, вида высшего, это не так. При копуляции оплодотворенное яйцо извергается в сумку самца. Акт этот инициирует в его организме метаболические изменения. Самцы становятся вялыми, тратят мало энергии, жиреют. Из яиц проклевывается молодняк, он обитает в сумке и покидает ее уже достаточно крупным, чтобы выжить в море. Прекрасный физический процесс, освобождающий куда более развитых самок для важных дел.

Акотолп жадно облизнулась, выхватила у Керрика тыкву с недопитым жидким мясом и осушила ее одним глотком.

— Более развитых во всех отношениях. — Она с удовольствием рыгнула. — И когда молодняк уходит в море, роль самца в воспроизведении потомства заканчивается. То же самое можно сказать и об одном насекомом — богомоле. Его самка поедает самца при копуляции. Обратная метаболическая перемена в организме самца происходит труднее. Примерно половина их умирает. И хотя для самца в этом есть некоторое неудобство, на выживаемости вида подобное никак не сказывается. Ты не понимаешь, о чем я говорю, так? Вижу, вижу, по животной пустоте твоих глаз.

Но Керрик понял все слишком хорошо. Третий раз на пляже — верная смерть, подумал он. Но вслух произнес:

— Как велика твоя мудрость, высочайшая. Даже если бы я жил от яйца времен, и то не усвоил бы даже малейшей доли твоих познаний.

— Безусловно, — согласилась Акотолп. — Низшие теплокровные существа не способны к существенным изменениям метаболизма. Поэтому-то их немного, и способны они существовать лишь на краю света. В Энтобане мне случалось работать с животными, которые во время сухого сезона обволакивают себя илом — так они дожидаются следующего сезона дождей в глине, на дне пересыхающих озер, как бы долго ни продлилась засуха. Поэтому даже тебе следует понять, что метаболические изменения могут привести и к смерти.

Факты сошлись, и Керрик, не думая, выпалил:

— Дочери Смерти?

— Дочери Смерти... — с презрением произнесла Акотолп. — Не говори мне об этих созданиях. Они не служат своему городу и не умеют как положено умереть, когда их выгоняют. Умирают хорошие. — Она поглядела на Керрика, и холодная злоба проступила в ее жестах. — Икемеи мертва. Великая ученая. Тебе была предоставлена честь встретить ее в Инегбане, когда она брала у тебя пробы тканей. Так ее погубили. Какие-то дуры на высоких постах решили поручить ей

найти способ биологического уничтожения вас, устузоу. Она не смогла этого сделать, как ни старалась. И она умерла. Ученые берегут свою жизнь, они не могут ее взять. И она умерла — иилане', отвергнутая своим городом. А ты — бесчувственный самец, низкий зверь, и я больше не буду с тобой разговаривать.

Она заковывала прочь. Керрик не заметил ее ухода. Впервые сумел он понять хоть что-то из того, что происходило вокруг. Он-то по глупости своей воспринимал мир таким, каким он был. Он-то верил, что все эти создания, вроде лодок и хесотсанов, были естественными. Да разве такое возможно? Иилане' даже себя преобразили неведомым способом — значит, они изменили в городе все растения, всех животных. Если жирная Акотолп и впрямь умела делать подобные вещи, пределы познаний ее на самом деле трудно было представить. И впервые он почувствовал к ней искреннее уважение — за все, что она знала и умела. Он бы умер, если бы не она.

Он уснул и стонал во сне: животные меняли свою сущность, и сам он таял и растекался, преобразаясь.

Скоро он уже мог сидеть. Потом, опираясь на Инлену<, сумел проковылять несколько шагов. Силы постепенно возвращались. Вскоре выбрался из своей каморки и уселся на солнце, прислонившись спиной к дереву. Как только он там оказался, здоровый как всегда, общение с ним вышло из-под запрета. Фарги являлись на его зов, приносили фрукты — ничего другого он не хотел — только чтобы избавиться от привкуса жидкого мяса.

Силы возвращались, и наконец, с остановками, он рискнул добраться до амбесида. До болезни прогулка была бы недолгой. Теперь это была целая экспедиция, в конце ее он опирался на руку Инлену< и обливался потом. Привалившись к стене амбесида, он пытался отдышаться. Вейнте' заметила его и приказала подойти. Он поднялся на ноги и побрел, спотыкаясь на ходу. Она следила за его неровной поступью.

— Ты еще болен? — спросила она, выражая озабоченность.

— Болезнь прошла, эйстаа. Слабость осталась. Акотолп, обладающая бесконечными познаниями, велела мне есть много мяса, чтобы сила возвратилась в мое тело.

— Делай, как она приказала. Подтверждаю ее распоряжения, победа следовала за нами на север, все попавшиеся нам устузоу убиты. Часть из них мы взяли в плен, и я хочу, чтобы ты говорил с ними, получал информацию.

— Как повелевает эйстаа, — отвечал Керрик, и, хотя он говорил со смиренной любезностью, вдруг испытал страшное возбуждение: он покраснел и задрожал.

Он понял, что ненавидит этих отвратительных существ. Но все-таки он стремился общаться с ними.

— Ты будешь разговаривать, но не с теми, кого мы привезли с севера. Они уже мертвы. Копи силы. Когда теплое солнце вернется на север, мы отправимся туда, чтоб еще больше убить.

Керрик жестом выразил покорность, удивляясь внезапному разочарованию.

Чтобы прогнать болезнь и восстановить силы, ему достаточно было теперь просто лежать на солнце. Прошло много дней, наконец Акотолп послала за ним. Фарги привела его в ту часть города, где он еще не бывал, к закрытой, но странно знакомой панели. Она отворилась, за ней оказалось сырое помещение.

— Водяная комната, совсем как в Инегбане!

Инлену< завертела плотным телом в знак согласия.

— Глаза жжет!

— Так закрой их, обладательница великой тупости.

И он поспешно зажмурился, когда брызнули первые капли теплой жидкости...

Когда они вошли, Акотолп повернулась к ним, протянула руку и двумя большими пальцами ущипнула Керрика.

— Хорошо. Ребра покрыты. Ты должен упражняться. Этот приказ я передаю тебе от эйстаа. Она весьма озабочена твоим здоровьем. Ты должен окрепнуть, чтобы выдержать новое путешествие на север.

— Я слышу, и я повинуюсь. — Во время разговора Керрик разглядывал странную комнату и безуспешно пытался понять, что его окружает. — Однажды в далеком Инегбане я видел подобное помещение.

— Ты разумный среди глупых. Все лаборатории похожи друг на друга.

— Расскажи мне, великая, что ты делаешь здесь?

Акотолп причмокнула губами, и жирное тело задрожало от охвативших ее чувств.

— И ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? Существо бесконечной глупости, да проживи ты десять жизней, — и то не начнешь понимать. Иилане' занимаются наукой с тех пор, как впервые вышли из моря. Их знания росли и зрели. Наука — это знание жизни, умение заглянуть в жизнь, увидеть клетки, из которых складывается все живое, и в них — гены; увидеть там спираль, которую следует удалить и заменить другой. Так властвуем мы над жизнью. Понял ли ты хоть одно слово, ползающий и копошащийся?

Керрик жестом признал за собой действия насекомого и ответил:

— Очень немного, о обладательница бесконечных познаний, но достаточно, чтобы понять — ты из тех, кто властвует над жизнью.

— Это верно. У тебя по крайней мере хватает разума, чтобы воспринимать, не понимая. С удивлением погляди на это создание.

Акотолп оттолкнула в сторону одну из помощниц и показала на узловатое создание с шипами, восседавшее возле прозрачной части стены. Керрику показалось, что из большого глаза в его боку шел яркий солнечный свет. Озадаченный, он заметил сверху на голове другой глаз. Акотолп жестом приказала Керрику подойти ближе и наслаждалась его недоумением.

— Ты боишься его?

— Эти глаза...

— Они слепы, глупец. Это существо слепо и бесчувственно, мы преобразовали его глаза, чтобы видеть невидимое. Погляди сюда. Что ты видишь на прозрачной пластине?

— Каплю воды.

— Потрясающая наблюдательность! А теперь смотри — я помещаю ее в сандуу.

Большим пальцем Акотолп открыла окошечко в боку сандуу и вставила в него пластину. Заглянув в верхний глазок и бурча про себя, она набирала пальцами инструкции для сандуу. Потом отодвинулась и поманила к себе Керрика.

— Закрой глаз. Другим погляди сюда. Расскажи, что видишь?

Он ничего не увидел. Просто светлое пятно. Моргнув, он повернул голову... и увидел их: прозрачные существа быстро шевелили щупальцами. Этого он понять не мог и вопросительно взглянул на Акотолп.

— Я заметил там шевелящихся тварей... Кто это?

— Животные, мельчайшие, они живут в этой капле воды. Линзы увеличивают их изображение. Ты понял, что я говорю?

— Нет.

— Абсолютно верно. Ты никогда не выучишься. Твой разум не больше, чем у всех остальных устузоу. Свободен.

Керрик обернулся и вздрогнул, увидев у стены безмолвного бородатого тану. Внезапно он понял, что это чучело. Ничего не ощутив при этом, он быстро вышел.

И все же на обратном пути он был странно взволнован... Солнце грело плечи, сзади терпеливо шлепала Инлену<. Мыслями и словами он был иилане'. А по виду — устузоу. А значит, не был ни тем, ни другим. Мысль эта огорчила его. Все-таки он иилане', в этом нельзя сомневаться.

Он повторял и повторял эти слова, а пальцами бессознательно щипал свое собственное теплое тело тану.

Глава двадцать седьмая

— Пришло время отправляться, — сказала Сталлан, — здесь, на картинках, есть все, что нам следует знать.

— Покажи! — велела Вейнте'.

Помощницы и фарги, толкаясь, приблизились, чтобы посмотреть, но она жестом отогнала их. Сталлан передавала изображения по одному, сопровождая их подробными пояснениями.

— Вот это самые ранние... Это высокие долины, где обычно зимуют устузоу. Но последней зимой тепло не пришло туда. И поэтому устузоу пойдут на юг в поисках пищи.

На юг, подальше от собственных морозных зим, подумала Вейнте', так и мы бежим из холода Инегбана. Она выбросила из головы непристойное сравнение, едва оно появилось. Между двумя фактами не было никакого сходства, ничего общего не может быть у иилане' с устузоу. Простое совпадение. Ну и что, пусть эти твари отправляются на юг за пищей.

— ...На юг, где они окажутся у нас в руках, — громко произнесла Вейнте'.

— Будущее открыто для тебя, эйстаа. Если они останутся в горах, то умрут от голода. Если же нет — мы сумеем встретить их.

— Когда выступаем?

— Очень скоро. Смотри сюда... вот. Большие звери, тянущие шесты и шкуры. Они спускаются с гор. Вот трава — еще серая и мертвая после зимы. Белое во впадинах — твердая вода. Они пойдут дальше на юг.

— Пойдут. Подготовка окончена?

— Окончена. Припасы собраны. Лодки накормлены. Вооруженные фарги готовы.

— Проследи, чтобы все так и оставалось.

Отпустив Сталлан, Вейнте' мгновенно забыла о ней, обратившись к мыслям о грядущей кампании. На этот раз придется углубиться на сушу, пробыть в походе все лето. Взять с собой мяса на весь этот срок они не могли... Значит, следует предусмотреть снабжение из города? Или лучше опустошать землю? Это легче, к тому же каждый убитый зверь не достанется устузоу. Но нужно взять с собой и какие-то запасы, чтобы продвижение не замедлялось. Следует учесть все. Придется брать пленников. Раптор не мог пролететь над всеми стоянками устузоу. Допрашивая пленников, иилане' будут обнаруживать племя за племенем и перебьют всех.

Повинуясь жесту, к Вейнте' подошла фарги.

— Прикажи Керрику явиться ко мне.

Она долго не могла отрешиться от мыслей о походе и не сразу заметила вошедшего.

— Расскажи о своем здоровье, — приказала Вейнте', — ты очень похудел.

— Да, но слабость исчезла, шрамы от нарывов зажили. Каждый день я заставляю жирную Инлену< бегать со мною в полях. Она теряет вес — я набираю.

— Скоро выступим на север. Ты отправишься с нами.

— Эйстаа говорит — я повинуюсь.

Он выразил это самым официальным образом, не проявив никаких других эмоций. Но за внешним спокойствием мысли были совершенно иными.

Он стремился в путь... и боялся его.

Большая часть подробностей минувшего похода забылась во время болезни. Когда Керрик был без сознания, он просто ничего не помнил, но когда он пришел в себя, появились боли в груди, язвы покрыли все тело. Он знал, что надо есть... и не мог. Смутно он ощущал, как тает его тело, как приближается смерть, но был слишком слаб, чтобы бороться с болезнью. И лишь во время долгого, трудного выздоровления он начал думать о пище.

Но все это было — и должно остаться в прошлом. Он все еще уставал к вечеру, но с каждым днем становился чуть сильнее. Все будет отлично.

Он пойдет вместе со всеми, там будут устузоу, ему придется разговаривать с ними. Давно не позволял он себе подобных мыслей, но странное возбуждение охватило его, и Керрик с нетерпением ждал похода. Он снова будет разговаривать с тану и на этот раз припомнит больше слов. И едва он об этом подумал, внезапное возбуждение овладело им, и он зашагал быстрее, — Инлену< покорно плелась следом.

...Они выступили на несколько дней раньше, чем планировалось; решено было двигаться медленнее. Вейнте' желала проверить, удастся ли им раздобыть по дороге мясо.

Весь первый день они плыли и только утром остановились на скалистом берегу. Сталлан сразу же отправилась на охоту с группой своих лучших охотниц, резвые фарги торопились следом.

Они возвратились задолго до темноты, фарги были нагружены тушами оленей. Они подходили и складывали туши перед эйстаа.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала она с удовольствием. — Верно твое имя, Сталлан — охотница, что не промахивается.

Охотница... Керрик не понимал еще смысла этого слова. Охотница. Входящая в лес, крадущаяся по равнине, убивающая.

— Сталлан, я тоже хочу поохотиться, — произнес он вслух то, о чем долго думал. И склонился за хесотсаном, лежавшим неподалеку, но Сталлан пинком отбросила оружие. Ее поступок был грубым и неожиданным.

— Устузоу умирают от хесотсана, другого отношения к оружию они не имеют!

Керрик отступил. Он думал не об оружии, он хотел только на охоту. И пока он обдумывал ответ, заговорила Вейнте'.

— Разве у тебя совсем нет памяти, Сталлан? Ты забыла, что приказы отдаю только я? Отдай Керрику свое оружие! Объясни устузоу, как оно действует.

Тон приказа был так резок, что Сталлан оцепенела. Вейнте' не изменила повелительной позы. Важно, чтобы все иилане', даже ранга Сталлан, не забывали, кто здесь эйстаа. А еще ей хотелось натравить эту пару друг на друга, их взаимная ненависть была очевидной.

Сталлан оставалось только повиноваться. Фарги продвинулись ближе, как всегда, когда кому-то что-нибудь объясняли. Сталлан нерешительно протянула оружие Керрику.

— Это создание называется хесотсан; оно выращено, чтобы служить оружием.

Керрик решительно взял в руку прохладную темную трость, не отводя глаз от указующего большого пальца.

— Молодые хесотсаны подвижны, а когда вырастают, то меняют форму. Ноги становятся короткими, позвоночник деревенеет, и существо принимает такой вид. Его приходится кормить, иначе оно умрет. Вот рот. — Она показала на дырочку с темными губами. — Не перепутай с отверстием, куда вставляются иглы. Иглы мы снимаем с кустов и сушим... Не двигай рукой!

Сталлан выхватила у Керрика оружие и попыталась овладеть собой. Лишь присутствие эйстаа за спиной сделало это возможным. Не будь ее — она втоптала бы этого устузоу в землю. Помолчав, она заговорила более хриплым голосом, чем прежде.

— Это оружие убивает. Для этого надо надавить одной рукой на тело, а потом нажать здесь большим пальцем.

Раздался громкий треск — и игла со свистом улетила в воду.

— Иглы мы вставляем сюда. Получая импульс, хесотсан выделяет некоторое количество жидкости, она испаряется со взрывом и выталкивает иглу наружу. Не заряженные в хесотсан иглы безвредны. Но пока игла движется по метательной трубе, она трется о железо, которая выделяет такой сильный яд, что невидимая взору капля мгновенно убивает такого гиганта, как ненитеск.

— Ты превосходно объясняешь, — произнесла Вейнте'. Легкое удовольствие в ее тоне делало слова двусмысленными. — Можешь перестать.

Бросив хесотсан Керрику, Сталлан резко обернулась. Но все же не настолько быстро, чтобы спрятать от Керрика жгучую ненависть. Он ответил ей тем же. Но, разглядывая оружие, быстро забыл о случившемся. Он думал только о предстоящей охоте, о том, как

воспользуется хесотсаном. И все же он был не настолько легкомыслен, чтобы впредь позволять Сталлан находиться рядом с ним без свидетелей. Лучше было держаться от охотницы подальше и уж во время охоты особенно. Ядовитая игла мгновенно уложит его так же, как и любое животное.

...Когда на следующий день пришло время выходить на охоту, Керрик не стал высовываться со своим оружием, пока не убедился, что Сталлан удалась. Тогда он направился в противоположную сторону. Никакого желания пасть жертвой несчастного случая он не испытывал.

Охотиться, волоча на поводке неповоротливую Инлену<, оказалось делом нелегким, но он старался, как только мог. Иногда ему везло — и Инлену< пришлось тащить на пляж не одного оленя. Но куда важнее, чем сама добыча, оказалось то чувство, которое он испытал, выслеживая зверей в густой траве. Удовольствию его не было предела. Керрик не замечал усталости: у него появился волчий аппетит, он спал как убитый. Охота продолжалась, они медленно продвигались на север, и с каждым днем он оказывался способным на большее. Когда от побережья океана они направились вдоль огромной реки, он чувствовал себя столь же сильным, как прежде.

Первая битва состоялась через несколько дней...

Когда все ушли, Керрик остался в лагере на своем обычном месте. Полученные с помощью раптора снимки свидетельствовали, что устузоу движутся вдоль берега реки, поэтому тщательно продумана была и засада. Но Керрику было не до этого. Скрестив ноги, он сидел на земле и пальцем дразнил хесотсан. Прикасаясь к его пасти, он отправлял к нее очередную мясную кроху и мечтал о новой охоте. Инлену< такая шумная. Но она научилась замирать на месте по его приказу. Он описывал большой круг около очередного обнаруженного стада, а затем прятался с подветренной стороны. Олени, спасаясь от охотниц, бежали прямо на него. План срабатывал.

Мысли его нарушил далекий вопль. Даже Инлену< вздрогнула и огляделась. Крик прозвучал снова, громче

и ближе. Керрик вскочил на ноги, вскинув оружие. Крик повторился, послышался тяжелый топот.

Впереди над откосом раздался пронзительный вопль, в ветвях показалась огромная голова. Длинные белые клыки, задранный хобот, вновь оглушительный визг.

— Убей устузоу! — завопила Инлену<. — Убей, убей!

Керрик вскинул хесотсан, целя прямо в черный глаз огромного зверя.

— Кару... — сказал он и не выстрелил.

Инлену< в страхе застонала.

Задрав хобот, мастодонт вновь затрубил. А потом повернулся и исчез из виду.

Кару... Почему он произнес это слово? Что оно значило? Он ведь только удивился огромному зверю, но не испугался. Странное слово «кару». Оно будило смутные воспоминания. Теплые, мирные... Вздвогнув, он постарался все забыть. Наверное схватка совсем рядом. Огромный волосатый зверь испугался, удрал. Керрик был рад, что не убил его.

— Эйстаа посылает за устузоу по имени Керрик, — раздался голос медленно тащившейся по берегу фарги.

Она была ранена — нижняя часть руки была закрыта повязкой. Кровь струилась по ноге...

— Умойся! — приказал Керрик, потянув за поводок. Инлену< с трудом поднялась на ноги.

Хесотсан справился с последним куском мяса. Керрик погладил пальцем его рот: если не закрыть его вовремя, оружие может укусить мелкими зубками.

Они пошли вдоль берега, потом повернули в сторону, на утопанную тропу. По пути им то и дело встречались раненые фарги, шедшие назад. Некоторые стонали, другие валялись на землю, не в силах пошевелиться. Они прошли мимо трупа — одна фарги умерла на дороге, глаза и рот были широко раскрыты. Битва была суровой.

Потом Керрик увидел мертвых тану. Фарги сваливали трупы в кучи — мужчины и женщины, детские тельца отбрасывали в сторону. Рядом лежал мастодонт, рухнувший на пожитки племени и изломавший их.

Керрик был потрясен, он молча шел дальше. Это были устузоу, их следовало убивать. Но это же тану — почему они убиты? Это те самые мерзкие устузоу, перебившие самцов иилане' и молодняк на пляже. Но что ему до этого? Он и близко не подходил к этим пляжам.

Пронзенная копьем фарги лежала на теле охотника, так и не выпустившим древко из рук. Фарги была иилане', и он, Керрик, тоже иилане'.

Но нет, он тану. Он еще и тану?

На вопрос нельзя было ответить, но его нельзя было и забыть. Нет, надо забыть все и вспомнить себя мальчиком... Но тот мальчик давно мертв. Чтобы выжить, ему пришлось стать иилане'. И он иилане', а не грязный устузоу.

Тут его за руку потянула какая-то фарги, он вздрогнул. Трупы, кругом трупы... тану, иилане', мастодонты. Он уже не мог смотреть на трупы. Керрик подошел к группе вооруженных фарги, расступившихся перед ним. Там стояла Вейнте', каждое движение ее тела выдавало неприкрытый гнев. Увидев Керрика, она молча указала на лежавший перед нею предмет. Это была шкура какого-то животного, плохо выделанная и подгнившая, совершенно бесформенная, с головой.

Керрик в ужасе отшатнулся. Это было не животное, а иилане', ее еще можно было узнать.

— Видишь это? — спросила Вейнте'. Каждый жест ее передавал жгучую ненависть. — Видишь, что сделали эти животные с ней, такой интеллектуальной, такой красивой. Я хочу поподробнее разузнать об этом: кто это сделал, сколько их было, где их искать. Ты допросишь захваченного устузоу. Нам пришлось вбить в него покорность. Возможно, это предводитель своры. Пусть покапает кровью — но прежде все расскажет тебе, а потом я убью его. Быстро! Я должна знать все. Несколько устузоу избежали смерти, но Сталлан со своими охотницами идет по следу и схватит их.

Лужайку окружали высокие деревья. Тану лежал на земле со связанными руками и ногами, а фарги била его копьем.

— Пусть он страдает, не убивай! — приказала Вейнте'.

Керрик приближался медленно, почти против собственной воли. Охотник был рослым, куда выше его. Густая борода и волосы были испачканы кровью. Избиение продолжалось, но мужчина молчал.

— Прекрати! — велел Керрик, ткнув оружием в спину фарги. — Назад!

— Кто ты? — хрипло спросил мужчина, закашлявшись и сплюнув кровь, перемешанную с осколками зубов. — Ты пленник, раз на поводке? И ты разговариваешь с ними? Где твои волосы? Кто ты? Говорить умеешь?

— Я... я — Керрик.

— Это имя ребенка, а не охотника. Но ты уже взрослый...

— Это я задаю вопросы. Назови свое имя.

— Я Херилак. Саммад мой. Был. Убиты все, все погибли... Да?

— Некоторые бежали. За ними погоня.

— Детское имя... — Голос его стал мягче. — Подойди ближе, мальчик, ставший мужчиной. Дай мне поглядеть на тебя. Они подбили мне оба глаза... Подойди ближе... Вижу. Пусть на лице нет ни волоска, но твое лицо — лицо тану.

Херилак поморгал, стараясь стряхнуть кровь с век. Керрик протянул руку и мягким движением смахнул ее. Он словно прикоснулся к собственной теплой коже. К собственной коже, собственному телу. Он вздрогнул — подобное ощущение было таким непривычным.

— Ты производишь звуки и вихляешься, как они. Значит, ты умеешь говорить с ними?

— Отвечай на мои вопросы. Не тебе задавать их.

Херилак понимающе кивнул.

— Делаешь их работу. Давно ты с ними?

— Не знаю... Много лет... зим.

— Все это время они убивали тану, Керрик. Мы тоже убиваем их, но всегда мало. Однажды я видел малыша в плену у мургу. Они держат пленных?

— Пленных нет. Только один я... — Керрик умолк, что-то забытое шевельнулось в его памяти: бородатое лицо среди ветвей.

— Значит, они поймали и воспитали тебя, — почти шепотом произнес Херилак. — Ты умеешь говорить с ними. Нам нужна твоя помощь, тану нуждаются в тебе... — Он умолк, заметив нож на шее Керрика. И произнес сдавленным голосом: — Повернись-ка к свету, мальчик. Что это у тебя на шее? Это твоя вещь?

— Моя? — переспросил Керрик, прикасаясь к холодному металлу. — Должно быть, да. Они сказали, что меня поймали с этой штукой на шее.

Голос Херилака дрогнул: охотник что-то вспомнил.

— Небесный металл... Я видел, как он свалился с неба, а потом искал и нашел его. Эти ножи делали при мне, их каменными ножами откалывали от куска металла, потом расплющивали. Ну прикоснись к моей груди... Там под шкурой... спереди... Нашупал? Вытаскивай! Один охотник сделал большой для себя, второй поменьше — для сына. У сына было детское имя, может, его и звали Керрик. Я не помню. Но отца звали Амагаст. Он был близок мне. Потом, через много лет, я нашел этот нож из небесного металла среди его костей. Костей Амагаста.

Застыв в ужасе, Керрик слушал. Имя... Оно снилось ему по ночам, он забывал его, просыпаясь.

Амагаст...

Амагаст. Одно слово словно ключом отомкнуло поток воспоминаний, захлестнувших его. Кару, его мастодонт, убитый с ним рядом. Отец его Амагаст. Он погиб. Вместе со всем саммадом. Воспоминания путались. Тогда тоже вокруг лежали погибшие. Резня... И долгие, долгие годы... Медленно доходили до него слова охотника.

— Убивай их, Керрик, убивай, как они убивают нас.

Повернувшись, Керрик побежал. Инлену< заковыляла следом. Подальше от охотника, от этого голоса и воспоминаний! Но от них уже негде было скрыться. Оттолкнув вооруженную фарги, он поднялся на вершину заросшего травой склона, тянувшегося в сторону моря, и тяжело сел на землю, обхватив колени, лицом к океану... и не видя его.

Перед ним был Амагаст, отец его, и погибший саммад. Робко и невнятно с ним заговорила память. Она была при нем: все забытое, все похороненное. Глаза его

наполнили детские слезы, те, что он не выплакал ребенком. Теперь они текли по щекам... Саммад его вновь был перед ним... Убитые лежали, как сегодня родные Херилака. Оба побоища слились в его воображении воедино. И он еще жил столько лет среди иилане', позабыв обо всем. Он выжил, потому что забыл.

Но теперь он вспомнил, и в памяти своей был сразу двумя существами — устузоу, которого научили говорить на языке иилане', и мальчиком тану.

Мальчиком? Он смотрел на свои руки, на пальцы. Он больше не мальчик. Тело его выросло за долгие годы. Он стал мужчиной, но не знал, как им становятся. Он вспомнил отца, других охотников... Должно быть, теперь он с них ростом.

Вскочив на ноги, Керрик закричал от негодования и гнева. Кто он? Что он? Что с ним происходит?

Вдруг сквозь бурный порыв чувств он почувствовал, что его дергают за шею. Он обернулся и, моргая, увидел, что Инлену< тихонько тянет его за поводок, выражая при этом беспокойство и страх.

Керрику захотелось убить ее, и он занес оружие у нее над головой.

— Мараг! — крикнул он. — Мараг!

Но гнев улегся так же быстро, как и пришел, и, устыдясь, он опустил оружие. Простодушное создание было не опасно, она была пленницей куда в большей степени, чем он.

— Спокойствие, Инлену<, — произнес он. — Ничего плохого. Успокойся.

Приободрившись, Инлену< вновь уселась на толстый хвост и кротко заморгала, глядя на заходившее солнце.

Керрик сразу забыл о ней. Там, на лужайке за деревьями, ждал Херилак. Чего ждал? Ответа, конечно, ответа на вопрос, на который сам Керрик не мог ответить, хотя вопрос был предельно ясен.

Кто он? Физически — тану, мужчина с мыслями мальчика, так и не ставшего настоящим тану. Это было ясно и очевидно. Чтобы выжить, мальчик превратился в иилане'. Это было понятно. Иилане' мыслями, тану с виду.

Неясно было только, что с ним будет. Если он не предпримет ничего, существование его будет продолжаться так, как и раньше. Положение его останется высоким, он будет ближайшим подручным эйстаа, живущим в спокойствии и безопасности. Но в качестве иилане'.

Но этого ли он хотел? Это ли его будущее? Раньше он не думал об этом, даже не представлял себе такое. Он передернул плечами, пытаясь сбросить невидимую тяжесть. Слишком многое приходилось решать прямо сейчас. Ему так требовалось время на раздумье. Он выполнит приказание Вейнте' и допросит устузоу. Потом будет время все обдумать. Голова его была тяжелой...

Когда Керрик вернулся, ничего не переменилось. Херилак лежал связанным на земле. Три фарги молча стояли на страже. Керрик поглядел на охотника, попытался заговорить, но не находил слов. Молчание нарушил Херилак.

— Делай, как говорю, — зашептал он. — Убей мургу, режь путы, бежим вместе в горы, в зимние снега, к доброй охоте, к костру в шатре. Вернешься к своим.

И хотя охотник шептал эти слова, громом отдавались они в голове Керрика.

— Нет! — громко выкрикнул он. — Молчи! Ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты будешь только отвечать...

— Мальчик, ты потерялся, но тебя не забыли. Они попытались сделать тебя своим, но ты не из них. Ты — тану. Керрик, возвращайся в саммад.

Керрик гневно велел Херилаку замолчать, но голос охотника все звучал в его ушах. Он еще не сдавался. Все решила фарги, которая держала копье. Она ничего не понимала, но чувствовала неладное. Припомнив прежний приказ эйстаа, она шагнула вперед и принялась тупым концом копья охаживать Херилака.

— Нет! — рывкнул Керрик. — Нельзя, перестань!

Оружие в его руке треснуло словно само собой — фарги рухнула мертвой. Все еще охваченный гневом, он повернулся и выстрелил во вторую, та упала — рот ее кривился. Он все нажимал и нажимал на хесотсан, и тело фарги ошетинилось иглами. Когда хесотсан опустел, Керрик отшвырнул его.

— Бери копье! — приказал Херилак. — Режь пути!

Инлену^с дернулась следом за Керриком. Он нагнулся к фарги и вытащил копье из ее мертвой руки. Потом он разрезал пути на лодыжках Херилака, потом на запястьях.

— Что это?! Что случилось?! — раздался сердитый крик Вейнте'.

Керрик обернулся — она стояла над ним, оскалив острые зубы. Тут он впервые вспомнил эти зубы впившимися в горло девушки, оскалившимися над ним, когда, оседлав его, она орала от блаженства. Общего блаженства. Ведь и он ощущал его.

Блаженство и ненависть — он разом ощутил их.

Она говорила что-то, но он не слышал. Приказывала, но он не собирался повиноваться. Она повернулась и потянулась к брошенному оружию.

То, что он сделал, было так естественно, что не потребовало никаких раздумий и усилий. Копье взметнулось и ударило в бок Вейнте', глубоко вонзившись в ее тело. Она схватилась за древко и вырвала его. Хлынула кровь. Иилане' пошатнулась, повалилась на спину и покатилась с обрыва.

— Бежим! — крикнул Херилак, потянув Керрика за плечо. — За мной! Тебе нельзя теперь здесь оставаться! Ты должен идти со мной!

Схватив Керрика за руку, он потащил его за собой к темной стене леса, обступившего поляну. Керрик сопротивлялся, а потом, спотыкаясь, побежал следом, через подлесок, сжимая в руке позабытое копье. Инлену^с, протестуя, ковыляла следом.

Они исчезли среди деревьев, и шаги их утихли. На поляне вновь воцарилось безмолвие.

Безмолвие смерти.

К
Н
И
Т
А

ВТОРАЯ

Глава первая

Стая ворон, громко каркая, кружила по небу. Птицы по одной опускались на ветки. Дул ветерок, наступал жаркий вечер. Под деревьями было прохладнее: листва на березах и дубах была такой плотной, что лишь кое-где вниз пробивался солнечный луч. Пятна тени дрожали на трех телах, распростертых на мягкой траве.

Могучий Херилак совсем выбился из сил: раны его открылись, кровь сочилась по телу, волосы на голове и борода слиплись. Закрыв глаза, он лежал на спине и неровно дышал.

Напротив него расположилась Инлену<. Не замечая того, она приняла ту же позу и пыхтела, раскрыв рот.

Керрик устал меньше и, в отличие от нее, прекрасно сознавал, что происходит и где они находятся. Они остановились у подножия горы, неподалеку от побережья. Они долго бежали, пока Инлену< не выдохлась, а когда она остановилась, рухнул наземь и Херилак. Во время бегства паника постепенно покинула Керрика, и ее сменил леденящий душу страх.

«Что я наделал?»

В вопросе крылся ответ. Что он наделал, было понятно. Он погубил себя. Он убил эйстаа. Теперь, когда эмоции улеглись, он и понять не мог, что заставило его совершить безумный поступок. Одним ударом копья он оборвал все, что связывало его с иилане', восстановил против себя всех. Кончилась привычная жизнь, она умерла, как Вейнте'. Теперь уже никогда не вернуться ему в уютный Алпеасак. А впереди ждала неизвестность... Нельзя было сомневаться в том, что ему грозит смерть. Терзаясь тоской и раскаянием, он повернулся

и, раздвинув кусты, поглядел вниз со склона. Ни малейшего движения. Не было даже признаков погони. Пока. Но его будут преследовать. Убийца эйстаа не уйдет от возмездия.

Вернуться он не мог. После случившегося все прошлое погибло. Он теперь обречен на изгнание, одинокий иилане' среди устузоу, на куда большее одиночество, чем прежде.

Думы его нарушил голос, смысл сказанного он понял не сразу.

— Великолепно, Керрик, отличный удар! Убил главного марага.

— Не просто главного, — в глубоком унынии ответил Керрик. — Самую главную, предводительницу, саммадара города мургу.

— Тем лучше.

— Лучше? За ее смерть мне придется заплатить жизнью.

— Ее? Этот уродливый мараг — самка? Трудно поверить.

— Они все самки. Самцы сидят под замком.

Херилак приподнялся на локтях и холодно взглянул на Инлену<.

— И это самка? — спросил он.

— Как и все.

— Передай мне копье. Будет на одну меньше.

— Нет!

Керрик отодвинул копье, прежде чем Херилак успел до него дотянуться.

— Зачем убивать Инлену<? Она совершенно безобидна. Такая же пленница, как и я. Не убивай ее.

— Почему? Разве это не ее родня вырезала мой саммад... всех, всех до единого! Давай копье! Я убью ее, и ты освободишься. Как ты думаешь, далеко мы уйдем, если ты будешь к ней привязан?

— Не смей! Я не разрешаю убивать ее, понял?

Неожиданно теплые чувства к Инлену< удивили самого Керрика. До сих пор она ничего не значила для него. Прежде он замечал ее только тогда, когда она мешала ему. Но сейчас присутствие ее почему-то вселило уверенность.

— Если не хочешь убивать — отрежь ремень краем наконечника.

— Его нельзя перерезать. Смотри, камень не оставляет на ремешке даже царапины. — Он несколько раз без всякого результата провел острым наконечником по гладкой твердой поверхности. — Из твоего саммада уцелел еще кто-то. — Керрик сменил тему разговора, чтобы отвлечь внимание Херилака от Инлену<. — Я слышал это от мургу. Они говорили, что преследуют убегающих тану.

— А ты не слышал кто? И сколько их было?

— Нет. Знаю лишь, что они бежали.

— Надо подумать. Кто бы это ни был, на юг не пойдет никто. Даже думать нечего. Они пойдут назад, по собственным следам. Да, так они и поступят. К ближайшей воде, до ручья, возле которого мы ночевали сегодня. Придется и нам идти туда же. — Он поглядел на Керрика. — Нас преследуют?

— По-моему, никто не видел, как мы бежали. Но они придут сюда. Мургу — хорошие следопыты. После всего, что я натворил, мне не дадут скрыться.

— Не беспокойся. Они еще далеко. Но и мы окажемся в безопасности только тогда, когда уйдем подальше от берега. В этих холмах они могут выследить нас, если хоть что-нибудь понимают в следах, как ты уверяешь. — Он попытался подняться на ноги. Керрик поддерживал его. Стирая с лица запекшуюся кровь, охотник огляделся. — Пойдем туда по этой долине, наша стоянка была возле ручья, на севере за перевалом... Пошли.

После полудня они шли уже не так быстро: пришлось приноравливаться к прихрамывающему Херилаку, не желавшему останавливаться, несмотря на то что за ними как будто никто не гнался. Вдруг Херилак замер и принялся.

— Олени, — сказал он. — Нужна еда. Не думаю, что нас преследуют, но следует принять все меры предосторожности. Керрик, возьми взрослого бычка.

Керрик поглядел на копье, взвесил его в руке.

— Я не метал копье с самого детства, я отвык.

— Умение вернется.

— Позже, не сегодня. Херилак, ты умеешь. Хватит ли у тебя сил?

Он протянул копье, и Херилак стиснул древко.

— Когда у меня не будет хватать сил, чтобы охотиться, я умру. Иди к ручью и жди меня под деревьями. Будь внимателен.

Распрямившись, Херилак взвесил копье в руке, а потом быстро и решительно пошел прочь. Керрик направился вниз к ручью, напился вволю, а потом, черпая пригоршнями, омыл грязное тело. Инлену< наклонилась вперед и шумно втягивала воду, чуть приоткрыв зубастую пасть, а затем уселась на берегу, свесив хвост в ручей.

Керрик позавидовал спокойствию и невозмутимости, никогда не изменявшим ей. Должно быть, приятно быть глупым. Ее не волновало, зачем она здесь, не интересовала даже собственная участь.

Керрик помнил, что исчезло в прошлом, но будущее оставалось для него совершенно неясным. Когда-нибудь все уляжется само собой, но пока об этом рано мечтать. Разве можно жить вне города? О грязном и голодном быте устузоу он ничего уже не помнил. Скучных мальчишеских воспоминаний мало, чтобы заново стать тану. Вот даже и копье не умеет бросить как следует.

— Иилане' идут... — вдруг проговорила Инлену<, и он в ужасе вскочил на ноги.

Сталлан вместе со своими охотницами! Это смерть. В кустах хрустнула ветка, он подался назад — и облегченно вздохнул; это был Херилак с рогатым оленем на плечах. Он сбросил тушу с плеч и повалился на землю.

Керрик рассерженно обернулся к Инлену<, чтобы обругать ее, но понял, что она не виновата. Для Инлену< все умевшие разговаривать были иилане'. Она просто хотела сказать, что подходит некто, разумный и говорящий, но не могла выразиться иначе.

— Я видел мургу, — произнес Херилак, и страх немедленно возвратился к Керрику. — Они в соседней долине, спускались к морю. Похоже, что они потеряли наш след... Поедим.

Наконечником копья Херилак вспорол и выпотрошил еще теплую тушу. Раз огня не было, первым делом он извлек печень и разделил ее пополам. Один кусок он протянул Керрику.

— Я не голоден, — пробормотал Керрик, глядя на окровавленный кусок мяса.

— Проголодаешься. Не брезгуй.

Инлену< сидела, отвернувшись от них, но краем глаза следила за каждым движением Херилака. Он заметил это, и, съев свою долю, ткнул в ее сторону окровавленным пальцем:

— Эта тварь тоже ест мясо?

Услышав вопрос, Керрик улыбнулся и приказал Инлену< открыть пасть. Она подчинилась. Херилак поглядел на два ряда острых блестящих зубов и буркнул:

— Ест мясо. Покормить?

— Да. Если можно.

Отрезав переднюю ногу оленя и ободрав с нее часть шкуры, Херилак подал ее Керрику.

— Корми сам. Мне не нравятся эти зубы.

— Инлену< безобидна. Всего лишь глупая фарги.

Схватив оленью ногу, Инлену< отгрызла кусок жесткого мяса и принялась жевать, тупо уставясь в пространство.

— Как ты ее назвал? — спросил Херилак.

— Фарги. Это... ну я не могу сказать, что значит это слово. Что-то вроде марага, обучающегося разговаривать, но еще не научившегося.

— И ты тоже — фарги?

— Нет!

Керрик почувствовал себя оскорбленным.

— Я иилане'! Ну, то есть я тану, но говорю, как иилане', и поэтому они считают меня иилане'... Считали.

— Но как это все случилось? Ты не помнишь?

— Теперь вспомнил, а раньше не помнил, долго-долго.

Запинаясь и с трудом выговаривая слова, он впервые рассказал, что случилось с саммадом Амагаста. Обо всем, что было, о нападении, плене, ожидании смерти и неожиданном спасении. Наконец он умолк, потому что не мог еще на языке тану подробно описать свою жизнь у иилане'.

Херилак тоже молчал, с трудом представляя себе, что случилось с мальчиком по имени Керрик; сумевшим выжить, когда все погибли. Не только уцелевшим, но и сумевшим договориться с мургу. Сумевшем выучиться

их языку и жить среди них. Он и сам во многом стал похож на мургу, хотя и не подозревал об этом. Разговаривая, он шевелился всем телом, а умолкнув, замирал. Мургу с ним что-то сделали: на теле юноши не было ни волоска. И еще этот укрывавший мужские органы мешочек, похожий на человеческую кожу — словно и это им мешало.

Думы Херилака нарушил внезапный плеск воды. Услыхал его и Керрик, кровь отхлынула от его лица.

— Нас нашли. Я погиб.

Херилак жестом велел ему умолкнуть, подобрал копьё и обернулся. Плеск повторился, зашуршали кусты. Херилак занес копьё, но оказалось, что это человек.

— Ортнар! — окликнул Херилак.

Человек в кустах вздрогнул, выпрямился и замахал в ответ. Он едва не падал от усталости и шел, опираясь на копьё. Подойдя ближе, он увидел Инлену< и сразу замахнулся копьём, но Херилак остановил его:

— Стой! Мараг наш пленник. Ты один?

— Да, теперь один. — Ортнар тяжело опустился на землю. Положив лук и пустой колчан, он крепко стиснул копьё и с ненавистью поглядел на Инлену<. — Со мной был Теллгес, мы охотились. Мы возвращались в саммад, когда мургу напали на нас. Мы бились, пока хватило стрел. А они шли на нас со своими смертоносными палками. Мы ничего не могли сделать. Я велел ему уходить, а он, промедлив, побежал, но не достаточно быстро. Они увязались следом, он стал отбиваться, потом упал. Дальше я пошел один. А теперь скажи мне, что это за тварь?

— Я не тварь, я тану, — сердито сказал Керрик.

— Ты не похож на тану, таких я не видел. Нет волос, нет копьё, привязан к марагу...

— Замолчи! — велел Херилак. — Это Керрик, сын Амагаста. Мать его была моей сестрой. Он жил в плену у мургу.

Ортнар провел по губам кулаком.

— Я сказал, не подумав. Сегодня был день смерти. Я — Ортнар, приветствую тебя. — Мрачная ухмылка пробежала по его лицу. — Приветствую тебя в Херилак-саммаде, увы, поубавившемся в числе. — Он взгля-

нул на темнеющее небо. — Этой ночью на нем будет много новых звезд.

Солнце опустилось к горизонту, стало прохладно. Инлену< отложила в сторону дочиста обглоданную кость и поглядела в сторону Керрика.

— Смиренно спрашиваю, низкая высокую, где плащи?

— Плащей нет, Инлену<.

— Мне холодно.

Керрик тоже дрожал, но не от холода.

— Я ничего не могу сделать, Инлену<. Понимаешь, совсем ничего.

Глава вторая

Инлену< умерла ночью.

Керрик проснулся на рассвете, дрожа от холода. На траве бусинками выступала роса, от ручья поднимался туман. Обернувшись к Инлену<, он сразу заметил открытый рот, остекленевшие глаза.

Холодно, подумал он. Как быстро она погибла от холода.

И вдруг он увидел лужу крови, натекающую под ее головой, — наконечник копья проткнул ей горло, и она умерла молча. Кто же сделал это? Херилак еще спал, но за Керриком холодно следили глаза Ортнара.

— Ты сделал?! — крикнул Керрик, вскакивая на ноги. — Убил безобидное создание спящим!

— Я убил марага, — ответил тот дерзко. — Убивать мургу всегда хорошо.

Затрясшись от ярости, Керрик попытался схватить копьё Херилака, но не смог — сильная рука охотника крепко придавила древко.

— Тварь умерла, — сказал Херилак. — Умерла — и конец! В любом случае она скоро умерла бы, на севере для нее слишком холодно.

Керрик оставил копьё и бросился на Ортнара. Обими руками стиснув его горло, он стал душить охотника. Его собственную шею давил ошейник: за ним волочился труп Инлену<, но Керрик не обращал на это внимания. Ортнар корчился и тянулся к копьё, но юноша придавил его руку коленом к земле. Ортнар уже слабо дергался и только царапал спину Керрика одной рукой, но тот ничего не ощущал в гневе.

И не быть бы Ортнару в живых, если бы не Херилак. Обхватив огромными лапищами руки Керрика, он раз-

жал их. Ортнар стал жадно хватать ртом воздух, потом застонал, потирая горло. Слепая ярость понемногу стала отпускать Керрика. Он перестал сопротивляться, и Херилак отпустил его.

— Тану не убивают тану, — гневно проговорил он.

Керрик хотел что-то сказать, но промолчал. Ничего не воротишь. Инлену< мертва. Убийством и мстью ничего не поправишь. К тому же прав Херилак: зимой она бы все равно погибла. Керрик сел возле неподвижного тела и поглядел на восход. Что она ему? Глупая фарги, вечно мешавшая и досаждавшая ему. С ее смертью разорвалось последнее звено, связывавшее его с Алпеасакон. Да будет так. Теперь он тану. Пора забыть о том, что он так долго был иилане'.

Вдруг он почувствовал в руках гибкий поводок, соединявшийся с ошейником Инлену<. Он еще не был свободен. И поводок не перерезать. Керрик понял, что может обрести свободу только одним путем. С ужасом он поглядел в лицо Херилаку. Саммадар с пониманием кивнул.

— Я сделаю все необходимое. Отвернись — тебе не понравится.

Керрик отвернулся к ручью, но звуки из-за спины доносились до его ушей. Ортнар проковылял к воде, чтобы омыть лицо и шею. Чтобы ничего не слышать, Керрик принялся что-то выкрикивать.

Все закончилось быстро. Херилак вытер ошейник Инлену< о траву и отдал его Керрику. Тот пошел к ручью и принялся полоскать ошейник в проточной воде. Потом взял чистое кольцо обеими руками и побрел вверх по течению. Только не оглядываться. Он не хотел видеть окровавленных останков на берегу.

Услышав позади шаги обоих охотников, Керрик быстро обернулся; он вовсе не хотел получить удар копьём в спину.

— Он хочет сказать, — сказал Херилак, подталкивая невысокого охотника в спину.

Лицо Ортнара искажала холодная ненависть. Тронув синяк на горле, он заговорил хриплым голосом:

— Быть может, я зря убил этого марага, но я не прошу прощения. Это приказал мне сказать саммадар. Что сделано — то сделано. Но ты пытался убить меня,

а это трудно забыть. Твоя привязанность к этому марагу оказалась сильнее, чем я думал, и я не хочу ничего знать об этом. И я говорю тебе — можешь спокойно поворачиваться ко мне спиной. А что скажешь ты?

В суровом молчании оба охотника глядели на Керрика, и он понял, что пришло время решать. Сейчас. Инлену< мертва, ее не вернуть. А ненависть Ортнара к погубившим его саммад была совершенно понятна. И кто еще мог понять его чувства так, как он, Керрик?

— И ты можешь поворачиваться ко мне спиной, Ортнар, — произнес он.

— И закончили, — повелительным тоном произнес Херилак. — Закончили и забыли. Ортнар, понесешь остатки оленя. Вечером разведем костер и поедим. Идите с Керриком, ты знаешь тропу. В полдень сделайте привал. К вечеру я догоню вас. Укроетесь среди деревьев. Если мургу преследуют нас, я скоро буду знать об этом.

...Ортнар и Керрик молча шагали вперед. Тропа была отчетливой, на ней виднелись борозды, оставленные шестью травоисов. Ортнар задыхался под тяжестью туши и, когда они очутились возле небольшого ручья, предложил:

— Попьем, странный, а потом дальше.

Сбросив с плеч оленя, он с жадностью припал к воде, потом поднялся, отдуваясь.

— Мое имя Керрик, сын Амагаста, — сказал Керрик. — Разве трудно запомнить?

— Мир, Керрик. Мое горло еще болит после нашего разговора. Не хочу тебя обидеть, но выглядишь ты странно. Вместо бороды и волос у тебя щетина.

— Вырастет. — Керрик потер лицо.

— Согласен. Просто странно на вид. А вот кольцо у тебя на шее. Зачем оно тебе? Почему не отрежешь?

— Попробуй! — Керрик протянул ему кольцо Инлену< и усмехнулся, когда Ортнар безуспешно чиркнул по нему краем наконечника копья.

— Гладкое, мягкое... а не перережешь.

— Иилане' умеют многое, чего не умеем мы. Ты даже не поверишь, когда я расскажу, как они его сделали.

— Ты знаешь их секреты? Ну да, ты должен знать. Расскажи мне о палках смерти. Мы захватили одну, но так ничего и не смогли с ней сделать. А потом, когда она завоняла, мы разрезали ее... Оказалось, что это просто какая-то дохлая тварь.

— Эти существа зовутся у них хесотсанами. Они живые. Пока молодые, умеют передвигаться. А потом с возрастом окостеневают, становятся такими, как ты видел. Их надо кормить. Иглы помещают внутрь, и они выстреливаются, если правильно сжать хесотсан.

Ортнар открыл рот. Он с трудом соображал.

— Но как такое возможно? И где водятся такие твари?

— Нигде. Их выдумали мургу. Я видел, что они делают, но ничего не понял. Они умеют заставить животных делать странные вещи. Они знают, как сделать нужного зверя, но это трудно объяснить.

— И еще труднее понять... Пора идти. Теперь твоя очередь нести оленя.

— Но Херилак приказал нести тебе.

— Да, но ты, кажется, собираешься помогать нам есть его.

Ортнар улыбнулся, и против собственной воли Керрик улыбнулся в ответ.

— Хорошо, давай. Только скоро возьмешь обратно. Но ведь Херилак сказал, чтобы мы развели огонь. — Рот его вдруг наполнился слюной. — Жареное мясо... Я уже и вкус-то почти забыл...

— Значит, мургу едят мясо сырым? — спросил Ортнар, шагая по тропе.

— Нет. То есть и да и нет. Они его как-то размягчают. Но привыкаешь не сразу.

— А почему они не жарят его, как положено?

— Потому что... — Керрик остановился в раздумье. — Потому что они не разводят огонь. Я этого не понимал прежде. По-моему, огонь им не нужен, потому что в их краях всегда тепло. Прохладными ночами или если днем шел дождь, мы набрасывали на плечи — не знаю как назвать — такие теплые штуки.

— Шкуры? меховую одежду?

— Нет. Живые создания... они были теплые.

— Даже слушать тошно. Чем больше говоришь о мургу, тем противнее во рту. Не понимаю, как ты можешь с подобными тварями.

— Выбора не было, — мрачно ответил Керрик и молча зашагал дальше...

Добравшись до намеченного для ночевки места, они дождались Херилака.

— Позади никого. Мургу повернули обратно.

— Жареного мяса бы! — произнес Ортнар, облизнувшись. — Жаль, не прихватили огня.

Слова эти пробудили у Керрика давно забытые воспоминания.

— Я делал это, — произнес он, — поддерживал огонь на носу лодки...

— Мальчишеское дело, — согласился Херилак. — Охотник сам разводит огонь. А ты умеешь?

Керрик заколебался.

— Я видел, как это делается. Но забыл. Это было так давно.

Дело оказалось нескорым. Херилак отломил ветвь с засохшего дерева. А Ортнар ушел в лес и вернулся с горстью сухих гнилушек, которые раскрошил в порошок. Удовлетворившись внешним видом ветки, Херилак отодрал кусок коры от другой ветви и наконечником копья проделал отверстие в его середине.

Завершив приготовления, Херилак взял лук Ортнара и набросил тетиву на палку. Усевшись, он прижал ногами кусок коры к земле. Вставил заостренный конец палки в отверстие и начал двигать луком вперед-назад, раскручивая палку. Ортнар насыпал щепотку древесного порошка в отверстие, а Херилак изо всех сил крутанул палку. В воздух взвилась крошечная струйка дыма и растаяла. Херилак тяжело вздохнул.

Он еще раз раскрутил палку, под легким дымком показалась крошечная искра, охотники посыпали ее порошком и стали раздувать огонек, старательно прикрывая ладонями. Язычок пламени рос, и охотники удовлетворенно посмеивались. Огонь разгорелся. Они подкладывали все новые ветки. Потом костер угас, остались тлеющие угли. И вот на углях зашипело мясо. Керрик вдыхал аромат пищи, давно им позабытой.

Горячее мясо обжигало пальцы, но охотники хватали громадные куски и ели, ели, пока на лицах не выступили капли пота. Передохнув, они снова принялись за еду. Керрик не помнил, когда в последний раз ел так вкусно.

Ночью они спали возле костра, в тепле, с набитыми животами.

Керрик проснулся ночью, когда Херилак встал положить дров в костер. Яркими точками в черном небе мерцали звезды, созвездие Охотника чуть поднималось над горизонтом. Лежа между двумя охотниками, Керрик впервые после бегства чувствовал себя в безопасности. Погони не было: они ускользнули от иилане'.

Ускользнули от иилане'? Разве такое возможно? Он-то знал, как коварен враг, хотя охотники и не подозревали об этом. Во все стороны полетят рапторы, выследят каждого тану на лутах и в долинах, и негде будет людям укрыться. Нападения вооруженных фарги не прекратятся, пока не погибнут все тану. Где спастись от них?... И сон более не шел к Керрику. Он лежал с открытыми глазами, тяжелые предчувствия томили его.

Восток светлел, по одной таяли звезды. Начался новый день. Первый день его новой жизни...

Глава третья

После долгой вчерашней ходьбы сбитые ноги Керрика опухли. Сидя на большом валуне, он полоскал ступни в прохладном ручье. Хотя пятки его с самого детства были покрыты толстой кожей, долго ходить по каменистой почве он не привык. Подошвы ног были порезаны и исцарапаны, и Керрик с опаской ожидал сигнала отправляться в путь. Херилак заметил, чем он занят, и показал на длинную трещину на мозолистой пятке.

— Надо что-нибудь сделать.

Они с Ортнаром носили крепкие и мягкие мадрапы, сшитые жилами из двух кусков дубленой кожи. Под рукой не оказалось подходящих материалов, чтобы сделать подобную обувь и для Керрика, но охотники нашли выход. Херилак разыскал камень, который легко обкалывался, и отбил с него тонкие и острые чешуйки. Тем временем Ортнар снял шкуру с оленя и в проточной воде соскреб с нее остатки мяса. Херилак разрезал ее на части и обернул ноги Керрика, обвязав узкими ремнями.

— Теперь хорошо, — сказал он. — Когда шкура станет жесткой и начнет вонять, мы будем уже далеко отсюда.

Подобрав брошенные остатки шкуры, Керрик обнаружил, что ими можно обернуть бедра, скрепив булавкой из оленьего рога. По примеру Ортнара он очистил шкуру от мяса и только тогда снял мягкий кожаный мешочек, так долго служивший ему. С внезапным отвращением он зашвырнул вещь в ручей. Та жизнь окончилась навсегда, он теперь — тану.

Отвернувшись от ручья, Керрик тут же споткнулся об ошейник, столько лет пробывший на шее Инлену.

Поводок от него тянулся к ошейнику на его собственной шее. словно в первый раз увидел он этот блестящий и прочный предмет. С внезапным гневом он хватил ошейником о выступавший со дна ручья камень, потом схватил другой и принялся колотить им по ошейнику.

Вспышка гнева прошла, а на кольце не появилось даже царапины.

Ортнар с интересом смотрел на Керрика, потом протянул руку и потрогал гладкую поверхность.

— Ни царапины, ни трещины. Прочнее камня. Никогда не видел ничего похожего. А вода его не размягчит?

— Нет.

— А горячая, кипящая?

— Не пробовал. В городе мургу нет огня, а без него воду не вскипятишь.

Сказав это, Керрик замер, уставившись на кольцо и гибкий поводок, потом посмотрел на горевший на берегу костер. Не вода, не кипящая вода, а нечто совсем не известное иилане'.

Огонь.

Кольцо не из металла, не из камня. Может быть, оно расплавится, обуглится или станет мягким. И тогда его, может быть, удастся разрезать. Проследив за взглядом Керрика, Ортнар радостно хлопнул в ладоши.

— Почему бы и нет? Огонь поможет. Ты ведь говорил, что мургу не знают огня.

— Не знают.

— Давай попробуем.

Подобрав брошенное кольцо, Ортнар взял поводок и, наклонившись над костром, положил его на дымившиеся угли.

Ничего не произошло. Керрик мрачно следил, как Ортнар вытащил из костра ошейник и стряхнул с него налипший пепел. С гладкой поверхностью ничего не случилось, Ортнар лишь обжег себе пальцы. Не теряя надежды, он поворошил угли палкой. И когда та загорелась, поднес огонь к кольцу.

И тут же с криком выронил ошейник — поводок буквально взорвался пламенем.

Керрик видел только пламя в облаке черного дыма, бежавшее по поводку прямо к его лицу.

Недолго думая, он бросился прямо в ручей.

Когда, фыркая и отплевываясь, Керрик выбрался из воды, на руке и груди багровела полоса, там, где его хлестнул пылавший поводок. Ощупав шею, юноша обнаружил короткий кусок, оставшийся от поводка.

Остальное исчезло. Исчезла привязь, на которой он сидел долгие годы. Исчезла. Он выпрямился, не чувствуя ожогов и теперь только ощутив, какой груз свалился с его плеч. Последняя связь с иилане' исчезла...

Втирая олений жир в обожженную кожу, Ортнар показал на обрывок поводка, свисавший с шеи Керрика.

— Можно отжечь и это. Ляжешь в воду, выставишь остатки поводка, я принесу горящую палку и...

— По-моему, на сегодня хватит, — ответил Керрик. — Пусть сперва подживут эти ожоги.

Ортнар бросил горячее кольцо в воду. Когда оно остыло, охотник с большим интересом оглядел его, поскреб камнем.

— Блестит, как небесный металл. Мургу очень вкусны, раз сумели приладить это к тебе.

Он передал кольцо Керрику.

— Его сделали прямо на шее из какого-то животного.

— Оно тебе нужно?

В голосе Ортнара послышалась просьба, однако Керрик предпочел этого не заметить. Но, взяв кольцо в руки, он вдруг ощутил то же отвращение, которое испытал, снимая с себя мешочек.

— Нет. Понимаешь, эту штуку сделали иилане', мургу. — И он отбросил кольцо, оно с плеском исчезло в воде. — Хватит с меня и второго — того, что на шее. Хватит!

...Охотники уже были готовы отправиться в путь, но Херилак, опершись на копье, все глядел в ту сторону, откуда они пришли.

— Если бы уцелел хоть кто-нибудь из наших — охотник или женщина, то уже был бы здесь, — произнес он. — Мы ведь бежали, как перепуганные женщины. Посидим, подумаем о ждущей нас дороге. Расскажи мне о мургу, Керрик. Что они делают теперь?

— Не понимаю...

— Они пустились в погоню? Или все еще караулят нас на берегу?

— Нет, они уже уплыли отсюда. Здесь они охотились только потому, что взяли с собой мало мяса. Мургу давно собирались сюда, на север, чтобы погубить все саммады. И сразу же вернулись бы на юг. Теперь оставаться здесь им незачем. Раз погибла эйстаа, командовать ими некому. Наверняка была настоящая паника, но теперь все, конечно, уже отправились в город.

— Все ли? А не могли они оставить здесь отряд, чтобы разыскать нас?

— Возможно. Тогда этим занялась бы Сталлан. Впрочем, нет, она была здесь второй по рангу после эйстаа. И она наверняка приказала всем возвращаться.

— Значит, ты уверен, что все они отправились во свояси?

— Почти уверен.

— Отлично. Тогда вернемся на берег.

Слова эти испугали Керрика.

— Но все-таки они могут спрятаться и подкараулить нас.

— Мы — охотники, — проговорил Ортнар, — мы заметим засаду.

— Но нет никаких причин...

— Есть все причины, — властно возразил Херилак. — У нас остались два копья и один лук без стрел. Выпадет снег — погибнем. Там осталось все необходимое. Возвращаемся.

...Охотники шли быстро; Керрику казалось, слишком быстро. Он шел, как идут на смерть. К вечеру они оказались неподалеку от моря, у подножия горы — уже был слышен шум волн.

— Ортнар, пойдешь осторожно, — приказал Херилак. — Неслышно и незаметно. И вглядывайся — вдруг мургу оставили след.

Ортнар потряс копьём в знак согласия, повернулся и исчез между деревьями. Херилак устроился в тени поудобнее и сразу заснул. Керрик волновался: он не думал о сне и все глядел в сторону берега. Ему казалось, что прибрежный лес кишит мстительными иилане'.

Солнце уже опускалось за горизонт, когда из леса донесся птичий крик. Херилак мгновенно проснулся и тоже крикнул по-птичьи. В кустах затрещали ветки, и оттуда вынырнул Ортнар.

— Ушли, — сказал он, — ушли обратно!

— Разве можно быть уверенным?... — начал Керрик. Ортнар укоризненно взглянул на него.

— Можно не сомневаться. Свежих следов нет. Птицы-трупоеды повсюду, а их легко спутнуть. И я внимательно все смотрел.

Его осунувшееся лицо было красноречивее слов. Он показал на стрелы в своем колчане.

— Вот все, что нам нужно.

— Идем, — приказал Херилак.

До места побоища они добрались уже в полной темноте, отыскивать путь помогал холодный свет полной луны. Вороны и канюки исчезли с последними лучами солнца, и тьма покрывала ужасное место. Уже заметно пахло тлением. Стоя на берегу, Керрик вглядывался в море, пока двое охотников подбирали пожитки. Он с трепетом обернулся, услышав голос Херилака.

— Надевай! — приказал саммадар. — Ее носил великий охотник. Пусть эта одежда принесет тебе удачу.

В его руках была меховая обувь с толстыми кожаными подошвами, шапка, пояс и прочая одежда тану. Летом в ней жарко, но, когда выпадет снег, без такой одежды не выжить. За ними последовали длинное копье, крепкий лук, стрелы. Керрик увязал вещи, которые не мог надеть, и засунул в один из узлов, которые его спутники собирались прихватить с собой.

Херилак взял несколько жердей от больших травосов для мастодонтов и сделал из них волокушу поменьше. К ней привязали все необходимое.

— А теперь пошли, — мрачно велел он, глядя на неподвижные тела людей его саммада. — Мы никогда не забудем этих дел мургу...

Сменяя друг друга у волокуши, охотники шли, пока светила луна. Наконец они выдохлись и решили отдохнуть. Керрик все еще опасался, что охотницы иилане' разыскивают его в лесу, но усталость взяла свое, и, несмотря на тревогу, он заснул мертвым сном.

...Херилак отвязал от травоса мешок с эккотацем, и все взяли по горсти вкуснейшей смеси. В последний раз Керрик ел эккотац в детстве, но стоило языку прикоснуться к еде, воспоминание мгновенно вернулось. Быть тану неплохо. И едва он так подумал, как у

него зачесалась грудь, сперва в одном месте, потом в другом. Оказалось, что в жизни тану есть не только удовольствия. Спина его ныла: спать на голой земле было неудобно, руки с непривычки болели, и вдобавок он вдруг почувствовал острую резь в животе после обгоревшего и жесткого мяса; пришлось торопливо бежать в кусты.

Разглядывая на теле красные пятна, Керрик вдруг увидел на брошенной им одежде блоху. Он раздавил ее между ногтями и брезгливо вытер руку о траву. Он весь в грязи, он устал, он болен... и еще эти блохи. Как можно жить здесь, среди этих грубых устузоу? Почему он не в Алпеасак? Там уют и покой, там место вблизи эйстаа. А что если вернуться? Вейнте' мертва, ее убило копье, но кто в городе знает, что копье направляла его рука? Его никто не мог видеть. Почему бы и не вернуться?

Он умылся в ручье, потом немного поднялся по течению, чтобы попить. Двое охотников на берегу прилаживали носилки к травоису. Они управятся и без него.

Но разве он хочет вернуться в Алпеасак? Годами он мечтал о побеге из этого города — наконец он свободен. Разве не об этом он мечтал? В городе живут иилане', там ему не место. Для него вообще нигде нет места.

А может быть, оно среди тану?

Стиснув кулаки, Керрик стоял по колено в холодной воде. Он не принадлежал ни к тану, ни к другому миру. Несчастный изгой.

Тут его окликнул Херилак. Голос охотника разогнал мрачные мысли. Керрик вышел на берег. Медленно натянул одежду.

— Идем, — велел Херилак.

— Куда? — спросил Керрик, которого раздирали противоречивые чувства.

— На запад. Искать других охотников. Чтобы потом вернуться и убивать мургу!

— Их слишком много, они очень сильны.

— Тогда я умру, и тхарм мой поднимется к тхармам охотников из моего саммада. Но сперва я отомщу за них. Это хорошая смерть.

— Хорошей смерти не бывает.

Херилак молча поглядел на Керрика, смутно догадываясь о том, что его мучило. Годы плена могли странным образом изувечить душу мальчика, ставшего теперь мужчиной. Пусть окончились эти годы, позабыть их нельзя. И нет дороги назад. Впереди жестокий путь, и другого не будет.

Херилак вытащил из-за пазухи нож из небесного металла на кожаном шнурке и протянул Керрику.

— Вот нож твоего отца. Ты сын его, раз на твоей шее висит такой же нож, только поменьше. Их сделали на моих глазах. Повесь этот большой на шею рядом с маленьким. И носи, чтобы помнить о гибели отца и всего твоего саммада. И о том, кто убил их. Чтобы в сердце твоём были ненависть и жажда мести.

Керрик нерешительно протянул руку и взял нож... И крепко стиснул твердую рукоять.

Возвращения в Алпеасак быть не могло. Никогда. И он должен учиться ненавидеть мургу, погубивших его народ. Он надеялся, что научится этому.

Но пока на душе у него было пусто.

Глава четвертая

Охота была очень плохой. Улфадан вышел еще до рассвета, но похвастаться было нечем. С пояса его свисал один убитый кролик, тощий и молодой, на костях которого мяса едва хватит, чтобы заглушить голод охотника. А что будет есть весь саммад? Он подошел к опушке леса и остановился под развесистым дубом, внимательно вглядываясь в поросшую травой равнину. Дальше идти он не смел.

Там были мургу. До самого конца мира — если у мира есть конец — повсюду живут они, эти презренные и ужасные твари. Некоторые годились в пищу — он пробовал мясо одного из небольших клювастых мургу, тех, что паслись большими стадами. Но смерть подстерегала охотника в этих просторах. В траве ползали бесчисленные ядовитые мургу, смертельно опасные змеи всех размеров и расцветок. Но хуже всех были огромные твари с громоподобными голосами, сотрясавшие землю своими шагами.

И как всегда, когда он думал о мургу, рука его машинально прикоснулась к зубу одного из этих гигантов, висевшему на шее. Зуб был длиной почти с локоть. Он добыл его молодым; тогда он был глуп и рисковал жизнью, чтобы доказать свою удачу. Он следил с дерева за смертью марага, видел, как мерзкие падальщики потом терзали труп и ссорились из-за мяса. Только после наступления темноты он осмелился оставить свое убежище среди ветвей, чтобы вырвать этот зуб из раскрытой пасти. Тут появились ночные мургу, и только случай спас ему жизнь. Длинный белый шрам на бедре остался ему на память. Нет, нечего и думать искать добычу вдалеке от деревьев.

Но саммад должен есть. Дичи становилось все меньше. Мир менялся, хотя Улфадан не знал почему. Алладжекс всегда говорил, что мир не изменился с тех пор, как Ерманпадар сотворил тану из речного ила. Зимой они уходили в горы, в глубокие снега, где легко настигать оленей. А когда весной таял снег — спускались к реке, иногда добирались до моря, где кишела рыба, а в мягкой земле на берегу росли вкусные клубни и корни. Но никогда тану не забредали далеко на юг, где их ждали только мургу, а с ними и смерть. В горах и темных северных лесах всегда находилось все, что могли пожелать тану.

Теперь все изменилось. Бесконечная зима упрятала горы под снег, стада оленей поредел, весна приходила поздно, и людям нечего было есть. Сейчас-то они ели досыта: в реке было много рыбы. Летом на берегу к ним всегда присоединялся саммад Келлиманса — так было каждый год. Наступала пора говорить и встречаться, а молодым охотникам выбирать женщин. Теперь на это почти не оставалось времени: ведь рыбы на зиму припасено еще мало. Кто сможет дожить до весны, если не хватит запасов?

Пути к спасению не было. Территории к востоку и западу занимали другие саммады. Такие же голодные, как его и Келлиманса. На юге — мургу, на севере — лед, охотники были зажаты в ловушке. Выхода не было. Голова Улфадаана просто лопалась от не имевшей решения задачи.

Он горестно застонал, словно раненый зверь, потом повернулся и направился назад, к саммаду.

С вершины поросшего травой склона возле реки все выглядело обычным. Темные конусы кожаных шатров выстроились вдоль берега неровной цепочкой. Между шатрами сновали люди, от очагов поднимался дымок. Неподалеку один из стреноженных мастодонтов задрал хобот и затрубил. Чуть поодаль, на берегу, женщины рыли землю обожженными палками, выкапывая съедобные корни. Это сейчас корни — хорошая еда. Но что будет, когда земля замерзнет? Он знал, что их ждет, но старался не думать об этом.

Голые ребятишки с визгом плескались в воде. Перед шатрами на солнышке грелись старухи, плетя корзины

из ивняка и травы. Саммадар шествовал между шатрами, и лицо его было суровым. Один из меньших сыновей Улфадана подбежал к нему с новостью.

— Пришли три охотника из другого саммада. Один из них такой смешной.

— Отнеси кролика матери. Бегом!

...Охотники сидели вокруг огня, по очереди попыхи-вая деревянной трубкой. С ними были Келлиманс и алладжекс Фракен, иссохший и древний. Старика-знахаря уважали за мудрость.

Гости встали, приветствуя саммадара. Одного из них он хорошо знал.

— Приветствую тебя, Херилак.

— Приветствую тебя, Улфадан. Это Ортнар из моего саммада. А это Керрик, сын Амагаста и моей сестры.

— Вы ели и пили?

— Мы ели и пили. Щедрость Улфадана известна.

Улфадан подсел к сидевшим возле огня и, когда трубка дошла до него, вдохнул колючий дымок. Странный гость заинтересовал его. Безволосый охотник, который должен был погибнуть вместе со своим саммадом, но остался в живых. Следует расспросить его, когда настанет время для вопросов.

Члены саммада тоже заинтересовались гостями и собрались вокруг костра.

На сей раз Херилак не стал соблюдать все обычаи, как зимой. Он заговорил о деле, едва трубка обошла всех по кругу.

— Зимы долги, все знают это. Пищи мало, все знают это. И теперь весь мой саммад мертв, нас осталось только двое.

Охотники молча внимали ужасным словам, обступившие костер женщины разразились горестными воплями. У многих были родственники в Херилак-саммаде. Все поглядели на восток, где уже начинали высыпать первые звезды. Когда Херилак заговорил вновь, воцарилась полная тишина.

— Известно ли вам, что я с моими охотниками побывал на далеком юге, где нет снега и тепло даже зимой, где живут одни мургу? Я подумал, что они-то и убили Амагаста и весь его саммад. И мысль моя была верной. Мы нашли мургу, которые ходят подобно тану

и убивают палками издалека. Среди костей Амагаста отыскал я такую палку. Там, на юге, мы убивали мургу, а потом вернулись на север. Мы узнали, что смерть затаилась на юге, и мы узнали, что это за смерть. Но той зимой мы голодали, многие умерли. Летом, все знают, охота была плохой. А потому я повел саммад на юг, к побережью, где лучше охота. Мы уже знали об опасности, но выхода не было: мы все равно погибли бы от голода. Мы выставили стражу — нападения не было. И только когда мы ослабили бдительность, они напали на нас. Я здесь. Ортнар здесь. С нами Керрик, сын Амагаста, живший в плену у мургу. Он много знает об их обычаях.

Раздался заинтересованный ропот, все пытались взглянуть Керрика. Волосы его были короткими, на шее блестело кольцо, на груди висели ножи из небесного металла. Он молча смотрел прямо перед собой. А когда все умолкли, заговорил Келлиманс:

— Пришли дни гибели тану. Зима убивает нас, мургу убивают нас, другие тану убивают нас.

— Разве не хватит с нас одних губителей — мургу? Разве нужно нам биться между собой? — спросил Херилак.

— С долгой зимой и коротким летом должны сражаться тану, — ответил Улфадан. — Мы пришли сюда, потому что олени ушли с гор. Но когда мы попытались охотиться здесь, мужчины других саммадов, живущих за горами, прогнали нас. Теперь у нас мало пищи, и зимой мы снова будем голодать.

Херилак печально покачал головой.

— Все не так. Это мургу наши враги, а не тану. Если мы передеремся, конец неизбежен.

— И я так считаю, Херилак, но в этом не мы виноваты. Надо говорить с другими саммадами. Если бы не они, мы могли бы охотиться и жить в сытости. Они пришли из-за гор, их много, они очень голодны. Они гонят нас, и мы не можем охотиться. Они дождутся нашей смерти.

Пока Улфадан говорил, Келлиманс согласно кивал.

Херилак сделал протестующий жест.

— Нет, это неправильно. Причина наших невзгод не в них. Охота за горами не лучше, чем здесь. Иначе они

не пришли бы сюда. У тану два врага: зима, которая все не кончается, и мургу. Они решили погубить нас. Как биться с зимой? А мургу можно убить!

Тут все заговорили и заспорили наперебой, но тут поднялся Фракен, и все умолкли. Старого, мудрого знахаря уважали. Люди надеялись, что он знает, что делать.

— Мургу бесчисленны, словно листья. Ты говоришь нам, что у них есть смертоносные палки. Разве можно биться с подобными существами? И зачем именно нам браться за это? Если мы рискнем и пойдем на смерть, что тогда ждет нас? Нам нужна еда, а не война.

Он закончил под одобрительный ропот. Только Херилак был не согласен.

— Вам нужна пища — мне нужна месть, — хмуро пробормотал он. — Надо найти способ уничтожить этих южных мургу. Когда их не станет, всегда можно будет спокойно охотиться на побережье.

...Потом было много разговоров, споров, даже перебранок, но так ничего и не решили. В конце концов Херилак сделал знак Ортнару, оба поднялись и ушли. Керрик видел, как они уходили, но не сразу последовал за ними. Если они не позовут его, быть может, уходить и не придется. Он останется у костра, будет говорить с другими охотниками. Может быть, ему предложат остаться, и он будет охотиться и забудет про мургу.

Но это было бы ошибкой. Он знает то, чего не знает никто из тану. А иилане' никогда не забудут ни про него самого, ни про жалких голодных людей. Уж их-то ненависть не искоренить. Они разошлют рапторов, выследят все саммады и перебыют по одному. Улфадан и Келлиманс боятся только зимы, голода и пришлых тану, но смерть к ним придет другой дорогой.

Никто из охотников не заметил, как Керрик поднялся и ушел, прихватив свое копье. Оба его друга сидели возле собственного костра. Херилак задумчиво ворошил угли в костре, внимательно глядя в огонь, словно пытался увидеть в нем совет.

— Нас только трое, — проговорил он. — В одиночку с мургу не справиться, но в крайнем случае придется пойти и на это. — Он повернулся к Керри-

ку. — Ты знаешь мургу, мы не знаем. Расскажи о них. Расскажи, как они воюют.

Керрик в раздумье потер подбородок, медленно и неуверенно заговорил:

— Об этом нелегко рассказать. Надо знать их город, надо знать, как им правят. Надо понять иилане' и фарги, их мысли и поступки.

— Расскажи нам.

Сначала Керрику было трудно говорить на марбаке о вещах, известных ему только на языке иилане'. Ему приходилось подбирать новые слова, новые способы определения понятий, вовсе не знакомых охотникам. О том, что было непонятно, они расспрашивали его подробнее. В конце концов охотники получили некоторое представление об иилане', хотя почему все обстоит именно так, они, конечно, не могли понять.

Пытаясь уразуметь услышанное, Херилак молча глядел на свои кулаки, упершись ими в колени. Детали не так уж важны, если понимаешь главное — как живут иилане'.

— Когда они узнают, где располагается саммад, то готовятся к нападению. Вооруженные фарги отправляются в поход на лодках. Они внезапно появляются из моря и убивают всех... ты знаешь это.

— Но ты говорил не только об этом, — сказал Херилак, — ты говорил, что всегда они ночуют на берегу перед нападением.

— Да, обычно они так поступают. Подбираются поближе, ночуют, а утром нападают.

— И всегда они так делают?

— Всегда? Не знаю. Я был с ними в походе всего два раза. Но сейчас это не имеет значения. Судя по тому, как они думают и поступают, можно предположить, что всякий раз они действуют одинаково. Они ничего не меняют, пока не изменит удача.

— Значит, следует отыскать способ, который позволит нам использовать эти сведения им во вред.

— И что ты предлагаешь? — спросил Ортнар.

— Еще не знаю. Следует все обдумать и предусмотреть. Выход должен существовать. Мы охотники и умеем выслеживать дичь. Найдется способ перебить всех мургу.

Глубоко задумавшись, Керрик молчал. Он вновь вспоминал гибель саммадов. До сих пор он не мог забыть пережитый ужас, когда увидел, как черные фигуры мургу полезли из воды. Был он и среди атакующих воительниц Алпеасака. Видел приготовления к нападению, слышал распоряжения и знал все, что происходило. Теперь следовало объединить все знания и найти путь, ведущий к победе.

— Перебьем! — сказал он громким голосом. Охотники удивленно взглянули на него. — Мы их обманем! Но для этого нам нужны Улфадан и Келлиманс со своими саммадами. Мы все объясним охотникам. Заставим их понять нас и помочь. Саммады пойдут на юг охотиться. Охота будет хорошей, пищи будет много. Но однажды мургу обнаружат наше присутствие на юге, им расскажут об этом огромные птицы. Но мы будем внимательны и, как только заметим такую птицу, сразу пойдем, чего следует ждать. Когда мы увидим птицу, надо будет выслать на берег охотников, чтобы следили за морем. Тогда мы вовремя узнаем о приближении мургу. Но мы не побежим — мы встретим их и перебьем.

— Опасно... — проговорил Херилак. — Если брать в поход саммады, придется рисковать жизнью детей и женщин, всех, кому не по силам сражаться. План должен быть лучше, иначе саммады не рискнут выступить. Думай снова. Ведь ты говорил мне что-то очень важное, что-то о ночи... что мургу никуда не ходят по ночам?

— Это не совсем так. Они должны спать по ночам, таков обычай.

Расхохотавшись, Херилак вскочил на ноги.

— И наш обычай — по ночам спать, только не всегда удастся, не каждую ночь. Тогда получается так. Мы поговорим с охотниками и убедим их пойти на юг вдоль берега, ведь подступает голод. Там саммады запасутся едой на зиму. Но все охотники будут помнить об огромной птице, которая говорит с мургу. Заметив птицу, мы сделаем засаду у берега. И когда мургу остановятся на ночь, мы уже будем ждать их. И придем к ним ночью. Одни охотники. Они пойдут молча и придут на берег. — Сжав кулаки, он стукнул ими друг о друга. —

И мы нападём на спящих, мы перережем мургу, мы застанем их врасплох, как они заставляли тану. — Загоревшись идеей, он поднялся и отправился обратно к большому костру. — Надо рассказать, придется убеждать.

Убедить охотников удалось с трудом. Ортнар и Керрик помогали Херилаку, вновь и вновь растолковывая свой план. Как нападают мургу, как можно победить их. Они уверяли, что тану сумеют и поохотиться, и перебить мургу, и запасут мяса на зиму.

Саммадаров разговор очень обеспокоил: предложение было неожиданным и рискованным.

— Ты просишь, чтобы все мы рискнули жизнями, — сказал Улфадан. — Ты хочешь, чтобы наши дети и женщины подманивали мургу, как делаем мы с долгозубом, чтобы убить его копьем. Ты просишь слишком многого.

— Это так и не так, — отвечал Херилак. — Похоже, вам ничего другого не остается. Без пищи зиму переживут немногие. А здесь вам охотиться не дадут. Пойдем на юг, там охота хорошая!

— Но там повсюду мургу!

— Да, но теперь мы знаем, чего опасаться. Если хочешь, мы не станем дожидаться появления огромной птицы, а каждый день будем посылать охотников на пляжи. Они предупредят нас о приближении мургу. Когда мургу высадутся, мы уже будем знать, что нападение близко. Мы предупредим всех. Шатры и все прочее ночью погрузят на травойсы, мальчики отгонят мастодонтов от берега, уведут с собой женщин и малых детей. Все они будут в безопасности. Это риск, но вы вынуждены рисковать, иначе погибнете от голода и холода. Без еды никому из вас не дожить до весны.

— Ты говоришь резко, Херилак, — сердито проговорил Келлиманс.

— Я говорю чистую правду, саммадар. Решать вашим людям. Мы сказали все. А теперь мы уйдем.

Но решение не было принято ни в эту ночь, ни на следующий день, и на следующий за ним — тоже. А потом пошел дождь, крупный, холодный. Северный ветер пронизывал до костей. Осень нагрянула слишком быстро. Еды почти не было, все знали об этом. Трое

гостей не уходили. И замечали, что люди поглядывают на них то с беспокойством, то с ненавистью... за то, что их заставили выбирать.

А потом люди поняли, что выбирать уже не из чего. Под женский плач шатры собрали и погрузили на травоисы. Никто не изъявлял радости, как всегда в начале похода. Люди шли как на смерть. И кто знает, быть может, так оно и было. Подавленные и промокшие, уходили они на юг, подгоняемые ливнем.

Глава пятая

Во всеобщей суете, пока саммад снимался со стоянки, Керрику некогда было думать о тех опасностях, что сулило будущее. Пока травы навязывали на мастодонтов, в памяти его возникали непрощенные воспоминания, давно забытые ощущения.

Было интересно смотреть, как огромные звери наваливались на упряжь и неторопливо влекли за собой скрипящие деревянные рамы, на которые были навалены шатры и пожитки, а наверху как всегда лежали младенцы и сидели дети постарше. Охотники шли впереди, чтобы не упустить случайного зверя. Саммад не соберется вместе до вечера, охотники придут на запах огня и еды.

В первые несколько дней люди особенно боялись коварных мургу, которые мерещились им повсюду. Но тану фаталисты, да и кем еще могли они быть, когда жизнь их так менялась. Они привыкли полагаться на милость природы, ведь охота всегда могла оказаться плохой, обрекая на голод. Позади ждала смерть от истощения, впереди были пища и жизнь... быть может. Честная сделка. И когда стало теплее, а охота улучшилась, настроение у всех поднялось.

Люди приняли в свою среду Керрика, хотя дети еще показывали на его железный воротник и хохотали при виде безволосой физиономии. Но щетина росла, становилась длиннее — уже на целый палец — хотя клочковатая борода и не желала густеть. Он все еще неуклюже орудовал копьем и не лучше стрелял из лука, но уже начинал осваиваться. И с каждым днем мир казался ему все более и более приятным местом для жизни.

Так было, пока они не пришли к морю.

Первый же взгляд на синие волны наполнил душу Керрика таким ужасом, что он замер на месте. Вокруг никого не было — он далеко ушел от неглубокой долины, по которой мастодонты тянули травойсы, других охотников тоже не было поблизости. И вместе со страхом нахлынуло желание повернуться и бежать. Впереди была только смерть. Как могла горстка охотников даже вообразить, что сумеет выстоять в бою против отряда вооруженных фарги. Он хотел бежать в горы, спрятаться, зарыться в землю поглубже. Идти вперед — означало самоубийство.

Впрочем, Керрик понимал, что не сможет убежать. Страх силен, но о подобной трусости стыдно и думать. В конце концов, он сам помогал Херилаку придумывать этот план, а потому выбора не было, оставалось идти до конца. Но страх не исчезал, и каждый шаг вперед давался ему теперь с огромным трудом. Но он шел вперед, перепутанный и несчастный... шел.

...Вечером они остановились на берегу. Пока разгружали травойсы, мальчишки уже ловили рыбу в солоноватой лагуне, насаживая земляных червей на костяные крючки. Вода кишела хардальтами, небольшие спруты в панцире так и рвали наживку. Со смехом и криком мальчишки тащили в лагерь свою добычу. Моллюсков извлекали из раковин и резали, и скоро их мясо уже шипело над кострами. Жесткое и резко пахнущее, оно создавало приятное разнообразие в пище.

Выплюнув жесткий кусок, Керрик вытер пальцы о траву, встал и потянулся. Места в желудке вроде бы не оставалось. Он поглядел на костер и краем глаза заметил движение над головой — там пролетала морская птица.

Он видел распростертые огромные крылья, широкую грудь, багровую от лучей заходящего солнца. Керрик замер. Вот она. Черную шишку на ноге — неусыпный глаз мургу — он не видел, но знал, что она там. Все ниже и ниже опускалась птица к стоянке. Керрик с трудом сбросил оцепенение и поспешил к сидевшему возле костра Херилаку.

— Она здесь, — проговорил он, — кружит над нами. Теперь мургу узнают о нас.

В голосе Керрика слышалась паника, чего Херилак мудро постарался не заметить, и ответил с мрачным спокойствием:

— Хорошо. Все идет так, как мы и задумали.

Керрику не доставало уверенности саммадара. Он пытался не глядеть на кружившую над головой птицу, ведь все снимки будут тщательно изучаться. Тану не должны обнаруживать интереса к птице и дать понять врагу, что понимают ее назначение. И лишь когда, завершив ленивое кружение, она направилась к югу, Керрик поглядел ей вслед. Сомнений не оставалось, скоро последует нападение.

Когда стемнело и охотники собрались покурить и отдохнуть, Керрик рассказал им обо всем, что видел и чего следует ждать. Теперь жалоб уже не было. Его подробно расспросили, а потом быстро обсудили план действий, чтобы передовая группа охотников могла уйти еще до рассвета.

Утром люди отправились в путь. Херилак вел их вдоль побережья. Керрик узнал места — они огибали поляну, где погиб саммад Херилака. Не было нужды напоминать тану о возможной участи. Вновь они вышли к берегу вечером. К ночи, собравшись у костра, охотники решили объявить Херилака сакрипексом, военным предводителем. Он кивнул в знак согласия и отдал первый приказ:

— Ортнар и Керрик пойдут первыми. Они видели мургу и знают, чего от них ждать. Всю ночь они будут следить за морем. С ними пойдут еще два охотника, чтобы было кому передать предупреждение на стоянку. И так будет каждую ночь. Остальные тоже будут по ночам следить за морем возле шатров, чтобы ничего не случилось. Следует принять все меры предосторожности.

Четверо суток люди следили за морем, на пятый день Керрик на рассвете вернулся в лагерь. Услышав его торопливый бег, охотники похватили оружие.

— Тревоги нет, мургу еще не явились. Я изучил берег, и мы можем кое-что сделать. Сейчас хорошая охота, рыбы много. Сегодня мы рыбачили с берега, а охотники коптили рыбу. К югу отсюда скалы, за ними узкий пляж, к нему почти вплотную подходит лес. Место очень подходящее. Если появятся мургу, они не

смогут высадиться у скал и обязательно причалят к пляжу возле леса.

Херилак кивнул.

— Из леса мы сможем подобраться к ним незамеченными. Хорошо. Так и сделаем. Никто не против?

Предложение обсудили, никто не стал возражать. Керрик вернулся на берег, откуда Ортнар и двое охотников следили за морем.

Началось долгое ожидание. Время свое дозорные заполняли возведением в глубине леса укрытий из ветвей. Ночи стали прохладнее, пошли дожди. Двое постоянно следили за морем. К полудню все четверо собирались на берегу: это было самое опасное время.

Однажды в полдень к ним пришел Херилак.

— Что видели? — спросил он.

— Ничего. Все как обычно. В море пусто, как всегда, — ответил Керрик.

— Охотники в саммадах решили, что рыбы и мяса довольно. Они благодарят нас за то, что мы показали им такие прекрасные охотничьи места. Они уже готовы уйти отсюда.

— Хорошее решение, — одобрил один из охотников. — Никто из нас не хочет иметь дело с мургу.

Керрик понимал его чувства и даже позволил себе понадеяться на скорый уход, но промолчал.

— Ты говоришь за себя самого, — с горечью произнес Херилак. — Да, поход оказался удачным. И на зиму мяса хватит, так что я понимаю желание возвратиться. Но пусть охотники на сытый желудок забудут про голод и вспомнят о том, что случилось с двумя саммадами на этом берегу. Сегодня будет последняя ночь. Они хотят уйти на рассвете. Мы останемся здесь и будем идти на день пути позади, чтобы мургу не ударили в спину.

— Мы пойдем быстро, — произнес второй охотник, — они нас не догонят.

Херилак презрительно поглядел на него. На лице Ортнара было то же выражение.

— Мы пришли сюда не только для того, чтобы набить ваши желудки. Мы пришли убивать мургу.

— И мы не можем сделать это одни, — добавил Херилак.

Отвернувшись, Керрик глядел на море, чтобы охотники не видели выражения облегчения на его лице. Пусть спорят, но теперь саммады наконец уйдут. Здесь их ничто не держит, пора уходить. Битвы не будет. По небу плыли белые облака, бросали тени на прозрачную воду. Большие тени, шевелящиеся.

Керрик замер, вглядываясь в эти тени. Он не мог сдержать дрожь, голос его срывался:

— Вот они! Мургу пришли!

Да, именно так, как он говорил. Черные лодки скользили в волнах. Лодки торопились на север.

— Они останавливаются! Они собираются нападать на нас! — крикнул Херилак.

— Пора предупреждать охотников. Времени остается немного, — произнес Керрик.

Один из охотников пустился было бежать, но Херилак остановил его.

— Подожди, пока мы не убедимся.

— Глядите! Поворачивают к берегу, — проговорил Ортнар. — Прямо к пляжу.

Охотники молча залегли, ужас наполнял их. Лодки подходили все ближе, покачиваясь на невысоких волнах. Под громкие приказы вооруженные фарги с плеском попрыгали в воду и побрели к берегу. Сомнений не оставалось — с лодок начинали выгружать припасы на берег.

— А теперь живо! — приказал Херилак обоим охотникам, — бегите оба! Разными путями. Когда стемнеет, пусть грузят все на травойсы и быстро уходят подальше от берега. Пусть идут до рассвета, а потом укроются в лесу. Как только травойсы нагрузят, пусть все охотники из лагеря приходят сюда. Бегом!

Сцена на побережье была прекрасно знакома Керрику, но охотники наблюдали за происходившим с интересом. Они следили, как из лодок выгружали припасы, как фарги, закутавшись в плащи, укладывались спать. Предводительницы держались вдалеке, и Керрик не мог подкрасться, чтобы разглядеть, с кем придется иметь дело. Но все свидетельствовало о том, что командовать здесь должна Сталлан, а потому Керрик разделял чувства своих друзей в полной мере. Сталлан, неоднократно избивавшая и ненавидевшая его, Сталлан,

погубившая Алипола. С каким удовольствием он про-
ткнет копьем шкуру этой твари.

Луны не было, но звезды ярко освещали белый песок
и темные силуэты спящих. Из-за моря на небо всходили
новые звезды. Наконец в лесу послышался легкий шорох.

Это вернулся первый охотник. К рассвету все будут
на месте.

Глава шестая

Предстоящую битву Херилак обдумывал много дней и уже мог представить ее с закрытыми глазами. Он отдал распоряжения Ортнару и Керрику, чтобы они в случае чего знали, что делать. Херилак оставил их на опушке леса наблюдать за берегом, а всем прибывшим велел собраться на поляне. Он был военным вождем, и охотники ждали его приказов.

— Улфадан, Келлиманс, — негромко сказал он, — обойдите своих охотников, спросите их имена. Когда соберутся все, скажите мне.

Все сидели на корточках, держа оружие наготове, молча, не шевелясь, как подобает охотникам. Они были готовы броситься в бой и ждали приказа сакрипекса Херилака. Убедившись, что собрались все, Херилак рассказал, что следует делать.

— Ударим сразу все вместе, — объявил он. — Мы должны убивать, но так, чтобы не погибнуть самим: иглы мургу несут мгновенную смерть, поэтому мы растянемся в линию. Каждый саммад возьмет на себя половину их лагеря. Будем двигаться ползком. Молча. Ветер с моря, и нас не почуют, даже когда мы будем близко. Но мургу хорошо слышат, и нужно будет ползти так тихо, чтобы ни одна травинка не шелохнулась. Каждый займет свое место, а саммадар проверит. А потом вы будете ждать — и чтобы ни один не пошевелился. Вы будете следить за пляжем и ждать, когда я, Улфадан и Келлиманс дадим сигнал к бою. Вы будете бить мургу копьями и молчать, пока будет возможно. — Херилак тупым концом копья прикоснулся к подбородку ближайшего охотника. — Если сумеете, бейте мургу в горло, там они уязвимее всего. У них много ребер — животные,

на которых мы охотимся, устроены иначе. Крепко ударишь — пробьешь, но слабый удар отразят кости. Помните — бить в глотку. — Херилак помолчал и добавил: — Трудно надеяться, что мы сумеем перебить всех без шума. Поэтому, как только нас заметят, сразу начинайте громко кричать, чтобы вызвать смятение. Кричите и убивайте. Если они побегут, используйте луки. Стрелы их остановят, разите безостановочно. Остановимся мы только тогда, когда все мургу умрут.

Вопросов никто не задавал. Все было яснее ясного. Кто-то из охотников ощущал страх, но не подавал виду. Охота кормила их, смерть — вещь привычная.

Безмолвно, как тени, скользили они среди деревьев и, оставив ночной лес позади, так же бесшумно поползли в траве.

Керрик следил за спящими фарги. Обернувшись, он вздрогнул — вдоль всего пляжа шевелились тени. И не было слышно ни звука, ни даже шороха. К дозорным подполз Херилак. Тронув его за плечо, Керрик едва слышно шепнул ему в самое ухо:

— Предводительниц следует убить первыми. Я хочу сделать это своими руками.

Херилак кивнул в знак согласия. Медленно, крадучись, Керрик добрался до края берегового уступа к намеченному заранее месту.

В лесу крикнула ночная птица, он замер на миг, прислушиваясь, и шагнул вперед. На пляже был слышен только легкий плеск волн. Ночь была безмолвна, как смерть.

И смерть приближалась к песчаной полоске.

Никто не проявлял нетерпения. Заняв исходные позиции, охотники замерли, ни единым звуком не выдавая своего присутствия. Глаза их не отрывались от серой полосы песка, люди терпеливо ожидали условного сигнала.

У Керрика сосало под ложечкой. Ему уже начало казаться, что прошло слишком много времени. Херилак и саммадары уже должны были быть на берегу. Если они еще промедлят, начнет светать, и люди окажутся в ловушке...

Керрик понимал, что страхи его напрасны, но не мог успокоиться. Он стиснул кулаки до боли. Где же они?

Что случилось? Закрывая звезды, в небе сгущались тучи. Как теперь увидеть охотников на берегу?

И вдруг саммадары появились на пляже так бесшумно и внезапно, словно их занесло туда дуновением ветра. К их движущимся теням присоединились другие. Темной, еле различимой цепочкой охотники двигались к морю.

Они обошли Керрика, ведь все умели двигаться, не производя ни малейшего звука. Он не привык подбираться к добыче, а потому ему было трудно двигаться в темноте. И он намного отстал от цепочки, когда охотники добрались до спящих фарги. Впереди послышалось глухое бульканье.

Керрик почувствовал мягкий песок под ногами и побежал, вскинув копьё. Он уже почти добрался до кучи припасов, когда безмолвие ночи нарушил отчаянный вопль.

И тут раздались крики и визг, пляж закипел шевелящимися силуэтами. Керрик с криком прыгнул вперед, ударив копьём поднимавшуюся с земли иилане'.

Наконечник вонзился ей в грудь — она захрипела. Керрик ударил вновь — теперь в горло.

Вокруг орали, бежали, падали — шла настоящая бойня. Фарги проснулись мгновенно, но в темноте пришли в полное замешательство. Если в панике они и вспоминали про оружие, то не могли отыскать его в ночной тьме. И они бежали, пытаясь укрыться в спасительных объятиях океана. Но по дороге к воде их настигали острые копыя, стрелы вонзались в спины добежавших до прибоя. Спасения не было. Тану умели убивать.

Но фарги было так много, что некоторым удавалось спастись. Расталкивая колыхавшиеся в воде мертвые тела, они ныряли, устремляясь к лодкам. Преследовавшие их охотники заходили по колено в воду и стреляли, пока хватало стрел.

Наконец убивать стало некого — сражение закончилось. Охотники бродили между телами, пинали лежавших ногами и, услышав малейший звук или заметив какое-то движение, добивали копьями. Потом усталые люди начали останавливаться, и один из охотников разразился победным кличем. Его подхватили другие.

Крик неся над волнами, над немногими уцелевшими фарги, со страхом распростершимися на дне лодок.

Первые лучи утреннего солнца озарили ужасные итоги ночи. Керрик озирался с невольным трепетом: повсюду лежали мертвые тела. Остальных охотников это зрелище не смущало ни в малейшей степени. Весело переключаясь, они вновь принялись осматривать пляж, забредаая в воду, чтобы омыть вырванные из трупов стрелы. Стало светлее, и Керрик заметил, что его руки испачканы запекшейся кровью. Отойдя подальше от мертвых фарги, он стал мыть руки в прибое.

— Дело сделано! Мы отомстили мургу! — раздался победный крик Херилака. — Мы перебили их, мы отплатили за погибшие саммады! Хорошая ночь, добрая работа!

Далеко в море на юг улепетывали лодки, в большинстве своем пустые. Тану ночью постарались...

От изнеможения Керрик уже не чувствовал ни страха, ни ненависти. Он тяжело упал на груды пузырей с консервированным мясом.

Херилак грозил копьем вслед уплывающим лодкам и выкрикивал:

— Убирайтесь восвояси! Пусть все на свете мургу знают, что будет с теми, кто осмелится вновь забрести на север.

Керрик не разделял этой слепой ненависти: слишком долго пришлось ему жить среди иилане'. Становилось светлее, и он узнал лицо мертвой иилане', лежавшей неподалеку. Это была охотница, он много раз видел ее рядом со Сталлан. С невольной дрожью Керрик отвернулся от страшной раны на горле. Чувство скорби не покидало его, хотя о чем он горюет, Керрик не мог понять.

Когда Херилак наконец отвернулся от моря, Керрик взял себя в руки и спросил:

— Мы кого-нибудь потеряли?

— Одного. Какая победа! Только одного из нас сразила ядовитая игла марага. Мы застали их врасплох. Теперь мы исполнили все, зачем явились сюда.

— Нет, мы еще не закончили все дела, — возразил Керрик, пытаясь забыть про эмоции и быть практичным. Он указал на пузырь, на котором сидел. — Здесь мясо.

Пока эту шкуру не вспорешь, мясо не испортится. Я ел его. Мерзкое на вкус, но питательное.

Опершись на копье, Херилак размышлял.

— Значит, нам досталась не только победа, но и еда. Наступающую зиму переживет куда большее число тану. Я пошлю гонцов в саммады, чтобы они забрали это сокровище. — Он поглядел на усеянный трупами песчаный пляж. — А чем еще можно воспользоваться?

Нагнувшись, Керрик подобрал брошенный хесотсан и стряхнул песок с его темного тела. Обратив его в сторону моря, он надавил в нужном месте и игла исчезла в прибое. Он нажал в другом месте — и крошечный рот раскрылся. Закрыв его пальцем, он передал оружие Херилаку.

— Собирайте смертоносные палки. И иглы к ним. Я покажу, что с ними делать. Мы не сумеем их выращивать, но, если их кормить, хесотсаны проживут несколько лет. Их яд и мургу убивает столь же безотказно, как и тану. Если бы ночью у нас были эти палки, ни один мараг не ушел бы с пляжа живым.

Херилак радостно хлопнул его по плечу.

— Эта победа будет первой. Я немедленно разошлю гонцов в саммады.

Оставшись один, Керрик взял пузырь с водой и напился, а потом поглядел на возбужденных охотников. К тану пришла победа. Но он не мог отделаться от мрачного предчувствия — будущие победы окажутся куда тяжелее. Он поглядел на труп ближайшей фарги, потом встал и отправился обследовать побережье.

Чтобы убедиться в победе окончательно, пришлось побродить. Он даже осмотрел все тела, колыхавшиеся в прибое, перевернув каждое вверх лицом. Покончив с этим малоприятным делом, он устало опустился на песок.

Он узнал кое-кого из иилане', в основном это были охотницы, одна из убитых занималась воспитанием лодок. Но он напрасно искал знакомую физиономию. Ее не было среди убитых. Он поглядел на юг, туда, где давно уже исчезли лодки.

Сталлан была на берегу, в этом он был уверен. Она возглавляла поход и ухитрилась уцелеть.

Они еще встретятся, Керрик не сомневался в этом. Одно поражение не остановит иилане'. Только теперь они станут еще более решительными. Эта битва была лишь началом. И как закончится война, Керрик не имел ни малейшего представления.

Но в том, что их ждет такой бой, какого еще не видел этот мир, Керрик не сомневался.

Начиналась свирепая схватка двух рас, единых только в одном — в лютой ненависти друг к другу.

Глава седьмая

*Nu<nke a>akburzhou
kaseibur>ak umuhesh
tsuntensi nu< nkecash*

*Кольцо тел сослужило свою
службу, выросла
терновая стена, и будущее
не ослабит ее прочности.*

Налетел ветер, его порывы качали лодки на крутых высоких волнах. Тяжелые капли барабанили о плотные шкуры и исчезали в волнах океана. Темневший вдалеке берег исчез из виду, море позади оставалось пустынным. Погони не было. Сталлан огляделась и приказала лодке остановиться, знаком велев остальным последовать ее примеру.

День был пасмурным, иилане' жались друг к другу, пытаясь отыскать утешение в этой близости. Даже пустые лодки держались рядом с теми, где были фарги, и явно нервничали, не получая приказов. Сталлан в ярости оглядывала уцелевших.

Фарги было так мало! Только горстка испуганных существ осталась от сильного вооруженного отряда, который она повела на север. Что же случилось?

Ярость ее усиливалась: что именно произошло, она знала прекрасно, и когда начинала вспоминать об этом, гнев разгорался настолько, что приходилось заставлять себя думать о другом. С мстью придется подождать, сначала надо привести уцелевших в Алпеасак, в этом она видела свою первую обязанность.

— Есть раненые? — прокричала она, поворачиваясь, чтобы все могли понять ее. — Раненые, поднимите руки!

Оказалось, что раненых больше половины.

— У нас нет повязок, они остались на берегу вместе со всем снаряжением. Открытые раны омойте соленой водой, ничего больше не остается. И посмотрите, нет ли незанятых лодок, иначе они отобьются, а мы не можем позволить себе потерять хотя бы одну. Пусть в каждой лодке будет хотя бы по одной фарги. Пересаживайтесь, пока все лодки рядом.

Некоторые фарги пребывали еще в таком смятении и ужасе, что ничего толком не соображали. Сталлан приказала своей лодке двигаться, живое суденышко проталкивалось между другими лодками, пока Сталлан наставляла фарги.

— А вот не пустая лодка, — окликнула ее одна из скудоумных. — В ней мертвая фарги.

— В океан ее и других тоже, если такие найдутся.

— А вот раненая лодка, из нее торчат стрелы устузоу.

— Оставьте их. Если вы их извлечете, будет больше вреда, чем пользы.

Но в маленьком войске оставшихся фарги оказалось меньше, чем лодок. Сталлан была вынуждена бросить на произвол судьбы несколько раненых лодок. Когда с пересадками было покончено, изрядно поредевшая флотилия отправилась дальше на юг.

Целый день они плыли без остановки. Сталлан не хотела приближаться к берегу, пока наступающая ночь не заставила ее решиться. Там, в какой-нибудь хитрой засаде, снова могли оказаться устузоу. И они плыли вперед. Потрясенные фарги погружались в тупую апатию.

Солнце медленно спустилось за горизонт. Лишь тогда Сталлан приказала поворачивать к берегу, туда, где в море впадала река. Увидев пресную воду, измученные жаждой фарги зашевелились, но Сталлан не разрешила высаживаться из лодок, пока не осмотрела окрестности. И только убедившись, что все в порядке, она разрешила малыми группами приближаться к воде. Взяв хесотсан на изготовку, она изогнулась дугой в знак презрения к неразумным созданиям, потерявшим оружие. Теперь у них оставался лишь ее собственный хесотсан. Фарги убегали в панике, забыв об оружии.

— Обращаюсь нижайшая к высочайшей. А где пища? — напившись, спросила одна из фарги.

— Здесь ее нет, безмозглая. Завтра поедем, может быть. Все по лодкам! Сегодня мы ночевать на берегу не будем.

Поскольку не было и плащей, чтобы ночью поддерживать необходимую температуру тел, к утру все фарги заоченели и не могли двинуться с места, пока утреннее солнце не согрело их. Бегство продолжалось.

На третий день, убедившись, что нет погони, Сталлан рискнула подойти к берегу, чтобы поохотиться. Надо было поесть, чтобы не умереть в дороге. Она тщательно выбирала место в устье реки среди бесчисленных островков и болот. В трясине она выследила каких-то пестрых животных, пожиравших водяные растения. Они походили на маленьких урукубов, у них были длинные шеи и маленькие головки. Сталлан успела уложить двоих, прежде чем стадо убежало. Они были очень тяжелы, поэтому пришлось вернуться за фарги и приказывать им тащить туши на берег. Все досыта наелись, хоть сырое мясо и пришлось рвать зубами.

Две раненых фарги умерли во время последнего перехода. Кроме того, потерялись раненые и пустые лодки: ночью они по одной отбились от каравана. Лишь жесткие приказы Сталлан поддерживали дисциплину, и наконец уцелевшие добрались до знакомых вод.

В середине дня, миновав несколько рыбацких лодок, они обогнули мыс, за которым прятался вход в гавань Алпеасака. На берегу было пусто — лишь Этдиург, выполнявшая обязанности эйстаа, стояла на причале.

Сталлан выбралась из лодки и заговорила первой:

— Когда мы высадились на берег, ночью, во время сна устузоу напали на нас. Они легко передвигаются во тьме. Мы ничего не смогли сделать. Ты видишь всех уцелевших.

Этдиург холодно поглядела на фарги, подталкивавших лодки к стойлам.

— Беда, — сказала она. — Все случилось до того, как ты напала на устузоу, или после?

— До того. Мы ничего не приобрели. Все потеряли. Я не ожидала нападения, не выставила часовых. Вина моя. Я умру, если прикажешь.

Сталлан ожидала решения, не дыша и не шевелясь. Несколько слов Этдиирг — и она умрет. Она глядела в сторону моря, но краем глаза следила за Этдиирг.

— Ты будешь жить, — наконец ответила та. — Хоть ты и виновата, Алпеасак нуждается в твоих услугах. Твоя смерть еще не пришла.

С заметным облегчением Сталлан жестом покорно поблагодарила.

— Но как такое могло произойти? — спросила Этдиирг. — Это выходит за пределы моего понимания.

— Но не моего, — ответила Сталлан. Каждое движение ее тела выдавало гнев и ненависть. — Мне слишком ясно, как такое стало возможным.

Вдруг она умолкла и обернулась: под деревьями показался паланкин. Четверо рослых фарги легко несли его, жирная Акотолп ковыляла следом. Поставив паланкин на землю, фарги отступили назад. Раскрыв от усердия рот, Акотолп заторопилась вперед и склонилась над лежавшей в нем иилане'.

— Тебе не следует двигаться, говори мало, — опасность еще не миновала, — проговорила Акотолп.

Вейнте' жестом выразила согласие и повернулась к Сталлан.

Эйстаа сильно исхудала, под кожей проступали кости. Рана, оставленная копьем, зажила, на боку белел вздутый шрам, но внутренние повреждения были серьезными. Когда Вейнте' доставили к Акотолп, она несколько дней провела в забытии, все потребности ее при этом свелись к минимуму. Акотолп залечила раны, остановила заражение, перелила кровь, сделала все возможное, чтобы эйстаа не умерла. Смерть была близка, и только колоссальные медицинские познания Акотолп да железная воля и крепкое здоровье позволили Вейнте' выкарабкаться. Сейчас за нее распоряжалась Этдиирг, она выполняла обязанности эйстаа во время долгой болезни Вейнте'. Но выздоровление началось, а потому Вейнте' заговорила как эйстаа.

— Рассказывай, что случилось! — приказала она.

Сталлан повиновалась. Ничего не упуская, выбирая слова и следя за эмоциями, она поведала обо всем: о походе, высадке, побоище и бегстве в Алпеасак. Закончила она теми же словами, что уже говорила Этдиирг:

— Моя вина. Я умру, если ты прикажешь.

Вейнте' взмахнула рукой так резко, что, тревожно зашипев, Акотолп подалась вперед.

— Твоя вина или нет, ты нужна нам, Сталлан. Живи. Отомстишь по крайней мере. Будешь моей правой рукой. Ты убьешь того, кто это сделал. Это мог совершить только он.

— Эйстаа права. На снимках с раптора мы видели только одну стаю устузоу. И все казалось совершенно обычным. Но это было не так. Кто-то из них знал о рапторе, он и направлял ночное нападение устузоу. Этот устузоу знал, что мы заночуем на берегу перед атакой. Это он!

— Керрик!

В словах и жестах было столько гнева, что Акотолп запротестовала:

— Эйстаа, ты рискуешь жизнью. Тебе нельзя еще так говорить. Ты еще не оправилась для таких сильных эмоций.

Откинувшись на мягкие подушки, Вейнте' сделала знак согласия и, вздохнув, продолжала:

— Теперь надо подумать. В следующий раз напасть на устузоу мы должны совершенно иначе. Теперь информация об устузоу уменьшилась: снимки раптора показывают нам лишь половину жизни устузоу. Дневную половину. Но они могут передвигаться под покровом ночи. — Она обернулась к Акотолп. — Ты все знаешь. Ночью можно делать снимки?

Поглаживая толстый живот, Акотолп задумалась.

— Это возможно. Некоторые птицы летают и ночью. Можно попробовать.

— Немедленно приступай. Второй вопрос: можно ли поподробнее разглядеть снимки раптора?

— Смысл твоего вопроса не дошел до меня, эйстаа.

— Слушай же. Если нападение готовил устузоу Керрик, он должен быть в этой стае. Он может оказаться на одном из снимков. Можем ли мы разглядеть его?

— Теперь понятно. Снимки можно увеличить. Детали станут во много раз больше.

— Ты слышала, Этдиирг? Проследи, чтобы все было сделано!

Этдиирг жестом показала, что поняла, и помчалась выполнять распоряжение. Вейнте' вновь повернулась к Сталлан.

— Теперь мы будем нападать на них иначе. Следует подумать, как охранять лагерь ночью. Это серьезный вопрос. Подобное не должно повториться.

— Для этого потребуется больше фарги, — заметила Сталлан.

— Считаю, что эта проблема уже решена. Пока тебя не было, мы получили великолепную весть. Все приготовления завершены. Инегбан придет в Алпеасак в конце лета. Два города станут одним, единым и могущественным.

— Чтобы стереть устузоу с лица земли, потребуются все наши силы.

Акотолп и Сталлан радостно зажестикуют, выражая согласие, им вторила Вейнте'. Если бы все это случилось до ранения, радость ее была бы много меньше. Тогда ею владело только одно желание — править в Алпеасаке. Ненависть к Малсас< родилась потому, что в случае слияния городов эйстаа Инегбана станет эйстаа Алпеасака.

Теперь же она ждала прибытия Малсас<. Удар копья, обрекший ее на муки, изменил совершенно все. Едва к ней вернулось сознание, она вспомнила, что случилось. Удар устузоу, того самого устузоу, которому она спасла жизнь, а потом воспитала и позволила сидеть подле себя и исполнять ее приказания. И за все он отплатил ударом копья. Такую неблагодарность, такую жестокость нельзя оставлять безнаказанными. Воспоминания о Керрике только укрепили ее в намерении стереть с лица земли эту заразу, этих устузоу. И все иилане' согласятся с нею, когда узнают об участии посланных на север фарги. Когда Инегбан придет в Алпеасак, все иилане' поймут, что новая жизнь будет не такой, как прежде, мирным жителям тихого и спокойного города придется ко многому привыкать. Когда все узнают, что будущему

иилане', самому их существованию, угрожают какие-то устузоу, поддержка будет единодушной.

И тогда вся мощь, весь разум и знания, вся энергия Инегбана объединятся в едином устремлении. Смерть устузоу! Стереть даже их следы с лица земли! Объявить священный поход против устузоу!

И поход этот необходимо кому-то возглавить. И в этом Вейнте' видела теперь смысл своей жизни.

Глава восьмая

Воздух под высокими деревьями был неподвижен, холодный туман висел над землей. Зябкое безмолвие нарушалось только звуками капель да птичьими криками. Из-под куста осторожно высунулся кролик и принялся жевать длинную травинку. Вдруг он сел, наставил уши и, сделав огромный прыжок, исчез, чего-то испугавшись.

Медленно, словно отголоски дальнего грома, близились звуки тяжелых шагов. Слышно было, как скрипят кожаные ремни, скребут землю деревянные шесты волокуш. Шествие мастодонтов возглавляли двое охотников. Они внезапно выросли на краю поляны, внимательно огляделись, держа наготове копья. Люди были в меховой одежде и обуви, но на голых руках поблескивали капли пота. Из-за деревьев появились остальные охотники и направились через поляну. За ними выступал первый мастодонт — горбатый и мохнатый самец. Он отломил хоботом ветку, не останавливаясь, отправил в пасть и удовлетворенно захрустел ею.

По одному из леса появлялись другие мастодонты, шесты травоисов глубоко врезались в мягкую почву. Шли женщины и дети постарше, охотники замыкали шествие. Тану снова в пути, и нет их дороге ни конца, ни начала.

После полудня они оказались у знакомого места возле речной излучины. В зимних сумерках первые хлопья снега кружились среди темных стволов. Улфадан поглядел на север, понюхал холодный воздух.

— Рано, — буркнул он. — Еще раньше, чем в прошлом году. Снег будет глубоким, словно в горах. Очень глубоким. Поговорим об этом вечером.

Келлиманс задумчиво кивнул. Они решили возвращаться на стоянку сразу после сражения, без споров и возражений. Прихватив с собой оружие и припасы мургу, все торопились как можно скорее уйти подальше от побережья, где постоянно можно было ожидать нападения. Не было ничего легче и проще, чем вернуться обратно по собственным следам. Откладывалась при этом и необходимость что-то решать, пока все не окажутся достаточно далеко от побережья. Спокон веку тану жили в горах, а теперь все переменялось, зимовать там стало невозможно. Что же делать? Спрашивали многие, но никто не отвечал. Настала пора сообща найти выход из положения. И, когда шатры были расставлены, а желудки наполнились, охотники собрались вокруг костра и завели разговор.

В отличие от оседлых иилане', городских жительниц, тану были охотниками. И они скитались по свету, нигде не имея постоянного пристанища, вечно перебирались туда, где охота была удачливей, где в реках больше рыбы, а на деревьях сочнее плоды. Ни одного клочка земли не могли назвать они домом. И все они были равны... почти равны. Что такое саммад? Несколько семей, объединившихся вместе, чтобы помогать друг другу. Так старухам легче было показывать девочкам места, где больше и слаще корни. Мальчики учились у старших охотиться, а взрослым охотникам вместе удавалось добывать больше пищи, чем в одиночку.

Саммадар не был вождем, приказам которого беспрекословно повиновались. Чаще им становился опытный охотник или искусный следопыт, при котором сытнее жилось. Правил он со всеобщего согласия. И не мог приказать охотнику сделать что-то ненужное и неприятное. Любой из них с семьей мог немедленно исчезнуть в лесу и присоединиться к другому саммаду.

Наступила пора решать. В костер подкинули дров, пламя высоко взметнулось, круг охотников рос. Они смеялись, перекликались, старались устроиться поудобнее у огня, где тепло, но не дымно. Животы полны, запасов хватит на всю зиму, этого им было достаточно. Но пора обдумывать важные вопросы. Разгорелся спор, но, когда встал Улфадан, все умолкло.

— Я слышал, что многие хотят зимовать здесь, в знакомом месте. В этих краях теперь скудная охота, но пищи у нас хватит до весны. Подумаем о другом. Если мы зазимуем здесь, выживут ли мастодонты? Хватит ли им травы и листвы на деревьях? Это важный вопрос, на него следует дать ответ. Если мы выживем, а мастодонты умрут, то и мы погибнем, когда наступит время перекочевки. Вот о чем придется нам подумать.

Начался откровенный разговор... Все говорили о мастодонтах, без которых тану не выжить. Каждый желающий вставал и держал речь, остальные молча внимали. Херилак и Керрик тоже слушали молча. Сак-рипексом Херилак был только во время войны. Но теперь, после победы, он сидел среди прочих охотников. Что касается Керрика, он был рад и тому, что охотники допустили его в свой круг, куда не было входа детям и женщинам. И он внимательно слушал.

Кое-кто сердился, некоторые жаловались, другие хвастали. Когда все выговорились, Улфадан попросил совета у Фракена, и остальные криками поддержали его. Старика уважали: мудрый алладжекс, хранитель воспоминаний и лекарь, ведал тайны жизни и смерти. Конечно же, он и наставит всех на путь истинный.

Фракен подошел к костру, следом за ним брел Парень-без-имени. Когда он вырастет, а Фракен умрет, имя старика перейдет к молодому. А пока он учился, имени у него не было. Согнувшись перед Фракеном, он пошарил в кожаном мешке и извлек из него темный шарик, который осторожно положил возле огня. Двумя палочками Фракен разломил его, внутри оказались тонкие мышинные кости. Фракен знал толк в погадках сов и по ним читал грядущее.

— Зима будет холодной, — объявил он, — нам предстоит путешествие...

Для вящего впечатления он пробормотал что-то еще. Все внимали с почтением. Керрик думал о другом. Все это он и сам мог бы сказать, без всяких мышинных косточек. Ответа в словах Фракена не было. Прочим тоже нечего было сказать. Слушая речи, Керрик понял, что решения нет. Пока охотники не изменят свои пути, решения нет и не будет. И когда все умолкли, он нерешительно встал.

— Я слушал все, что здесь говорилось, и слышал все время одно и то же. В горы пришла зима и все не кончается. Олени ушли с гор, потому что снег сходит там лишь ненадолго и пастбищ не стало. Если кто-то сомневается в этом, хотелось бы слышать, что он скажет.

В ответ раздался раздраженный голос Илгета, охотника, известного своим вздорным нравом.

— Садись, безволосый! — крикнул он. — Это все знают. Пусть говорят охотники.

Керрик прекрасно знал о своей редкой бородке и о волосах, еще не покрывших уши, и поэтому смутился и хотел сесть, но рядом поднялся Херилак и, тронув его за руку, оставил стоять.

— Этого охотника зовут Керрик, а не «безволосый». А тебе, Илгет, больше известно о безволосых. Смотри-ка, у тебя надо лбом с каждым годом остается все меньше и меньше волос.

Люди у костра разразились хохотом и одобрительно хлопали себя по коленям. Илгету оставалось только молчать. Когда Херилак был саммадаром, он любил убеждать людей шуткой. Дождавшись тишины, он заговорил вновь:

— Длина волос Керрика должна напоминать нам о тех, кто изуродовал его, кто оставил безволосым... о мургу, державших его в плену. Не забывайте, он умеет говорить с ними и понимает их. Он подсказал, как можно напасть на мургу и перебить целый отряд. Когда говорит Керрик, мы слушаем.

Вокруг раздались возгласы одобрения, и Керрик осмелился заговорить снова:

— Все мы сошлись в одном: идти на север нельзя. Земли к востоку отсюда опустошены, как и эти края до самого берега моря, где всегда придется опасаться мургу. Там зимовать негде, нет места нам и на западе. Земли там, может быть, и хорошие, но другие тану не пустят нас зимовать в эти края. И я спрашиваю: почему нам не пойти на юг?

Послышалось изумленное бормотанье, легкий смехок затих, едва Херилак грозно глянул в сторону развеселившихся. Его уважали — за отвагу и мудрость в бою, за силу рук — и боялись вызвать его гнев. Потом встал Улфадан и повел свою речь:

— Когда я был молодым, я доходил на юге до самого края лесов, где начинаются бесконечные травы. Вот что я оттуда принес. — Он коснулся длинного кривого зуба, висевшего на шее. — Я был тогда молод и глуп и рисковал жизнью из-за пустяков. Там нет оленей. Одни только мургу, которые подстерегают и убивают тану. Только мургу, высокие, как деревья. На юге нас ждет только смерть.

Раздались крики одобрения, Керрик подождал, пока все снова умолкнут.

— Вот что я скажу вам о мургу, ведь я долго жил на юге, там, где никогда не бывает снега и всегда тепло. В этих жарких краях обитают такие мургу, что едят траву; они пасутся в лесах и на болотах. Да, они не похожи на оленей и других зверей, на которых охотятся тану, но их можно есть, и их мясо приятно на вкус. Я знаю, я много лет ел это мясо.

Все умолкли. Даже женщины перестали переговариваться, и дети прекратили свои игры: все слушали странные речи молодого охотника.

— Улфадан говорил вам правду. Там живут огромные мургу, они едят тех, что поменьше. Я видел и еще более странных мургу. Это неважно. Вот что важно. Как эти мургу, что ходят, как тану, уживаются с этими огромными хищниками? Все они едят мясо. Почему мургу ростом с дерево еще не съели их?.. Мургу-что-ходят-как-тану живы лишь потому, что убивают всех, кто грозит им и их стадам. И вот чем они убивают.

Нагнувшись, он подобрал с земли хесотсан. Не было слышно ни звука, все взоры были обращены к говорившему.

— Эта штука уложит любого зверя, каким бы огромным он ни был. Мараг, которого не убьешь всеми копьями и стрелами целого саммада, падет бездыханным от такой вот колючки.

— Я видел, — с горечью в голосе перебил его Херилак. — Я видел, как мургу с этими палками лезли из моря и как падали от них люди моего саммада. Самый большой наш мастодонт сразу свалился, когда смертоносная палка треснула перед ним. Керрик говорит правду.

— Теперь таких палок у нас много, — произнес Керрик, — много палок, много игл. Я умею ухаживать

за этими смертоносными палками и обучу всех, кто захочет. Если мы отправимся на юг, нас ждет хорошая охота, а мастодонтов — изобилие корма. А вот это оружие, — он поднял хесотсан повыше, чтобы все видели, — обещает смерть всем мургу.

Охотники возбужденно заговорили и заспорили. Керрик в тот день почти не ел. Увидев, что Херилак отошел от общего костра, он направился следом за ним. Они подошли к своему костру. Женщины жарили мясо на зеленых ветвях, кипятили отвар из коры. Меррис, женщина Улфадана, усадила обоих и подала еду. У нее было мало зубов, но она была широкоплечей и очень сильной; молодые женщины слушались ее беспрекословно.

— Надеюсь, что смертоносные палки послужат нам не хуже, чем самим мургу, иначе все мы сложим свои головы на юге, — хриплым как у охотника голосом проговорила она.

— А ты как считаешь, идти нам на юг? — спросил Херилак с набитым ртом.

— Теперь они проспоят всю ночь. Но ничего другого не придумают. Мужчины всегда слишком много разговаривают. Мы пойдем на юг, другого пути нет. — Не скрывая любопытства, она глядела на Керрика. — А что за мургу держали тебя в плену? У них большие шатры? А травойсы у них волокут мастодонты или гигантские мургу?

Керрик улыбнулся, представив себе такую картину, потом попытался объяснить:

— Они живут не в шатрах, у них для этого растут специальные деревья, мургу спят в них, как мы в шатрах.

Меррис громко расхохоталась.

— Сказки рассказываешь. Разве можно погрузить дерево на мастодонта, чтобы перебраться в другое место?

Женщины возле костра, поглядывавшие в их сторону и внимательно прислушивавшиеся к разговору, дружно захихикали.

— Это правда, только они все время живут на одном месте, поэтому спальные деревья им перевозить не надо.

— Теперь я все поняла: ты рассказываешь мне сказки. Если они все время будут жить на одном месте, то

когда-нибудь перебьют всех зверей, соберут все плоды и умрут с голода. Здорово придумал.

— Это правда, — подтвердил Херилак. — Так эти мургу и живут. Я был там и все видел, хотя ничего не понял тогда. Им даже не нужно охотиться: всех зверей они пасут на полях, откуда те не могут сбежать, и убивают, когда нужно. Так я говорю? — спросил он у Керрика.

Пожав плечами и тем выразив свое отношение к бесполезным рассказам, Меррис отправилась в шатер, но остальные женщины, раскрыв рты и глаза, слушали дикие речи. Врет или нет, но слушать было интересно.

— Это только малая часть того, что я знаю, — продолжал Керрик. — Там столько всего, все мургу заняты различными делами. Некоторые расчищают земли, выращивают заборы, чтобы держать за ними животных. Есть среди них и охранники, они приглядывают за самцами в пору размножения, чтобы молодежь была в безопасности. Некоторые выращивают еду для животных, другие убивают зверей. Некоторые рыбачат. Все там устроено сложно.

— Это самцы-то ухаживают за детьми? — тихим недоверчивым голосом чуть в нос проговорила одна из женщин. Женщина постарше шлепнула ее.

— Молчи, Армун!

— Хороший вопрос, — сказал Керрик, пытаясь разглядеть спросившую, но та отвернулась, пряча лицо в густых волосах. — Мургу откладывают яйца, и самцы их вынашивают. А когда вылупляются детеныши, они отправляются жить в океан. Они совсем не заботятся о своих детях. Не так, как мы.

— Грязные твари, так бы всех и убила! — воскликнула Меррис. — Женщины не должны слушать подобные гадости.

По ее команде все слушательницы разошлись, а мужчины молча заканчивали трапезу. Слизнув жир с пальцев, Херилак тронул Керрика за руку.

— Расскажи мне побольше о мургу. Я хочу знать все об этих тварях. В отличие от женщин я верю твоим словам. Ведь и я был пленником. Только недолго, не так, как ты. Веди — и я последую за тобой, Керрик. Сильные руки, тугой лук — что еще нужно охотнику? Еще

тану нужны знания. Ведь мы зовемся тану, потому что умеем работать с камнем и деревом, знаем повадки зверей, на которых охотимся. А теперь пора охотиться на мургу, и только ты один знаешь все их повадки. Только ты можешь показать нам путь.

Керрик еще не думал об этом, но, соглашаясь, нерешительно кивнул. Знание могло быть силой... и оружием. Он обладал знаниями, и Херилак уважал его. Керрик впервые ощутил гордость. Понемногу он начинал понимать, что не будет чужаком среди тану.

Глава девятая

Меррис была права; проговорив до глубокой ночи, с огромными сомнениями охотники решили перебраться туда, где есть пастбища для мастодонтов. Но решение это только поставило их перед новой проблемой: куда идти?

Херилак вылез из шатра, едва рассвело. Он уже разводил костер, когда к нему подошли Улфадан и Келлиманс. Оба саммадара поприветствовали его по обычаю и уселись возле костра. Херилак налил обоим по деревянной чаше крепкого отвара из коры и сел рядом, ожидая, когда они заговорят. За его спиной высунулся из шатра Ортнар и тут же исчез за пологом.

— Может быть, ты решил, что они уже досыта наговорились ночью? — шепнул он Керрику. — Охотники еще только вошли во вкус. О чем думать? Надо бить мургу — другого нам не остается.

Поеживаясь от холода, Керрик высунулся из спального мешка, торопливо через голову натянул кожаную куртку, пригладил короткие волосы, зевнул и почесался. Через откинутый полог он видел троих разговаривавших охотников. Он вполне понимал Ортнара, с него самого хватило и вчерашних разговоров.

Но избежать участия в новой беседе не удалось. Херилак встал и, сделав несколько шагов в сторону шатра, позвал:

— Керрик, иди сюда, ты нам нужен.

Керрик вышел и сел возле костра. Попивая горячий терпкий настой, он слушал Херилака.

— Саммады пойдут на юг, больше им ничего не остается. Только они не знают, как правильно вести себя в краях мургу. Все понимают только одно —

придется убивать мургу. Для этого нужен военный вождь. Они попросили меня быть сакрипексом.

Керрик кивнул.

— Так и должно быть. Ты вел нас к победе на берегу, где от нашего оружия погибли мургу.

— Одно дело война. Как вести людей в бой, я знаю. Но теперь мы обдумываем не набег. Ведь мы собираемся оставить леса, выйти на поросшие травой равнины, где обитают одни только мургу. Самые разные мургу. И нам придется убивать их смертоносными палками. Скажу тебе правду. Я мало знаю мургу и ничего не знаю о смертоносных палках. Ты знаешь, Керрик. И я сказал, что сакрипексом должен стать ты.

Керрик не знал, что ответить. Он совершенно не ожидал этого. Подумав, он наконец нерешительно заговорил:

— Это огромная честь, но я не уверен, что моих знаний достаточно, чтобы быть сакрипексом. Да, я знаю о мургу много, но что известно мне об охоте, об оружии тану? Почти ничего. Ты же, Херилак, — знаменитый вождь.

Все молча ожидали продолжения его слов. Саммады ждали, что он возглавит их, он не вправе был отказываться. Услыхав, о чем идет речь, из шатра выбрался Ортнар и присоединился к собравшимся охотникам. Они хотели, чтобы Керрик вел их, но он не смел брать на себя такую ответственность. Что же делать? Как поступили бы иилане' в такой ситуации? И когда он задал себе этот вопрос, сам собой нашелся ответ.

— Я скажу вам, что делают мургу в подобных случаях, — произнес Керрик. — В их городах есть самый главный саммадар. Этому саммадару подчиняются саммадар охотниц, саммадар, следящий за животными, саммадар, распоряжающийся разными работами. Почему бы и нам не поступить так же. Сакрипексом пусть будет Херилак, как вы хотели. Я буду помогать ему советами, поскольку знаю обычаи мургу. Но он будет решать, что следует делать саммадам.

— Обдумаем? — предложил Улфадан. — Новая мысль.

— И новые времена, — добавил Келлиманс. — Пусть будет так, как говорит Керрик.

— Сделаем так, — отозвался Херилак, — но это я буду помогать Керрику. Он расскажет всем о мургу, как их выслеживать и убивать. Он будет маргалус — дающий советы, знающий мургу.

Улфадан кивнул в знак согласия и встал.

— Да будет так!

— Согласен, — произнес Келлиманс. — Пусть узнают все охотники саммада, и, если они согласны, выступим на юг, когда скажет маргалус.

Херилак повернулся к Керрику.

— С чего начнем, маргалус? — спросил он.

Керрик щипал бородку, охотники ждали. Ответ был очевиден. Хорошо, если бы и впредь не находилось проблем сложнее.

— Чтобы убивать мургу, вы должны узнать о смертоносных палках. Приступим, не откладывая.

Херилак и Ортнар как всегда были вооружены луками и копьями. Керрик оставил у шатра свое копье и взял хесотсан с запасом игл. Они двинулись вверх по реке и вышли на поляну. Там, среди камней, застряло целое дерево, принесенное рекой.

— Будем стрелять в это дерево. Тут легко заметить, если кто-нибудь подойдет. Иглы несут смерть, а я хочу, чтобы все жили.

Керрик вытянул вперед хесотсан, охотники положили на землю стрелы и копья и нерешительно шагнули к нему.

— Оружие не опасно, пока я не вставил иглы. Сперва я покажу вам, как кормить это создание и ухаживать за ним. А потом вставим иглы и постреляем.

Умелые руки охотников привыкли иметь дело с оружием, и хесотсан скоро перестал быть для них живым существом. Когда Керрик выстрелил в первый раз, спутники его вздрогнули, а потом побежали к дереву поглядеть, куда попала игла.

— И эта штука стреляет так же далеко, как лук? — спросил Херилак.

Керрик подумал, потом покачал головой.

— Думаю, нет, но это неважно. Когда мургу нападут на нас, стрелять придется с близкого расстояния. Яд действует почти мгновенно. Тогда...

Протянув оружие Херилаку, Керрик вдруг заметил движение в небе. Птица, большая птица.

— Быстрее берите луки! — приказал он. — Над нами раптор. Птица, которая говорит с мургу. Она не должна к ним вернуться. Убейте ее!

Охотники немедленно повиновались и, наложив на тетиву стрелы, стали ждать, пока птица опустится ниже. И когда раптор с распростертыми крыльями скользнул над головами людей, обе тетивы зазвенели почти одновременно. Стрелы взвились вверх и поразили раптора.

С коротким криком птица рухнула в воду.

— Не упустить бы... — сказал Керрик.

Не успел он положить хесотсан на землю, как оба охотника уже попрыгали в воду. Ортнар плавал лучше, он первым добрался до убитой птицы и ухватил ее за крыло. Она была так велика, что оба охотника с трудом потащили ее на берег. Когда они выбрались из воды и бросили птицу на песок, Керрик сказал:

— Видите — на ноге черная шишка. Птица убита, но эта черная тварь жива.

Когтистые лапы охватывали ногу раптора. Трудно было понять, на что похоже это создание. С боку на его туловище что-то выступало. Херилак присел на корточки, чтобы разглядеть странное существо, и вдруг отпрянул — глаз открылся и медленно закрылся снова. Саммадар потянулся за копьем, но Керрик остановил его:

— Это сделать никогда не поздно. Сперва покажем охотникам глаз, что за нами следит, и птицу, которая его носит. От них мургу узнают, где мы находимся. Охотники должны увидеть нашу добычу, чтобы в следующий раз сразу узнать птицу и убить ее. А если мургу потеряют нас из виду, то не смогут и напасть на нас.

— Ты прав, маргалус, — с уважением сказал Херилак. — Ты ведь знаешь их, этих мургу.

Херилак произнес новый титул Керрика непринужденно и от чистого сердца, и Керрик невольно почувствовал гордость. Пусть на охоте он пока уступает в меткости другим охотникам, пусть стрелы его часто летят мимо цели — он знает мургу, как никто другой. И если он еще не искусный охотник, то все равно достоин уважения.

Взяв птицу, друзья отправились на стоянку...

Охотники удивлялись величине раптора, такой большой птицы никто из них не видел. Расправив на земле его крылья, они шагами измеряли их длину. Охотники восхищались меткостью стрелков: обе стрелы пробили грудную клетку. Они отталкивали детей, подбиравшихся к птице, чтобы ее потрогать.

Одна из женщин нагнулась к ноге раптора и тронула пальцем черное существо. Открывшийся глаз моргнул. Женщина взвизгнула. Тогда все захотели видеть, как это происходит, и тоже принялись тыкать пальцами. Херилак нагнулся и выдернул стрелы, отдал одну Ортнару.

— А теперь поучимся стрелять из палки: мы должны владеть ею не хуже, чем луком.

К вечеру оба охотника уже обращались с оружием так же уверенно, как Керрик. Ортнар скормил хесотсану кусочек вяленого мяса и пальцем закрыл ему рот.

— Оленя на охоте им не убьешь: и целиться трудно, и иголы не долетят.

— Оленей легко убивать копьем или луком, — возразил Херилак, — а эти штуки припасены для мургу, которых много на юге.

— Я хочу, чтобы все охотники умели обращаться с этими палками, прежде чем мы отправимся на юг, — проговорил Керрик. — Выступим сразу, как только все научатся.

Охотники умылись в реке, запах еды позвал их к шатрам. Ночь была безоблачной, ясные звезды холодно мерцали над пляшущими огнями костров. Меррис подала мясо. Тут же оказался алладжекс Фракен. Каждый вечер старик ходил от костра к костру, и люди спрашивали его о том, что знал он один.

Он утрюмо поглядел на Керрика: юноша знал такое, чего не ведал Фракен. Заметив ревнивый взгляд, Херилак постарался отвлечь внимание старика.

— Вчера мне приснилось, что все мы охотились на мастодонта, — проговорил Херилак. Фракен кивнул и облизнулся, отхлебнув теплого настоя. — Разве такое возможно? Я ведь охотился на мастодонта только однажды, совсем молодым.

— Охотился вовсе не ты, — ответил старик, — а твой тхарм. — У костра почтительно притихли. — Мы

умираем, и тхарм оставляет тело, но такое случается и когда мы засыпаем. Тхарм оставил твое тело и отправился на охоту. Потому и нельзя будить спящего охотника, ведь тхарм его может оказаться далеко, и, если его разбудить, охотник умрет, потому что, когда тхарм оставляет тело, мы умираем. И никогда больше не возвращаемся сюда. Если охотник умел добывать зверя, тхарм его становится звездой. — Голос его понизился до хрипа. — Но остерегайтесь плохого охотника, который всем доставляет одно беспокойство, ведь есть среди нас и такие. Когда такой охотник умирает, тхарм его держится неподалеку и вредит нам. У сильных охотников участь другая — все видят его тхарм на небе. Тхарм могучего охотника приходит людям во сне, чтобы помочь им.

Керрик молча слушал. Он припоминал теперь, что еще мальчишкой слышал такие рассказы от старого Огатира. Тогда, засыпая, он ворочался от страха. Ему казалось, что рядом окажется чей-то тхарм. Теперь все это оказалось пустыми рассказами. Иилане' лопнули бы от смеха, узнав, что звезды — чьи-то тхармы. Для них смерть была всего лишь концом бытия, в котором не было места для тайны. Они говорили ему, что звезды находятся так далеко, что просто не могут влиять на происходящее на земле. Зхекак рассказывала еще, что звезды очень горячие, а Луна холодная, как и движущиеся звезды и планеты, и что они похожи на Землю. Такова была действительность, а все прочее — пустые разговоры. Но на лицах вокруг Керрик видел почтительное внимание и понял, что не стоит сейчас заводить речь о подобном.

Фракен пошел к другому костру, многие потянулись за ним, у огонька остались только несколько охотников. Никто из них не заметил, как к костру подошла высокая и стройная девушка с большим пучком перьев в руках. Звали ее Фарлан. Керрик вспомнил, что она была старшей дочерью Келлиманса. По спине девушки змеились толстые косы. Проходя мимо, она случайно задела Керрика, и он почувствовал нечто, чему еще не мог дать определение, и тревожно пошевелился.

— Вот перья огромной птицы, что вы убили сегодня, — произнесла она.

Не глядя на нее, Ортнар кивнул.

— Их можно нашить на твою одежду, чтобы каждый мог видеть, что ты искусный стрелок. — Она на мгновение умолкла. — Я могла бы сделать это.

Ортнар подумал и согласился.

— Я покажу тебе одежду. — И он шагнул в темноту, а девушка последовала за ним.

Охотники словно не заметили случившегося, но один из них поднял глаза, заметил взгляд Керрика и подмигнул ему, ухмыляясь. Когда парочка удалилась, охотники стали перешептываться, один расхохотался.

Произошло что-то важное. Керрик понял это, но никто и не думал ничего объяснять. И он молчал, потому что стыдился своей недогадливости.

Когда Керрик возвратился в шатер, Ортнара там не было, а утром он заметил, что пожитки охотника куда-то исчезли.

— Где Ортнар? — спросил он.

— Спит в другом шатре, — ответил Херилак, явно не желая ничего объяснять.

Керрик начал понимать, что в жизни тану случаются события, о которых не принято толковать вслух. Так было и у иилане'. Но он тану, а потому должен знать все. Придется выяснить, но он даже не знал, с чего начать. Следовало хорошенько подумать.

Непонятный поступок Ортнара забылся на следующее утро, когда саммад стал сниматься со стоянки.

Дорога вела на юг, в неизвестность.

Глава десятая

Улфадан отлично знал эти места и уверенно вел саммады через лес. Когда деревья начали редеть и в просветах между ними показались поросшие травой луга, он приказал сделать привал и отправился искать Керрика.

— Впереди открытая земля. Мы остановились по твоему слову, маргалус.

— Хорошо, — ответил Керрик. — Мы с Херилаком уже обсудили, что нужно делать, чтобы не бояться нападения мургу на равнине. Если мы как и прежде будем идти единой колонной, она будет открыта для нападения с боков. В лесу мастодонты идут друг за другом, потому что дорога узкая. Здесь не будет

деревьев, и придется идти иначе. Вот что мы решили.

Обступившие Керрика охотники нагнулись к кругу, который Керрик палкой начертил на земле.

— Мы будем идти так, — объявил он. — Мастодонты будут держаться бок о бок, одной группой. Херилак с частью охотников пойдет впереди, ведь он сакрипекс. Но напасть на нас можно с боков или сзади, а потому мы всегда должны быть настороже. Ты, Келлиманс, с охотниками твоего саммада пойдешь слева. Улфадан справа. Остальные будут сзади, вместе со мной. У всех охотников будут палки, луки и копья. Так мы сумеем защитить саммады.

Тут раздался сигнал тревоги, который подал один из мальчиков, карауливших в лесу. Выставив вперед копья, охотники повернулись на шум. Среди деревьев показался странный охотник. Он стоял неподвижно и смотрел вперед. Судя по его высоким, почти до колен, берестяным поножам, он пришел из-за гор. Навстречу ему отправился Херилак. Когда он приблизился, охотник

нагнулся и положил копьё на землю. Херилак сделал то же самое. Охотник что-то крикнул. Херилак покачал головой и повернулся к своим.

— Он что-то говорит, но я почти ничего не могу понять.

— Пусть говорит Невасфар, — сказал Улфадан. — Он охотился за горами и понимает их речь.

Оставив свое копьё, Невасфар отправился разговаривать с незнакомцем. Все ждали. После коротких переговоров Невасфар сообщил:

— Говорит, что он саммадар по имени Хар-Хавола. Мастодонты этих тану погибли зимой. Им пришлось съесть своих зверей, чтобы выжить. Теперь у них нет больше пищи, и они умрут, когда выпадет снег. Он слышал, что здесь много еды, и просит...

— Нет, — мгновенно ответил Херилак. Охотники согласно закивали.

Услышав это, Хар-Хавола шагнул назад — это слово он понял. Поглядев на суровые лица вокруг, он попытался снова заговорить, но понял, что это бесполезно. Он нагнулся за копьём, и тут его окликнул Керрик.

— Подожди. Невасфар, скажи, чтобы он не уходил. Спроси, сколько охотников в его саммаде.

— Но у нас нет лишней еды, — возразил Херилак. — Он должен уйти.

— Я говорю как маргалус. Слушай! — Херилак покорно умолк. — Сейчас у нас еды больше чем нужно. Мясо мы добыли на охоте и отобрали у мургу. На юге, на травянистых равнинах, охота будет хорошей, мяса будет еще больше. Но там живут мургу, и нам придется защищаться от них. И чем больше охотников будет у нас, тем легче будет отбиваться. Я говорю, пусть они присоединяются к нам, их копыя помогут.

Подумав, Херилак согласился.

— Маргалус прав. Охотников нужно много, придется выставлять стражу и по ночам. И я тоже скажу теперь: пусть они идут с нами. Расскажи ему, Невасфар, куда мы идем и какие опасности нас поджидают. И еще скажи — если его охотники присоединятся к нам, весь его саммад будет сыт.

Услышав это, Хар-Хавола обрадованно выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. Невасфару можно было

не переводить его слова. Все тану, пришедшие из-за гор, хорошие охотники и воины. Они пойдут.

Повернувшись лицом лесу, он крикнул. Из-за деревьев появились испуганные женщины, прижимавшие к себе детей. Сзади шли охотники.

Исхудавшие и изголодавшиеся люди жадно набросились на предложенную им еду. Когда они насытились, колонна двинулась дальше, и постепенно все вышли на равнину.

Там мастодонтов согнали в тесную группу. А Хериллак обратился к саммадарам.

— Охотников стало больше, идти будет спокойнее. Керрик может теперь идти со мной впереди, ведь он маргалус. Пусть Хар-Хавола со своими охотниками замыкает шествие: сзади опасность будет меньше, к тому же у них нет стреляющих палок. Когда охотники разойдутся по местам, выступаем.

Невысокие, поросшие травой холмы простирались до самого горизонта. Кое-где виднелись небольшие деревья, попадались и каменистые участки. Вдали пылило стадо каких-то животных, но расстояние не позволяло разглядеть их, и облако пыли скоро исчезло. Ничто не шевелилось. Простор казался таким мирным. Но Улфадана трудно было обмануть, он озирался вокруг, поглаживая огромный зуб на груди. Все охотники держали оружие наготове, понимая, что попали в совершенно чужие края. Даже мастодонты, казалось, почувствовали всеобщую тревогу. Они задирали огромные хоботы и тревожно трубили.

Внезапно между холмами показались темные пятна. Они быстро приближались, и скоро тану услышали топот. Теперь неведомых зверей можно было разглядеть. Тану еще не встречались с этими длинношеими и длинноногими созданиями. Завидев стоявших людей, они бросились в сторону и пронеслись мимо, оставив за собой облако пыли. За ними гнались хищные мургу.

Когда они увидели людей, один мургу, громко и яростно завизжав, бросился в сторону мастодонтов.

Вскинув оружие, Керрик выстрелил в нападавшего... раз, другой, третий. Мараг злобно завыл, подпрыгнул и упал в траву: начал действовать яд. Он умирал совсем

рядом, и Керрику казалось, что свирепые глаза злобно глядят на него.

Чудовище в агонии дергало когтистыми лапами, пасть раскрылась, рев стал прерывистым. Зловонное дыхание обдало охотников. Мараг умер.

Мастодонты затрубили от страха. Они пятились, вставали на дыбы и могли сокрушить травойсы и всех, кто был неподалеку. Часть охотников побежала успокаивать огромных зверей, другие же остались на местах, держа оружие наготове.

Вскоре опасность миновала. Стадо исчезло вдали, преследуемое хищниками. Керрик осторожно подошел к убитому марагу. Тот лежал неподвижно. Туша его оказалась величиной с мастодонта. Гигант словно был создан для убийства: мускулистые длинные задние лапы, пасть, усеянная остроконечными зубами.

— Можно ли есть его мясо? — спросил Керрика один из охотников.

— Не знаю. Таких я не видел. Сами мургу не едят мяса хищников.

— Тогда идем дальше, — приказал Херилак. — Мы и сами придерживаемся того же обычая. Пусть валяется.

Тану ели мясо хищников лишь тогда, когда голодали. Терпкий, неприятный вкус его не нравился. А сейчас еды хватало, и потрошить мерзкого марага никто не хотел. Поэтому все заторопились в путь. Проходя мимо мертвого животного, мастодонты поднимали хоботы и трубили от страха. Как и тану, слоны тоже хотели побыстрее уйти отсюда.

Равнина кишела жизнью. В воздухе кружили какие-то черные твари, совсем не похожие на птиц. В неглубоком озере медленно двигались какие-то огромные силуэты, и люди опасливо обошли его подальше. Мургу поменьше разбегались с дороги и исчезали в траве. Люди были настороже, оружие было под рукой, но нападений больше не последовало.

Когда они остановились у ручья напоить животных, тени уже стали длиннее. Херилак указал на невысокий холм, густо поросший деревьями.

— Там и остановимся на ночь. Среди деревьев легче укрыться, и вода неподалеку.

Керрик тревожно посмотрел на рощу.

— Мы же не знаем, что может там скрываться, — сказал он. — Не лучше ли оставаться на равнине? Там хотя бы видно, откуда грозит беда.

— Мы уже знаем, что днем равнина кишит мургу, и кто знает, что за твари бродят здесь по ночам.

— Тогда следует проверить, нет ли кого-нибудь в роще.

Они осторожно приблизились к деревьям, но там никого не оказалось. Завидев людей, небольшие мургу разбежались, высоко задрав хвосты. Громко хлопая крыльями и крича, с ветвей поднялась стая птиц, клевавших какие-то плоды. Кроме них в роще не было никого. Можно было спокойно останавливаться на ночлег.

Распряженные мастодонты быстро успокоились и скоро уже принялись обрывать зеленые листья. Мальчишки принесли огонь в обмазанных глиной корзинах. Быстро раскинули шатры. С наступлением темноты лагерь со всех сторон окружили караульные, ночью их сменяют другие охотники.

— Пока мы сделали все, что могли, — произнес Херилак. — Прошел первый день, а мы еще живы.

— Хорошо, если ночь пройдет столь же спокойно, — проговорил Керрик, озабоченно оглядываясь. — Надеюсь, что мы не ошиблись, явившись в эти края.

— Зачем беспокоиться о том, что нельзя было изменить. Решение принимали все. Другого пути не оставалось.

Херилак прав, подумал Керрик, просто я слишком волнуюсь. Он был и саммадаром, и сакрипексом, и знает, что это такое. А я еще не привык командовать.

Поев, он заснул как убитый.

Ночь была угольно черной, но вот звезды Охотника уже исчезли за западным горизонтом, скоро за ними последует Мастодонт. Приближался рассвет...

Херилак прикоснулся к плечу спавшего Керрика.

— Ночью сюда никто не подходил, — проговорил он. — Хотя вокруг хватает всяких тварей. Быть может, этим мургу не нравится наш запах?

Под деревьями шевелились темные силуэты: караульные сменяли друг друга. С вершины холма Керрик поглядел в сторону темной полосы ручья.

— Там водопой, — произнес Херилак, — многие животные пили, но мы не знаем этих зверей.

— Главное, чтобы они не тревожили нас.

Они замолчали. Небо на востоке слегка посветлело — наступало утро.

— Прошел день, прошла ночь, — сказал Херилак, — а мы еще живы. Говорят, что начавшаяся удачно ночевка и заканчивается хорошо. Пусть будет так.

Глава одиннадцатая

Путешественники медленно продвигались на юг весь следующий день, и следующий тоже, а потом и следующий за ним. Из осторожности охотники все еще охраняли на дневных переходах саммады со всех сторон. Но теперь они держались свободнее, а ночью спокойно спали. На равнине было много всякого зверья, по большей части это были травоядные мургу, удиравшие подальше от саммадов с их мастодонтами. Попадались и хищники. Многие из тех, что покрупнее, пытались нападать на людей. Но охотники убивали всех, кто подбирался близко, остальные видели это и старались не следовать примеру нападавших. Охотники понимали, что без оружия мургу тану давно были бы мертвы. И под защитой хесотсанов саммады все дальше и дальше углублялись на равнину.

Тану старались держаться подальше от болот, что тянулись вдоль большой реки, в них медленно плавали какие-то огромные туши. Избегали люди и густых лесов, где пришлось бы пробираться цепочкой и отряд был бы более уязвимым.

Но несмотря на опасности, охотники с нетерпением ожидали новостей, которые приносил каждый день, и допоздна засиживались за разговорами у костров, обсуждая его события. Ведь этот мир был уже частью их жизни. В своих лесах они знали каждого зверя, каждую птицу, их повадки, и умели охотиться на них.

Но теперь они попали в совершенно неведомый мир. Они уже давно пересекли его границы у края лесов, где водились олени и другие знакомые людям животные. А потом вдруг все изменилось: животных, к которым они привыкли, не стало. Только некоторые птицы еще каза-

лись знакомыми, и рыбы в реке не стали другими. Но вокруг кишели мургу в таком количестве и разнообразии, что звать их одним именем более не представлялось возможным. Под ногами в траве сновали ящерицы, ползали змеи, а по траве бродили стада мургу всех размеров и всевозможных цветов. Охотники старались быть особенно осторожными возле стад: около них всегда держались прожорливые хищники.

Как-то раз на одном из громадных разлагавшихся трупов они заметили стаю огромных трупоедов величинной с того раптора, что шпионил за ними. Отвратительные твари с темно-красными гребнями и длинными хвостами подскакивали на длинных ногах и шипели на проходивших охотников. Клювы этих созданий были густо усажены острыми зубами.

Богатые земли, изобилие дичи — если бы они остановились поохотиться, то завалили бы лагерь добычей — и погода, в которую трудно было поверить. Когда тану выступили в поход, листья уже начали опадать и по утрам в шатрах было зябко от первых холодных прикосновений зимы. Но за время похода времена года словно пошли назад, и снова наступило лето! Ночи вновь стали теплыми, а дневная жара заставляла всех стаскивать кожаные одежды и расхаживать в набедренных повязках.

Наконец они пришли туда, где огромная река, вдоль которой они продвигались, впадала в еще более огромную. И хотя только что миновал полдень, Херилак остановил шествие и подозвал к себе Керрика и саммадаров.

— Удобное место для стоянки. Отлогий спуск к реке — легко поить животных. По ночам вода будет надежной преградой. Хорошее пастбище для мастодонтов. Лес рядом, будет хворост.

— Еще рано, — сказал Улфадан. — Зачем остановились?

— Я позвал вас к себе потому, что, выступая в путь, мы уговорились только о том, что пойдем на юг. Мы пришли на юг. Пора выбирать место для зимней стоянки. Подумаем об этом.

— Неподалеку пасется стадо утконосых мургу, — сообщил Келлиманс. — Вкусные, наверно...

— Копейная рука чешется, — добавил Улфадан, щурясь и разглядывая заречные дали. — Сколько дней не охотились. Тогда я объявляю — мы останавливаемся здесь!

Херилак огляделся, охотники согласно кивали.

— Я думаю о мургу-что-ходят-как-люди, — сказал Керрик. — Про них нельзя забывать.

Улфадан фыркнул:

— Но мы давно не видели их огромных птиц. Как они могут узнать про нас?

— Нельзя быть уверенным в том, что они не знают о нас. Саммад Амагаста они выследили и истребили, а птиц у них тогда еще не было. И где бы мы ни остановились, чем бы ни занимались, о них забывать нельзя.

— Так что же скажешь, маргалус? — спросил его Херилак.

— Вы охотники. Если такова общая воля, останемся здесь. Но и ночью, и днем мы должны стеречь берег, чтобы беда не пришла из реки. Смотрите, какая она широкая. К югу отсюда она наверняка впадает в море. А из моря в реку — знакомый путь для мургу, если они сумеют проведать о нашем лагере.

— Маргалус прав! — объявил Херилак. — Будем осторожны. Пока мы в этих краях — пусть на берегу всегда стоит стража.

Глядя на ровный откос, Улфадан нахмурился.

— Мы всегда останавливаемся в лесах, здесь для нас слишком открытое место.

Керрик вспомнил о городе мургу, Алпеасаке. Он тоже стоял на реке, но иилане' хорошо охраняли его.

— Вот как поступают мургу. Чтобы защитить свое селение, они выращивают крепкие деревья и терновые кусты. Деревья... Мы не умеем растить их, но нетрудно нарубить терновых ветвей и соорудить из них стены. Мелкие мургу не пролезут, а больших мы уьем.

— Но раньше тану не делали этого, — возразил Келлиманс.

— Но тану прежде никогда и не заходили так далеко на юг, — отрезал Херилак. — Выполняйте приказ маргалуса!

...Тану собирались провести на этом месте один или два дня, но прошло уже много дней, а они все еще не

трогались с места. В реке было много рыбы, охота была просто великолепной, лучшей они не помнили. Утконосы были здесь столь многочисленны, что с одного края стада нельзя было увидеть другой его край. Глупые твари бегали очень быстро, но их легко было обмануть. Когда перед стадом появлялась группа охотников, утконосы бросались бежать. И если все было сделано правильно, охотникам в засаде оставалось только ждать, держа наготове луки и стрелы — стадо бежало прямо на них. Утконосы оказались не только быстроногими и глупыми, но и очень-очень вкусными.

Охота была богатой, мастодонты были сыты, место для зимовки было прекрасным, а теплынь эту трудно было назвать зимой. Но времена года все же оставались временами года — короткие дни сменялись долгими ночами. А созвездия привычной чередой шествовали в ночном небе. Терновые стены наращивали каждый день, и, ни о чем не думая, охотники все оставались у слияния двух рек.

Женщины тоже были довольны: долгое путешествие закончилось. Приготовление пищи, переходы, погрузка, разгрузка еще недавно занимали чуть ли не все их время. Оседлая жизнь проще: в шатрах все пожитки знали свое место. Повсюду в изобилии попадались желто-коричневые клубни, которых не знали на севере. Когда их запекали в золе, они становились сладкими.

Много надо было сделать, о многом поговорить. Поначалу саммад Хар-Хаволы держался в стороне: говорили они иначе и считали себя чужаками. Но женщины всех саммадов собирали корни вместе и вдруг обнаружили, что могут и поболтать: язык чужаков во многом походил на марбак. Дети поначалу дрались, но когда новички выучились марбаку, о недоразумениях быстро забыли. Были довольны и одинокие женщины — вокруг стало много молодых охотников. Никогда еще не было у тану такого большого зимнего лагеря. Целых три саммада объединились — и жизнь стала разнообразной и интересной.

Даже Армун обрела покой. Женщины не замечали ее более. Три зимы пробыла она в саммаде Улфадана, и все они были горькими для нее. В ее прежнем саммаде

зимой случился великий голод, и ее мать, Шесил, не пережила первой зимы в новом саммаде. А это значило, что, когда отец уходил на охоту, ее некому было защищать. Мальчишки смеялись над ней, и ей приходилось быть осторожной в их присутствии, юные девушки относились к ней не лучше. И когда во вторую зиму отец ее, Бронд, не вернулся с охоты, спасения просто не стало. Но она была сильной девушкой и трудолюбивой, поэтому Меррис, жена саммадара, позволила ей есть у своего костра, но никогда не защищала от постоянных обид. Случалось, и сама Меррис в плохом настроении присоединялась к обидчикам, называвшим девочку в глаза беличьей мордой.

Так с Армун было всегда. Шесил во всем винила себя, потому что однажды во время великого голода убила и съела белку, хотя и прекрасно знала, что женщины не охотятся. Потому-то ее дочь и родилась с раздвоенной как у белки верхней губой. И не только губа ее была раздвояна, но и в нёбе была глубокая щель. Поэтому в младенчестве она трудно сосала, захлебывалась молоком и плакала. А когда начала разговаривать, слова ее звучали очень забавно. И дети стали смеяться над ней.

Они смеялись и теперь — на почтительном расстоянии. Ведь она была молодой женщиной, длинноногой и сильной. И только характер позволял ей не быть всеобщим посмешищем. Даже самые старшие мальчики не смели смеяться над ней. Кулак у нее всегда был наготове, и она знала, куда ударить. Синяки под глазами и разбитые в кровь носы быстро приучили самых злых шутников оставлять эту дикую белку в покое.

Так она и росла, без подруг, одна. На стоянках она старалась прикрывать лицо кожаным воротником или длинными волосами.

И пока она молчала, женщины терпели ее присутствие. Армун слушала их разговоры, училась видеть молодых охотников глазами женщин, запоминала их взволнованные сплетни. В ее группе старшей была Фарлан, и когда в их саммаде появился Ортнар, та быстренько перебралась к нему, не успев даже толком приглядеть-

ся. Обычно девушки знакомились с юношами из других саммадов и каждый год с ними встречались. Обычно. Но теперь все изменилось, и Фарлан первой воспользовалась преимуществами нового положения дел. И пусть молодые женщины не одобряли ее смелости — у нее были теперь шатер и охотник, а у них не было.

Но Армун не завидовала остальным, она просто сердилась. Лес и реку она знала лучше других: мать хорошо учила ее. И она всегда возвращалась с полной корзиной, в то время как другие сетовали на скудость земли. Она была трудолюбива, хорошо готовила, но, несмотря на все это, не могла стать желанной для молодого охотника. И она держалась от людей подальше, чтобы не быть для них предметом забавы. Думая об этом, она всегда начинала сердиться. Они смеялись, увидев ее лицо, они смеялись, услышав ее голос. И она молчала и держалась в сторонке.

По крайней мере пыталась. Но она ела у костра Меррис, а потому вынуждена была подчиняться распоряжениям старшей. Она носила дрова, резала мясо, обжигала руки о жаркое, поворачивая его на угольях. Меррис заботилась о том, чтобы усталых и голодных охотников каждый вечер ожидала добрая еда. А Армун не хотела подвергаться насмешкам и потому находила себе дело, когда охотники собирались возле костра.

...Снега все не было, шли частые дожди. Неприятная погода, но не холодная, всего лишь мелкое неудобство, если сравнить с заледеневшими теперь лесами и глубокими северными снегами. Охота переменилась — стада утконосых ушли куда-то по просторной равнине. Но в лесах, тянувшихся по холмам к востоку, хватало мургу, и отряды охотников уходили все дальше и дальше к горам. Там были свои опасности.

Однажды отряд охотников вернулся уже затемно. Дни стали совсем короткими, опозданиям не удивлялись. Увлечшись погоней, некоторые охотники ночевали в лесу. Но на этот раз было понятно: что-то случилось. Завидев стоянку, охотники разразились громкими воплями, привлекая всеобщее внимание. Некоторые побежали к ним навстречу. Когда вернувшиеся подошли поближе, все увидели, что двоих охотников несут на

носилках из жердей и тонких ветвей. Возглавлял отряд усталый и мрачный Херилак.

— Мы преследовали когтистых бегунов, а коготь-мараг прятался под деревом. Вот что он успел натворить, прежде чем мы убили его. — Первые носилки тяжело опустили на землю. — Вот Улфадан. Он мертв.

Услыхав это, Меррис громко вскрикнула и бросилась к носилкам. Откинув кусок меха, прикрывавший лицо Улфада, она горестно завопила и стала рвать на себе волосы.

Херилак огляделся и, увидев Фракена, поманил его.

— Необходимо все твое умение, целитель. Мараг напал на Керрика и сломал ему ногу.

— Нужны крепкие палки и кожаные ремни. Ты поможешь.

— Я принесу палки, — сказал Херилак и, заметив Армун, стоявшую рядом, приказал: — Принеси мягкой кожи! Быстро!

Закусив губу, Керрик все-таки не сумел сдержать стоны, когда его перекладывали с носилок на землю возле костра. Боль пронзала сломанную ногу. Когда Фракен прикоснулся к ней, боль стала и вовсе невыносимой.

— Херилак, покрепче держи его за плечи, а я вправлю кость, — велел Фракен.

Нагнувшись, он взял Керрика за ногу. Старику не в первый раз приходилось вправлять кости. От дикой боли Керрик потерял сознание.

— А теперь давай палки, чтобы удержать кость на месте, — сказал Фракен и стал бинтовать ногу кожаными ремнями. Все было сделано быстро. — Несите его в шатер и укройте шкурами, он должен лежать в тепле. Помогите нам, девушка.

Вскоре Керрик пришел в себя, ощущая в ноге дергающую боль. Ему стало гораздо легче. Приподнявшись на локтях, он поглядел вниз и увидел две ободранные от коры ветки, прибинтованные к ноге. Кожа была цела. Кто-то пошевелился в темноте.

— Кто здесь?

— Это я, Армун, — нерешительно отозвался женский голос.

Он со вздохом откинулся на спину.

— Принеси мне воды, Армун. И побольше.

Она поспешила наружу, силуэт ее растворился во тьме.

Армун? Керрик не слышал такого имени. И, кажется, не встречал эту женщину. Впрочем, какая разница. Ногу дергало словно больной зуб. В горле пересохло, Керрик закашлялся. Воды, думал он, воды. Прохладной воды.

Глава двенадцатая

Керрик забылся неглубоким сном. На рассвете пульсирующая боль в ноге пробудила его. Повернув голову, он увидел рядом чашу с водой. Выпростав руку из-под шкур, он схватил ее и стал жадно пить. Когда он выпил все, сзади подошла девушка и взяла из его рук чашу. Он не узнал ее — волосы закрывали все лицо девушки. Как ее зовут? Она же говорила.

— Армун?

— Да. Принести еще воды?

— Воды. И поесть чего-нибудь.

Вчера он не ел, мысль о еде даже в голову не приходила. Но теперь проголодался. Девушка повернулась к нему спиной и вышла из шатра. Лица ее он не видел и вообще не представлял себе, кто она. Но голос показался ему приятным. Он уже где-то слышал его... Как больно, надо попытаться устроиться поудобнее... Он слышал этот голос! Но когда и где? Мысль эта не давала ему покоя... И наконец он вспомнил, что так говорили иилане'.

Армун. Последнюю букву он произнес чуть в нос. Он не говорил на языке иилане' так давно, что воспоминания об Алпеасаке нахлынули сами собой.

Девушка вернулась с водой, на плетеном блюде она принесла кусок копченого мяса и положила перед раненым. Обе руки ее были заняты и, нагибаясь, она не успела прикрыть лицо. Керрик увидел ее глаза. Она быстро отвернулась и, стиснув кулаки, ожидала насмешки. Но он молчал. Армун удивилась. Ничего не понимая, она молча смотрела, как голодный охотник рвал зубами мясо. И если бы она узнала, что думает Керрик, то не поверила бы.

Нет, думал Керрик. Я не видел ее. Интересно, почему? Я бы запомнил. Знает ли она, на что похож ее голос? Лучше промолчу, а то она рассердится, узнав, что говорит как мараг. Ее манера разговаривать напоминает мне иилане'. И рот как у иилане'. Эта раздвоенная губа. Так вот почему она мне знакома. Она напоминает мне Инлену<...

Армун сидела за спиной Керрика и удивлялась. Она думала, что молодому охотнику, наверное, слишком больно, иначе он уже смеялся бы над ней или дразнил бы ее. Мальчишки всегда докучали ей своим любопытством и никогда не оставляли в покое. Однажды пятеро юнцов поймали ее в лесу. Она дралась и брыкалась, но они повалили ее на землю. А потом пальцами тыкали в нос и губу и хохотали, пока она не разревелась. Было не больно, а очень обидно. Она была так не похожа на других девчонок. Мальчишки даже не задрали на ней платье, как делали это с теми девчонками, которых им удавалось поймать. Просто тыкали руками в лицо. Она казалась им только забавным зверьком.

Армун так погрузилась в свои горькие думы, что даже не заметила, что Керрик перевалился набок и внимательно наблюдает за нею. Она быстро прикрыла лицо волосами.

— Поэтому я и не узнал тебя, — произнес он. — Ты всегда прикрываешь лицо волосами, теперь я вспомнил.

Она напряженно ожидала насмешки. Но он уселся, глухо застонав от боли, и поплотнее закутался в шкуры — утро было туманным и влажным.

— Ты дочь Улфадана? Я видел тебя возле его костра.

— Нет, мои мать и отец умерли. Меррис разрешает мне помогать ей.

— Мараг бросился на Улфадана и повалил его на землю. Мы кололи его копьями, но опоздали. Он переломил шею саммадару. Огромный мараг. А мне он сломал ногу ударом хвоста. Надо брать с собой побольше стреляющих палок, без них с этими мургу не справиться.

Винить себя ему было не в чем. И в самом деле, он успел уже распорядиться, чтобы каждая группа охотников брала с собой по смертоносной палке. Но в лесу,

среди деревьев, одной палки было мало. Впредь охотники будут брать с собой по два хесотсана.

Едва Армун подошла ближе, все мысли об охоте и мургу исчезли. Она взяла пустую чашку, ее волосы прикоснулись к его лицу, и он почувствовал сладкий аромат. Он никогда еще не оказывался так близко к девушке и заволновался. Невольно вспомнилась Вейнте': на нем и над ним. Отвратительное воспоминание, он постарался не думать о прошлом.

Но с воспоминанием трудно бороться, все было так похоже. И когда Армун потянулась за блюдом, он погладил ее руку. Теплая. Мягкая. Армун, дрожа, замерла, она не знала, что ей делать. Машинально она обернулась, их лица почти соприкоснулись. Он не смеялся, не отворачивался...

Снаружи послышались голоса:

— Как Керрик? — спросил Херилак.

— Я посмотрю, — отозвался Фракен.

Станный момент миновал. Керрик отпустил руку девушки и Армун с блюдом заторопилась наружу.

Мигая подслеповатыми глазами, в шатер вошел Фракен, за ним следовал Херилак. Фракен пощупал кожаные ремни, охватившие ногу Керрика, и удовлетворенно закивал.

— Все идет как положено. Нога останется прямой. Если ремни трут, подложи сухой травы. А теперь я иду петь об Улфадане.

Керрику хотелось быть со всеми, когда старик будет петь. Чем больше охотников станет подпевать ему, тем довольнее будет тхарм Улфадана. Когда охотника отпоют, пустую оболочку — тело Улфадана, обернут в мягкую кожу и подвешат на дерево. Что значит тело, когда его покинул тхарм охотника. Но нельзя оставлять его на земле, чтобы трупоеды не смогли до него добраться.

— Я должен быть там, — сказал Керрик.

— Понимаю, — кивнул Херилак, — но не вставай — растрепожешь ногу.

Они ушли. Армун вернулась и нерешительно замерла рядом. Когда Керрик повернулся к ней, она быстро тронула волосы — хотела прикрыть лицо, но не стала: в глазах Керрика не было смеха. Не было, и она не

спрашивала почему. Только она не привыкла, чтобы на нее глядели.

— Я слушала, когда ты рассказывал, как мургу держали тебя в плену, — пытаюсь спрятать смущение, быстро проговорила она. — А ты не боялся? Ведь ты был один среди них.

— Боялся? Да, сначала, кажется, да. Но я был не один. Они схватили еще одну девочку. Я забыл ее имя. Мургу убили ее. — Жуткая сцена до сих пор стояла у него перед глазами: мараг с окровавленной пастью поворачивается к нему... Вейнте'! — Да, я боялся, очень боялся. Я мог бы молчать, но я заговорил с мургу. Она схватила меня и убила бы, если бы я не заговорил. Я заговорил с перепугу. Только лучше бы я молчал.

— Почему? Ведь это спасло твою жизнь.

Почему? Действительно, он тогда еще не был охотником, который должен спокойно смотреть в лицо смерти. Он был еще ребенком. Только он уцелел из всего саммада. Керрик понял в этот момент: в том, что он тогда заговорил, нет ничего позорного. Он выжил поэтому, выжил, оказался здесь и может говорить с Армун, и она понимает его.

— Конечно, — согласился он, улыбнувшись. — Должно быть, тогда я и перестал бояться. А когда я научился говорить, они позволили мне жить. Иногда я был им необходим.

— А мне кажется — хоть ты был только мальчиком — ни один охотник не смог бы держаться храбрее.

Слова эти почему-то обескуражили его, он и сам не понимал, почему на глаза вдруг навернулись слезы, пришлось даже отвернуться. Какие слезы? Он же охотник. Но разве для слез нет причины? Есть, должно быть. Не те ли это слезы, которых не проронил маленький мальчик, оставшись в одиночестве среди мургу? Впрочем, все это было давно, теперь он уже не маленький... Он взглядел на Армун и взял ее за руку. Она не убрала ее.

Керрик был в смятении. Он не знал, зачем он это сделал, быть может, чтобы передать сильное, непонятное для него самого чувство, которое охватило его, как наедине с Вейнте'. Он не хотел вспоминать о ней, не хотел даже думать об иилане'. Не отдавая себе отчета, он больно стиснул ладонь девушки. Но она не отдернула

руку. Теплота, словно от солнца, охватила его тело. Что-то важное случилось с ним, с ними обоими, и он не понимал...

Но не Армун. Она знала. Она часто слушала молодых женщин и тех, кто постарше, матерей, когда они рассказывали о том, что происходило в шатре наедине с охотником. Она знала, что сейчас будет, и радовалась, отдаваясь переполнявшему ее чувству. Быть может, потому, что она ни на что не надеялась и ничего не ждала. Если бы сейчас была ночь, если бы только им никто не помешал! О дальнейшем женщины рассказывали сдержанно и коротко. Но сейчас день, а не ночь. Но вокруг так тихо. И они совсем рядом. Она тихо шевельнула рукой, высвобождаясь, и Керрик отпустил ее. Она встала, заглянула ему в глаза и отвернулась.

Высунувшись из шатра, Армун огляделась. Поблизости не было никого, не слышно было даже детских криков. Почему?

Ах да, сейчас отпевают Улфадана-саммадара. Вспомнив об этом, она задрожала. И все сейчас там. Все люди саммадов до последнего человека. Они вдвоем с Керриком.

Она решительно вернулась в шатер и опустила за собой полог.

Так же решительно распустив повязки своей одежды, она опустилась перед Керриком на колени и раздвинула укрывавшие его шкуры.

Тело ее было так близко. Нога не давала Керрику шевельнуться, но он и не хотел этого и скоро вовсе забыл про боль. Армун была мягкой, нежной и теплой, волосы ласково прикасались к лицу. Он обнял ее... Теплая... Воспоминания о прохладном теле таяли, отступали. Мягкое тело, теплая плоть, округлая и сладкая, дающая удовольствие. Он еще крепче прижал ее к себе, губы ее шептали ему на ухо речи без слов...

Утреннее солнце над шатром прогоняло и рассеивало туман, согревало воздух.

В сумраке шатра от теплоты соединившихся тел таяла память о грубом и жестком теле, о навсегда чуждых мургу, о непонятной их жизни, и на смену ей приходило чувство бесконечно родного и близкого.

Глава тринадцатая

Entapsosop otoshker<e hespeleiaa.

*Все формы жизни мутабельны,
потому что ДНК бесконечна
во времени.*

Алпеасак кипел жизнью, бурлил от первых лучей солнца до темноты. Там, куда прежде изредка забредали случайные фарги, теперь по просторным переходам нового города расхаживали важные иилане', то и дело проносили паланкины с иилане' высокого ранга, сновали фарги с грузами, поодиночке и толпами, под надежной охраной проходили даже группы самцов, безмолвно, с округлившимися глазами озиравшихся в суете. Гавань заметно расширили, но все-таки ее не хватало, чтобы принимать сразу всех прибывающих. Поэтому приплывавшие из океана огромные урукето вынуждены были заходить в реку и, приткнувшись к берегу, ожидать своей очереди. Когда они наконец подходили к причалам, за разгрузку принимались усердные фарги, которых расталкивали иилане', торопившиеся сойти на берег после долгого пути.

Вейнте' с волнением глядела с балкона на всю эту суету. Гордость чувствовалась в каждом движении ее тела. Ее город, ее труды... Честолюбие ее успокоилось. Наконец Инегбан пришел в Алпеасак. Соединение двух городов воодушевляло, нельзя было противиться этому чувству. Юная прыть Алпеасака сливалась с мудростью тысячелетий, прожитых Инегбаном. В союзе обоих городов рождалось нечто высшее. Мир словно рождался

заново, яйцо времен спасено — и все возможно, и все впереди прекрасно.

Лишь одна тень затмевала солнечные перспективы, но Вейнте' об этом не думала: она собиралась заняться этим позже. Она хотела просто нежиться под лучами славы на пляжах успеха. Она крепко ухватилась всеми большими пальцами за толстый сук, ограждавший балкон, и так было велико ее возбуждение, что она машинально замаршировала на месте.

Кто-то окликнул ее. Вейнте' в рассеянности повернулась и увидела рядом на балконе Малсас<. И велика была радость Вейнте', что есть на нем место еще для одной иилане', которая может разделить ее чувства.

— Взгляни, эйстаа, — с гордостью в каждом движении заговорила Вейнте'. — В Инегбан зима не придет. Инегбан уйдет от нее к вечному лету, в эти края. Теплые и благодатные, как в Энтобане. Вечно будет расти и цвести новый город.

— Так, Вейнте', ты говоришь правду. Мы жили порознь, и сердца наши бились по-разному, и города были далекими и чужими. А теперь мы — одно целое. И я тоже чувствую, что наша сила беспредельна, что мы можем все. И мы сделаем все, что возможно. Но не подумаешь ли ты еще раз о том, чтобы сесть рядом со мной, чтобы думать со мной? Ведь Сталлан и сама сумеет повести фарги на север, чтобы стереть с лица земли этих устузоу, оскверняющих северные земли.

— Быть может, и сумеет. Но мне известно, на что я способна и что я могу сделать. — Быстрым движением Вейнте' провела пальцем между глазами. — Я словно раздвоилась. Теперь, когда здоровье вернулось ко мне, ненависть, что переполняла меня, отхлынула вглубь — и окаменела, сжалась в твердый комок. Сталлан способна раздавить червей-устузоу. Но чтобы растаял комок ненависти, я должна отдать ей приказ. Лишь когда они все погибнут, когда умрет это создание, которое я воспитала и выпестовала — только тогда исчезнет камень. Только тогда смогу я исцелиться и, как подобает, сесть возле тебя. Но сначала я должна отомстить.

Малсас< сделала жест вынужденного согласия.

— Ты нужна мне, но не такой. Уничтожь устузоу, уничтожь этот камень. У Алпеасака много времени.

Вейнте' выразила благодарность и понимание.

— Сейчас мы собираем силы и нападём на них, когда на севере потеплеет. Холод, изгнавший нас из Инегбана, теснит на юг и устузоу. Зимние холода помогают нам. Устузоу приходят охотиться в края, где до них так легко добраться. И когда настанет время, они умрут. А мы, как волна, прокатимся над трупами устузоу дальше на север — чтобы губить остальных. И наконец мы раздавим этих червей.

— Лодки тебе не понадобятся? Ты говорила что-то о нападении с суши?

— Нас будут ждать с воды. Устузоу не знают, что теперь у нас есть уруктоп и несколько таракастов. Ваналпе' ездила за ними в Энтобан, в далекий город Месекен, где вдали от океана используют этих животных. Она рассказала там о нашей беде, о зловредных устузоу, и ей дали лучших производителей. Уруктопы вырастают меньше чем за год. Все они уже подросли, набрались сил. Таракасты крупнее, они растут дольше. Ваналпе' взяла и несколько молодых животных, они тоже пригодятся. Мы нападём на устузоу с суши. Теперь ими командует то самое существо, что убежало от меня, и оно со всей своей стаей на юге. Я видела его на снимках, он умрет первым. Потом все будет проще.

Уставившись в одну точку, Вейнте' тщательно продумывала свою месть — она выбрала ужасную смерть для ненавистного устузоу. Думы ее потемнели, но оказалось, что темное облако набежало на солнце и бросило тень на Алпеасак. Облако покрыло обеих иилане', но еще более густая тень росла в груди Вейнте' — память о беде, большей, чем устузоу. Так часто случается: день, начавшийся солнечным утром, завершается ночью тьмой. И тьма эта всегда с ними обеими в этом городе света.

Внизу друг за другом брели связанные иилане'. Первая из них огляделась по сторонам, посмотрела вверх. Спокойный взгляд ее вдруг обратился к стоявшим на балконе. Впрочем, расстояние не было столь уж большим, и она узнала их, узнала Вейнте'. Рука ее поднялась

в быстром радостном приветствии эфенселе к эфенселе: не останавливаясь, она пошла дальше.

— Она же из моего эфенбуру, — с горечью произнесла Вейнте'. — Этой тяжести с меня никто не снимет.

— Вина не твоя, — ответила Малсас<. — И в моем эфенбуру есть Дочери Смерти. Недуг этот поражает многих.

— Возможно и исцеление от этой болезни. Не смею говорить об этом здесь, чтобы нас не подслушали. Скажу одно — у меня есть основания для надежды.

— Знаю, — ты первая во многом, — с искренностью в каждом движении проговорила Малсас<. — Сделай это. Найди исцеление — и выше тебя никого не будет.

Энге вовсе не имела желания приветствовать свою эфенселе, жест получился сам собою. Она сразу же поняла свою ошибку, Вейнте' ни в коей мере не будет обрадована этим. В присутствии эйстаа она могла счесть приветствие оскорблением. Энге не хотела этого. Ошибка ее не была преднамеренной.

Цепочка пленниц остановилась перед закрытыми воротами, ожидая разрешения войти. Разрешения войти в тюрьму... на свободу. Там они могли быть вместе, там они могли верить в истину и — что более важно — разговаривать об истине.

Среди Дочерей Жизни Энге не связывало обязательство не говорить о своей вере с другими иилане'. Когда Инегбан явился в Алпеасак, с ним пришел и тяжелый груз, сгибавший его шею. Верующих стало так много, что для них соорудили целый район, огражденный, чтобы духовный яд не растекался.

Правительниц, пребывавших снаружи за крепкими стенами, не заботило, о чем говорят Дочери внутри стен. Лишь бы крамольные мысли оставались в кольце стен за терновыми иглами.

К Энге, трепеща всем худощавым телом, поспешила эфенате.

— Там Пелейне', — объявила она. — Она говорит с нами, отвечает на вопросы.

— Я присоединюсь ко всем, — отвечала Энге, скрывая озабоченность неподвижностью тела.

Учение Угуненапсы всегда было понятно ей: луч света в темных джунглях смятения. Но другие относились к нему иначе, по-разному комментировали и толковали заповеди Угуненапсы. Но Угуненапса заповедывала в сущности одно: право разума на свободу, на познание всего, а не только силы жизни и смерти. Энге принимала эту свободу, но некоторые из толкований идей Угуненапсы до сих пор смущали ее, а более всех — толкования Пелейне'.

Та стояла на высоком корне над головами собравшихся — чтобы все понимали смысл ее речи. Подойдя к толпе, Энге, как и все, уселась на свой хвост и прислушалась. Пелейне' говорила в модной ныне манере, задавая себе вопросы и тут же отвечая на них.

— «Угуненапса, — спросила фарги, еще не обсохшая от волн морских, — Угуненапса, что отличает меня от каракатицы в море?» И ответила Угуненапса: «Дочь моя, разница в том, что ты знаешь еще и о смерти, а морская каракатица только о жизни». «Но зная о смерти, что могу я знать о жизни?» И ответ Угуненапсы был прост и так ясен, что, повторяя его хоть от яйца времен, он будет чистым звоном звучать в наших ушах и завтра, и послезавтра. И ответ этот поддерживает нашу жизнь: «Памятуя о смерти, познаем мы границы жизни и живем, когда умирают другие. Такова сила нашей веры, такова наша вера, в которой наша сила». И тогда еще не обсохшая фарги в простоте своей спросила: «Вот каракатица — я съела ее. Не я ли принесла ей смерть?» И ответ ей был: «Нет, ибо плотью своей каракатица поддерживает жизнь в твоем теле и не может умереть, ведь она не знает о смерти».

Толпа собравшихся отозвалась согласным ропотом. Энге восхитилась простотой и изяществом мысли и на миг позабыла собственное сдержанное отношение к говорившей. пылая рвением, какая-то любознательная иилане' в толпе воскликнула:

— Мудрая Пелейне', а что если каракатица оказалась бы такой огромной, что угрожала бы твоей жизни, а вкус ее был бы настолько отвратительным, что мясо ее нельзя было даже взять в рот? Что тогда? Следует

ли допустить, чтобы тебя съели или можно убивать не только ради пропитания?

Пелейне' согласилась, что задача эта отнюдь не проста.

— Теперь поразмыслим над идеями Угуненапсы. Она открыла нам, что внутри каждой из нас находится вещь, которую нельзя увидеть, но она-то и позволяет нам говорить, ее присутствие отличает нас от неразумных зверей. Эта вещь драгоценна, ее следует оберегать, и, чтобы сохранить ее, не возбраняется убивать. Но в остальном мы Дочери Жизни и должны сохранять жизнь!

— А если каракатицы умели бы разговаривать? — выкрикнули в толпе.

Вопрос этот волновал всех. Дочери разом притихли.

— Угуненапса не говорила об этом, она не слыхала ни о говорящих каракатицах, — Пелейне' перешла прямо к сути, — ни о говорящих устузоу. Поэтому мы должны понимать подлинный смысл речей Угуненапсы. Разве только речь позволяет нам знать о жизни и помнить о смерти? А если устузоу разговаривают, но не ведают о смерти? Если это так, то можно убивать говорящих устузоу — это мы знаем разницу между жизнью и смертью, но не устузоу. Нам придется решать.

— Нельзя решать! — возмущенно крикнула Энге. — Нельзя решать, пока мы не убедимся, что не нарушаем учение Угуненапсы.

Обратившись в ее сторону, Пелейне' выразила согласие и беспокойство.

— Энге права: пока это не ясно. Можно предположить, что устузоу догадываются о разнице между жизнью и смертью. Но мы-то уверены в наших знаниях. С одной стороны, здесь уверенность, а с другой — догадки. Но жизнь превыше всего, и приходится предпочитать уверенность, отвергая сомнение. Другого пути нет.

Последовали новые вопросы, но Энге не слышала их, не хотела слышать. Она никак не могла отделаться от ощущения, что Пелейне' ошибается, но не могла понять, на чем основывается ее уверенность. Придется обдумать. Найдя тихое местечко, она погрузилась в раздумья.

И настолько глубоко она ушла в себя, что даже не заметила расталкивающих толпу стражниц, собиравших группу рабочих. Не слышала она и негромких криков протеста, когда Пелейне' отправили на работу, словно простую Дочь. Работниц связали цепочкой и повели.

Тех, кто был возле Пелейне', не связали, как остальных: их брали на различные работы малыми группами. В конце концов Пелейне' осталась одна. Стражу отослала прочь важная иилане', и кружным путем повела Пелейне' по городу к известной ей двери. Пелейне' скорбно вступила в нее — подобное уже случалось, и она не была уверена, что поступает правильно. Но пока она решила не протестовать и не противиться. Она нерешительно вошла и затворила за собой дверь. В комнате была одна единственная иилане'.

— Поговорим, — сказала Вейнте'.

Пелейне' стояла, опустив голову и нервно перебирая пальцами.

— Мне кажется, что я поступаю неправильно, — наконец произнесла она. — Мне не следует здесь бывать и говорить с тобою.

— Чувства твои не имеют значения. Я просто хочу услышать твои речи. Разве Дочь Жизни не должна говорить с другими, разве она не обязана нести им свет?

— Так. Неужели ты тоже просветилась, Вейнте'? Ты называешь меня Дочерью Жизни, а не Дочерью Смерти, потому что тоже поверила?

— Не совсем, но говори со мною. Чтобы присоединиться к вам, я должна выслушать все твои аргументы.

Пелейне' выпрямилась, сомнение проглядывало в каждом ее движении.

— Но зачем тебе я, если ты не разделяешь наши убеждения? Или ты хочешь, чтобы я внесла раздор в ряды Дочерей? Я ведь и сама иногда ощущаю сомнения.

— Я хочу правды. Я хочу, чтобы ты поняла: устузоу, которые убивают иилане', заслуживают смерти. Это справедливо. Но я не прошу тебя отказаться от твоих убеждений. Мне нужна только ваша помощь в справедливой войне. Наш город будет спасен. Эйстаа снимет с вас путы, и вы вновь станете законными жительницами. И веру вашу признают, раз она не будет угрожать существованию Алпеасака. И ты станешь тогда истин-

ной предводительницей Дочерей Жизни, не отказываясь от своих убеждений ни в чем, не отойдя от учения Угуненапсы.

— Но я сомневаюсь, — в смятении произнесла Пелейне'. — Если устузоу умеют разговаривать, они могут знать о смерти, а значит, и понимать смысл жизни. А тогда я не могу участвовать в их истреблении.

Вейнте' порывисто шагнула вперед, так что руки их почти соприкоснулись, и с пылом заговорила:

— Это же просто звери. Одного из них мы обучили говорить, как учат лодку отвечать на команды. Одного сумели мы выучить — и только. Остальные просто рычат, как дикие звери. И теперь он, которого мы выучили словам, убивает иилане' подобно болезни. Их следует истребить всех до единого. И ты поможешь в этом. Ты выведешь Дочерей Смерти из тьмы незнания, и они станут поистине Дочерьми Жизни. И ты сделаешь это. Обязана сделать.

Говоря это, она ласково прикоснулась к пальцам Пелейне', как это делают лишь эфенселе. Подобная милость со стороны высочайшей была намеком на то, что в случае согласия ранг Пелейне' мог повыситься.

— Ты права, Вейнте', права. Все будет сделано, как ты приказываешь. Дочери Жизни забыли про жизнь своего народа. Нам надо вернуться, вновь стать его частью. Но мы не должны сойти и с истинного пути.

— Такого не случится. Верьте как верили, и никто не будет мешать. Дорога перед вами, и ты поведешь Дочерей по пути к лучезарному будущему.

Глава четырнадцатая

Это был первый лук Харла, и он страшно гордился им. Дядя его, Надрис, взял мальчика в лес. Там они выбрали нужное деревце с тонкой корой и упругой прочной древесиной. Выбрал Надрис, но Харл сам срубил тонкий ствол, не сразу одолев упругую сердцевину. Затем под тщательным руководством Надриса он содрал зеленую кору, обнажив белую влажную поверхность. А потом пришлось ждать, и это было хуже всего. Надрис повесил палку сушиться в своем шатре. Там она и висела, пока наконец не высохла. Тогда началась работа, и Харл молча следил, как Надрис строгают палку краем острого камня. Он обтесал концы лука, прорезал в них бороздку для тетивы, которую свил из длинных и прочных волос, взятых из хвоста мастодонта. Но и тогда, когда тетива оказалась на месте, Надрис не был удовлетворен: попробовав натянуть лук, он снова снял тетиву и принялся строгать.

Наконец все было закончено. Лук делали для Харла, и право выстрелить из него первым принадлежало ему. Изо всех сил он натянул, а потом отпустил тетиву. Стрела полетела прямо, не вихляясь, и с громким стуком вонзилась в ствол дерева.

Это был самый долгий и счастливый день в жизни Харла. Теперь у него есть лук, он выучится стрелять, скоро его возьмут на охоту. Этот первый, самый важный шаг уводил мальчиков тану из детства в мир охотников.

...Рука его устала, пальцы он успел сбить, но мальчик не останавливался. Его лук, его праздник.

Он хотел побыть наедине со своим оружием, а потому ускользнул от мальчишек в небольшую рощицу неподалеку от стоянки. Весь день он провел подкрады-

ваясь к затаившейся среди деревьев воображаемой дичи, всаживал стрелы в ни в чем не повинные стволы, словно в оленей.

Когда стемнело, он с неохотой опустил лук и пошел к шатрам. Он проголодался и думал теперь только о жареном мясе. Скоро он сам пойдет на охоту добывать мясо. Олень — прыг, стрела — вж-ж-ж, бах! Готово! Скоро.

В ветвях над головой что-то зашелестело, мальчик замер. На фоне темнеющего неба, виднелся силуэт. Он пошевелился, вновь послышался тот же шорох. Большая птица.

Противиться искушению просто не было сил. Он мог промахнуться во тьме, мог потерять стрелу. Но ведь он сам ее сделал и всегда может смастерить такую же. Но если он попадет, птица станет его первой добычей. Первый день с луком, первая добыча. Мальчишки всем по-другому станут относиться к нему, когда он гордо пройдет между шатрами со своим трофеем.

Он медленно и неторопливо наложил стрелу на тетиву, согнул лук, поглядел вдоль стрелы на темный силуэт среди ветвей и разжал пальцы.

Вскрикнув, птица свалилась вниз. Зацепилась крылом за сук над головой Харла и повисла на тонких веточках. Встав на цыпочки, он едва сумел достать ее концом лука. Наконец сбросил птицу на землю. Стрела пробила туловище, круглые мертвые глаза птицы глядели на него. Испуганно охнув, Харл отступил на шаг.

Сова... Он убил сову...

И почему он сперва не подумал? Мальчик даже застонал от ужаса. Как это он не догадался? Ну кто же еще летает по ночам? Сов нельзя убивать, а он убил. Прошлым вечером старый Фракен копался в извергнутом совой меховом шарике, трогал крошечные косточки, и они говорили ему о будущем, об удачной охоте. За гаданием старик все толковал о совах — единственных птицах, летающих по ночам, что провожают тхармы мертвых охотников на небо.

Сову нельзя убивать.

Он, Харл, убил сову.

Быть может, никто не узнает, если он просто зароет птицу. Он судорожно заскреб ладонями по земле, потом остановился. Не к добру. Совы узнают. Совы запомнят. И его собственный тхарм когда-нибудь не найдет провожатого, потому что звери не забывают никогда. Со слезами он склонился над мертвой птицей, потянул за стрелу. А потом нагнулся, вглядываясь в распростертое тело.

...Когда прибежал мальчишка, Армун сидела у огня. Он стоял и ждал, пока она обратит на него внимание, но она не торопилась замечать его и долго возилась с огнем. Теперь она была женщиной Керрика и узнала тепло и радость. Женщина Керрика. Мальчишки не осмеливались теперь смеяться над ней, ни один палец не показывал в ее сторону. Лицо она более не прятала.

— Ну что? — спросила она, стараясь быть строгой, но все-таки не сумела не улыбнуться от переполнявшего ее счастья.

— Это шатер маргалуса? — дрогнувшим голосом проговорил Харл. — Не поговорит ли он со мною?

Керрик слышал их голоса. Он медленно поднялся на ноги — сломанная нога срослась, но еще болела, когда он наступал на нее — и вышел из шатра. Харл повернулся к нему. Лицо мальчика осунулось и побледнело, на щеках виднелись следы слез.

— Ты маргалус и знаешь все о мургу, так мне говорили.

— Чего ты хочешь?

— Пожалуйста, пойдем со мной, это важно. Я должен кое-что тебе показать.

Керрик знал, что вокруг много странных зверей. Мальчик, должно быть, нашел что-то совсем непонятное. И поначалу Керрик хотел отослать его. Потом передумал. Быть может, мальчик нашел что-нибудь опасное, надо взглянуть. Керрик кивнул и последовал за мальчиком. Когда они отошли так, что Армун не могла их услышать, Харл остановился.

— Я убил сову, — сказал он дрогнувшим голосом.

Керрик удивился, потом вспомнил истории, которые рассказывал о совах старый Фракен, и понял, почему так испугался мальчик. Надо как-то подбодрить его, но только не подрывая веру в откровения Фракена.

— Это плохо, — проговорил Керрик, — только не надо так горевать.

— Я не об этом. На сове есть что-то еще.

Харл нагнулся и потянул из-под куста за длинное крыло тела совы, потом поднял, чтобы ее было видно в свете ближайших костров.

— Поэтому я пришел к тебе, — проговорил Харл, указывая на черную шишку на ноге птицы.

Керрик нагнулся поближе. Свет костра отразился во внезапно открывшемся глазе.

Керрик медленно выпрямился и обеими руками взял птицу у мальчика.

— Ты сделал правильно, — произнес он. — Сов нельзя убивать, но это не такая сова, которых мы знаем, — это сова мургу. И ты правильно сделал, что убил ее и принес мне. А теперь — беги, быстро отыщи охотника Херилака и приведи к моему костру. Расскажи ему, что ты увидел на ноге этой совы.

Услыхав про добычу мальчика, пришли Хар-Хавола и Сорли, ставший саммадаром вместо Улфадана. Они глядели на мертвую птицу и на живого марага, черными когтями охватившего ее ногу. Глаз открылся, поглядел на него и закрылся вновь — Сорли поежился.

— Что это значит? — спросил Херилак.

— Это значит, что мургу знают, где мы, — ответил Керрик. — Они больше не посылают рапторов выслеживать нас, потому что огромные птицы часто не возвращаются. А сова летает ночью, видит во тьме. — Он ткнул пальцем в черную кожу, дрогнувшую от прикосновения. — Этот мараг тоже видит во тьме. Он видел нас и сообщил мургу. Он видел нас много раз.

— И это значит, что мургу могут быть уже в пути, что они уже готовы напасть? — утрюмо проговорил Херилак.

Керрик мрачно качнул головой.

— Не могут — готовы уже. Здесь тепло, несмотря на зимнее время. Они разыскали нас: совы донесли им, где лагерь. Они будут мстить, в этом не приходится сомневаться.

— Что же нам делать? — спросил Хар-Хавола, оглядывая звездное небо. — Уходить на север? Но до весны еще далеко.

— Наверное, придется, весна там или нет, — ответил Керрик. — Следует подумать об этом. А пока позаботимся, чтобы нас не застали врасплох. Вдоль реки на юг пойдут быстрые скороходы. Они сделают один, даже два дневных перехода и будут следить за рекой. Если покажутся лодки мургу, они немедленно известят нас.

— Сигурнас и Переманду, — произнес Хар-Хавола, — самые быстрые в моем саммаде. Они гоняли оленей в горах и бегают быстрее оленя.

— Пусть уйдут на рассвете, — решил Херилак.

— Не все мои охотники вернулись, — сказал Сорли. — Они зашли далеко и заночевали. Нельзя уходить, пока они не вернутся.

Керрик смотрел в огонь, словно пытался найти в нем ответ.

— Я чувствую, больше ждать нельзя. Мы должны уходить на север сразу, как только вернутся твои охотники.

— Там все замерзло, охота плохая, — возразил Хар-Хавола.

— Пища у нас есть, — отвечал Керрик. — Мясо, добытое нами, и мясо в пузырях, отобранное у мургу. Съедем его, будем жить. Но если мы останемся, они убьют нас. Я чувствую это, я знаю это. — Он показал на мертвую сову и существо, приникшее к ее ноге. — Они следят. Они знают, где мы. Они придут, чтобы убить нас. Я знаю их, знаю ненависть мургу. Мы погибнем.

В эту ночь тану спали тревожно, и с первыми лучами солнца Керрик проводил Сигурнаса и Переманду. Берестяные поножи защищали ноги стройных и высоких охотников от низких веток.

— Оставьте копья, чтобы они не мешали вам, — велел Керрик. — Возьмите копченого мяса и эккотаца на три дня. Копья не нужны — вам не придется охотиться. Вы будете наблюдать. У вас будут луки и хесотсаны для защиты. Пойдете на юг вдоль реки, даже если этот путь будет длиннее. Идите с утра и дотемна и ночуйте возле реки. Возвращайтесь на третий день, если мы не пошлем за вами раньше. Мы не задержимся здесь. Все время следите за рекой и сразу же возвращайтесь, если увидите мургу. Торопитесь, если вы их увидите.

...Охотники бежали легким размеренным шагом. Небо заволокло тучами, день был прохладным, бежать было приятно. Они рысили вдоль берега широкой реки, когда приходилось — пересекали отмели или лезли на крутые берега. Но не сбивались с пути ни на шаг. На реке никого не было.

Когда солнце поднялось высоко, вспотевшие охотники остановились, напились воды из чистого ручья, падавшего водопадом по каменистому берегу и окунулись в реку. Омыв лица, пожевали копченого мяса, задерживаясь они не стали.

После полудня они добрались до места, где река выписывала широкую дугу по равнине. Вся петля была отлично видна с берега.

— Можно сократить путь, если пересечь излучину здесь, — сказал Сигурнас.

Переманду стер пот с лица тыльной стороной ладони.

— Можно... но так мы не увидим воду. Они могут проплыть мимо, а мы не заметим. Надо держаться реки.

Поглядев на юг, они заметили ползущее по земле облако пыли. Оно приближалось, росло... Такого им еще не приходилось видеть.

— Что это? — спросил Сигурнас.

— Пыль, — отвечал Переманду, известный острым зрением. — Облако пыли. Не стадо ли утконосов... большое стадо?

— Сколько охочусь, такого не видел. Слишком большое, слишком широкое и быстро приближается.

Облако пыли подступало, и наконец охотники различили перед ним спасавшихся бегством животных. Некоторые звери забежали далеко вперед, и Переманду, прикрыв ладонью глаза, пытался разглядеть их.

— Это мургу! — внезапно закричал он с ужасом. — Мургу со смертоносными палками! Бежим!

И они побежали назад вдоль берега, такие заметные в невысокой жухлой траве. Позади них слышались хриплые вопли, топот тяжелых ног, резкий треск.

Сигурнас споткнулся и упал. И Переманду успел заметить иглу, воткнувшуюся в его шею сзади.

Спасения не было. Переманду упал — засохшая глина обломилась под его ногами. Он падал с высокого обрыва.

Перевернувшись в воздухе, его тело с плеском ушло под воду.

Два огромных зверя замедлили бег на краю обрыва, наездницы иилане' слезли с высоких седел и постояли, вглядываясь в мутную воду. Ничего не было видно. Но они смотрели долго. Потом первая направилась назад к таракасту.

— Передай Вейнте'... — сказала она. — Скажи ей, что нам попались два устузоу. Оба мертвы. Остальные не узнают о нас. Мы нападем на них внезапно, как она приказала.

Глава пятнадцатая

Далекие крики мгновенно разбудили Керрика. Он сел, вглядываясь в темноту из-под полога. Армун тоже шевельнулась. Что-то пробормотав во сне, она всем теплым телом прижалась к нему. Крики стали громче. Керрик отодвинулся от женщины, на ощупь отыскал среди шкур одежду.

Откинув полог, он увидел бежавших к нему охотников. Они держали факелы, двое из них тащили что-то тяжелое.

— Это Переманду, — произнес Херилак. — Он бежал весь день и большую часть ночи.

Переманду был в сознании, но совершенно обессилел. Его поднесли к Керрику и осторожно усадили на траву. В пляшущем свете факелов кожа его казалась бледной, вокруг глаз чернели круги.

— Идут... — хрипло выдавил он. — С юга... Сигурнас погиб.

— У реки выставлена охрана? — быстро спросил Керрик.

Переманду вяло качнул головой.

— Не по воде. По берегу.

— Бегите! — приказал Херилак охотникам, принесшим Переманду. — Разбудите всех! Саммадаров скорей сюда!

Выскользнув из шатра, Армун склонилась над Переманду, поднесла к его губам чашу с водой. Он жадно осушил ее и быстро заговорил.

— Мы следили за рекой, но они пришли по суше. Сперва было облако пыли, громадное, мы еще не видели такого. А в нем — мургу, их нельзя сосчитать, и они бежали, а на спинах сидели мургу со своими разящими

палками. Другие мургу с палками ехали на верховых мургу впереди, эти были и покрупнее, и побыстрее. Мы побежали, нас увидели. Сигурнаса убили. А я нырнул в реку и, задержав дыхание, поплыл вниз по течению. Выбрался из воды, когда они ушли. Я долго сидел под водой.

Пока он рассказывал, поспешно подошли саммадары, собирались охотники, все молча слушали. Свет факелов освещал мрачные лица.

— Когда я вылез из воды, их уже не было. По долине катилось облако пыли. Они удалялись очень быстро. Я последовал за ними. Они оставили за собой широкую полосу вытоптанной травы, обильно усеянную пометом мургу. И я бежал, пока не опустилось солнце. Тогда я увидел, что они остановились у реки. Остановился и я, но близко не подходил. Маргалус говорил, что они не любят ночей и в темноте не ходят. Вспомнив об этом, я дождался темноты. И когда стало темно, я обошел их с востока. Больше я их не видел. Я бежал, не останавливаясь. И я прибежал, и я здесь. А Сигурнас мертв.

Утомленный долгой речью, он вновь опустился на землю. Слова его рождали ужас, все слушали с трепетом, ибо смерть шла к стоянке.

— Они нападут на нас, — сказал Керрик. — Нападут на рассвете. Они точно знают, где мы. Они все тщательно продумывают заранее. Они спрятались неподалеку и нападут на рассвете.

— Надо защищаться, — сказал Херилак.

— Нет! Здесь оставаться нельзя. — Керрик говорил быстро, почти не думая, слова сами срывались с языка.

— Если мы тронемся с места — они атакуют нас на ходу, — возразил Херилак. — Мы не сможем защищаться, и нас убьют, едва мы побежим. Лучше остаться здесь.

— Слушайте все! — объявил Керрик. — Мургу хотят, чтобы мы оставались на месте. Они все предусмотрели. Можете не сомневаться, они продумали все, во всех подробностях и деталях, чтобы перебить нас всех до единого. Давайте подумаем, как нам уцелеть. О чудовищах, на которых они ездят, я не слыхал. Но это ничего не значит. Мир мургу велик. В нем наверняка

есть неведомые нам мургу, о существовании которых мы понятия не имеем. Но теперь мы знаем о них, мы предупреждены... — Он огляделся. — Мы остановились здесь, потому что тут легче сдерживать атаку со стороны реки. ...А по воде они не идут? Лодок не видел?

— Нет, — ответил Переманду. — Не видел. Их много, как птиц, собравшихся осенью к отлету. Их не пересчитать, словно листья в лесу.

— Нашу терновую ограду можно затоптать, — сказал Керрик, — и нас вместе с ней. Надо немедленно уходить на север, здесь нельзя оставаться.

Воцарилась тишина. Никто не хотел говорить, слишком уж неожиданным оказалось это событие. Люди смотрели на вожаков. Саммадары смотрели на Херилака. Решать предстояло ему. Лицо его было суровым и строгим: он отвечал за всех. Оглядев собравшихся, он встал и тупым концом воткнул копьё в землю.

— Уходим. Маргалус прав. Если останемся, то всех ждет смерть. В следующий раз выберем для стоянки место получше. Осталась половина ночи. Надо использовать темноту. Собирайте шатры.

— Нет, — перебил его Керрик. — На это уйдет время, которого у нас и так мало. К тому же под тяжестью шатров травойсы станут неповоротливыми, и мы не сможем идти быстро. Берем только оружие, одежду, еду и ничего больше.

Женщины со страхом слушали, некоторые начали голосить.

— Шатры сделаем новые, — произнес Керрик. — А жизни? Сажайте на травойсы детей. Пусть шатры остаются. Мургу не знают, что в них никого нет. Они нападут на них, потратят иглы впустую. А у нас прибавится времени. Я сказал.

— Делайте, как велел маргалус! — приказал Херилак, поднимая копьё. — Идем!

Просыпаясь, мастодонты жалобно трубили, их расшевеливали жестокими ударами по губам. Перед шатрами торопливо разожгли костры и при свете пламени быстро запрягали слонов в травойсы. Керрик велел Армун грузить волокушу, а сам поспешил в голову собиравшейся колонны к Херилаку.

Он указал на север.

— Помнишь, там земля поднимается, холмы поросли лесом, повсюду скалы, камень гор протыкает небо. Идем туда, если нас не настигнут на полпути. Там можно отыскать и место для обороны.

Взошла луна, и рассвет заметно приблизился. Тану двинулись цепочкой. Мастодонты недовольно повизгивали, когда их заставляли бежать. Охотники бежали рядом. Они долго охотились здесь и знали каждый холм и ложбину. Саммады шли на север самым коротким и удобным путем.

Когда забрезжил рассвет, никто уже не бежал. Мастодонты устали и шагали с трудом, усердно переставляя огромные ноги. Охотники то и дело оглядывались, но позади никого не было. Пока. И поход продолжался.

Люди шли долго и устали, наконец Херилак велел остановиться.

— Пейте, отдыхайте, — приказал он, ожидая, пока подтянутся последние. И поманил к себе Переманду. — Ты знаешь, как далеко были мургу от нашего лагеря. Как ты думаешь, они уже добрались до него?

Поглядев на юг, Переманду задумчиво прищурился.

— Я потратил много времени, но они двигаются быстрее. Скоро они будут там.

— А потом и здесь, — мрачно проговорил Херилак. Он взглянул на восток. — Там, — показал он, — там найдется и место для обороны. Идем.

Вскоре местность начала повышаться, и усталые мастодонты замедлили шаг. Пришлось их подгонять. Путь пролегал по долине, по дну которой змеился ручей.

Херилака окликнул один из разведчиков, бежавших впереди.

— Дорога становится круче. Скоро по ней трудно будет идти.

Херилак на ходу подозвал к себе саммадаров и показал на крутой скалистый склон. Его верхушка поросла лесом.

— Вот куда нам надо забраться. Если мы засядем там, наверху, они не смогут напасть на нас с тыла. Они пойдут вверх по склону, по открытому месту, а мы спрячемся среди деревьев. Там мы разобьем лагерь.

Керрик выслушал саммадара с чувством облегчения. После долгой ходьбы нога его сильно разболелась, и теперь каждый шаг давался с трудом. Но времени на жалость к себе не оставалось.

— Хороший план, — одобрил он. — Звери устали и далеко не уйдут. Их надо завести поглубже в лес — чтобы поели и отдохнули. И женщин с детьми. Если мургу столько, сколько сказал Переманду, всех их не перебить. Хорошо, если мы остановим их. Что ты скажешь на это, Херилак?

— Я скажу, что слова твои для меня словно камень на шее. Но я согласен с тобой. Ты прав. Будем ждать нападения на опушке леса. А слоны уйдут дальше. Хар-Хавола! Пока еще светло, пошли лучших скороходов из твоего саммада искать путь через лес. Будем биться. Стемнеет — уйдем.

Люди с трудом поднимались по склону, когда один из охотников поднял тревогу, показывая на пыль, клубившуюся у подножия холма. Вид клубов пыли словно подтолкнул людей, и они бросились бежать вверх по крутому склону.

...Свежий ветер шуршал в голых ветвях над головою. Керрик сидел возле Херилака на мягкой траве — полуденное солнце грело их лица — и тщательно набивал иглами свой хесотсан. Облако приближалось. Херилак поднялся и махнул охотникам.

— Прячьтесь! — приказал он. — И не жмите на палки, пока я не дам знак. Пусть они подойдут поближе, а потом убивайте всех без разбора. Убивайте, пусть громоздятся целые кучи трупов! И не отступайте, пока я не прикажу. Мы отступим потом, не все сразу, по очереди, по несколько человек. Прячьтесь за деревьями. Пусть они подходят. Пусть охотники прячутся и убивают. Пусть мургу умирают в лесу, если уцелеют на склоне. Помните, между мургу и саммадами только мы с вами. Они не пройдут!

Мургу были уже рядом. И облако пыли катилось по долине там, где недавно прошли люди.

Керрик спрятался за стволом большого дерева, уложив хесотсан на одну из ветвей. Ветерок шевелил траву

на склоне. Из травы вспорхнули птицы и заметались над головами. Грохот приближался.

Вдруг у подножья холма появились темные фигуры. Они двигались медленно и осторожно. Керрик лежал неподвижно, вжавшись в землю, ощущая только глухие толчки сердца.

Верховые ящеры были громадными, они чем-то напоминали эпетруков и размашисто шагали на задних ногах, поводя над травой тяжелыми хвостами. У них на плечах сидели наездницы иилане'. Они остановились, оглядывая склон и лес. Люди ждали.

Когда на откос выскочили невысокие странные ящеры с невероятным количеством ног, Керрик ахнул. На спинах сидели вооруженные фарги. С каждого бока у ящеров было по четыре лапы, всего восемь. Крошечные головки на толстых шеях. Их разводили для того, чтобы перевозить фарги на дальние расстояния. Ящеры остановились на миг, потом зашагали вперед.

Ветер доносил до людей крики иилане', громкий топот, пронзительные вопли животных, кислый враждебный запах чужой плоти.

Все ближе и ближе, все выше по склону поднимались мургу к горстке охотников, прятавшихся среди деревьев. Уже были видны пятна на чешуйчатых шкурах. Предводительствовали иилане' на своих высоких скакунах.

Громкий крик Херилака утонул в грохоте начавшейся атаки.

Затрещали палки.

Глава шестнадцатая

Керрик выстрелил в ближайшую иилане', но промахнулся, попав в животное под ней. Тварь встала на дыбы и рухнула. Наездница скатилась на землю, вскочила и стала прицеливаться из хесотсана. Следующая игла Керрика попала ей в шею — иилане' упала.

Началась битва. Первый ряд атакующих полег под градом игл из чащи. Неторопливые восьминогие звери валялись на землю, фарги разбежались во все стороны, отступали, сталкиваясь с теми, кто упорно двигался вперед. В наступавших летели все новые и новые иглы. Поле битвы было усеяно телами убитых.

Атака захлебнулась. Громко кричали раненые и придавленные тушами упавших зверей фарги.

Из группы державшихся позади верховых иилане' слышались приказы. Повинуясь им, убежавшие фарги остановились и начали отстреливаться.

Опустив оружие, Керрик прислушался, пытаясь разобрать слова. Его внимание привлекла одна из наездниц, выкрикивавшая распоряжения.

Керрик поднял было хесотсан, но не выстрелил: иилане' была слишком далеко. Он ясно слышал голос: иилане' наводила порядок среди всеобщего смятения. Керрик понимал это.

И вдруг он застыл. Глаза его невольно округлились, кулаки сжались сами собой, дыхание перехватило. Голос! Слишком хорошо он знал этот голос.

Но Вейнте' мертва! Он своими руками убил ее. Заколот. Убил. Она же мертва!

Однако повелительный голос, без сомнения, принадлежал ей.

Керрик поднялся на ноги, пытаясь разглядеть ее лицо. Вдруг неожиданный удар в спину сбил его с ног,

и сильные руки прижали к земле. В листьях над головой зашелестели иглы. Отпустив Керрика, Херилак припал к земле рядом с ним.

— Это она! — воскликнул Керрик. — Та, которую я убил, саммадар всех мургу. Но я ведь убил ее, ты сам видел это.

— Я видел, как ты колот марага копьем. Быть может, их нелегко убить.

Жива. Сомнений не было. Она жива. Керрик помотал головой и поднял хесотсан. Предаваться воспоминаниям было некогда. Он заставил себя вернуться к сражению.

Ошеломленные решительным отпором, нападавшие ненадолго растерялись. Но, быстро придя в себя и укрывшись за телами убитых, они начали стрелять, и листья задергались под градом бесчисленных игл.

— Не высовывайся! — рявкнул Херилак. — Ложись! Пусть снова пойдут вперед.

Наученные первой неудачей, иилане' укрыли больших таракастов за сбившимися в кучу уруктопами и фарги. Послышались крики, приказывающие подниматься в атаку. Фарги нерешительно побежали вперед и... новая атака захлебнулась, так толком и не начавшись.

— Остановили... — с глубоким удовлетворением произнес Херилак, оглядывая усеянный трупами склон. — Мы сумели задержать их.

— Ненадолго, — вздохнул Керрик. — Когда они нападают из моря, то используют строй «распростертые руки». Окружают с боков и потом заходят сзади. Сейчас будут пробовать это сделать.

— Но мы можем их остановить.

— Ненадолго. Я знаю их стратегию. Они пойдут вперед, расходясь все шире и шире, а потом окружат нас с боков. Надо быть к этому готовыми.

Керрик оказался прав. Фарги спрыгнули со спин восьминогих уруктопов, рассыпались цепью по склону и стали медленно подступать к опушке.

Сраженные иглами, фарги падали, но убитых сменяли живые. Казалось, им нет конца. Фарги шли и шли, прятались за мертвыми телами, иные даже добирались до опушки и падали уже под деревьями.

Уже после полудня одна из фарги сумела укрыться на краю опушки, к ней присоединились другие, и обо-

ронявшиеся тану вынуждены были отступить. Битва приняла другой характер, но не менее кровавый.

Мало кому из фарги приходилось бывать в лесу. И смерть встречала их, едва фарги покидали укрытие. Но они наступали. Передней линии более не было. Охотники и ящеры смешались в тени под деревьями.

Керрик отступал вместе со всеми. Боль в ноге поухля. Он старался прятаться от фарги за стволами деревьев. Застыв за деревом, он услышал за спиной треск — прямо возле лица в кору вонзилась игла. Он стремительно обернулся и успел пронзить копьем зашедшую сзади фарги. Вырвав оружие, он поспешил дальше в лес.

Отступление продолжалось. Было решено перегнать мастодонтов подальше в глубь леса, и звери тронулись в путь по спасительной тропе. Сбившись вместе, охотники прикрывали отход. Сзади доносились чужие отрывистые крики.

Керрик остановился, приложил ладонь к уху и прислушался. Потом он побежал, петляя среди деревьев, за Херилаком.

— Они отступают, — сказал Керрик. — Я не видел говоривших, а потому не во всем могу быть уверен, но кое-что сумел разобрать.

— Значит, они уходят?

— Нет. — Керрик поднял глаза к потемневшему небу. — Скоро ночь. Они перестраиваются на склоне. Новая атака начнется утром.

— Нас уже здесь не будет. Идем быстрее.

— Подожди. Надо поискать в лесу оружие. Нам нужны стреляющие палки. Как можно больше.

— Ты прав. Нужны и палки, и иглы. Мы много стреляли.

Собрав оружие, Херилак и Керрик поспешили следом за саммадами.

Наступила ночь. Керрик шел последним. Вдруг он обернулся, остановился и стал разглядывать склон. Херилак окликнул его. Керрик махнул охотнику рукой.

— Пусть остальные уходят с оружием. Я хочу вместе с тобой подобраться поближе к лагерю мургу. Они

не любят темноты. Быть может, мы сумеем что-нибудь сделать.

— Нападем в темноте?

— Да, если это возможно...

Они шли медленно, держа оружие наготове, но на склоне врагов не оказалось. Далеко идти не пришлось — у подножия склона черным пятном темнел лагерь: множество спящих мургу, прижимавшихся во сне друг к другу.

Охотники двигались очень осторожно. Подойдя поближе, они стали пригибаться, прятаться в траве, наконец поползли. И когда они приблизились к лагерю иилане' на расстояние полета стрелы, Херилак остановил Керрика легким прикосновением к плечу.

— Странно... — прошептал старший охотник. — Разве у них нет никакой стражи?

— Не знаю. По ночам все они спят. Надо разузнать.

Они проползли еще немного — и пальцы Керрика вдруг прикоснулись к какой-то длинной палке, наверное, лиане.

— Назад! — бросил он Херилаку.

Вдруг впереди в темноте вспыхнул свет. Он становился все ярче и ярче, и тану стало видно все перед собой. Иилане' тоже заметили их. Раздался громкий треск, и смерть зашелестела иглами в траве. Охотники повернули назад и поползли изо всех сил, а когда оказались за пределами досягаемости хесотсанов, вскочили и понеслись в спасительную тьму. Они бежали, спотыкаясь и задыхаясь, и наконец скрылись за краем откоса.

Огни внизу погасли, тьма вернулась. Побоище на берегу научило иилане' осторожности. Впредь ночных атак они не допустят.

Керрик и Херилак вернулись к саммадам. Добытые трофеи, иглы и хесотсаны погрузили на травоисы. Бегство продолжалось. На ходу Херилак разговаривал с саммадарами. Из битвы в лесу не вернулись четыре охотника.

Они двигались медленно, куда медленнее, чем нужно было, чтобы к утру уйти от врага на безопасное расстояние. Люди устали после двух бессонных ночей, двух

длинных переходов. Мастодонты негодуяще вскрикивали, когда их подхлестывали.

Но саммады брели вперед. Выхода не было. Позади была смерть.

Путь был каменистым, неровным, почти все время под гору. Движение все замедлялось, и наконец все остановились.

— Виноваты звери, — сказал Херилаку Сорли. — Стоят, даже если колешь их копьем.

— Останавливаемся, — устало отозвался Херилак. — Спим, отдыхаем. На рассвете идем дальше.

На заре задул пронизывающий холодный ветер, и люди ежились, вылезая из-под шкур. Никто не отдохнул, все едва шевелились. Враг преследует — только эта мысль подгоняла тану. Армун молча шла рядом с Керриком. Говорить было не о чем. Нужно было просто переставлять ноги, понукать усталых мастодонтов.

На тропе Керрика поджидал охотник, опираясь на копье.

— Сакрипекс хочет — объявил он, — чтобы ты шел вместе с ним впереди тану.

С трудом, стараясь не замечать боли в ноге, Керрик хромая побежал вперед, мимо травоисов и бредущих людей. Теперь шли даже малые дети, только младенцев тащили патори и дети постарше. Мастодонтам стало легче, но и они спотыкались от усталости.

Когда Керрик доковылял до сакрипекса, Херилак указал ему на горы.

— Они видели наверху лесистый гребень — похож на тот, где мы были вчера.

— Нет... — задыхаясь проговорил Керрик. — Врагов слишком много. Они окружают нас и сбросят вниз.

— Они тоже чему-то научились вчера. Мургу вовсе не глупы. Вперед они не пойдут. Уже знают, что их перебьют, если они полезут напролом.

Расстроенный Керрик отрицательно качнул головой.

— Так поступали бы тану. Это они могут испугаться, увидев, как гибнут другие. Но не мургу. Я знаю их. Слишком хорошо знаю. Иилане' на громадных тварях все время будут держаться сзади. И, ничем не рискуя, будут гнать фарги вперед, как и вчера.

— А если те откажутся?

— Не могут отказаться. Это немыслимо. Если фарги поняла приказ, она обязана повиноваться. Так они всегда поступали. Они будут атаковать.

— Мургу... — презрительно оскалился Херилак. — Что же нам делать?

— Ничего... Только идти вперед, — беспомощно ответил все еще задыхавшийся и посеревший от усталости Керрик. — Если мы остановимся на открытом месте, нас перебьют. Надо идти вперед. Может быть, найдем холм, на котором можно будет обороняться.

— Его можно окружить. Уж тогда-то мы несомненно погибнем.

Путь их резко пошел вверх. Карабкаться вверх по склону удавалось уже с трудом. Достигнув гребня, люди остановились. Керрик едва терпел сильную боль в ноге. Следом по склону поднимался весь их небольшой отряд. Керрик, задыхаясь, выпрямился и взглянул на вершины гор. И замер с разинутым ртом и широко открытыми глазами.

— Херилак! — закричал он. — Погляди на горы! Видишь?

Прикрыв глаза рукой, Херилак поглядел вверх, равнодушно пожал плечами и отвернулся.

— Снег... Наверху еще зима.

— Ты не понял? Мургу не выносят холода! А те твари, на которых они ездят, не могут ходить по снегу. Там они не смогут преследовать нас.

Херилак вновь поднял глаза кверху, на этот раз в них засветился огонек надежды.

— Снег не так далеко. Мы дойдем до него сегодня, если не будем останавливаться. — Он подозвал к себе охотников, возглавлявших колонну, отдал распоряжения, затем сел, удовлетворенно бурча: — Саммады идут. Кому-то придется остаться, чтобы задержать погоню.

Появившаяся надежда на спасение воодушевила людей. Даже мастодонты почувствовали всеобщий подъем и трубили, задирая могучие хоботы. Оставшиеся охотники проводили взглядами колонну, повернувшую к высоким горам.

Здесь они будут ждать мургу, им не привыкать охотиться на опасных зверей. Когда саммады исчезли

из виду, Херилак собрал охотников на краю долины. Повсюду виднелись разбросанные огромные валуны.

— Здесь мы их и остановим. Пусть они подойдут поближе. Тогда стреляйте и убивайте. В особенности тех, кто командует. Гоните их обратно. Собирайте оружие и иглы. А как они поступят потом, маргалус?

— Как вчера, — ответил Керрик. — Атакуя, они будут удерживать нас на месте и разошлют во все стороны фарги, чтобы те зашли нам с флангов и с тыла.

— Это нам и нужно. Мы отступим, прежде чем ловушка захлопнется.

— И опять раскинем сеть! Снова и снова! — крикнул Сорли.

— Правильно, — холодно улыбнувшись, ответил Херилак.

Охотники попрятались за валунами по обеим сторонам долины. Многие, в том числе и Керрик, заснули, едва прикоснувшись к земле. Но Херилак зорко следил за тропой из-за укрытия, наскоро сооруженного из тяжелых камней.

Как только показались передовые наездницы, он велел будить спящих. Скалы вокруг затряслись от тяжелой поступи уруктопов. Впереди основной группы выступали иилане' на таракастах. Они поднимались вверх, минуя застывших за камнями тану, и уже добрались до края долины, когда в ловушку втянулись последние медленные уруктопы.

Стрельба началась по команде.

Кровопролитие было страшным. Иилане' гибли в немыслимом количестве, трупов было куда больше, чем вчера. Охотники стреляли, стреляли и вопили, охваченные восторгом. Тела забравшихся повыше скакунов иилане' падали вниз, сползали по склону, что еще более усиливало невероятный хаос. Гибли уруктопы. Гибли фарги. Пытавшихся убежать настигали стрелы охотников. Передовые ряды нападавших расстроились, они отступили, чтобы перегруппироваться. Укрываясь за трупами, охотники преследовали иилане', используя оружие убитых.

И лишь когда с гребня раздался предупреждающий крик часового, тану отступили вверх по долине, подаль-

ше от вражеских хесотсанов. По оставленным травосам и колеям люди уходили в горы, поднимались все выше и выше.

Еще два раза они устраивали засады. И оба раза мургу попадали в них и гибли, теряя нужное тану оружие. А потом люди отступили.

Солнце уже опускалось к горизонту, а они еще ковыляли вверх.

— Остановимся, сил нет, — проговорил Керрик, покачиваясь от боли и усталости.

— Нельзя. У нас нет выбора, — мрачно бросил ему Херилак, с трудом переставляя ноги.

Даже этому великану было тяжело. Он еще мог идти, но прекрасно понимал, что многие из охотников совсем обессилели. Ветер холодил лица. Сакрипекс поскользнулся, но не упал и поглядел под ноги.

Победный крик Херилака словно стряхнул усталость, навалившуюся на Керрика. Моргая, он поглядел на саммадара, а потом вниз, куда указывал тот.

Глубокая колея, жидкое месиво, посреди большая куча помета, оставленная мастодонтом... Он сразу и не понял, чему так обрадовался Херилак. В жидкой грязи блестяли льдинки, по бокам колеи земля была белой.

Снег.

Он покрывал весь склон, и лишь черная колея, оставленная саммадами, нарушала его белизну. Снег! Керрик подбежал к наметенному ветром сугробу, споткнулся, зачерпнул горстью холодный снежок, смял и запустил в воздух. Охотники захохотали.

Они передохнули на гребне, по колено в снегу. Внизу наездницы иилане' осаживали скакунов у края белого поля.

Погоня остановилась. Фарги замерли при виде возвращавшихся иилане', и после недолгих переговоров мургу тронулись.

Но не вперед, а обратно, вниз по склону. Неторопливо, и вскоре исчезли из виду.

Глава семнадцатая

Лед, покрывавший реку, ломался, торосился, огромные льдины несло в океан. Наступила весна, но в тени лед еще не сошел, держался и наметенный в расселины снег. На лутах у широкой излучины реки небольшое стадо оленей уже объедало первую, еще желто-зеленую, травку. Прядая ушами, они оглядывались, принюхивались. Что-то испугало их, и звери длинными изящными прыжками исчезли среди деревьев.

В тени высокого дерева стоял Херилак, вдыхая аромат смолы. Он смотрел на стоянку, которую они покинули осенью. Хватка зимы ослабела, на этот раз весна наступила раньше, чем в прошлые годы. Может быть, суровые зимы окончились? Может быть. За спиной сакрипекса в лесу скрипели кожаные ремни, радостно протрубил мастодонт. Звери знали эти края и понимали, что наконец пришли домой.

Среди деревьев бесшумно появились охотники. Среди них шел и Керрик. Теперь можно было остановиться, стать лагерем на знакомом месте, соорудить хижины из кустарника, немного побыть на одном месте. Зима окончилась. А думы о грядущей зиме можно отложить и до лета. Керрик взглянул на небо. Над головой кружила белая птица, просто птица...

Нахлынули мрачные мысли, закрывшие солнечный свет. Где-то там, далеко, иилане', они всегда за горизонтом, словно туча, словно гроза, готовая разразиться. И что бы тану теперь ни делали, чем бы ни собирались заняться, они всегда будут помнить о грозящей опасности. Думы Керрика нарушил победный трубный клич мастодонта. Хватит. Когда-нибудь придет и время забот.

а сейчас нужно устанавливать лагерь, разводить костры, жарить свежее мясо. Пришло время остановиться...

В ту ночь они собрались возле костра Керрика: Херилак, старый Фракен и саммадары. Они славно поужинали и были довольны. Сорли поворошил костер. Искры взметнулись вверх и растаяли во мраке. Из-за деревьев поднималась полная луна, ветра не было. Вытащив из костра тлеющую ветвь, Сорли раздувал ее, наконец она вспыхнула ярким пламенем. Он поднес ее к туго набитой трубке, глубоко вдохнул, выпустил серое облако, передал трубку Хар-Хаволе. Тот в свою очередь мирно затянулся дымком. Теперь саммад его стал саммадом среди саммадов, и никто больше не смеялся, слыша речь его людей. Трое из его молодых охотников взяли женщин из других саммадов. Так устанавливается мир.

— Фракен, — обратился к старику Херилак, — расскажи нам о битве. Расскажи нам о мертвых мургу.

Покачав головой, Фракен прикинулся усталым, но все просили его, и когда он заметил, что к огню подтягиваются новые слушатели, то позволил уговорить себя. Ритмично раскачиваясь, он задудел себе под нос и повел рассказ о событиях последней зимы.

И хотя присутствующие принимали участие в событиях, о которых пел старец, все с интересом слушали его. С каждым разом повествование становилось интереснее: путь оказывался труднее, женщины выносили все, а охотники храбрее. Битва же вообще была сказочно невероятной.

«...снова и снова поднимались мургу по склону, снова и снова отражали охотники натиск мургу, встречая лицом к лицу, убивали их снова и снова. И вокруг каждого охотника уже высилась гора тел, так что не могли охотники видеть друг друга. Каждый тану уже сразил столько мургу, сколько травинок на склоне горы. А они все разили и разили мургу и протыкали пятерых одним ударом копья. Сильны были охотники, высоки были горы трупов».

Все слушали и согласно кивали, переполняясь законной гордостью. Трубка переходила из рук в руки. Фракен распевал песнь о славных победах, голос его подымался и падал, и все, даже дети и женщины, собравшись вокруг, внимательно слушали. И когда он закончил, все

безмолвствовали. Да, было о чем вспоминать, деяние это запомнится надолго.

Костер угасал; Керрик встал, подбросил хвороста в огонь и, покачнувшись, сел. У него закружилась голова: крепкий дым одурманил его с непривычки. Закутавшись в шкуру, Фракен устало побрел к своему шатру. И люди стали расходиться, наконец возле костра осталось несколько охотников. Херилак вглядывался в огонь, рядом клевал носом задремавший Хар-Хавола. Херилак взглянул на Керрика.

— Сейчас они счастливы, — произнес он. — Счастливы и спокойны. Хорошо, если бы все так и было... какое-то время. Зима была суровой и долгой. Пусть они забудут о ней, прежде чем настанет пора беспокоиться о новой зиме. Пусть забудут и о мургу, и о смерти, таящейся в палках. — Помолчав, он вновь взглянул на Керрика и сказал: — Мы убили много мургу. Может быть, они теперь забудут о нас? Оставят в покое?

Керрик и хотел бы ободрить его, но при всем желании не мог. Он грустно покачал головой, и Херилак вздохнул.

— Они нагрянут опять, — проговорил Керрик. — Я знаю этих мургу. Они ненавидят нас, но ведь и мы их ненавидим. А ты бы уничтожил их всех, если бы мог?

— В один миг. И с огромным удовольствием.

— Они думают то же самое.

— Что будем делать? Лето коротко. Как знать, окажется ли охота хорошей? Куда деваться, когда опять придет зима? Если мы пойдем охотиться на восток, к побережью, мургу разыщут нас. Опять на юг? Но мы знаем уже, что ждет нас на юге. А север весь вымерз.

— Горы, — проговорил пробудившийся от звука голосов Хар-Хавола, — надо уходить за горы.

— Но ведь твой саммад пришел из-за гор, — возразил Херилак, — потому что там не стало охоты.

Хар-Хавола покачал головой.

— Это вы так зовете наш саммад — тану из-за гор. То, что вы называете горами, просто холмы. Настоящие горы за ними. Они достают до неба своими вершинами, на которых никогда не тают снега. Вот это горы.

— Я слышал о них, — ответил Херилак. — И еще я слышал, что их нельзя перейти, что дерзнувшего ждет смерть.

— Возможно. Если не знать перевалов, зима может застать тебя на высотах, и ты умрешь. Но Мунан, охотник из моего саммада, бывал за горами.

— Мургу не знают об этих горах, — со вспыхнувшей в голосе надеждой отозвался Керрик. — Они не говорили о них. Что там, за ними?

— Пустыня, так сказал нам Мунан. Мало дождя. Мало травы. Он зашел в пустыню на два дня пути и вернулся, потому что не хватило воды.

— Можно попробовать, — вслух размышлял Керрик. Херилак фыркнул.

— Лезть через ледяные горы, чтобы умереть в безводной пустыне? Проще иметь дело с мургу. Их все-таки можно убить.

— Это мургу нас убьют, — сердито возразил Керрик. — Мы убьем одних, а придут другие. Они бесчисленны, словно капли воды в океане. В конце концов все мы умрем. Пустыня не безгранична. Возьмем воды, отыщем дорогу. Об этом стоит подумать.

— Да, — согласился Херилак. — Этот путь следует узнать поподробнее. Хар-Хавола, зови своего охотника, имя которого Мунан. Пусть расскажет нам о горах.

Мунан оказался высоким, на щеках его, как и у всех охотников, что пришли из-за гор, белели длинные шрамы. Приняв трубку, он пыхнул дымком, выслушал вопросы.

— Нас было трое, — начал он. — Все очень молодые. Когда ты юн, хочется отличиться. Чтобы доказать всем, что ты хороший охотник, нужно проявить большую силу. — Он прикоснулся к шрамам, избороздившим щеки.

Хар-Хавола согласно кивал, в свете костра на его лице белели такие же шрамы.

— В нашем саммаде был старый охотник, он знал перевалы, и мы их нашли. От него мы узнали приметы: где поворачивать, где подниматься. Это не легко. Высоко на перевалах лежал снег, но мы прошли. Мы все время шли на закат. Сразу за горами холмы, там была неплохая охота. Но за холмами тянется пустыня.

Мы вошли в нее, но не отыскиали воды. Мы выпили ту, что взяли с собой в кожаных мешках, а потом вернулись.

— Но охота была хорошей в тех краях? — спросил Херилак.

Мунан закивал.

— Да, в горах идут дожди, падает снег. Возле гор холмы зеленеют, дальше — пустыня.

— А ты сумеешь снова отыскать дорогу? — спросил Керрик.

Мунан кивнул.

— Можно выслать небольшой отряд. Они отыщут тропу, найдут холмы за горами. А когда сделают это, вернутся, чтобы перевести туда и саммады, если с тех пор ничего не изменилось.

— Лето стало теперь коротким, — возразил Херилак. — Если пройдет один, значит и все. Так, по-моему, надлежит поступить.

Они проговорили об этом всю ночь, и другую, и следующую за нею. Никто не хотел летом лезть на заснеженные вершины, зима и так скоро придет. Но все понимали — нужно решаться. Пока охота не подводила, но свежего мяса у них было далеко не в избытке. Вокруг росли корни, их надо было искать, собирать семена и растения. Но зимой на них не прожить. Шатры они бросили возле реки, по дороге пришлось оставить и многие другие вещи. Осталось только отобранное у мургу мясо в прочных пузырях. Вкус его не нравился никому, и если у людей находилось что-то еще, к мясу мургу никто не прикасался. Но все-таки оно могло поддерживать жизнь. И это мясо хранили.

Херилак наблюдал за людьми и терпеливо ждал, пока наохотятся и отъедятся. Женщины скребли оленьи шкуры. Когда их наберется достаточно, можно будет снова поставить шатры. Мастодонты вволю паслись, их обвисшие шкуры вновь залоснились. Херилак видел это и ждал. Ждал, чтобы все отъелись и дети окрепли. Каждую ночь глядел он на небо и следил, как узкая луна становится полной и опять съеживается в тоненький серп. И однажды, уже затемно, он наполнил каменную трубку терпкой корой и собрал охотников возле костра.

Пока все курили, он поднялся на ноги и поведал те мысли, что переполняли его голову все время, что прошло с той поры, когда вернулись они на стоянку возле речной излучины.

— Как обычно придет зима. Мы не должны встречать ее здесь. Надо идти туда, где будет охота и не будет мургу. Я скажу — надо идти за высокие горы к зеленым холмам. Если мы отправимся туда немедленно, то окажемся у перевалов к концу лета. Мунан ведь поведал нам, что перебраться через них можно лишь летом. И еще — сейчас мы пойдем налегке, как тогда, когда бежали от мургу. Если мы пойдем сейчас, можно будет не охотиться, хватит и припасов мургу. И на зеленых холмах за горами мы окажемся еще до зимы. Я говорю: время нагружать травойсы и уходить на запад.

Уходить никто не хотел, но и причин для задержки не было. Горы или мургу, выбирать не из чего. Мужчины проговорили до глубокой ночи, но как ни пытались, не сумели отыскать другого выхода. Оставались горы.

Утром собрали травойсы, старые жерди связывали новой кожей. Мальчишки везде разыскивали погадки сов, маленькие шарики из меха и косточек, старый Фракен крошил их и предрекал судьбу.

— Не сегодня — завтра, — сказал он, — и вот что: мы должны выйти с первым светом. Когда солнце поднимется над холмами и взглянет сюда, оно здесь никого не увидит. Никого из нас.

Этой ночью после ужина Керрик сидел возле костра и привязывал оперенье к длинным иглам с ягодного куста. Игл и хесотсанов не хватало. Деревья, на которых росли подходящие иглы, остались на юге. Но это было неважно. Хесотсан выбросит любой предмет подходящей длины, и самодельные иглы подходили просто прекрасно, в особенности, если потрудиться над ними. Керрик откусил зубами узелок. Мимо прошла Армун, выбросила объедки в костер и принялась увязывать их скромные пожитки. Все это время она молчала, и Керрик вдруг заметил, что она почему-то опять начала прятать лицо за волосами.

Когда она проходила мимо, он ухватил ее за руку и потянул к себе, она села и отвернулась. Взяв ее за

подбородок, он повернул ее голову к себе и увидел в глазах слезы.

— Что случилось? Ты поранилась? — спросил он, недоумевая.

Она качала головой и молчала, но он настаивал, требовал объяснений. В конце концов она опять отвернулась и, укрыв волосами лицо, проговорила:

— У нас будет ребенок. Весной.

Взволнованный Керрик сразу позабыл о ее слезах и тревогах. Он прижал ее к себе и расхохотался. Теперь он уже знал о младенцах, видел, как они появляются на свет, как гордятся ими родители. Никаких причин для печали он в этом не видел, они с Армун могли только радоваться. Но она опять отвернулась от него. Сперва он встревожился, потом рассердился и встряхнул ее за плечи. Армун заплакала еще горше. Тогда ему стало стыдно. Он успокоил ее, вытер слезы и обнял. Тогда она поняла, что придется выкладывать все.

— Это будет девочка, и она окажется такой же, как я, — сказала она, показывая на щель в верхней губе.

— Прекрасно, ты у меня очень красивая.

Армун слабо улыбнулась.

— Для тебя одного. Когда я была маленькой, все тыкали пальцами мне в лицо и смеялись. Я никогда не была счастлива, как все дети.

— Но теперь же никто не смеется.

— Нет. Пока ты рядом. Но дети станут смеяться над нашей дочерью.

— Да нет же. А если родится мальчик, похожий на меня? Разве у твоих матери или отца была такая губа?

— Нет.

— Почему же она должна быть у младенца? Твое лицо будет единственным, и я буду знать, как мне повезло. Не надо плакать.

— Не буду. — Она вытерла глаза. — Больше не буду огорчать тебя своими слезами. Ты должен быть сильным: завтра мы уходим в горы. На той стороне действительно хорошая охота?

— Конечно. Так говорит Мунан, он был там.

— А... мургу там будут? Мургу со стреляющими палками?

— Нет, они останутся здесь. Мы отправляемся в те края, где их никогда не было.

Но он ничего не сказал ей о том, что постоянно тревожило его. Вейнте' жива. И она не остановится ни на миг, она будет искать их, пока не погубит и его самого, и всех тану.

Пусть они бегут, но как черная ночь, грозная и неотвратимая, она направится по их следам.

Глава восемнадцатая

На пятый день путь пошел на подъем, с запада задувал прохладный и сухой ветер. Охотники саммада Хар-Хаволы принялись и радостно хохотали: эта часть мира была им родной. Они взволнованно переговаривались, показывали друг другу знакомые приметы, старались забежать вперед саммадов и медленно выступающих мастодонтов. Херилак не разделял их радости: по следам было отлично видно, что охота здесь скверная. Несколько раз он заметил, что и другие тану проходили этим путем: однажды зола в кострище оказалась теплой. Но охотников не встречали: они явно держались подальше от столь многочисленного и сильного отряда.

Тропа уводила их все дальше в горы, которые становились все выше. Дни были теплыми, солнце пекло, но по ночам все закутывались в шкуры. Однажды на заре Хар-Хавола с радостным криком показал на солнце, поднимавшееся из-за снежных пиков на горизонте. Эти снежные горы им и предстояло одолеть.

Каждый день уводящая к перевалам тропа поднималась все выше и выше, и наконец скалы преградили людям путь. Уходящая в обе стороны стена казалась неприступной. Но, подойдя к ней поближе, люди заметили речное ущелье, отлого поднимающееся к сердцу гор. По дну его мчался сердитый серый поток. И они пошли вдоль речушки, следуя за ее поворотами, и предгорья исчезли из виду. Изменились и окрестности: деревьев стало меньше, остались только вечнозеленые.

Как-то днем на склоне, почти над головами, охотники заметили белых рогатых зверей, перескакивавших с камня на камень. Один из них остановился на карнизе,

кося вниз большим влажным глазом; и посланная Херилаком стрела сразила его. Горный козел скатился к подножию утеса. Мех его оказался мягким и кудрявым, а зажаренное в тот же вечер мясо — жирным и просто восхитительным на вкус. Слизывая жир с пальцев, Хар-Хавола удовлетворенно бормотал:

— Только однажды приходилось мне есть горную козу. Вкусно. Их трудно выследить, они живут на высокогорье. Теперь пора подумать о корме для мастодонтов и о хворосте для костров.

— Почему? — спросил Херилак.

— Мы зашли высоко. Скоро деревья кончатся, трава станет жидкой и тощей. И станет холодно. Очень холодно.

— Значит, все необходимое придется взять с собой, — сказал Херилак. — Шатров нет, травойсы легки. Нарубим дров, нагрузим. И молодых ветвей с листьями на корм для зверей. Они не должны голодать. Там будет вода?

— Нет. Зачем она? Снега много, растопим.

И хотя еще было тепло, по утрам лужи затягивал тонкий ледок. Мастодонты недовольно ворчали, выдыхая белые клубы пара. Все жаловались, что воздух здесь жидок, старый Фракен даже задыхался, а потому перебрался на травойсы.

Керрика переполняло неведомое прежде счастье. Его радовал и прозрачный воздух, и величественное безмолвие гор, и чистое небо, и скалы. Все здесь было иначе, не так, как на влажном и жарком юге, где Керрик вечно потел, где ему докучали насекомые. И почему иилане' мало своих болот и вечного лета? Ведь они созданы, чтобы жить там, на юге. Жизнь на севере покажется им невыносимой. Холодный мир этот чужд им — так почему же не оставить его тану? Керрик, как обычно, поглядывал на небо, но ни огромных рапторов, ни других птиц, способных проследить за продвижением саммадов, не было видно. Быть может, все-таки удастся спрятаться от иилане'...

— Там самый высокий перевал, — вечером объявил Мунан, показывая вперед. — Над ним облака, идет снег. Теперь я вспоминаю, ветер дул с запада, снег шел почти все время.

— Мы не можем ждать, пока окончится снегопад, — сказал Херилак. — Мало дров, мало еды для мастодонтов. Идем вперед.

Верхней точки перевала удалось достичь лишь после целого дня непрерывных трудов. Снег был глубоким, мастодонты проламывали верхнюю корку, утопали в сугробах. Все утомились, но шаг за шагом продвигались вперед, подталкивая друг друга. Вечером саммады все еще были на склоне; им пришлось провести там бессонную ночь под тревожные крики недовольных животных. Разжечь костер было негде, пришлось завернуться в шкуры и трястись от холода до зари. С первыми лучами солнца люди отправились в путь, понимая, что, промедлив на этом месте, они насмерть замерзнут.

Когда они миновали перевал, спускаться по крутому и скользкому склону стало еще труднее. Но корм для зверей весь вышел, и еще одной голодной ночевки в снегах мастодонты могли не пережить. И люди ползли вниз буквально на ощупь, утопая в тумане. К полудню они вышли на каменистую осыпь, усеянную глыбами разной величины, и обнаружили, что идти по ней еще трудней, чем по снегу. Лишь к сумеркам они наконец вышли из тумана и сразу же ощутили на лицах теплые лучи заходящего солнца. Внизу открывались ущелья, а вдали зеленели холмы.

Стемнело, но они остановились, только чтобы развести огонь и зажечь факелы. В неровном их свете усталые до предела саммады ковыляли вперед. И только ощутив под ногами мягкую землю, тану поняли, что испытание завершилось. Тогда они остановились на склоне возле стремительного потока талой воды, среди густой травы. Утомленные люди валились на землю, а мастодонты, удовлетворенно повизгивая, вырывали траву большими охапками. В ту ночь даже консервированное мясо мургу казалось вкусным.

Самое тяжелое окончилось, спускаться с гор было проще, чем карабкаться по ним вверх. Скоро вокруг появились кусты, мастодонты жадно ломали ветки с листьями. Охотники радовались. С утра они заметили свежий помет горной козы и дали клятву добыть свежего мяса. Но осторожные звери убегали раньше, чем

охотникам удавалось подобраться к ним на расстояние полета стрелы.

Только на следующий день на поляне среди деревьев им удалось выследить стадо низкорослых оленей. Двоих охотники успели подстрелить, прежде чем остальные разбежались. Есть можно было не только мясо оленей: сосны здесь были не такими, как по ту сторону гор, шишки их были полны сладких орехов. Горы остались позади, и будущее казалось безоблачным.

На следующий день ручей, по берегам которого спускались люди, закончился озерцом, со всех сторон окруженным скалами. На берегах были видны многочисленные следы зверей. Вода из озера вытекала: она уходила куда-то под землю, видеть подобное тану уже приходилось.

— Вот здесь и остановимся, — произнес Херилак. — Есть вода, рядом пастбище, и охота неплохая, если только мы правильно прочитали следы. Есть ягоды, корни. Голодать не будем. А я пойду вперед с Мунаном, который был здесь, чтобы увидеть, что еще ждет нас в этих краях. С нами пойдет Керрик.

— Надо взять побольше воды в кожаных мешках, — сказал Мунан. — Дальше воды будет меньше, а в пустыне ее совсем нет.

— Так и сделаем, — ответил Херилак.

Окружающий пейзаж менялся прямо на глазах. Деревьев стало меньше, трава пожухла, повсюду виднелись усеянные грозными шипами растения. У подножия холмов на равнине трава стала реже. Здесь и деревья были колючими, часто приходилось идти по песку и мелкому гравию. Растения здесь казались высохшими и торчали далеко друг от друга. Иссушенный и неподвижный воздух... Промелькнула ящерица — и опять ничего живого вокруг.

— День был долгим и трудным, — произнес Херилак. — Остановимся здесь, это место не хуже любого другого. Так это и есть пустыня, о которой ты говорил?

Мунан кивнул.

— Она вся такая. Только больше песка. И ничего не растет, кроме этих колючек. Воды нет.

— Выступаем утром. Пустыня не беспредельна.

В пустыне было жарко и сухо, и что бы ни говорил Херилак, она казалась бесконечной. Четыре дня от рассвета и до заката шагали тану по пескам, останавливаясь только днем, когда невозможно было идти под лучами палящего солнца. На четвертый день горы, оставшиеся за спиной, превратились в далекую туманную полосу на горизонте. А впереди была только пустыня.

На закате Херилак поднялся на невысокий пригорок и, прикрыв глаза ладонью, поглядел на запад.

— Одно и то же, — промолвил он. — Ни холмов, ни гор, ни зелени. Та же пустыня.

Керрик поднял кожаный мешок с водой.

— Последний.

— Я знаю. Утром поворачиваем назад. Дальше идти нельзя. Воды и так не хватает на последний дневной переход. Напьемся вечером, когда вернемся к горам.

— А потом? — спросил Керрик, сооружая костер из сухих веток.

— Надо подумать. Если охота будет хорошей, можно остаться у гор. Посмотрим.

Когда стемнело, вблизи заухла сова. Сон мгновенно слетел с Керрика, по коже побежал озноб. Обычная сова... не более. Ведь живут же они в этой пустыне, ловят ящериц... Просто сова.

Иилане' просто не могут узнать о них. Ящерам не перебраться через снега на перевале. В этих краях тану могут считать себя в безопасности.

А ночью Керрику вновь приснился Алпеасак; он снова бродил среди суетливых фарги. На шее вновь был поводок, а на другом конце его — Инлену<. Он стонал во сне, но не просыпался и даже не почувствовал, как пальцы его стиснули крепкий обруч на шее.

Когда Керрик проснулся, сон долго не оставлял его, давил мрачной тяжестью. Сон, всего лишь сон, твердил он себе, но предчувствие беды не покидало его.

Обратно охотники шли много быстрее. Теперь все трое шли почти налегке: еда и вода кончились, и они торопливо шагали по сухой пустыне, по травянистым откосам предгорий. На последний холм они поднимались, когда уже вечерело, предвкушая удовольствие — свежую воду. Они возвращались по собственным сле-

дам, раздвигая руками частые ветви кустов. Впереди шагал Херилак, склон начал постепенно подниматься. Он заметил, что обогнал остальных, и остановился, ожидая.

В это мгновение из кустов вылетела стрела и с глухим стуком воткнулась в землю неподалеку.

Громко крикнув, предупреждая идущих следом, Херилак метнулся в сторону. Укрывшись за стволом дерева, лежа он достал из колчана стрелу, наложил ее на тетиву.

Из кустов послышался голос:

— Эй, Херилак! Ты кричал?

— Кто это?

— Я, Сорли. Будь осторожен. В лесу опасно!

Херилак внимательно огляделся, но ничего не заметил. Какая еще опасность? Но кричать ему уже не хотелось. Среди деревьев, осторожно ступая, появился Керрик. Херилак поманил его к себе, жестом приказал двигаться вверх по тропе. Когда мимо прошел и Мунан, внимательный и безмолвный Херилак отправился следом.

Сорли ожидал их, прячась за большим валуном. Поблизости прятались и другие охотники из его саммада. Укрывшись от нападения снизу, они внимательно вглядывались в лес, редющий к' подножию холма. Сорли поманил вернувшихся за собой и пошел вперед. Перебравшись за гребень, он снял стрелу с лука.

— Я услышал, как ты раздвигаешь кусты, а потом увидел фигуру. Я не знал, что это ты, потому и выстрелил. Я думал, что это опять чужаки. Они убили караульных, но охотники успели вовремя поднять тревогу. Они убили и одного мастодонта, должно быть, на мясо, но мы успели прогнать их, прежде чем они прикоснулись к туше.

— Кто это были?

— Не тану.

— Мургу? — услышав ужас в собственном голосе, выдавил Керрик. Нет, нет, только не здесь. Неужели от них некуда скрыться?

— Не мургу. Но и не тану. Среди тану таких мы не встречали. Одного убили, посмотришь. У них копыя, луков нет. И когда засвистели стрелы, нападавшие бежали.

Они шли прямо, не сворачивая с тропы. Вскоре Сорли остановился и указал на распростертое тело.

Убитого не трогали. Труп лежал там, где упал, головой в кусты. В спине зияла кровавая рана, из которой извлекли стрелу. Грудь была прикрыта шкурами. Кожа убитого оказалась много темнее, чем у охотников. Черные длинные волосы... Херилак нагнулся и перевернул труп тупым концом копья.

— Охотник, лицом вылитый тану, только кожа и волосы не того цвета.

Керрик нагнулся и поднял веко убитого, голубые глаза внимательно глядели в черные. Стоявший рядом Мунан с отвращением сплюнул.

— Харван, — проговорил он. — Когда я был маленьким, нас пугали рассказами о черных людях, которые по ночам приходят из-за гор, крадут и поедают детей. Их называли харванами. Говорили, что это очень свирепые люди. Одни старики считали, что эти рассказы — чистая правда, а другие — смеялись.

— Теперь ты видишь сам, — ответил Сорли. — Рассказы не врут. Но это еще не все. Сам увидишь.

Они немного поднялись по склону. Там под деревьями темнел распростертый на земле зверь. Поглядев на него, Херилак удивленно пророкотал:

— Ну и долгозуб! Такого огромного я еще не видел!

Зверь был просто громадным — раза в полтора длинней человека. Смерть разверзла его пасть, обнажив два длинных и острых грозных клыка, давших ему имя.

— Его привели черные тану, и не одного. Они вели долгозубов, как мы мастодонтов. Звери повиновались их приказам.

Новости весьма не понравились Херилаку.

— Тут опасно! Свирепые тану, долгозубы. Откуда они пришли?

— С севера. И ушли на север. Наверное, это отряд охотников.

Поглядев на север, Херилак покачал головой.

— Значит, и эта дорога закрыта для нас. Путь на запад — тоже, по крайней мере в этом месте. Как узнать, сколько здесь этих черных тану, сколько долго-

зубов у них. Мы не хотим воевать, остается только одна дорога.

— На юг, — согласился Керрик, — на юг вдоль этих гор. Но тогда впереди могут оказаться мургу.

— Впереди может оказаться все, что угодно, — хмурясь, бросил Херилак. Лоб его прорезали морщины. — Это ничего не значит. Надо идти. Или пустыня окончится, или набредем на края с хорошей охотой. А пока попьем сладкой воды. Пусть ночью стойбище охраняют охотники. Выступаем с рассветом.

Глава девятнадцатая

След саммадов мог бы прочитать и ребенок; травянысы прорезали в мягком торфе отчетливые следы. Глубокие борозды, оставленные шестами, огромные отпечатки ступней мастодонтов и большие кучи навоза Херилак даже не пытался скрыть. Просто оставил несколько охотников в двух днях пути от саммадов, чтобы убедиться, что их не преследуют. Но дни шли за днями, и ничто не указывало на то, что черные тану со своими долгозубами увязались за путниками. Но, несмотря на все, Херилак днем и ночью выставял стражу.

Ущелья и гребни, отходившие от высоких гор, переходили в сухую равнину. И люди спускались вниз. Путь их теперь пролегал не по холмам и долинам, а вдоль края пустыни. Охотники шли впереди, они отыскивали воду в ущельях. Вечерами, когда люди останавливались, мастодонтов уводили в горы напиться.

Они все шли. Охота у подножья холмов и на равнине не радовала. Травянистые просторы теперь удалялись от предгорий все дальше и дальше, туда, где раньше была только сухая пустыня. Равнину время от времени пересекали пересохшие русла. Но на равнине не было воды, не было и зверей — одна только трава. Приходилось идти дальше.

И только когда луна дважды стала полной и уменьшилась, они добрались до реки. Вода текла с гор: течение было быстрым, поток глубоко врезался в землю. Люди остановились на краю берегового обрыва, внимательно вглядываясь в водную пыль над перекатами.

— Здесь не перейти, — проговорил Керрик.

Кивнув, Херилак поглядел вниз.

— Лучше не пересекать, а пойти по изгибам. Там, куда течет вся эта вода, нет пустыни. А где нет пустыни, есть охота. Найдем место, разыщем еду — будем собирать и охотиться. — И Херилак высказал никогда не покидавшую его мысль: — Все это следует выяснить, прежде чем настанет зима.

Тану пошли вдоль реки, петлявшей сначала по равнине, потом среди невысоких холмов. Во многих местах береговой откос не был крутым, и они могли поить мастодонтов. Кое-где возле реки им попадались олени следы. И не только олени. Первым это заметил Мунан. Он пришел к костру Херилака и Керрика и уселся спиной к горам.

— Я был охотником много лет, — заговорил он, — но однажды охотились на меня. Расскажу, как это было. В высоких холмах, которые вы называете горами, я выслеживал большого оленя. Было раннее утро, и след был свежим. Я шагал молча, но чувствовал: что-то не так. А потом вдруг понял, в чем дело. Кто-то выслеживал меня самого, шел следом. Я чувствовал на себе чей-то взгляд. И когда я понял это, то резко обернулся назад и увидел позади себя долгозуба. Не так близко, чтобы он посмел прыгнуть, нет. Я выслеживал большого оленя, а он выслеживал меня. Долгозуб посмотрел мне в глаза и исчез.

Херилак кивнул, соглашаясь.

— Звери тоже ощущают это. Однажды я выслеживал долгозуба; почувствовав мой взгляд, он повернулся ко мне. Охотник чувствует, когда на него глядят чьи-то глаза.

— За нами сейчас следят, — спокойно сказал Мунан, вороша горящие ветки. — Пусть один из вас, не поворачиваясь, возьмет хворост и поглядит на холм за моей спиной. За нами следят оттуда, я в этом уверен.

— Керрик, бери хворост, — распорядился Херилак, — твои глаза острее.

Керрик неторопливо поднялся и, пройдя несколько шагов, поднял с земли сухую ветку, которую тут же сунул в огонь.

— Не знаю... — нерешительно сказал он. — На вершине холма скала, а под ней темное пятно. Может быть, зверь?

— Ночью выставим дополнительную охрану, — произнес Херилак. — Места незнакомые. На этих холмах может встретиться кто угодно. Даже мургу.

Ночь оказалась спокойной. Перед рассветом Херилак разбудил Керрика и Мунана. Свой план они наметили вечером. Они пойдут безмолвно, как тени, и сойдутся возле скалистого гребня с разных сторон. С восходом солнца все трое разошлись в разные стороны.

Птичий крик Херилака был сигналом. Трое охотников сошлись возле скалы, держа наготове оружие. Там никого не было. Но было видно, что кто-то побывал на этом месте: трава оказалась примятой.

— Отсюда и следили за нами, — сказал Керрик.

— Разойдитесь, поищем следы, — приказал Херилак. След нашел Мунан.

— Там в песке отпечаток ноги.

Нагнувшись, они разглядывали след. Молча разглядывали. В том, кто оставил его, сомневаться не приходилось.

— Тану, — произнес Херилак, выпрямляясь и устремляя взгляд на север. — Что если черные тану увязались за нами?

— Это было бы непросто, — возразил Керрик. — К тому же им пришлось бы обогнать нас и зайти спереди по холмам. Отпечаток ступни оставлен совершенно другим тану. Я в этом уверен.

— Тану впереди, тану позади... — задумчиво пробормотал Херилак. — Что ж, придется воевать, чтобы поохотиться?

— Этот тану только следил, — проговорил Керрик. — Тану раньше не убивали тану. Такое началось лишь в голодные зимы. А здесь, на юге, зимы по-прежнему мягки.

— И что же делать? — спросил Мунан.

— Понаблюдаем за ними, попробуем договориться, — ответил Керрик. — Что если они опасаются нас?

— Это я их опасаюсь, — буркнул Мунан, — в особенности копыта в спину.

— Тогда выходит, что и мы, и они боимся друг друга, — проговорил Керрик. — Но пока мы держимся вместе, неизвестные тану побоятся стольких воинов

и не обнаружат себя. Я пойду дальше один, возьму лишь копье. Быть может, тогда они выйдут ко мне?

— Это опасно, — возразил Херилак.

— Вся жизнь опасна. За нами следят тану, об этом свидетельствует след. Если мы не сумеем поладить с ними, исход для нас может быть только один. Разве мы хотим этого?

— Нет, — твердо ответил Херилак, — смерти в мире и так довольно, пусть хотя бы тану не убивают друг друга. Сегодня мы останемся на месте. Давай стрелы и лук. И не заходи в холмы далеко. Если до полудня никого не разыщешь, возвращайся. Понятно?

Отдавая оружие, Керрик молча кивнул. А потом повернулся, выжидая, пока оба охотника спустятся с холма к шатрам. И неторопливо побрел вверх по склону.

Почва здесь была плотной, каменистой, и следов на ней не оставалось. Взобравшись на гребень холма, Керрик взглянул назад, теперь шатры были совсем далеко внизу. Здесь ждать было удобно. На открытом месте никто не мог подобраться к нему незамеченным. Если придется спасаться бегством — будет видно, куда бежать. Внимательный и осторожный, он сел лицом к долине, положив на колени копье.

Холмы безмолвствовали, на их обнаженной поверхности ничто не шевелилось — только муравьи копошились в песке у ног. Надрываясь, они тащили в муравейник мертвого жука, куда большего, чем все они вместе взятые. Керрик наблюдал за их тяжелым трудом и — краем глаза — за окрестностями.

Вдруг его шею словно кольнуло, он отмахнулся, но что-то вдруг обеспокоило его — не зуд, нет — нечто, трудно выразимое словами. Тогда он понял, что именно это ощущение и имел в виду Мунан. За ним следили.

Он медленно встал и повернулся, внимательно осматривая поросший травой склон, рощу деревьев у его подножия. Никого не было видно. На склоне кое-где торчали редкие кусты, но за ними трудно было спрятаться. Если за ним и в самом деле следят, то из-за деревьев. Он поглядел в сторону рощи, подождал, но ничто не пошевелилось. Если спрятавшийся боится его, придется первым сделать шаг навстречу. Наклонившись, чтобы положить на землю копье, Керрик почувствовал, что

рука не желает выпускать древко, единственную его защиту. Он не хотел расставаться с копьем, но так следовало поступить, иначе невидимый наблюдатель или наблюдатели не поверят, что он пришел с миром. Под деревьями никто не пошевелился.

Керрик сделал один шаг вперед, другой... В горле у него вдруг пересохло. Сердце громко стучало в груди... Керрик неторопливо шел к деревьям. На расстоянии полета копья он остановился: просто уже не мог заставить себя подойти ближе. Довольно. Теперь очередь за теми, кто прячется. Он медленно поднял руки ладонями вверх и крикнул:

— Я пришел с миром! Я оставил оружие!

Ответа не было. Но в тени под деревом как будто что-то пошевелилось. Как будто... Отступив на шаг, он вновь позвал.

Теперь в тени зашевелились. Показалась фигура человека. Кто-то встал под деревьями. Керрик отступил еще на шаг, и человек направился к нему, выйдя наконец на солнечный свет.

Сперва Керрик ощутил только страх. Он отшатнулся и не побежал лишь потому, что призывал на помощь всю свою волю.

Безбородый и смутный охотник был черноволос. В руках его тоже ничего не было. На голову было намотано что-то белое. Странная белая шкура прикрывала бедра. Не грязно серая, а белая как снег.

— Поговорим! — крикнул Керрик, делая шаг вперед.

При этом движении человек повернулся и едва не пустился бежать к деревьям. Заметив это, Керрик остановился. Тот, другой, взял себя в руки, но даже на расстоянии Керрик видел, что человека колотила крупная дрожь. Тогда Керрик опустил на траву с поднятыми вверх руками.

— Я не причиню тебе вреда! — крикнул он. — Приходи, садись, говорить будем!

После этого Керрик не пошевелился. Когда руки устали, он опустил их и положил на колени. Напевая себе под нос, он поглядывал то на небо, то на пустынные склоны, стараясь не делать резких движений, способных напугать незнакомца.

Наконец тот нерешительно шагнул вперед, сделал второй шаг. Так по шажку он медленно подступал к Керрику, пока не оказался шагах в десяти от него. А потом, скрестив ноги, уселся, испуганно озираясь большими глазами. Теперь Керрик видел, что перед ним не мальчишка. Лицо его было изборозжено морщинами, в черных волосах пробивалась седина. Недвижно застывший Керрик улыбнулся. Челюсть человека дернулась. Он глотнул, изо рта вырвалось неразборчивое хрипение. Он глотнул еще раз и наконец заговорил. Слова его полились потоком.

Керрик ничего не понимал. Он только кивал и улыбался, словно соглашаясь с негромкими пришепетывающими словами. Собеседник его вдруг умолк и замер, склонив голову на грудь.

Керрик был озадачен. Подождав, пока охотник поднимет глаза, он произнес:

— Я не понимаю тебя. А ты понимаешь мои слова? Хочешь, я назову тебе мое имя? — Прикоснувшись к груди, он проговорил: — Керрик, Керрик.

Ответа не последовало. Собеседник его сидел с открытым ртом, круглые глаза белели на темном лице. Когда Керрик договорил, он снова склонил голову. Пробормотав еще что-то, он встал и отправился назад к деревьям. Из тени вышел другой охотник и что-то сказал первому. Позади появились еще люди, и Керрик подобрал ноги, чтобы сразу пуститься бежать, но те остались на месте, и он облегченно вздохнул. Но пока его собеседник возвращался, Керрик слёдил за деревьями. Все остальные не трогались с места.

На этот раз охотник опустился на землю рядом с Керриком. В руках его была наполненная водой чаша с тонкими стенками из какого-то темного материала. Взяв ее обеими руками, человек отпил, а потом наклонился и поставил чашу на землю перед Керриком.

Если охотник пьет из одной чаши с другим охотником, значит, их что-то соединяет, подумал Керрик. Это знак дружбы. Не сводя глаз с незнакомца, Керрик взял с травы чашу, отпил и поставил обратно.

Тогда охотник взял чашу, выплеснул оставшуюся воду на землю и, постучав по чаше, проговорил:

— Валискис.

Потом возвратил чашу Керрику. Тот был озадачен, но кивал и улыбался. Взяв чашу, он обратил внимание, что она вырезана из какого-то неизвестного темного материала. Не понимая, из чего она сделана, он пригляделся. Грубая коричневая поверхность посуды была украшена по краю резным ободком. Повернув ее, Керрик увидел сбоку черный рисунок.

Резко прочерченный контур — не пятно, не повторяющаяся завитушка — силуэт животного. Клыки, хобот... Мастоdont.

— Валискис, — повторил чужак. — Валискис.

Глава двадцатая

Керрик покрутил в руках чашу, вновь прикоснулся к изображению мастодонта. Чужак кивал, улыбался, повторяя слово «валискис». Что оно значило? Или эти тану тоже держали мастодонтов? Как узнать, если они не понимают друг друга? Чужак осторожно потянул чашу к себе — Керрик не противился — потом встал и отправился с нею к деревьям. Керрик ждал, но тот не возвращался.

Встреча окончилась. На зов Керрика никто не откликнулся, и, когда он медленно подошел к роце, там никого не оказалось. Встреча со смутными охотниками озадачивала и обнадеживала одновременно. Собеседник не оставил оружия. Керрик обнаружил под деревом еду и питье. Подобрав чашу, Керрик отправился назад за копьем, а потом к шатрам. Заметив его, караульные закричали, и Херилак побежал навстречу. Он попробовал принесенную еду, она была приятной на вкус, но зачем они оставили ее, Херилак понять не мог, как и Керрик.

Люди собрались послушать Керрика, и свою историю ему пришлось повторять неоднократно. Всем хотелось попробовать неведомую еду, и чаша быстро опустела. Интересна была и сама чаша. Херилак крутил и вертел ее, постукивая костяшками пальцев.

— Твердая словно камень, но слишком легкая для каменной. И мастодонт. Ничего не понимаю.

Даже Фракен не мог ничего сказать. Все здесь было абсолютно новым для него. Наконец Керрик сам принял решение.

— Я вернусь туда утром, как и сегодня. Отнесу мяса в чаше. Наверное, они дают понять, что делятся с нами пищей.

— Или с мастодонтами, — возразил Сорли.

— Неизвестно, — ответил Керрик. — Отнесу им мяса. Но не в чаше. На узорчатом плетеном блюде.

Вечером Армун выбрала лучшее блюдо — она сама сплела его — и дочиста отмыла в реке.

— Возвращаться опасно, — сказала она. — Может быть, пойдет кто-нибудь другой?

— Нет, эти охотники запомнили меня. По-моему, опасности нет. Самое опасное было сегодня, когда я подходил к ним. Эти тану охотятся здесь, и, если мы хотим остаться, придется жить с ними в мире. А нам больше некуда идти... Давай поедим. Но лучшие куски мяса оставь, я возьму их с собой.

...Когда на следующее утро Керрик появился на луту перед рощицей, под деревьями никого не было. Но едва он отбросил копье в сторону и направился с блюдом вперед, под деревьями возникла знакомая фигура. Опустившись на землю, Керрик поставил блюдо перед собой. На этот раз чужак не выказывал страха и спокойно уселся на траву. Керрик съел кусок мяса и подвинул блюдо охотнику — тот отведал с явным удовольствием. Потом обернулся и громко крикнул. Из-за деревьев выступили пятеро охотников в такой же белой одежде, все черноволосые и безбородые.

Теперь испугался Керрик. Вскочив на ноги, он попятился. Двое из пришельцев несли копья. Они остановились, едва он вскочил, и, не скрывая любопытства, поглядели на него. Указав на них, Керрик сделал движение, будто бросает копье. Поняв его опасения, первый охотник что-то прокричал, и двое оставили копья на траве.

Керрик ожидал, сложив руки, стараясь не выдать тревоги. Как будто беспокоиться было не о чем. Но под своими белыми шкурами они могли скрывать ножи. Впрочем, даже ножи им были не нужны, вшестером они легко справятся с ним и убьют, если задумали. Придется рискнуть или все-таки убежать.

Когда охотники подошли ближе, Керрик заметил в руках у двоих короткие дубинки. Он показал на них и несколько раз ударил рукой, будто дубинкой. Они остановились, поговорили и после долгих раздумий догадались. Короткие палки вовсе не были дубинками. Один

из них пошел назад, туда, где оставили копья, и Керрик встал, готовый бежать, но оказалось, что охотник хотел показать ему, как обходиться с непонятым деревянным предметом. Взяв палку, он вложил копье тупым концом в углубление на ее конце, а потом откинулся назад и как будто выстрелил. Копье взлетело высоко в воздух и, упав, глубоко вонзилось в землю. Почему так получилось, Керрик не понял, но с помощью непонятой палки, копье пролетело много дальше обычного. И Керрик уже не пошевелился, когда охотник бросил палку рядом с копьем и направился к остальным.

Возбужденно тараторя высокими голосами, незнакомцы обступили Керрика. Он интересовал их, а они его. Охотники нерешительно трогали ножи из небесного металла, свисавшие с кольца на его шее, с удивлением прикасались к самому шейному кольцу. Керрик же не сводил глаз с их одежды: теперь было понятно, что это вовсе не шкуры. Когда он потрогал головной убор одного из охотников, тот немедленно снял его и передал Керрику. Материал был мягким, как мех. Приглядевшись, Керрик заметил, что он сплетен, словно корзина, из чего-то мягкого, похожего на волосы. Он хотел вернуть вещь, но охотник оттолкнул его руку и указал на голову Керрика. Когда тот надел убор на свою голову, все вокруг заулыбались с явным одобрением.

Первый контакт с чужаком явно казался темноволосым охотникам удачным, и они негромко переговаривались, что-то обсуждая. Потом пришедшие повернули обратно к роще. Первый охотник потянул Керрика за руку, указывая на идущих. Смысл был очевиден: они хотели, чтобы он отправился вместе с ними. Зачем? Что если чужаки хотят заманить его куда-нибудь и убить? Но они не обнаруживали никакого смущения или замешательства и сейчас уходили, на ходу подобрав с земли копья.

Это решило все. Керрик подумал, что, если бы в роще его поджидала засада, охотники не стали бы брать копья. Зачем, если в роще уже ждут с оружием? Пусть они видят: у него нет никаких подозрений. Нельзя обнаруживать страх. Нельзя и бросать собственное копье. Он указал на свое копье и отправился за ним. Но охотник первым оказался возле оружия. Он поднял его

и, держа наперевес, побежал назад. Керрик испугался. Но, подбежав, охотник подал ему копье, после чего направился следом за остальными. Керрик слегка ослабился. Похоже, они не обманывают и в самом деле миролюбивы. Он глубоко вздохнул; узнать правду он теперь мог только одним путем. Охотники поджидали его, остановившись на краю рощи.

Медленно выдохнув, Керрик отправился следом за ними.

Тропинка вела через вершину холма вниз. За холмом оказалось ущелье, промытое рекой, здесь она делала петлю среди холмов. К реке они спустились по протоптанной тропке и пошли вдоль берега.

Края ущелья над головой поднимались все выше. Вода бежала быстрее. Они шли по узкой песчаной полоске. Течение пересекала россыпь камней, вода пенилась и бурлила между огромными валунами. Потом им пришлось карабкаться вверх по огромной осыпи, перекрывавшей глубокое ущелье — здесь вода шипела среди камней и ударяла в отвесную скалу противоположного берега. Подниматься становилось труднее. Керрик поднял глаза вверх... и замер.

Сверху на него смотрели темноволосые охотники с копьями в руках. Он окликнул ушедших вперед спутников и показал на стоявших. Те поглядели вверх и разразились криками. Охотники наверху исчезли. Тяжело дыша, Керрик поднялся наверх и оглядел путь, которым пришел.

Осыпь исчезла из поля зрения за темными водами реки. С обеих сторон вздымались отвесные берега. Вооруженные охотники легко могли защитить созданное природой укрепление. Но что таилось внутри, под прикрытием скал? Любопытство вытеснило страх, и Керрик заторопился следом за новыми знакомцами.

Пейзаж вокруг медленно менялся. Скалистые берега раздвинулись, появились песчаные холмы, поросшие редкими растениями и хилыми деревьями. Потом почва стала ровнее, покрылась травой, показались ровные ряды невысоких кустов. Керрик все гадал, почему они так растут, пока не заметил кучку людей, копавшихся между рядами.

Приходилось удивляться и тому, что кусты растут ровными рядами, и тому, что за ними присматривают охотники. Мужчины заняты женским делом! Это было так непривычно. Но ведь иилане' тоже засаживали поля вокруг своего города. Почему же тану не способны на это? На полях тану мужчины могут выполнять женский труд. Зеленые ряды тянулись до темных отверстий в скалах, окаймлявших долину.

Навстречу им попалась группа женщин. Все они были в мягких белых платках. Женщины указывали на Керрика и трещали все разом. Он мог бы ощущать сейчас страх: один в этой долине среди темноволосых чужаков — но ему было так интересно, что страх забылся. Если бы его хотели убить, то сделали бы это давным-давно. Впереди дымили костры, бегали дети, утесы медленно приближались, и он вдруг понял... и остановился.

— Город! — громко произнес он. — Город тану, похожий на город иилане'.

Охотники, за которыми он шел, остановились и терпеливо ждали, пока он осматривался. К каждому отверстию в скале были приставлены бревна. По ним залезали в пещеры: сейчас почти из каждой на него глядели людские лица. Тут тоже царила суета, как и в городе иилане'. Керрик увидел, что тот самый охотник, с которым он пил воду, предлагает ему залезть в темную дыру, зиявшую у подножия утеса.

Керрик вскарабкался по бревну. Над головой нависали каменные своды. Он заморгал, пытаясь что-то разглядеть в полумраке. Охотник показал на каменную стену.

— Валискис, — произнес он знакомое слово.

Керрик взглянул на поверхность скалы, начиная понимать, что имел в виду охотник.

На скале были нарисованы звери, в основном олени, а над ними красовался мастодонт почти в натуральную величину.

— Валискис, — повторил охотник, поклонившись изображению могучего зверя: — Валискис.

Керрик утвердительно кивнул, не понимая, зачем здесь изображение. Как и черный контур мастодонта на чаше, оно было похоже на настоящего зверя. Остальные

рисунки тоже были очень похожими. Оглянувшись, он прикоснулся к изображению оленя, называя его. Но слова не интересовали черноволосого. Он повернул обратно к выходу и поманил Керрика за собой.

Керрик хотел остаться, чтобы осмотреть все, но охотник звал его к одному из бревен с зарубками, уходившему вверх по утесу. Он ловко забрался вверх на площадку и замер, ожидая Керрика. Тот последовал его примеру. Там оказался вход в пещеру. Чтобы войти, пришлось пригнуться. На каменном полу стояли горшки и что-то еще, в углу кучей были навалены шкуры. Охотник заговорил, и из-под шкур откликнулся чей-то слабый голос.

Керрик увидел, что под ним и лежал человек — видна была только его голова. На морщинистом иссохшем лице шевельнулись губы, открыв беззубые десны, и старческий голос прошелестел:

— Откуда ты явился? Как твое имя?

Глава двадцать первая

Когда глаза привыкли к полумраку пещеры, Керрик заметил, что кожа на лице старика была светлой, как и его собственная. И когда слабый голос зазвучал вновь, Керрик, вслушиваясь, разобрал почти все. Слова марбака в старческих устах звучали непривычно, речь скорее было похожа на говор Хар-Хаволы и людей его саммада, людей из-за гор.

— Имя, имя... — раздался голос.

— Я Керрик, мы пришли из-за гор.

— Это я знаю, да: у тебя светлые волосы.

Подойди поближе, чтобы Хаунита видела тебя. Да, ты тану. Ну видишь, Саноне, разве я не говорила тебе, что сумею поговорить с ним. — Старуха сухо усмехнулась.

Керрик и Хаунита разговорились, а Саноне — так звали темноволосого охотника — слушал, одобрительно кивая, хотя не понимал ни слова. Без особого удивления Керрик обнаружил, что Хаунита — женщина, еще девушкой захваченная в плен охотниками. Не все слова ее были понятны Керрику: старуха иногда заговаривалась и время от времени засыпала. Один раз, проснувшись, она заговорила с ним на сесеке, языке саску — так называли себя темноволосые люди — и рассердилась, не услышав ответа. А потом она послала за едой. Керрик тоже поел. Когда день начал клониться к вечеру, Керрик сказал:

— Объясни Саноне, что я должен вернуться в свой саммад. Но я опять приду утром. Объясни ему.

Хаунита как раз заснула, всхрапывая и бормоча. Но Саноне, кажется, сам понял Керрика, проводил его до скал и что-то приказал двум воинам, охранявшим дорогу.

Почти весь обратный путь Керрик бежал, чтобы добраться к шатрам до темноты. Херилак давно беспо-

коился по поводу его долгого отсутствия — Керрика уже ожидали охотники, на ходу принявшие распрашивать его. Он первым делом напился прохладной воды, сел к костру и только потом заговорил. Возле него уселись Херилак, Фракен и саммадары, люди саммадов обступили их плотным кольцом.

— Узнайте же, — начал Керрик, — этих темных тану зовут саску. Они не собираются воевать с нами и прогонять нас. Они хотят помочь, даже дать нам еды, и все, по-моему, из-за мастодонтов.

Вокруг послышались удивленные возгласы. Рассказчик подождал, пока все утихнут.

— Я и сам озадачен этим: я не все понял из их слов. В пещере живет старуха, она говорит не всегда разборчиво, но ее можно понять. У саску нет мастодонтов. Они знают о них — вот и на чаше вырезан мастодонт... и в пещере у них нарисованы мастодонт и другие звери. Я не понял почему, но мастодонты им очень дороги, хотя у саску слонов нет. Но они видели наших, видели, что звери повинуются нам, а потому помогут, если только сумеют. Они не желают нам зла. У них есть много нужного: пища на зиму, такие вот чаши — слишком много всего, я даже и не вспомню все сразу. Утром я пойду туда с Херилаком. Будем говорить с ними, с их саммадарами. Что с нами будет потом, я пока не представляю, но уверен в одном — мы нашли надежное место для зимовки.

Тану нашли здесь не просто приют на зиму, они словно укрылись в этих краях от всех бурь мира. Иилане' в этих краях не бывали, саску даже не слыхали о них. И потому их не слишком волновало все, что случилось с охотниками, а старуха всякий раз не вовремя засыпала и забывала переводить. Важно было одно — они хотели, чтобы пришельцы остались с ними. Возможно, и потому, что саску часто тревожили набеги харванов, темнокожих охотников-северян. Плотина, перекрывавшая часть реки, была сперва небольшой, но саску годами валили на нее валуны, и теперь массивная преграда с севера преграждала путь в долину. За осыпью долина

становилась шире, между ее лесистыми берегами простиралась холмистая равнина, леса и пастбища. Далее к югу высокие скалы снова сходились, река сужалась, течение становилось свирепым, множество порогов и быстрин делали невозможным путь по воде. Но, несмотря на все, харваны время от времени беспокоили местных жителей, проникая в долину там, где кромка скал была не слишком высока, поэтому саску всегда приходилось быть бдительными. Но если тану будут держаться неподалеку, то харваны побоятся приходить сюда — и саску пообещали дать охотникам пищу. Такое соглашение устраивало обе стороны.

Саммады остались в шатрах возле реки, там были отличные пастбища, как и чуть повыше — на холмах. Охота оказалась не слишком удачной, и зима была бы голодной, если бы не помощь саску. Они не жадничали: поля возле реки обеспечивали изобилие. Взамен они ничего не просили, но радовались, если после удачной охоты им предлагали свежее мясо. А просили лишь поглядеть на мастодонтов; подходя к ним поближе, с предельным восторгом трогали лохматые шкуры.

Керрик радовался еще больше, чем они; все в жизни саску интересовало его. Другие охотники даже посмеивались над мужчинами, которые как женщины копошились в грязи. Керрик находил общее между полями здешних жителей и огражденными пастбищами иилане'; и то и другое гарантировало своим хозяевам пропитание во все времена года. Охотников было много больше, чем дичи, и потому тану были довольны, что Керрик столько времени проводит среди саску. Поначалу он частенько оставался ночевать в пещерах, а в конце концов забрал туда и Армун со всеми их шкурами и другими пожитками. Там ей обрадовались, женщины и дети дивились светлолицей Армун, поглаживали ее длинные легкие волосы.

Армун очень быстро сумела овладеть языком саску. Керрик частенько заходил к старой Хауните и учил слова саску, их речь. Выученные им слова заучивала Армун и, когда его не было рядом, разговаривала с другими женщинами. Когда она начинала говорить, те хихикали и прикрывали ладонями рты, и она улыбалась в ответ: в смехе их не было ничего обидного. Когда они

наконец понимали, что она пытается произнести, ей немедленно помогали: вновь и вновь твердили слова, как ребенку, и она повторяла за ними. Словом, через короткое время она стала учить Керрика. Он мог уже не полагаться на забывчивую старуху.

Армун старательно учила язык, а Керрик все свое время посвящал изучению жизни саску, их повседневных занятий и ремесел. Так он обнаружил, что твердые чаши изготавливают из мягкой глины, тонким слоем залегавшей у подножия холма. Глину размачивали водой, лепили сосуд, а потом ставили сушиться в жаркий очаг, сложенный из камня и той же самой глины. День и ночь в нем пылал огонь, и жар превращал глину в камень.

Еще интереснее были волокна, из которых саску делали веревки. Их получали из невысокого зеленого растения, называемого «харадис». Его семена были вкусны, а если размять их, выступало масло, которое саску использовали буквально повсюду. Но наибольший интерес представляли стебли растений.

Срезанные стебли харадуса бросали в неглубокие пруды и придавливали камнями, чтобы не всплывали. Через определенное время размокшие стебли извлекали и разбивали камнями. Потом их трепали — разделяли на отдельные волокна специальными инструментами с зубцами. Из волокон женщины свивали прочные нити. Сплетая их вместе, получали шнуры и веревки. Из них вязали сети для рыбной ловли и ловушек. Женщины ткали белые ткани, так нравившиеся Армун. Скоро она вовсе забросила свои меха и шкуры, облачившись, как женщины саску, в мягкую ткань из волокон харадуса.

Армун было хорошо среди саску, более счастливого времени в жизни она и не знала. Скоро должен был родиться младенец, и она радовалась теплу и уюту. Не надо маяться морозной зимой в холодном шатре. Она не собиралась перебираться через скальный барьер к саммадам, чтобы родить в шатре. Главная причина была не в ее неповоротливости. Ее собственный саммад был при ней, и саммадар его, Керрик, тоже. Жизнь свою Армун стала считать настоящей лишь с того дня, когда он заглянул ей в лицо и не засмеялся. Не смеялись над ней и саску, они и не замечали раздвоенной губы, — так нравилась им ее нежная кожа, светлые волосы, белые,

словно харадис. Так саску и говорили: они напоминали им эту белую ткань. Здесь она чувствовала себя как дома и уже разговаривала непринужденно, училась прясть и готовить овощи. Младенец родится здесь.

Керрик не думал возражать и одобрял ее выбор. В пещере было чисто, мягкие ткани создавали уют, совсем не такой, как в продувавшемся ветром шатре с потертыми, блохастыми шкурами. Жизнь саску во многом напоминала ему хлопотливый быт иилане'. Но он и вспоминать не хотел о мургу, и когда жизнь наталкивала его на какие-то аналогии, он старался побыстрее выбросить их из головы. Горы и пустыня... за этой преградой иилане' их не разыщут. Так будет, теперь у него появились обязанности, важнее которых ничего не было. Рождение ребенка — важная вещь. Пусть лишь для него и Армун. А саску ожидали другого рождения и могли толковать только о нем.

На сносях была самка мастодонта, Дооха. Это будет ее четвертый детеныш, потому и она, и саммады с полной невозмутимостью ожидали события.

Все, кроме саску. Керрик уже начинал в какой-то мере понимать почтение, испытываемое ими к мастодонтам. Им было ведомо многое, о чем не подозревали тану. Они знали духов скал и зверей, и страну, что за небом, и даже о том, каким был этот мир и каким он будет.

Среди саску жили особые люди, их называли мандукто, которые не делали ничего другого, а только помнили обо всем этом. Первым и главным из них был Саноне, он возглавлял всех мандукто, а те в свою очередь — остальных саску. Власть его напоминала эйстаа иилане'. И потому, когда Саноне послал за ним, Керрик явился немедленно.

Саноне сидел в пещере перед изображением мастодонта и жестом указал Керрику место возле себя.

— Вы пришли издалека в эту долину, — начал Саноне. Как и тану, саску не любили поспешности в разговоре. — Вы пришли издалека, вы бились с мургу, что ходят, как люди. Таких мургу мы еще не встречали, расскажи мне о них.

Керрик часто рассказывал ему об иилане' и понял, что этот разговор лишь предваряет вопрос, ради которого Саноне позвал его сюда.

— Ай, убийцы! Ай, свирепые! — восклицал Саноне, слушая рассказ. — И они убивали не только тану, но и мастодонтов?

В голосе его слышался явный ужас.

— Да.

— Ты немного знаешь о нашем почтении к мастодонтам. Видишь рисунок? Я скажу тебе, почему мы так уважаем этих гигантов. Чтобы ты понял, я объясню тебе, как возник этот мир. Это Творец, Кадайр, создал мир таким, каким ты его видишь. И приказал рекам течь, дождю проливаться и расти урожаю. Он создал все. Но когда он сотворил мир, повсюду была одна каменистая пустыня. Тогда он принял облик мастодонта. И когда Кадайр-мастодонт топнул ногою, скалы расступились, и между ними легли долины. Из хобота мастодонта пролилась вода — и побежали реки. А из помета мастодонта стала почва — и выросли на ней травы. Так мир наш стал цветущим. Так начался он. И когда Кадайр покинул обличье мастодонта, он оставил их род на земле, чтобы мы помнили, кто сотворил этот мир. Вот почему мы поклоняемся мастодонту. Теперь ты понял?

— Я понял и с почтением услышал об этом.

— О, вы оказали нам честь своим приходом сюда. Ты главный среди людей, живущих с мастодонтами, и ты привел их сюда. За это мы вам благодарны. Сегодня ночью собирались мандукто, мы говорили, а потом спрашивали у звезд. И в небе было знамение: падали звезды, и след их вел сюда. Есть в этом тайный смысл. Мы знаем теперь, что Кадайр привел сюда саммады по особой причине. Этой ночью все прояснилось. Он направил сюда ваш народ, чтобы мы увидели рождение детеныша могучего зверя. — Саноне наклонился вперед и с огромной озабоченностью в голосе проговорил: — Можно ли перегнать сюда самку? Важно, чтобы слоненок родился здесь, среди мандукто. Почему — я не могу тебе объяснить, это тайна, о которой нельзя говорить. Но обещаю, если это случится, вы получите великие дары. Ты сделаешь это?

Керрик уважал их убеждения, хоть и не всегда понимал их, и промолвил с осторожностью:

— Сам я, не задумываясь, ответил бы «да», но решать не мне. Это право саммадара, которому принадлежит

самка по имени Дооха. Но я объясню и ему, и всем остальным, как это важно.

— Ты даже не представляешь, как это важно. Отправляйся скорей к саммадарам. Я пошлю с тобой мандукто с дарами, дабы подкрепить ими наше чистосердечие.

Когда Керрик вернулся, Армун спала. Тихо, чтобы не разбудить ее, он надел обувь с толстыми подметками и осторожно вышел. Внизу у скалы его ожидал Саноне. С ним были двое мандукто помоложе, сгибавшихся под тяжестью плетеных корзин за спиной.

— Они проводят тебя, — произнес Саноне. — Когда ты поговоришь с саммадаром, скажешь им, согласен ли он. Они быстро передадут все мне.

Керрик был рад размять ноги: он уже давно не был на стоянке. Возле скал он заметил, что вода поднялась: снег уже таял в дальних долинах. Перебравшись за скалы, он сперва заторопился, но остановился, поджидая тяжело нагруженных мандукто.

Они шли через рощу к тому самому луку, где он встретил Саноне. Он уже видел реку, и вот-вот покажется лагерь.

...Он увидел лишь пустую, вытоптанную поляну.

Саммадов не было.

Глава двадцать вторая

Исчезновение саммадов удивило Керрика и встревожило. Реакция же обоих мандукто была неожиданной. Опустившись на колени, они горестно зарыдали. И так велико было горе, что они не обращали внимания на слова Керрика. Пришлось их дергать за руки.

— Мы пойдем следом и разыщем их. Они не могли уйти далеко.

— Они исчезли, они погибли, они оставили эту землю, умерли мастодонты... — причитал младший.

— Ничего подобного. Саммады тану не живут на одном месте, как саску. У нас нет ни полей, ни убежищ в скалах. Тану вечно бродят в поисках пищи, в поисках лучшей охоты. На этой стоянке они провели всю зиму. И они не могли уйти далеко, не предупредив меня. Пойдем, их нетрудно разыскать по следам.

Следы откочевавшего саммада как всегда было легко читать. Глубокие колеи сперва повели на север, потом повернули на запад — к невысоким холмам.

Вскоре Керрик заметил впереди тонкие струйки дыма и указал на них сразу приободрившимся мандукто. Борозды и следы вели к реке, где высокий склон осыпью спускался к воде. Мандукто заторопились. При виде мастодонтов недавний страх уступил место воодушевлению. Их приближение заметили дети и побежали к стойбищу сообщить новость. Херилак вышел навстречу, усмехнулся, заметив белую одежду на Керрике.

— На лето согонится, а зимой замерзнешь. Идем, садись с нами, выкурим трубку, расскажешь обо всем, что делается в долине.

— Так я и сделаю. Но сперва пошли за Сорли. У саску дары для него... и просьба.

Подошедший Сорли заулыбался при виде пирогов из молотого зерна, сладких свежих корней, редкостного драгоценного меда. Озабоченные лица мандукто проявились при виде улыбки, не сходявшей с его лица, когда он заглядывал в корзины.

— Добрая еда после зимы. Но зачем эти дары?

— Я объясню, — серьезно ответил Керрик, указывая на дары и мандукто. — Только не смейся и не улыбайся. С точки зрения этих людей — речь идет об очень серьезном деле. Вспомни-ка о еде, которую они нам дарили... и подарят еще. Ты слышал, что они с величайшим почтением относятся к мастодонтам?

— Да. Я не понимаю причин, но они, конечно, есть, иначе эти люди так не поступали бы.

— Есть, и очень важные. Если бы не мастодонты, они бы не стали нам помогать. И мандукто пришли сейчас с просьбой. Они хотят, чтобы ты позволил отогнать самку по имени Дооха в долину, чтобы слоненок родился именно там. Они обещают кормить ее и обихаживать все это время. Ты согласен?

— Они хотят забрать ее? Я не позволю.

— Они не собираются забирать ее. Просто она побудет среди них, пока не родится детеныш.

— В таком случае — пусть. Какая разница, где он родится.

— Скажи это значительным тоном, как ты умеешь. Они слушают.

Сорли медленно повернулся к обоим мандукто и поднял руки ладонями вверх.

— Да будет так, как вы просите. Я сам отведу ее сегодня в долину.

Керрик повторил его слова на сесеке, и оба мандукто почтительно поклонились.

— Поблагодари саммадара, — сказал тот, что постарше. — Скажи ему, что наша благодарность будет жить вечно. А теперь мы должны отнести это слово саску.

Глядя им вслед, Сорли покачал головой.

— Не понимаю и не пытаюсь понять. Но мы будем есть их пищу, а потому воздержимся от вопросов.

Потом начался пир, все саммады попробовали свежей еды. Керрик, просидевший на кушаньях саску

целую зиму, не притрагивался к ним, а с удовольствием жевал жесткое копченое мясо. Когда с едой было покончено и раскурили каменную трубку, Керрик с наслаждением потянул дымок.

— Это место лучше старого? — спросил он.

— Пока лучше, — ответил Херилак. — Звери здесь лучше пасутся, но охота такая же неверная. Чтобы найти дичь, приходится уходить в горы, а это опасно — там всегда могут оказаться темнокожие.

— А что будем делать потом? Пусть охота плоха, еды хватит — саску дадут.

— Хватит на зиму, но не на всю жизнь. Тану охотники, а не попрошайки. Можно было бы попытаться поохотиться южнее, но путь туда преграждают голые и безводные холмы. Быть может, придется попробовать.

— Я разговаривал с саску об этих холмах. Там есть долины, где неплохая охота. Только там всюду каргу — так они зовут темнокожих. Эта дорога закрыта. А на запад вы не пытались проникнуть?

— Однажды мы зашли в пустыню на шесть дней, но пришлось возвращаться: в песках растут только колючки.

— Я говорил с саску об этом. Они сказали, что за пустыней леса, надо только суметь добраться до них. И, по-моему, они знают путь через пустыню.

— Тогда расспроси их об этом. И если мы сумеем перебраться через пески и найдем края с доброй охотой, где нет мургу... что же, мир опять станет таким же, каким был до наступления холодов, до нападения мургу. — При этих словах лицо Херилака помрачнело, и он уставился невидящими глазами в потухший костер.

— Забудь о них, — произнес Керрик, — им сюда не добраться.

— Если бы они могли уйти из моей памяти... Во сне я вновь вижу свой саммад. Слышу и вижу охотников, женщин, детей, огромных мастодонтов, впряженных в травойсы. И мы смеемся и едим жареное мясо. А потом я просыпаюсь и вспоминаю... все они мертвы, и кости их белеют в песке на далеком берегу. И когда мне снится такое, вот эти саммады становятся мне чужими, и я хочу только идти и идти. Туда, за горы, и отыскать мургу и убивать их... чтобы убить побольше, прежде

чем сам умру. Быть может, среди звезд я обрету покой. Тхармы не видят снов. И муки воспоминаний закончатся.

И рослый охотник в бессильном гневе сжимал кулаки. Керрик понимал его, он и сам ненавидел иилане'. Но сейчас, когда рядом Армун, когда вот-вот должно появиться на свет его дитя, он не мог пожелать для них троих ничего лучшего, чем жить среди саску. Он не мог забыть иилане', но они были где-то там, в прошлом, а сейчас он хотел только жить.

— Пойдем со мной к саску, — проговорил он. — Побеседуем с мандукто. Они знают о многом, и если есть путь через пустыню, то они знают о нем. Если саммады уйдут за пустыню, то она и горы двойной оградой отделят тебя от мургу. И ты сможешь позабыть о них.

— Хотелось бы... Ох, как хотелось бы! Больше всего хочу я забыть мургу, не помнить их днем, не видеть во сне. Да, пойдем говорить с темноволосыми.

В отличие от многих охотников, Херилаку не были смешны мужчины саску, работавшие в полях, сильные мужи, что копались в грязи как женщины, вместо того чтобы преследовать дичь, как подобает охотникам. Он ел их еду целую зиму. И когда Керрик показал ему, как выращивают урожай, Херилак внимательно смотрел и слушал.

Он увидел, как сушат тагасо, как стебли с початками подвешивают к деревянным рамкам. Здесь повсюду водились крысы и мыши, которые вовсю жирели бы на даровых кормах, если бы не бансемнилы — длинные и остроносые твари, на спинах которых частенько сидели малыши, цепляясь за хвост матери своими хвостиками. Они подстерегали вредителей в темноте и пожирали.

Охотники остановились, чтобы поглядеть, как женщины извлекали из початков сухие зерна и дробили между камнями. Грубую муку мешали с водой и пекли над огнем. Гостям предложили горячего хлеба. Херилак съел пару лепешек, обжигая пальцы и обмакивая хлеб в мед. Когда на язык попадались перчинки, на глаза набегали слезы блаженства.

— Хорошая еда, — похвалил он.

— И всегда в избытке. Они сеют, собирают и хранят зерно, вот и все, ты сам видел.

— Я видел. И я понял, что поля тоже зависят от них, как и они от полей. Они должны оставаться на одном месте всю жизнь. Такое подходит не каждому. Если однажды я не смогу свернуть свой шатер, чтобы отправиться в путь, зачем мне жить?

— Может быть, они думают о тебе то же самое. А им, возможно, каждый вечер хочется возвращаться к своему костру, каждое утро видеть все те же поля.

Подумав, Херилак кивнул.

— Да, быть может. А ты, Керрик, умеешь на все поглядеть другими глазами, наверное, потому, что столько лет прожил среди мургу.

Вдруг раздался чей-то голос, звавший Керрика. Одна из женщин-саску торопилась им навстречу и что-то кричала пронзительным голосом. Керрик прислушался.

— Ребенок родился! — радостно воскликнул он и бросился вслед за женщиной.

Оставшись один, Херилак неторопливо продолжал путь.

Керрик волновался, потому что Армун в последнее время очень расстраивалась. Она каждый день плакала, вновь ожили все ее прежние страхи: дитя их окажется девочкой, и будет похоже на нее, и над ребенком станут смеяться, как смеялись над нею. Керрик не в силах был успокоить ее, опасения могло развеять только рождение ребенка. Среди здешних женщин есть искусные повивальные бабки, говорили ему, и, карабкаясь вверх по бревну, он искренне на это надеялся.

Лицо жены было красноречивее всяких слов. Все было в порядке.

— Погляди, — произнесла она, разворачивая белую ткань, укутывавшую младенца. — Погляди. Мальчик. Таким может гордиться каждый отец. Красивый и сильный.

Керрику еще не приходилось так близко видеть младенца. Дитя оказалось морщинистым, лысым и красным. Ничего похожего на себя молодой отец решительно не видел, но у него хватило ума не высказать свое мнение.

— И какое ты дашь ему имя? — спросила Армун.

— Какое хочешь: вырастет — получит имя охотника.

— Тогда назовем его Арнхвит. Я хочу, чтобы он вырос сильный, красивый и свободный, как эта птица.

— Хорошее имя, — согласился Керрик. — Ведь арнхвит еще и хороший охотник, у него острый глаз. И только арнхвит может замереть в воздухе, а потом камнем упасть на добычу. Наш сын начнет жизнь с таким именем.

В этот миг в пещеру с легкостью влез по бревну Херилак. Он увидел Армун, окруженную женщинами, увлеченно следившими за кормлением. Рядом стоял гордый Керрик. Херилак одобрительно кивнул.

— Погляди, какие сильные руки, — сказал он. — Как вцепился! Могучие руки. Будет великий охотник!

Убранство жилища понравилось Херилаку. И глиняные горшки для еды и питья, и плетеные коврики, и мягкие ткани.

Взяв с каменного выступа украшенный тонкой резьбой деревянный ящичек, Керрик сказал:

— Вот еще один секрет саску. Я сейчас покажу тебе. Если это у тебя есть, нет нужды тереть палку или носить с собой огонь.

Херилак с удивлением смотрел, как Керрик извлек из шкатулки кусок темного камня, потом второй камень с бороздками по всей поверхности. Высыпав горстку древесного порошка, Керрик быстро ударил камнем о камень. Высеченная искра попала в древесную пыль. Осталось только раздуть вспыхнувший огонек. Взяв оба камня в руки, Херилак изумился:

— В этом камне спрятан огонь, а второй камень открывает ему дорогу. Познания саску загадочны и таинственны.

Херилаку было интересно решительно все, что делалось вокруг. Заметив это, Керрик стал рассказывать ему о том, как прядут нити и вяют веревки, а потом показал на дымящийся очаг, в котором обжигали горшки.

— А вон там, на подставках — красные ягоды, от которых у тебя полились слезы. Их сушат и толкут. В амбарах хранятся сладкие корни и тыквы. Они очень вкусны печеными, из семян готовят муку. Здесь всегда хватает еды. Никто не голодает.

Керрик был весел и доволен. Херилак заметил это.

— Ты останешься здесь? — спросил он.

Керрик пожал плечами.

— Не знаю еще. Я привык к такой жизни, ведь я много лет провел в городе иилане'. Здесь нет голода, а зимой тепло.

— И твой сын не будет выслеживать оленей, а станет копать в земле словно женщина?

— Необязательно. Охотники есть и среди саску. С этими своими копьеметалками они ловко бьют оленей.

Херилак ничего более не сказал, но его лицо было красноречивее всяких слов. Да, все это весьма интересно и вполне годится для тех, кто здесь родился, но с жизнью охотника сравниться не может. Керрик не хотел спорить с ним. Он переводил взгляд с Херилака на копошащихся в полях саску и чувствовал, что понимает и тех и других... Так же понимал он и иилане'. Не впервые он чувствовал себя неприкаянным в этой жизни: и не земледелец, и не охотник, не зверь, не мараг... Взгляд его упал на Армун с сыном на руках, и он понял, что теперь в жизни у него есть свой саммад, каким бы маленьким он ни был. Армун прочитала это в его глазах и улыбнулась в ответ, и он ласково ей улыбнулся...

У входа в пещеру Керрика окликнула женщина:

— Пришел мандукто, он хочет с тобой говорить.

На пороге стоял мандукто. Озираясь по сторонам, он нерешительно сказал:

— Все случилось так, как говорил Саноне. Масто-донт родился, и твой сын тоже. Саноне хочет говорить с тобой.

— Возвращайся к нему. Скажи, что мы с Херилаком сейчас придем. — Он обернулся к охотнику. — Посмотрим, чего хочет Саноне. А потом поговорим с мандукто, выясним, известен ли им путь на запад через пустыню.

Керрик знал, где бывает Саноне в это время дня. Солнце уже опускалось за горизонт, и косые лучи его светили в пещеру у подножия утеса, озаряя рисунки. Как и Фракен, Саноне знал многое и о многом мог бы петь от восхода до заката. Но знаниями своими Саноне делился с другими мандукто, особенно с теми, кто помоложе. Он пел, а они повторяли за ним, заучивали слова. Керрику разрешалось присутствовать и слушать.

Он понимал, что ему оказывают честь: это позволялось только мандукто.

Подойдя к входу, Керрик увидел, что Саноне, скрепив ноги, сидит перед огромным изображением мастодонта и смотрит на него. Сидевшие рядом трое мандукто помолже внимательно слушали.

— Подождем, пока он закончит, — прошептал Керрик. — Он рассказывает о Кадайре.

— О чем?

— Не о чем, а о ком. Здесь не знают о Ерманпадаре. Им не известно, что он создал тану из речного ила. Они говорят о Кадайре, который ходил по земле в обличье мастодонта, когда ничего не было. Он почувствовал себя одиноким и так топнул о черный камень, что тот раскололся и оттуда появился первый саску.

— И они верят в это?

— Да, и очень верят. Они видят во всем этом огромный смысл. Они знают о многом, о духах, что живут в камнях и воде... И все это сотворил Кадайр. Все.

— Теперь понятно, почему они приняли нас и накормили. Мы пришли с мастодонтами. А своих у них нет?

— Нет. Только картинки на стене. И они уверены, что мы привели сюда мастодонтов неспроста. А теперь, когда родился слоненок, они наверняка смогут сказать почему. Я не все понимаю, но знаю, что все это очень важно... Молодые уходят, теперь можно поговорить с Саноне.

Саноне поднялся и поспешил навстречу гостям. Приветствуя их, он улыбался.

— Родился детеныш мастодонта. Вам это известно? Мне сказали, что и твой сын родился. Все это очень важно. — Немного помолчав, он спросил: — Ты уже дал сыну имя?

— Да. Я назвал его Арнхвит, что на нашем языке значит «сокол».

Поколебавшись, Саноне склонил голову и заговорил:

— Тому, что они родились в один день, есть причина, как есть причина всему, что случается на этом свете. Ты привел сюда мастодонтов — и не случайно. Твой сын родился в тот же день, что и слоненок — и не без причины. Ты назвал его Арнхвитом — и знаешь зачем. Вот наша просьба. Мы хотим, чтобы именем твоего сына

звали и слоненка. Для нас это очень важно. Как ты думаешь, согласится ли саммадар?

Керрик не улыбнулся, услышав странную просьбу: он знал, насколько серьезно это для Саноне и его народа.

— Пусть будет так. Я уверен, что саммадар согласится.

— Мы пошлем новые дары саммадару, чтобы он не противился нашей просьбе.

— Он согласится. Но и мы хотим кое-что. Вот Херилак, который водит в битвы людей валискиса.

— Скажи ему, что мы приветствуем его, ибо его победы привели сюда валискиса. О его приходе нам известно. Соберутся мандукто, и мы выпьем порро, приготовленное по этому случаю.

Когда Керрик сказал, что прихода Херилака ожидали, тот удивился.

— Как они узнали? Разве это возможно?

— Я не знаю, как они сделали это, но уже убедился, что будущее им известно куда лучше, чем старому Фракену с его совиными кучками. Однако я многого еще не понимаю в них.

Мандукто сходились молча, каждый нес большой глиняный горшок тонкой работы с лепной фигуркой мастодонта. Чаши для питья были украшены подобным же образом. Саноне сам зачерпнул темной пенистой жидкости и первую чашу поднес Херилаку. Пригубив напиток, Керрик удивился легкой, но странно приятной горечи его. Он осушил чашу следом за остальными, и ее вновь наполнили.

Очень скоро он почувствовал странное головокружение и какую-то ясность в голове. Судя по выражению лица Херилака, и тот ощущал себя подобным образом.

— Вот вода Кадайра, — нараспев произнес Саноне. — В ней к нам приходит Кадайр и дает знак, что все видит и слышит.

Керрик подумал, что Кадайр существо куда более могущественное, чем он прежде предполагал.

— Кадайр привел сюда людей валискиса. Это все знают. Когда слоненок родился, тогда обрел жизнь и сын Керрика, чтобы отец дал ему имя. А теперь вождь людей валискиса пришел к нам, чтобы мы направили его через пустыню на запад.

Когда Керрик перевел эти слова, глаза Херилака удивленно округлились. Эти люди умели читать будущее! И он внимательно вслушивался в слова Саноне, ожидая пояснений от Керрика.

— Люди валискиса оставят нас, ибо труд их завершен. Кадайр опять воплотился на земле. И слоненок Арнхвит останется с нами. Так будет.

Херилак и не думал возражать. Теперь он верил, что Саноне читает будущее и слова его вещи.

Головокружение начинало проходить, и Керрик только надеялся, что и Сорли так же спокойно примирится с потерей слоненка. Но сделка все равно оставалась выгодной, если учесть, что саску кормили их всю зиму.

Саноне указал на молодого мандукто.

— Вот Мескавино. Он силен и покажет вам дорогу через пустыню. Я открою ему секрет, расскажу, где в пустыне есть вода, и он запомнит. Я назову приметы, и он запомнит. Никто не сможет перейти пустыню иным путем.

Саммады уйдут, думал Керрик. Но идти ли с ними? Им было легко решать, не то что ему. Что ждет его? Он хотел спросить у Саноне, но боялся услышать его ответ.

В чашу его вновь налили порро, и он жадно припал к ней.

Глава двадцать третья

Эта была долина саску: широкая, богатая; она простиралась от одной стены неприступных скал до другой. А в начале времен кругом были только скалы, которые рассек Кадайр в первый день творения. Так говорили. И Ненне верил в это, ведь свидетельство лежало перед глазами. Кто кроме Кадайра мог разделить скалы как мягкую глину? Он, Кадайр, расколол горы и почву, а на дне долины прочертил русло реки и наполнил его чистой водой. Это было ясно. Ненне сидел в тени возле скалы и размышлял об этом: он всегда внимательно слушал и запоминал, когда Саноне рассказывал о подобных вещах. Охраняя долину, он всегда предавался подобным размышлениям.

В мгновение ока расколоть скалы мог только Кадайр, но время истачивало даже горы. В этом месте случился обвал: высокий обрыв обрушился, и по осыпи можно было спуститься в долину. Этим путем саску отправились на охоту, потому-то Ненне и сидел, наблюдая за склоном: где прошел один человек, пройдут и другие. В ближних горах охотились на каргу.

Между камнями что-то шевельнулось: птица или зверек, подумал Ненне. А может быть, и нет. Саску не трогали каргу, если те держались подальше. Им даже позволяли приходить с миром — менять мясо на ткани и горшки. Но за ними следили: каргу всегда предпочитали красть. И еще от них скверно пахло. Каргу жили как звери под открытым небом и, конечно же, были куда ближе к животным, чем к саску, хоть и обладали даром речи. Но говорили они неразборчиво, от шкур их разило, от них самих тоже. Быстрое движение повторилось, и Ненне вскочил на ноги, вскинув копье.

Там кто-то шел, какое-то крупное существо пробиралось среди валунов. Ненне вложил копье в копьеме-талку.

Теперь стало видно, что это каргу. Он, должно быть, устал, потому что часто останавливался, чтобы передохнуть. Ненне следил за ним не шевелясь, пока не убедился, что каргу один. Ненне затаился в удобном месте; сверху была видна все тропа. Этим путем пройдет каждый спускающийся в долину. И когда Ненне убедился, что других каргу не видно, он бесшумно прыгнул с выступа.

Послышались стук камней и торопливые шаги. Охотник вошел в расщелину между высокими скалами-часовыми, караулившими вход в долину. И когда он проходил мимо, Ненне прыгнул вперед и тупым концом копья сильно ударил в спину незваного гостя. Каргу хрипло вскрикнул и упал. Ненне наступил ногой ему на руку, отбросил подальше его копье и ткнул наконечником своего копья в грязную шкуру, покрывавшую живот каргу.

— Вашим людям нет пути в долину.

Чтобы слова прозвучали убедительнее, он покрутил наконечником копья. Каргу сурово посмотрел на него, темные глаза едва виднелись во включенных волосах.

— Я пройду... потом в горы, — прохрипел он.

— Ты пойдешь обратно. Или останешься здесь навсегда.

— Быстрее пройду через долину. К другим саммадам.

— Ты пришел сюда красть, не придумывай. Ваши люди не ходят через долину, ты знаешь это. Почему же ты вдруг надумал пойти этим путем?

Неохотно и бессвязно каргу рассказал ему о том, что случилось.

Порро кончился, и Керрик был этому рад. Напиток странным образом действовал на его голову. Он еще не понял, хорошо это или нет. Керрик встал, потянулся и вышел из пещеры с изображением мастодонта, к нему присоединился Херилак. Они смотрели, как Саноне возглавляет торжественное шествие мандукто к ново-

рожденному мастодонту, уютно устроившемуся на соломенной подстилке. Они дружно пели, и Саноне помазал красной краской крошечный хобот. Внимание людей к младенцу не беспокоило его мать; она спокойно жевала зеленую ветку.

Керрик хотел заговорить, но на речном берегу появились двое людей, сразу привлечших его внимание. Один из них, темноволосый, одетый в шкуры охотник мог быть только каргу. О причинах его появления здесь можно было догадываться. Керрик знал, что охотники каргу изредка приходят сюда для обмена, но в руках этого ничего не было. Следом за ним с двумя копьями в руках торопился охотник саску. Он подтолкнул охотника в спину одним из копий, показал в сторону Саноне — и оба заспешили к главе мандукто.

— Что это? — спросил Херилак. — Что случилось?

— Не знаю. Послушаем.

— Вот он пришел в долину, — начал Ненне. — Саноне, я привел его к тебе, чтобы ты услышал его слова. — И он вновь подтолкнул копьём каргу. — Говори! Все, что рассказал мне...

Каргу, хмурясь, огляделся, грязной рукой размазал по лицу пот.

— Я был в горах, охотился один, — нерешительно начал он. — Всю ночь у родника. Олень не пришел. Вернулся утром к шатрам. Все мертвы.

Холодное и ужасное предчувствие сжало сердце Керрика.

— Мертвы? Весь твой саммад? Что случилось? — спросил Саноне.

— Мертвы. Ардеридх-саммадар без головы. — Каргу провел пальцем по горлу. — Нигде ни стрелы, ни копы. Все мертвы. Только вот это.

Порывшись в одежде, он достал сложенный кусочек кожи и медленно развернул его. И пока он делал это, Керрик уже знал, что увидит сейчас.

Маленькие, острые, словно оперенные иглы от хесотсана.

— Они здесь! Они шли за нами! — корчась, словно от боли, громко завопил Херилак.

Размахнувшись, он изо всех сил ударил кулаком охотника по руке, и каргу вскрикнул от боли. Иглы упали на землю, и Херилак стал яростно топтать их.

Саску смотрели на него с удивлением и пытались понять, что происходит. Саноне взглядом потребовал у Керрика объяснений. Но как и Херилак, Керрик ощущал в этот миг лишь злобу. И еще страх. Вздохнув, он наконец заговорил:

— Это они. С юга. Мургу. Те самые, что ходят, как тану. Они пришли сюда.

— Те самые мургу, о которых ты говорил мне? Те, от которых вы бежали?

— Они. Вы не видели их, не знали, что они существуют. Что они ходят и говорят, строят свои города и убивают тану. Они истребили весь мой саммад, весь саммад Херилака. Всех охотников, всех женщин, всех детей. И мастодонтов. Всех убили.

При этих словах Саноне скорбно кивнул. И надолго задумался. Он думал и молчал, потому что уверенности еще не было. Уверенность пришла... Он знал учение, а значит, ведал и о том, что только одно существо может посягнуть на жизнь мастодонта.

— Карогнис... — произнес он так зловеще, что стоявшие возле него поежились и отступили. — Карогнис пришел в наши края, он бродит неподалеку.

Керрик слушал его вполуха, занятый своими мыслями.

— Что делать нам, Херилак? Снова бежать?

— Мы опять побежим, они снова будут преследовать нас. Я чувствовал наступление этого дня. Теперь мне понятен смысл моих снов. Я выйду навстречу им и буду биться. А потом я умру. Это будет достойная война смерть; множество мургу падет от моей руки.

— Нет! — рявкнул Керрик, словно отвесил пощечину. — Это было бы правильно, будь ты один, если бы тебе не оставалось ничего другого, кроме смерти. Но ты — сакрипекс! Или ты хочешь, чтобы все охотники и саммады погибли рядом с тобой? Или ты забыл, что мургу, как песка на морском берегу? Битва сулит нам только поражение. А теперь отвечай, кто ты: сакрипекс, что поведет нас в бой, или охотник по имени Херилак, который хочет в одиночку выйти навстречу мургу и умереть?

Старший охотник смотрел на него сверху вниз, огромные кулачищи сжимались и разжимались. Могучие руки, способные убить на месте. Но и Керрик был разгневан и в холодном молчании дожидался ответа.

— Керрик, слова твои грубы. Никто не смеет так говорить с Херилаком.

— Я маргалус и обращаюсь к сакрипексу. С охотником Херилаком я буду разговаривать по-другому, мне ведома его скорбь и боль его — моя боль. — Голос Керрика смягчился. — Ты должен выбирать, великий Херилак, и никто не сможет помочь тебе в этом.

Херилак молча смотрел под ноги, стиснув кулаки так, что побелели костяшки. Потом он медленно кивнул, и в словах его слышалось понимание и уважение.

— Итак, время сыну учить отца. Ты хочешь напомнить мне, как я когда-то заставил тебя выбирать. Тогда ты послушал меня и ушел от мургу, снова стал тану, охотником. Если ты смог тогда одолеть себя, значит, и я должен позабыть о своих снах и снова стать сакрипексом. Но ты маргалус. Скажи нам, что затеяли мургу.

Вспышка окончилась, о размолвке можно было забыть. И надо было решать. Керрик смотрел на охотника каргу, не замечая его, пытаясь представить, что делают иилане' и фарги, явившиеся в эти края. Что они делают и делают. Каргу долго ежилась под его невидящим взором. Наконец Керрик обратился к нему:

— Ты охотник. Ты видел, что весь саммад твой погиб. Какие следы видел ты? Какие знаки?

— Много следов... звери, которых я не видал. Пришли с юга, ушли на юг.

В душе Керрика вспыхнул лучик надежды. Повернувшись к Херилаку, он перевел ему слова каргу и добавил собственные предположения о передвижениях иилане'.

— Они вернулись назад — маленький отряд присоединился к большому войску. Одной маленькой группе фарги сюда не добраться. Птицы носят их соглядатаев, и иилане' знают, где мы. Они заранее знали о лагере каргу, и застали охотников врасплох. Тогда они наверняка знают, где сейчас саммады. И знают о саску и их долине.

Рассуждения его нарушил голос Саноне:

— Что случилось? Я ничего не пойму.

— Я говорил о мургу, что ходят, как тану, — ответил Керрик. — Они идут сюда с юга, их очень много. Они хотят нашей смерти. Эти мургу сперва узнают, где люди, а потом нападают.

— Теперь они нападут и на нас? Так они сделают? — спросил Саноне.

— Они все разузнают об этой долине и убьют всех, потому что вы тану.

Так ли они поступят? — подумал Керрик. Конечно же. Сперва они нападут на саммады, на стоянку, потом придут сюда. Но когда? Долину придется обходить, и, быть может, мургу уже где-то неподалеку. Но что если они ударят сегодня, после полудня. Страшно было думать, что сейчас, быть может, погибают саммады. Нет, все-таки иилане' всегда поступают иначе. Выследят жертву, зальгут на ночь вблизи, нападут с рассветом. Так было всегда, и они непременно добивались успеха. Так будет и теперь.

Керрик быстро повернулся к Херилаку.

— Мургу нападут на саммады утром... завтра, в крайнем случае — послезавтра, я в этом уверен.

— Бегу предупреждать. Нужно уходить немедленно. Херилак повернулся, но Керрик остановил его.

— Куда ты пойдешь? Где они не разыщут нас?

Херилак обратился лицом к Керрику, к печальной правоте его.

— Куда? На север — это надежнее всего — к снегам. Туда они не пойдут.

— Но они слишком близко. Они перехватят вас в горах!

— Куда же еще?

Куда? Не успел Херилак договорить, как Керрика осенило. Он показал на землю.

— Сюда, за каменную ограду. В эту долину, из которой нет выхода. Пусть мургу преследуют нас. Их встретят стреляющие палки, стрелы и копья. Пусть их иголки щелкают о скалы. А мы спрячемся и выждем. Они не пройдут. Пусть они подумают, что поймали нас и заперли, но это мы их поймаем. Здесь есть еда и питье, найдутся и копья. Пусть они нападут и умрут. Я думаю, что нашим скитаниям пришел конец. — И Керрик обер-

нулся к Саноне: теперь их спасение зависело от старого мандукто. — Тебе решать, Саноне. Саммады могут уйти на север, а могут войти в долину и здесь ждать нападения мургу. Если тыпустишь нас, жизнь твоих людей будет в опасности. Если нет — быть может, на вас и не нападут.

— Они нападут, — со спокойной уверенностью ответил Саноне. — Будущее теперь прояснилось, как и смысл прошлого. Мы жили в этой долине, копили силы. Ждали возвращения мастодонтов. И они вернулись к нам — их привели вы, чтобы мы могли защитить их. В мастодонте воплощена сила Кадайра. Снаружи за скалами рыщет Карогнис, хочет погубить эту силу. Вы не знаете о Карогнисе, но мы знаем. Кадайр — это свет и солнце, Карогнис — ночь и тьма. И когда Кадайр отдал нам землю, Карогнис возжелал погубить нас. Мы знали — он существует и придет однажды, а теперь мы видим обличье, в котором он появился. В этих мургу таится больше, чем вы думаете... но и меньше. Они сильны... но это Карогнис воздвиг их против Кадайра и его народа. Вот почему вы пришли к нам, вот почему родилось дитя мастодонт Арнхвит. Он — воплощение Кадайра. И все мы должны остановить здесь Карогниса. Зови их, зови всех и скорее. Скоро начнется битва.

Глава двадцать четвертая

— Как уродливы эти твари, — проговорила Вейнте'. — Но этот уродливей всех остальных.

Когтями ноги она вертела отрубленную голову. Пыль покрывала волосы и лицо, густо липла к окровавленному обручку шеи.

— И совсем другой, — проговорила Сталлан, поворачивая голову хесотсаном. — Погляди, какой темный мех. Новый вид устузоу. У тех всегда была белая шкура и белый мех. А этот темный. Они тоже были вооружены этими палками с острыми камнями и, как всегда, кутались в свои грязные шкуры.

— Устузоу любят, когда их убивают, — объявила Вейнте'.

Она знаком отпустила Сталлан и стала приглядываться к суете фарги. Солнце стояло еще высоко, как всегда, когда они останавливались перед ночевкой, и подготовиться следовало самым лучшим образом. Пока кормили и развучивали уруктопов, фарги ряд за рядом раскладывали вокруг лагеря лианы-ловушки. Никто не подойдет к лагерю незамеченным. Иилане' вывели еще более ярких светозверей, их обучили глядеть, заливая землю ослепительным светом, прямо туда, где что-нибудь шевелилось. Очень интересными были меликкасеи. Фарги раскладывали их охапками позади лиан. Недавняя разработка, растения эти были чувствительны к свету, днем с ними можно было обращаться без опасений. Но после наступления темноты на всех их побегах выступали ядовитые шипы — любого наступившего впотьмах на колючки ждала верная смерть. Когда светлело, шипы втягивались обратно.

К Вейнте' медленно подошла приземистая иилане'. Это была Окотсеи, от старости неторопливая и уродли-

вая, но по уму равных ей не было. Она-то и создала животных, что видели в свете звезд и запоминали увиденное. С тех пор они становились все совершеннее в ее руках, и теперь днем и ночью в воздухе плыли крылатые разведчики иилане'. Новые картинки можно было получать очень быстро.

Когда Вейнте' обратила на нее внимание, Окотсеи протянула ей стопку плоских листов.

— Что это? — спросила Вейнте'.

— Как ты приказала, эйстаа. Это сегодняшние, их сделали уже после рассвета.

Взяв снимки, Вейнте' внимательно разглядывала их. Изменений не было. От кожаных конусов возле реки и от мастодонтов на ближней поляне тянулись длинные тени. Нет изменений. Опасения, три дня преследовавшие ее с того утра, когда лагерь устузоу оказался пустым, оказались беспочвенными. Чудовища и не думали бежать, они просто перебрались на новое место. Они даже не встревожились... и это, когда она была рядом вместе со своими ударными силами. Признаков тревоги не было заметно.

— Покажи мне это место на более крупной картинке! — потребовала Вейнте'.

Птицы теперь летали и ночью, и днем. И высоко в небе, и над самой землей. Устузоу некуда было бежать. И на новом снимке с высоко взлетевшего раптора видны были и река, и долина, и окрестности.

Окотсеи указала большим пальцем:

— Тут мы спали вчера. А вот разоренное логово устузоу, откуда принесли эту грязную башку. — Она повела пальцем дальше. — Сейчас мы здесь, а тут, возле реки, — устузоу, которых мы разыскиваем.

— Это именно те, которые мне нужны? Ты уверена в этом?

— Уверена я только в том, что это единственная стая с мастодонтами по эту сторону снежных гор. Здесь повсюду попадаются устузоу. Большая группа в долине возле реки. Если идти на север — на картинке не видно этих мест — то там тоже есть устузоу. Но ни у кого, кроме этой стаи, нет мастодонтов. К востоку от гор есть. Там все стаи такие, но здесь таких нет.

— Хорошо. Отнеси их Сталлан, чтобы она могла продумать утреннюю атаку.

Фарги, чьей обязанностью было заботиться о Вейнте', принесла вечернее мясо. Углубившись в свои планы, та даже и не заметила, как проглотила его. Она думала о целях, что привели ее с вооруженными фарги в эти края. Снова она продумывала все детали, чтобы не упустить ничего, чтобы все нашло завершение, чтобы ничего не забыли. Все идет по задуманному плану. Утром они нападут. И еще до заката Керрик будет мертв... Или попадет к ней в руки. Хорошо бы... она сомкнула пальцы... хорошо бы он попался ей.

Она пыталась воздерживаться от чувств, внимать голосу рассудка, но с логикой было покончено: ненависть переполняла ее. Сколько же снимков она проглядела? Им не было числа. Все стаи устузоу были похожи, а уж самих устузоу вообще невозможно было отличить друг от друга. Но в том, что Керрика не было ни в одной стае к востоку от гор, она была уверена. Только когда она увидела снимок стаи с мастодонтами, единственной по эту сторону гор, то почувствовала, что разыскала его. Завтра она убедится в этом.

С наступлением темноты Вейнте' заснула под защитой хитроумных ловушек, как и остальные иилане'. Ночью тревоги не было, все спали спокойно.

На рассвете закопошились фарги, готовясь к дневному переходу и к бою. Солнце еще почти не грело, и, кутаясь в большой спальный плащ, Вейнте' следила за погрузкой. Все шло заведенным порядком, как всегда у иилане'. Все отряды и их начальницы делали свои дела. Воду, мясо и прочие припасы грузили на специальных уруктопов покрупнее, тяжеловозов. Тут к Вейнте' подошла Пелейне'.

— Вейнте', я хочу говорить с тобой.

— Вечером, после работ этого дня. Я занята.

— Вечером может быть поздно, и работа этого дня останется невыполненной.

Вейнте' не шевельнулась и молча одним глазом внимательно оглядела Пелейне'. Та была слишком расстроена, чтобы обращать внимание на ее недовольство.

— Мне хотелось, чтобы этого не было, но среди Дочерей многие обеспокоены, все говорят, что мы ошиблись.

— Ошиблись? Разве не ты заверяла меня, что вы более не хотите быть Дочерьми Смерти, а хотите стать настоящими Дочерьми Жизни, подлинными жительницами Алпеасака. Что вы хотите позабыть все ошибки и помогать нам во всем и поддерживать. Поэтому я приказала, чтобы тем, кто пойдет за тобой, были возвращены все права, и разрешила тебе служить мне. Поздно теперь говорить об ошибках.

— Послушай меня, могущественная Вейнте! — Расстроенная Пелейне' сомкнула большие пальцы, цвет их также выражал огорчение. — Одно дело говорить, другое — принимать решения, и третье — выполнять их. Мы пришли сюда по собственному желанию, пересекли море, землю и реки, ведь мы признали, что ты действуешь правильно. Признали, что устузоу просто хищные звери и их можно убивать без раздумий, как зверей.

— Вы согласились.

— Мы согласились, но мы не видели устузоу. В отряде, расправившемся вчера со стаей устузоу, оказались две Дочери.

— Я знаю. Я их послала туда, — ответила Вейнте' и подумала: чтобы они окровавили руки, так говорила Сталлан.

Окровавили руки. Сталлан всегда поступала так с фарги, желавшими стать охотницами. Убивать не так-то легко, в особенности тем, кто долго жил в городах, вдалеке от моря, от родины, где смерть не медлит. Убийца не думает, он реагирует. Эти Дочери Смерти думали слишком много... думали и бездельничали. Окровавить руки — это полезно.

Пелейне' с трудом произносила слова. Вейнте' ожидала, едва сдерживая себя.

— Им не надо было ходить, — наконец проговорила Пелейне', непонятным образом двигая конечностями.

— Ты осмеливаешься оспаривать мои приказы? — Гребень на голове Вейнте' поднялся, подрагивая от гнева.

— Они умерли, Вейнте'. Обе.

— Не может быть. Сопротивления не было, даже раненых не оказалось.

— Обе они вернулись. И сказали, что лагерь устузоу похож на маленький город, что эти твари изготавливают разные непонятные вещи и что, умирая, они кричали от боли. Они обе стреляли и убивали устузоу. И когда они рассказывали об этом, одна из нас крикнула, что теперь-то они стали истинными Дочерьми Смерти. Обе они согласились с тем, что принесли смерть устузоу. А потом умерли. Как это случается, когда эйстаа забирает имя и изгоняет из города. Так они умерли. И узнав это, мы стали говорить, что ошиблись. Смерть устузоу не дает нам жизни. Больше мы не помогаем тебе, Вейнте'. Мы не можем убивать ради тебя.

Сказав это, Пелейне' замерла, речь окончилась, она сказала все, что хотела. Она приняла решение. Нет, ее вынудили сделать это. А что будет потом, пусть решает Вейнте'.

Погрузившись в раздумья, Вейнте' застыла, как и ожидавшая ее решения Пелейне'. Они глядели друг на друга расставив ноги. Молча.

Бунт, думала Вейнте', следует пресечь немедленно. Но ей пришло в голову, что возмутительницы спокойствия будут теперь отказываться от оружия. В их смерти крылась опасность для нее самой. Эти заблудшие самки увидели смерть двух товарок и решили, что всех ждет подобная участь. Они не ошиблись. Да, смерть придет к ним! Если они не могут биться, то могут умирать. В этой войне миролюбию нет места. Придется принять меры.

— Ты свободна, — проговорила Вейнте'. — Отправляйся к своим Дочерям Смерти и передай им, что они опозорили свой город. Поэтому у них отберут хесотсаны. Они будут работать, но убивать их не заставят.

Пелейне' изобразила благодарность и понимание и заспешила прочь... Но она поторопилась: эйстаа еще не кончила говорить.

— Не хотят убивать — пусть умрут!

Вейнте' потребовала привести таракаста. Фарги подвели гиганта и заставили склониться, так, чтобы она смогла влезть ему на плечи. Развернув животное, наездница направилась в голову колонны. Впереди выстро-

ились вооруженные иилане' на быстрых таракастах. Часть из них охраняла колонну с флангов.

Сталлан, как всегда, внимательно изучила все снимки и указывала дорогу. До намеченного места привала возле реки они добрались без труда. Там, заметив торопившуюся назад разведчицу, Вейнте' велела остановиться.

— Ушли... — растерянно проговорила разведчица, сопроводив слово знаками «устузоу» и «большая группа».

— Опять переменили место, — произнесла Вейнте'.

— Возможно, — ответила разведчица. — Я проследила их путь до прежней стоянки, потом они пошли вдоль реки в долину, и об этом я хотела сообщить.

— Они не поворачивали, не путали следов, не пытались скрыться? — с тревогой спросила Сталлан.

— Это невозможно. Я шла по следам, пока скалы не стали слишком высокими, а другого пути оттуда нет.

— Попались! — возбужденно проговорила Сталлан, подогнав своего скакуна к Вейнте', чтобы передать ей очередной снимок. — Погляди, сарн'еното, — вот капкан, в который они сами залезли. Долина реки широка, но она окружена высокими скалами, и в нее ведет только один проход. Река вытекает из ущелья через пороги и перекаты. Отсюда пути нет.

Сарн'еното — древний титул из полузабытой седой старины. Предводитель в бою, которому все повинуются. И Вейнте' должна думать так, как подобает носительнице этого титула. Подняв картинку, она ткнула в нее большим пальцем.

— Вот на этой стороне ты показывала мне спуск в долину.

— Его легко перекрыть. Туда можно послать отряд, а главные силы будут готовиться к атаке здесь.

— Пусть будет так, распорядись. На этих картинках я видела в долине других устузоу.

— Чем больше в долине устузоу, тем больше их погибнет, — отчеканила Сталлан, впиваясь когтями в шкуру своего таракаста. Зашипев от боли, тот взвился на дыбы. Она легко осадил его, развернула и с топотом отъехала.

...Солнце едва миновало зенит, когда Окотсеи вручила Вейнте' новые снимки, еще теплые и влажные. Внимательно разглядывая каждый, Вейнте' передавала их стоявшей рядом Сталлан.

— Все готово, — проговорила та, просмотрев последний. — Им не спастись. — Она смяла в руках снимки. — Тропа через скалы перекрыта. Ждем приказов, сарн'еното.

Глава двадцать пятая

— Быстро атакуем с реки! — объявила Вейнте'. — Внезапно овладеваем каменной стеной, убиваем всех устузоу, которые окажутся там. А потом — в долину. Прикажи фарги двигаться вперед, а сама держись сзади. Возможно, они знают о нашем приближении. Тогда первые, кто пойдет на приступ, умрут.

Фарги толпой шли вдоль реки. На узкой полоске вдоль берега им было тесно, и некоторые брели по воде. Вейнте' проследила за уходящими, потом уселась на хвост и стала терпеливо ожидать исхода событий. За ее спиной оставшиеся фарги разгружали припасы. Они едва успели закончить, когда из оврага показалась усталая Сталлан и медленно приблизилась к безмолвной Вейнте'.

— Залегли и попрятались, — сказала Сталлан. — Мы стреляли, но не уверены, что убили хоть одного. Все, кто шли впереди, погибли, как ты предупреждала. Мы собрали хесотсаны убитых. Я выставила охрану, и мы ушли подальше от них. Теперь я здесь.

Нерадостная весть как будто не встревожила Вейнте'.

— Они знали, что мы здесь. Поэтому и ушли в долину. Посмотрю сама...

Сталлан проталкивалась между суесящимися фарги и приказывала им расступиться перед своей сарн'еното. Там где река огибала скалу, Сталлан и устроила оборону. Одни фарги с оружием наготове прятались за скалами, другие рыли укрытия в песке. Подняв хесотсан, Сталлан указала на излучину.

— Теперь осторожнее. Я пойду первой.

Они медленно продвигались вперед, потом остановились. Сталлан поманила к себе Вейнте'.

— Отсюда можно видеть скалы.

Вейнте' осторожно пробралась вперед и увидела первых убитых. У скал среди камней мертвых тел было уже больше. Многие даже успели взобраться на скалы, прежде чем их сразили выстрелы устузоу. В бурлящем потоке тоже плыли трупы фарги. Вверху на скалах пошевелились. Враг залег, выжидая. Вейнте' поглядела на солнце — оно было еще высоко.

Она вернулась к Сталлан.

— Атакуем. Если я не ошибаюсь, вода для хесотсанов не опасна.

— Они не захлебнутся. Ноздри их сами закрываются под водо́й.

— Хорошо. Вот как мы поступим. Пойдем на приступ. И я не хочу, чтобы он закончился, как только глупые фарги начнут валиться со скал.

— Это будет нелегко. Многих из них ждет верная смерть.

— На свете все сложно, Сталлан, иначе все становились бы эйстаа, и не было бы фарги, чтобы прислуживать им. Ты знаешь, что Дочери Смерти отказались воевать?

— Я отобрала у них оружие.

— Хорошо. Пусть они послужат нам иначе. Они пойдут первыми.

Осознав смысл этих слов, Сталлан невольно раздвинула губы, обнажив остроконечные зубы, что выражало одобрение и понимание жестокой необходимости.

— Ты во всем первая, великая Вейнте'. Тела их возьмут на себя много игл, предназначенных устузоу для вооруженных фарги. Только ты одна могла найти способ, чтобы эти глупые самки, эта обуза, послужили нам должным образом. Все будет сделано так, как ты приказала. Пусть умрут и устузоу, и Дочери Смерти. Добрая участь и для тех, и для других.

— Но это еще не все. Может быть, мы сумеем расправиться с устузоу отсюда, невзирая на все потери, а может быть, и нет, а потому, когда начнется атака, я хочу, чтобы фарги поплыли туда по реке. Они нападут на защитников сзади и отвлекут их. И тогда мы взбежим на скалы и перебьем остальных.

...Стаи мух носились над трупами у подножия скал. В тишине далеко разносилось жужжание. Взяв горсть игл, Керрик начал по одной заталкивать их в хесотсан.

— Убежали, наверное, — произнес Саноне, осторожно поднимая голову, чтобы оглядеться.

— Битва еще и не начиналась, — отвечал Керрик. — Они только проверяли наши силы. Мургу вернуться. — Поглядев на Саноне, он замер: — Не шевелись! Замри!

Он осторожно вытащил иглу из головного платка Саноне.

— Если бы она проколола ткань, ты был бы уже мертв.

Саноне невозмутимо поглядел на смертоносный шип.

— У нашей ткани есть достоинство, о котором я и не подозревал. Копье она не остановит, но может защитить от яда мургу, если плотно закутаться в нее.

Керрик отбросил шип.

— Поэтому мы и прячемся за камнями. Пока иголки не полетят градом, мы здесь в безопасности.

Обернувшись, он взглянул на замерших у края скал охотников. У всех были хесотсаны: оружие мургу хорошо служило людям, стрелы и копья берегли. Вооруженные луками саску держались поодаль, в резерве, на случай необходимости. Люди ждали...

Поднявшись на самую вершину скалы, Херилак первым заметил приближавшихся фарги.

— Опять лезут! — крикнул он, опускаясь за камни.

— Попусту иглы не тратьте! — распорядился Керрик. — Пусть подойдут поближе.

Он понимал, что иначе нельзя. Во время первой атаки некоторые, конечно же, начали нажимать на хесотсаны, когда мургу были еще слишком далеко, и потом торопились стрелять в горячке боя. Теперь придется подождать, пока фарги не заберутся повыше.

Когда они подобрались поближе, Керрик внезапно заметил, что у них нет в руках хесотсанов. Что это? Хитрая ловушка? Неважно — так легче их убивать.

— Стреляйте, стреляйте! — закричал он, выдавливая из хесотсана смерть.

Тану кричали, стреляли, но враг все подступал. Молча. Лишь изредка раздавался чей-нибудь стон, враги умирали безмолвно.

Люди подняли такой шум, что Керрик не расслышал, что к нему обращаются. Потом он разобрал слова:

— Река! Смотрите! В воде!

Керрик обернулся, взглянул... и отшатнулся. Темные пятна проступали под белой пеной в бурлящей воде, двигались к берегу. Иилане' с длинными темными палками в руках приближались, вот-вот они окажутся на берегу.

— Стрелами, копьями!.. Бейте их прямо в воде! — громогласно крикнул прыгнувший со скалы Херилак. — Керрик, оставайся наверху со стрелами! Теперь они навалятся из всех сил. Их надо остановить.

Керрик заставил себя отвернуться. Он понял, что Херилак правильно угадал намерения врага. Позади безоружных иилане', теперь уже по большей части недвижно лежавших у подножия скал, стреляя на ходу, шли вооруженные фарги.

— Их нельзя пропустить! — закричал Керрик. — Держитесь! Стреляйте!

Он выстрелил, потом снова. Одна фарги была уже так близко, что он даже заметил, как в ее шею вдруг воткнулся шип, как расширились ее глаза, прежде чем она свалилась со скалы.

Теперь живые фарги шагали по мертвым, искали убежища за трупами. Погиб один охотник, другой. Керрик все давил на хесотсан, но тот вдруг задержался в его руках. И Керрик не сразу понял, что иглы кончились. Времени перезарядить оружие не было. Схватив копье, он ударил им появившуюся над краем скалы фарги. Завопив от боли, та покатилась вниз.

Она оказалась последней, атака захлебнулась. Тяжело дыша, Керрик прислонился спиной к камню и, стараясь сдержать дрожь в пальцах, принялся вставлять в оружие иглы.

Пальба прекратилась, стрелять было не в кого. Керрик торопливо взглянул на реку.

До берега добралось много фарги, но все они были мертвы. Тела их лежали вперемешку с трупами оборонявшихся — дело дошло до рукопашной. На мелководье тело темнокожего саску в непристойном объятии навалилось на убитую иилане'. Утыканные стрелами трупы плыли по течению.

Керрика окликнул Саноне, тот обернулся. Мандукто стоял на вершине скалы, прикрыв рукой глаза от лучей заходившего солнца.

— Они отступили! — крикнул он. — Атака кончилась. Мы победили!

Победили, думал Керрик, глядя на трупы тану. Кого победили? Да, мы убили много фарги. Но ведь мир переполнен ими. И иилане' не прекратят войны, пока мы все не погибнем. Даже если мы и отбились на этот раз, мы не выиграли ничего. Нам ведь уже случалось сдерживать их атаки. Они ненавидят нас, как и мы их. И они сумеют найти нас повсюду, в любом укрытии, так что можно не прятаться. И, если мы побежим, они будут преследовать — зачем же тогда бежать?

Не нам, вдруг понял он. Мне. Если бы они хотели просто убивать тану, саммадов хватило бы и по ту сторону гор. Рапторы и вездесущие совы видят все и всех. Но, словно метко брошенное издалика копье, это могучее войско поразило долину саску. Почему? Потому что он здесь! От этой мысли кровь застыла в жилах. Вейнте' — кто же еще? Вейнте' была жива и жаждала мести.

Что делать? Куда бежать? Как защититься?

Гнев душил его, сотрясал тело; повинувшись неожиданной вспышке, он вскочил на ноги и, потрясая над головой хесотсаном, закричал:

— Ты не сумеешь, Вейнте'! Ты не сумеешь перебить нас! Я знаю, ты будешь стараться, но ты не сумеешь! Это наша земля, и все твои заморские холодные твари не смогут прогнать нас отсюда! Ты опять потерпишь поражение и когда поймешь это, поползешь домой с горсткой уцелевших! А потом придешь снова...

Керрик увидел, что Саноне с удивлением глядит на него, не понимая ни слова. Гнев его утих, и в груди словно заledenело. Сухо улыбнувшись мандукто, он проговорил на сесеке:

— Ты сегодня их видел впервые? Понравилась? Разве тебя радует гибель твоих людей? Надо положить конец этому... раз и навсегда.

Тяжело дыша, Керрик замолчал. Поглядел вниз: на груды мертвых тел, на горсточку уцелевших. Как остановить иилане'? Можно ли? Как?

Путь был только один. Отступить, прятаться теперь невозможно.

Врага нужно бить на его земле. Войну следует перенести на их землю, в город иилане'. Таков был вывод, ясный, неоспоримый и неизбежный.

Саноне с удивлением смотрел на Керрика. Нет, охотник не говорил, ведь эти звуки не были похожи на речь, и он еще дергался всем телом, мотал головой и размахивал руками, словно в припадке.

Заметив недоумение на лице Саноне, Керрик понял, что, думая об иилане', он неосознанно заговорил на их языке. Теперь следовало и поразмыслить, как это делают иилане' — с холодной жесткостью. Продумать все факты, наметить решение. Заговорил он уже на сесеке, тщательно подбирая слова:

— Мы пойдем на мургу войной. На их город, что укрылся на далеком юге. Мы придем туда и убьем их. А когда погибнет это мерзкое поселение, которое они зовут Алпеасаком, все мургу уберутся отсюда. Я знаю их город и знаю, как его уничтожить. Так мы и сделаем. — Он обернулся и на марбаке обратился к Херилаку, стоявшему у края воды: — Херилак, исполнится твое желание, исполнятся сны. Мы уходим отсюда на юг, и ты будешь сакрипексом всех тану, которые последуют за нами. Ты поведешь нас, и мургу погибнут. Я знаю теперь, что и как надлежит нам сделать... как уничтожить их всех. Что ты ответишь мне, великий охотник? Поведешь ли ты нас на юг?

Властные нотки в голосе Керрика заставляли понять, что он знает, о чем говорит. И жажда мести взорвала грудь Херилака яростным воплем согласия.

— Они снова идут! — крикнул Саноне.

...И битва продолжалась, и все мысли о будущем позабылись сами собой.

Глава двадцать шестая

Натиск иилане' разбивался о защитников словно волна о скалу. Фарги гибли. Воодушевление оставило их, и атака снова захлебнулась. Солнце уже опускалось в облака, когда немногие уцелевшие отступили, новых военных действий сегодня можно было уже не ожидать.

В пылу сражения Керрику пришлось забыть о грядущих битвах. Стоя на вершине скалистого гребня, он следил, как канюки и вороны собираются в ожидании роскошного пира. Скоро стемнеет. На сегодня война окончена, иилане' засели в ночном лагере. Если бы увидеть, чем они там заняты. Должен ведь найтись какой-то способ не дать им спокойно заночевать и как следует подготовиться к завтрашнему дню. Слишком уж близки к успеху были они сегодня: впредь такого не следует допускать. Дичь должна превратиться в охотника.

— Надо что-то делать, мы не можем более отсиживаться в ожидании новых атак, — сказал он вскарабкавшемуся наверх Херилаку. Тот со значительностью кивнул, соглашаясь. — Придется последовать за ними.

— Пойдем вместе.

— Хорошо. Только торопиться на смерть незачем. Сегодня в головную повязку Саноне попал шип, но не пробил перекрученной ткани. Эти иглы — не стрелы и не копья — они не вонзаются глубоко.

— Но убивают. Ведь достаточно просто царапины.

— Кто сомневается в том, что они губительны. — Керрик махнул рукой в сторону трупов и собравшихся над ними птиц. — Я вовсе не хочу разделить их участь, когда мы отправимся выслеживать мургу. Но если вернуться в несколько слоев ткани, шип не сможет

проникнуть глубоко. Тогда пусть их караульные стреляют и выдают этим себя. Они умрут, мы уцелеем. Я не хочу подбираться очень близко к лагерю. Немного поближе...

Керрик поделился мыслями с Саноне. И тот мгновенно отправил двоих мандукто бегом за тканью. Он сам обвязал Керрика ею, стараясь надежнее укрыть его складками. Неширокой полосой он обвязал шею и лоб, оставив только узкую щель для глаз. Взяв не стреляный шип, Херилак потыкал им в Керрика, но не сумел проткнуть одеяния.

— Прямо чудо! — изумился он. — Пусть он и меня так обернет. Пойдем-ка поглядим на мургу.

Под плотной тканью было жарко. На лбу Керрика выступил пот, но ткань впитывала его, и глаза не щипало. Он спустился вниз первым. Ступая прямо по трупам, — ибо ими был усеян весь спуск — Керрик старался не замечать остекленевших глаз и распахнутых зубастых пастей. Наконец они добрались и до земли. Керрик обернулся и крикнул:

— Мургу мертвы! Спуститесь и соберите стреляющие палки! Часть они унесли, но еще есть чем поживиться.

...Иилане' на этот раз выставили часовых. Когда облаченные в белую ткань охотники осторожно обогнули выступ, трижды раздался громкий треск. Люди приникли к камням. Послышались новые выстрелы. Обороняясь, охотники сразили двух фарги, третья вскочила на ноги и побежала. Шип, посланный Херилаком, вонзился ей в спину.

Херилак осторожно извлек иголку из ткани на груди Керрика и удовлетворенно заметил:

— Жарко... но мы с тобой живы.

Прежде чем отправиться дальше, Керрик тоже извлек две иглы из одежды друга.

— 'Эту иилане' я знаю, — заметил Керрик. — Она охотница, приближенная Сталлан. Обе здесь... И Вейнте', и Сталлан... — Руки его невольно стиснули хесотсан. — Если бы только встретиться с ними обеими!

— Заберем их палки на обратном пути, — глядя вперед, проговорил Херилак.

Поднявшись по береговому откосу, люди увидели лагерь иилане'. Бродили ездовые звери, высились груды припасов, сновали фарги... Их было куда больше, чем погибло сегодня. Со страхом Керрик представил себе, сколько их тут еще... Но все-таки они отбились. И если иилане' нападут снова, люди опять отразят атаку. Если Вейнте' желает погубить всех своих фарги, что ж, тану охотно помогут ей.

Лагерь со всех сторон охраняли. Но когда солнце опустилось за горизонт, часовые стали возвращаться в лагерь через отверстия в цепи защитных средств, оставленные усердными фарги.

— Ловушки и сигналы, — сказал Керрик. — Видишь их среди травы? А эти длинноногие, позади всех заслонов... Они, наверно, и светили на нас тогда.

— А теперь все внутри и закрывают за собой последний вход.

— Ладно. Посмотрим, как близко можно к ним подойти. До рассвета они не выйдут наружу. Я хочу видеть, что они там соорудили.

Херилак не решался подходить ближе, помня, что быстроногие верховые животные бегали куда быстрее охотника. Но Керрик пошел вперед — он-то знал иилане' и понимал, что ни одна не рискнет высунуть нос из-за живой ограды вокруг лагеря ночью.

Когда охотники добрались до внешнего кольца лиан, было еще не совсем темно, и они успели заметить шипы, медленно набухавшие на ветвях.

— Отравленные, можешь не сомневаться, — произнес Керрик. — Довольно. Сюда долетит и игла, если они примутся стрелять из лагеря.

— А эти почему не стреляют? — Херилак показал на мургу с палками, застывшими по ту сторону ограды.

Они молча и невозмутимо глядели на охотников. За часовыми двигались фарги, они ели, ложились и не обращали никакого внимания на подошедших врагов.

— У них нет приказа стрелять, — объяснил Керрик. — Фарги сами не думают, они только выполняют приказы. Должно быть, им приказано стрелять, лишь когда засветятся эти существа. И они повинуются. А теперь давай проверим, чем они собираются приветст-

воват нас. — Он указал на невысокий пригорок. — Укроемся на всякий случай. Как бы чего не вышло.

Керрик выковырял кусок дерна и швырнул его в сторону лагеря.

— Ложись! — крикнул он Херилаку и бросился на землю.

«Снаряд» упал прямо за защитной стеной. И в то же мгновение зажегся яркий свет, из-за ограды слышался непрерывный треск. Стреляли из множества хесотанов, шипы посвистывали над головами лежавших. Охотники прижались к земле и ждали. Наконец слышались голоса, стрельба прекратилась, огни померкли и погасли. ~

Люди осторожно встали, еще ослепленные мощным светом. Вокруг из земли торчали какие-то длинные шипы.

— Что-то новое, — произнес Керрик, — таких больших я прежде не видел... Смотри-ка, из обычной палки так далеко не выстрелить. Должно быть, они вырастили палки посильнее и выучили их стрелять, если враги касаются сигнальных лиан. По-моему, даже в нашей одежде лучше держаться от них подальше.

Охотники быстро отошли на безопасное расстояние и оглянулись на темный и безмолвный лагерь врагов. Керрик медленно размотал один кусок ткани. Он озибался вокруг и думал.

— Скажи мне, Херилак, — ты ведь ловкий стрелок — можно ли отсюда достать выстрелом до лагеря?

Стащив с головы повязку, Херилак вытер ею взмокшее лицо, взглянул на пригорок, где они только что стояли, и дальше — на лианы и живые огни.

— Непросто. Если хорошенько натянуть лук — стрела долетит, но на таком расстоянии не прицелишься.

— Это неважно: главное, чтобы стрела долетела. А саску добросят копыя своими металками... По-моему, так.

— Хорошо придумал, маргалус, — улыбнувшись ответил Херилак. — Мургу набились туда, как зерна в початок. Трудно будет промазать.

— Я хочу, чтобы мургу сегодня не спали, чтобы им было о чем подумать! Отметим это место, чтобы найти его, когда вернемся.

— С луками и стрелами!

...Херилак не ошибся. Выпущенная сильной рукой стрела высоко взлетела и упала в лагерь. Послышался тонкий крик, и охотники радостно загоготали, хлопая друг друга по плечам. Потом Саноне вложил копье в металку. Оно со свистом исчезло во тьме — слышался крик животного, значит, и копье попало в цель. Вдруг охотников ослепил резкий свет. Навстречу понеслось целое облако игл, но ни одна не долетела до цели. Завязался ночной бой.

Несмотря на слова Керрика, охотники не поверили, что враги станут отсиживаться за живыми укреплениями и не решатся прогнать назойливых мучителей. Люди уже приготовились бежать, но вылазки не последовало. В лагере только мелькали огни, бежали фарги, пытаясь укрыться от стрел и копий.

Запасы стрел были не безграничны, и Херилак велел прекратить стрелять. Огни погасли, мургу снова улеглись. Но тут стрелы полетели опять.

Так продолжалось всю ночь. Охотники сменяли друг друга. Херилак и Керрик успели вздремнуть. На рассвете охотникам было приказано отступить за каменные стены.

Весь день люди ждали атаки: одни караулили, другие спали. Утро прошло, но атаки не было. К полудню Херилака стали осаждать желающие разведать, что творится в стане врага. Он отказал всем.

А в сумерках Херилак с Керриком вновь завернулись в ткани. Они шли осторожно, держа оружие наготове, но сегодня их никто не подкарауливал. Крадучись, они пробрались вверх по склону и, высунув из-за выступа головы, оглядели равнину сквозь щели в ткани.

Вокруг было пусто.

Враг исчез так же внезапно, как и появился. След их, усеянный экскрементами, тянулся к горизонту.

— Ушли! Мы их победили! — завопил Херилак, потрясая кулаками над головой.

— Победили? — переспросил Керрик, пошатнувшись от усталости. Скрестив ноги, он опустился на землю, срывая с головы душную ткань. — Да, мы их победили... здесь. Но мургу, как ядовитые колючки. В одном месте вырвешь — в другом вырастет две.

— Надо вырвать их с корнем, навсегда. Вырвать и раздавить, чтобы не вернулись, не выросли снова.

Керрик печально кивнул.

— Это нам и придется сделать. Я знаю, как мы поступим. Надо сейчас же созвать саммады и всех мандукто саску. Настало время стереть иилане' с лица земли. Стереть, как они хотели уничтожить нас. Пусть теперь они защищаются.

Глава двадцать седьмая

Обливаясь потом возле жарких углей, двое мальчишек подкидывали сухой хворост в костер, когда огонь затухал. Языки пламени взмывали вверх, озаряя пещеру золотистым неровным светом, и нарисованные животные, казалось, шевелились оживая. Саноне еще не явился, но остальные мандукто уже сидели под изображением мастодонта. Керрик, Херилак и саммадары сидели рядом.

Напротив расселись охотники, позади них — остальные тану. Саноне согласился на это с великой неохотой, ибо в обычае саску было, чтобы все решали мандукто. Ему было трудно понять, что саммадары пользуются куда меньшей властью. Порешили на том что предводители будут по одну сторону костра, а саммады — по другую. Саску вовсе не были уверены в том, что в таком необычном расположении может быть какой-то толк, и лишь немногие подходили поближе и прислушивались, заглядывая через плечи сидящих. Когда во тьме протрубил мастодонт, они восторженно, но с опаской зашевелились. Под стук тяжелых шагов приблизились темные силуэты с факелами.

Пришедшие выступили на свет. Огромную самку по имени Дооха вел Саноне, один из мальчиков-тану, забравшись ей на шею, погонял ее. Но саску смотрели не на нее, а на новорожденного слоненка. Саноне погладил крошечный хобот, и вокруг послышался блаженный ропот. После этого он присоединился к сидевшим возле огня.

Армун сидела позади охотников, спящий младенец тихо посапывал в мешке из оленьих шкур. Керрик поднялся, все вокруг умолкли. Армун прикрыла лицо

руками, чтобы никто не видел ее гордой улыбки. Стройный и крепкий, стоял он у костра, длинные волосы покрывали одежду из харадиса, борода отросла как положено. Когда наступило молчание, он повернулся, чтобы все слышали его слова:

— Вчера мы убивали мургу. Сегодня мы хоронили мургу, и все знают, сколько их погибло в бою. Мы убивали их во множестве, а те немногие, что уцелели, бежали.

Среди охотников послышались возгласы одобрения, когда он повторил эти слова на сесеке. Из обступившей тьмы послышался треск сделанных из тыков погремущек. Керрик подождал, пока все умолкли. Потом продолжил:

— Вернутся они не скоро, но ждите — вернутся. И вернутся сильнее, чем были, с новым, более сильным и губительным оружием. Они всегда возвращаются. Мургу будут возвращаться снова и снова, пока мы все не погибнем. Это правда, и ее следует помнить. Как следует помнить и о тех, кто погиб.

Воцарилось скорбное молчание. Потом раздался низкий голос Херилака:

— Да, такова правда. Керрик знает это, ведь его саммад мургу истребили первым. Он один уцелел, а потом жил в плену у мургу и узнал там их речь. Ему ведомы их пути, а потому слушайте, когда он говорит о мургу. Слушайте и меня, когда я говорю о смерти... или Ортнара, что сидит среди нас, ведь все остальные в нашем саммаде погибли. Все охотники, женщины, дети, все мастодонты... всех убили мургу.

Слушатели скорбно задвигались, а Саноне возвел глаза к изображению мастодонта и стал молиться огромному зверю, не забывая прислушиваться к словам Керрика, переводившего речь Херилака.

— Некуда бежать, негде спрятаться, — сказал Керрик, обращаясь ко всем. — Люди, сидящие здесь у костра, бились с мургу на берегу великого океана, бились на равнине, где живут утконосы, и когда мы перебрались за горы, чтобы спастись от них, нам пришлось биться с ними в этой долине. А теперь окончилось время нашего бегства. Мы знаем, что они разыщут нас повсюду. Поэтому я скажу вам, что следует делать. — Керрик перевел дыхание, внимательно оглядел лица и

заговорил снова: — Мы должны увести войну в их края, в их землю, в их город. Мы должны уничтожить его.

В разразившихся воплях сомнение мешалось с одобрением. Саску вопросительно переглядывались, и Керрик повторил сказанное на сесеке. Потом возвысил голос Хар-Хавола, и все умолкли.

— Как мы можем это сделать? Разве можно осилить бесчисленную армию мургу? Разве можно уничтожить целый город? Я не понимаю.

— Слушай же, — проговорил Керрик. — Вот как это можно сделать. Херилак знает пути, что ведут к городу Алпеасаку: он водил туда охотников, убивал там мургу... и вернулся живым. И он снова сделает это. Только на этот раз он поведет не горстку охотников, а большой отряд. Охотники пойдут осторожно, джунглями, и мургу не увидят их, как бы ни рыскали повсюду. Он приведет охотников в Алпеасак, и мы уничтожим этот город и всех мургу в нем. А сейчас я расскажу вам, как это сделать. Я поведаю всем, как это будет сделано. — И, обратившись к мандукто, он повторил эти слова, чтобы поняли и они.

Наступило полное молчание. Никто не шевелился. Все глаза были устремлены на говорившего. Он шагнул вперед. Вдруг пискнул ребенок, его мгновенно утихомирили. Еще шаг, другой, и Керрик встал возле огня. Подхватив сухую ветку, он ткнул ею в самый жар. Пошевелил угли, так что вверх взвилось облако искр. Выхватив вспыхнувшую ветвь, он высоко поднял ее над головой.

— Вот что мы сделаем! Принесем огонь в город, выращенный из деревьев, город, никогда не видевший пламени. Мургу не знают огня, они не ведают о разрушениях, которые он приносит. А мы им покажем. Мы запалим их Алпеасак! Мы испелим его! Сожжем всех мургу. Только пепел останется!

Слова его потонули в диком восторженном крике.

Тяжело ступая, Херилак подошел к нему и тоже взметнул вверх горящую ветвь в знак согласия. Остальные саммадары последовали его примеру.

Тем временем Керрик повторил то же самое для мандукто. Внимательно выслушав, Саноне помедлил и, отступив на шаг, подождал, пока не умолкнет подняв-

шийся шум. Тогда он шагнул к огню, выхватил пылающую ветвь и высоко воздел ее.

— Кадайр сотворил для нас эту долину и привел в нее саску, когда повсюду еще царила тьма. А потом он сотворил для нас звезды, чтобы небо не казалось пустым, и луну, чтобы светить по ночам. Но все-таки деревьям и травам было темно, и они не росли. Тогда он поместил на небо солнце. Мир стал таким, какой он сейчас. И мы живем в этой долине, потому что мы дети Кадайра. — Он медленно оглядел притихших людей и в абсолютном молчании, набрав в легкие воздуха, выкрикнул одно только слово: — Карогнис!

Женщины саску в страхе прикрыли лица, мужчины застонали, тану же следили за всем с нескрываемым интересом, но ни слова не понимали. Саноне расхаживал возле огня и говорил громко и повелительно:

— Карогнис пришел в обличье этих тварей, зовущихся мургу, и они были разбиты. Уцелевшие бежали. Но этого мало. Пока они живы, жив и Карогнис, а пока он существует, мы не можем считать себя в безопасности. И потому Кадайр явился нам в обличье этого новорожденного мастодонта, чтобы показать нам, как погубить Карогниса. Люди мастодонта нападут на город мургу, они погубят мургу. — Резко нагнувшись, он выхватил другую горящую ветвь и покрутил ею над головой. — Саску идут в бой! Да погибнет Карогнис! Мы будем сражаться рядом. Осмелившихся поднять руку на священных зверей покарает огонь.

Жест был достаточно красноречивым — чтобы понять его, не требовались слова. Охотники разразились одобрительным ревом. Будущее решено. Теперь все хотели говорить. Поднявшиеся крики и шум с трудом прекратил Херилак.

— Довольно! Мы знаем, что следует делать, но я хочу услышать от Керрика, как это можно осуществить. Я знаю, он давно обдумывал. Пусть говорит.

— Я скажу, как это сделать, — отозвался Керрик. — Сразу, как только снега сойдут с перевалов, мы вновь пересечем горы со всеми саммадами. Мургу могут заметить нас, и, конечно же, они нас увидят, когда мы окажемся на другой стороне. Но они увидят саммады на перекочевке, а не вооруженный отряд тану. Их

следует обмануть. Мы пойдем на запад, встретимся с другими саммадами, и разойдемся с ними, и сойдемся вновь, чтобы запутать следы. Для мургу мы все на одно лицо, и они потеряют нас. Тогда мы двинемся к берегу моря. Будем охотиться, будем рыбачить... как тогда, когда мы перебили на берегу войско мургу, пришедшее убить нас. Они это увидят и примут за очередную ловушку.

Керрик много думал об этом, пытаясь представить себе мысли иилане' и их поступки. Он прекрасно знал, что будет делать Вейнте'. Жестокая и безжалостная, она будет вновь и вновь бросать на них отряды фарги, пытаясь убить всех устузоу. Она, конечно же, заподозрит ловушку и попытается овладеть ситуацией. Она могла решиться на многое, Керрик не знал, каким именно путем она воспользуется. Когда она нанесет удар, саммадов на этом месте уже не должно быть.

— Неважно, что решат мургу, — продолжал он. — Саммады оставят берег, прежде чем туда придут враги. Они пробудут у моря ровно столько, сколько потребуется, чтобы запастись едой на всю зиму. Это будет легко сделать: охотников много, тех, кто только ест — мало. А когда мы вернемся к холмам — разделимся. Саммады уйдут в горы, к снегам, в безопасное место. А охотники повернут на юг. Мы возьмем немного мяса, но будем охотиться по пути. Херилаку ведомы тропы через холмы, он дважды прошел этим путем. И мы пойдем, как одни только охотники идут через лес. Может быть, нас и не заметят. Но у мургу много глаз, и от всех не укроешься. Это неважно. Они не сумеют остановить нас. Только несколько охотниц из всех мургу знают леса; нас же много. И те, кто сумеет выследить нас, умрут. Если они пошлют против нас войско — оно погибнет. А мы спрячемся в лесах и будем ждать своего часа. Когда задуют сухие ветры, до наступления зимних дождей мы нападём на них и спалим этот город. Так мы поступим.

Все было решено. Если кто-то и хотел возразить, он промолчал. Говорившие у огня одобряли план. Они жаждали битвы.

Когда костер погас и разговор иссяк, все разошлись по шатрам и пещерам. Армун шла рядом с Керриком.

— А ты действительно должен сделать это? — спросила она, и в голосе ее послышалась боль. Керрик промолчал. — Керрик, не храбрись. Я не хочу жить в этом мире, если в нем не станет тебя.

— И я без тебя. Но мы должны это сделать! Эта тварь, эта Вейнте', будет вновь и вновь приходить к нам войной, пока кто-нибудь из нас двоих не погибнет. И я хочу, чтобы война пылала в Алпеасаке, чтобы сгнула она, а не я. Умрет она, сгорит город, сгинут иилане' — и мы будем жить в мире. Но только тогда. Пойми. Ничего другого мне просто не остается.

Глава двадцать восьмая

После возвращения в Алпеасак Вейнте' стало ясно, что она потеряла расположение Малсас<. И причину не трудно было понять. Ведь Вейнте' стала первой сарн'еното города, и власть ее, случалось, бывала большей, чем у самой эйстаа. И Малсас<, соглашаясь с этим, одобряла все предпринимаемые Вейнте' меры. Опала поджидала Вейнте', когда она вернулась с запада.

До сих пор все ресурсы города были к ее услугам, да что там города — всего далекого континента за морем. Флот урукето, доставивший жителяниц Инегбана в Алпеасак, много раз отправлялся в города Энтобана, чтобы привезти желающих переселиться. Им говорили, что за морем на западе лежит целый неведомый континент и на нем растет город Алпеасак. Этот город, растущий в неизвестной глуши, мог быть полезным всем городам Энтобана: он мог принять всех топтавшихся по улицам городов фарги, попусту изводивших так много пищи. И все эйстаа лишь рады были отделаться от лишних фарги. А потому охотно делали небольшие подарки — животных и растения, полезные для Алпеасака.

А тем временем возле Алпеасака росла модель Гендаси. Сначала на ней в подробностях было нанесено только побережье к северу от Алпеасака. О суше же еще ничего не было известно. Но все постепенно менялось — рапторы и другие птицы с каждым днем приносили все больше и больше снимков огромного континента. Умелые иилане' по плоским картинкам воссоздавали на модели реки и горы, леса и долины. К западу от Алпеасака простиралось теплое море с цветущими берегами.

Широкие реки вливались в него из этой страны изобилия, что должна была принадлежать иилане', а не устузоу, которые отравляли дивные края своим мерзким присутствием. Устузоу так и засели на своем севере, но местоположение стай тщательно отмечалось. Стаи были рассыпаны узкой полоской от океана до высоких гор, к югу от снега и льда. Настанет время, и их уничтожат поодиночке. Когда некоторые отваживались забредать на юг, Вейнте' брала своих фарги, верных уруктопов и таракастов и отправлялась на север, чтобы уничтожить устузоу, прогнать их к снегам и льдам. С каждой победой слава Вейнте' росла. И к падению ее привела крупная неудача.

Когда на западе обнаружили новые стаи устузоу, искавшие тепла и покоя подальше от льдов, Вейнте' мгновенно сообразила, что делать. Идти надо было далеко, но жажда мести гнала ее. Чтобы доставить столько фарги и верховых животных к месту высадки, потребовался целый флот урукето. И в конце зимы Вейнте' выступила во главе армии, какой еще не знал мир.

На побережье высадилось великолепно вооруженное, снабженное всем необходимым войско. Иилане' знали, где скрывались устузоу; они собирались по одной уничтожить их стаи. Так должна была прийти гибель всех устузоу.

Но армия вернулась разбитой.

В городе об этом стало известно задолго до того, как на берег ступила первая фарги. Когда Вейнте' докладывала совету, Малсас< отсутствовала. Это уже было знаком очевидной немилости. Совет холодно выслушал ее объяснения, подвел итоги потерь и отпустил. Ее, Вейнте', отослали, как простую дурочку фарги!

Впавшая в опалу Вейнте' даже не подходила к амбесиду, где в самом сердце города восседала эйстаа. Она держалась подальше и, всеми забытая, в одиночестве, дожидалась вестей, которых все не было.

Она была отверженной, и никто не подходил к ней, дабы не разделить ее участь.

Но через много дней появилась первая гостья, да такая, что Вейнте' охотнее не видела бы ее вовсе. Но от встречи с эфенселе нельзя уклоняться...

— Ну кто же еще... — утрюмо сказала Вейнте'. — Только Дочь Смерти может решиться повидать меня.

— Я хочу поговорить, эфенселе, — ответила Энге. — Я слышала многое о последнем походе, и новости печалят меня.

— Я и сама не рада, эфенселе. В поход я ушла как сарн'еното. А теперь сижу и тщетно дожидаясь приказов... Даже не знаю, сарн'еното я или уже ниже нижней фарги.

— Я вовсе не собираюсь усугублять твою беду. Но если хочешь быть на гребне самой высокой волны...

— ...окажешься в самой глубокой впадине между валов. Прибереги эти примитивные размышления для подруг. Я знаю все эти благоглупости, изреченные вашей несравненной Фарнексеи, и полностью отвергаю их... до последнего слова.

— Я не задержу тебя. Я хочу лишь узнать правду, кроющуюся за слухами...

Вейнте' оборвала ее протестующим жестом.

— И знать не хочу, о чем болтают между собой жирные фарги, а уж обсуждать их бестолковые речи вовсе не собираюсь.

— Тогда поговорим о фактах, — невозмутимо и сурово продолжала Энге. — Вот факт, известный нам обеим. Сомнениями и спорами Пелейне' расколола Дочерей надвое. Многих она убедила в том, что справедливость за тобой, и эти заблудшие увеличили численность твоей армии. Они ушли с тобой на кровавое дело. И не вернулись.

— Конечно, — ответила Вейнте', ограничив движения, чтобы не сказать лишнего, и сразу застыла. — Все они погибли.

— Ты их убила!

— Не я — устузоу.

— Если ты послала их в бой безоружными, как они могли уцелеть?

— Я посылаю их на устузоу, как и всех остальных. А они решили не пользоваться оружием.

— А почему они так решили? Ты должна мне ответить! — Энге наклонилась вперед, тревожно ожидая ответа.

Вейнте' отодвинулась от нее.

— Я не хочу тебе говорить, — ответила Вейнте', вновь ограничившись минимумом информации. — Оставь меня!

— Нет, пока ты не ответишь на мой вопрос. Я долго думала обо всем этом и поняла, что причина их действий имеет значение для самого нашего существования. Мы с Пелейне' по-разному толковали учение Угуненапсы. Пелейне' и ее последовательницы посчитали твое дело справедливым и пошли с тобой. Они погибли. Почему?

— Ты не получишь ответа. Ни одним словом я не помогу вашей разрушительной философии. Уходи!

Мрачная неподвижность Вейнте' была непреклонной, но и Энге казалась не менее настойчивой и упрямой.

— Отсюда они ушли с оружием. А умерли с пустыми руками. Ты сказала, что они выбрали эту участь. А ты что выбрала? Убийство! Словно скот послала на убой, на смерть.

Энге добилась своего — конечности Вейнте' затряслись, но она сохраняла молчание. Энге безжалостно продолжала:

— А теперь я спрашиваю: почему они так решили? Что переменило их отношение к оружию? В походе что-то произошло. Ты знаешь и расскажешь мне.

— Никогда!

— Расскажешь!

подавшись вперед и приоткрыв рот, Энге крепко стиснула руки Вейнте' могучими большими пальцами. Движения Вейнте' выражали удовольствие, и Энге ослабила хватку и отшатнулась.

— Дразнишь, хочешь, чтобы я прибегла к насилию, — задыхаясь от напряжения — приходилось сдерживать эмоции — проговорила Энге. — Ты подстроила, чтобы я забылась, чтобы стала такой же, как ты... с твоим вечным насилием. Но я не стану более опускаться, как ни старайся. Я не опускаюсь до твоей животной сущности.

Гнев смел все самообладание Вейнте', выплеснул раздражение, скопившееся после возвращения и опалы.

— Она не опустится! Да ты уже опустилась! Посмотри на эти раны от твоих когтей — видишь? — кровь! И твое драгоценное высокомерие такая же пустышка, как ты сама. Я сержусь, но и ты сердишься, я могу убить, но и ты тоже.

— Нет, — успокоившись, ответила Энге, — этого не будет: так низко я никогда не паду.

— Никогда?! Подожди, настанет и твой черед. Как и тех, что пошли за Пелейне'. Они с радостью целились и убивали эту заразу, этих червей устузоу. Хоть на миг они стали настоящими иилане', а не скулящими презренными выродками.

— Они убили — и умерли, — тихо проговорила Энге.

— Да, умерли. Просто не могли вынести, что оказались не лучше, нисколько не лучше всех остальных.

Тут Вейнте' замолчала, осознав, что в гневе проговорила и ответила на вопрос Энге, подтвердив ее идиллическую уверенность.

Гнев Энге мгновенно утих, когда правда дошла до нее.

— Благодарю тебя, эфенселе, благодарю. Сегодня ты сделала очень важную вещь и для меня, и для всех Дочерей Жизни. Ты подтвердила, что мы на правильном пути и должны идти по нему, не сворачивая. Только так дойдем до истины, предначинанной Угуненапсой. Те, что убивали — умерли сами. И остальные видели это и решили умереть иначе. Так это случилось, не правда ли?

— Так случилось, но не по этой причине, — заговорила Вейнте' в холодном гневе. — Они погибли не потому, что были лучше, не потому, что были выше остальных иилане', а потому, что оказались такими же. Они-то думали, что смерть их минует. Отверженных и безымянных, изгнанных из города. Они ошиблись. Они умерли тем же образом. И вы не лучше всех прочих... если только не хуже.

Задумавшись, Энге повернулась и молча направилась к выходу. В дверях она обернулась.

— Благодарю тебя, эфенселе, — проговорила она, — благодарю тебя за крупнейшую из истин. Мне жаль, что стольким пришлось умереть, чтобы мы осознали ее, но, быть может, иначе мы не смогли бы понять. Быть может, и ты, жаждущая только крови, поможешь нам в обретении жизни. Благодарю.

Вейнте' зашипела в гневе и разодрала бы глотку Энге, если бы та не ушла. Такие дерзости трудно было снести. Надо что-то делать. Не отправиться ли на амбесид и, встав перед эйстаа, обратиться к ней? Нет, это не

годится, унижения перед всеми иилане' она не перенесет. Что же тогда? На кого положиться? Только на нее, на нее одну. Ту иилане', что считает истребление устузоу самым важным делом на свете. Она вышла, подождала проходившую фарги и что-то ей приказала.

...День близился к вечеру, никто так и не пришел, и Вейнте' из гнева постепенно впала в протрацию, в безмолвное и бездумное оцепенение. И столь темна была тоска ее, что она с трудом смогла очнуться, когда перед нею оказалась иилане'.

— Это ты, Сталлан?

— Ты посылала за мной?

— Да. Ты ведь не пришла ко мне по собственной воле.

— Конечно. Если бы это заметили, узнала бы и Малсас<. Подобного внимания от эйстаа мне не нужно.

— Я думала, что ты служишь мне. Или теперь ты ценишь свою чешуйчатую шкуру дороже?

Сталлан стояла, расставив ноги.

— Нет, Вейнте', дело важнее. И мое дело — убивать устузоу. Ты ведешь — я следую за тобой. На север, где ползают эти черви. Они любят, чтобы их давили. А если ты не ведешь — я жду.

Настроение Вейнте' слегка улучшилось.

— Не признание ли это, могучая Сталлан? Не намек ли, что лучше было бы вовремя убить одного только устузоу? И тогда не нужна была бы вся эта великая война?

— Ты сказала, Вейнте'. Не я. Но знай, что и я тоже разделяю твоё желание разодрать глотку этому устузоу.

— А может, пусть бегают и прячется от наших отрядов?

Вейнте' металась по комнате вперед и назад, извиваясь от раздражения, царапая когтями плетеные циновки.

— Сталлан, я говорю это тебе одной. Возможно, последний бой был напрасным. Но ведь когда мы начали сражение, никто не знал, чем оно окончится, а потом всех поглотила горячка боя. Даже тех, что теперь не станут говорить со мной. — Обернувшись, она указала большим пальцем на Сталлан. — Скажи мне, верная Сталлан, как получилось, что все время ты избегала моего общества, а теперь оказалась здесь?

— Потери забыты. В конце концов это были всего лишь фарги. А теперь все говорят лишь об иилане', что погибли в лесах, о тех самцах, убитых устузоу на пляже. Я позаботилась, чтобы иилане' видели снимки, принесенные птицами, чтобы иилане' видели устузоу. И иилане' смотрят на них и гnevаются. Они спрашивают, почему теперь никто не бьет устузоу?

От удовольствия Вейнте' издала хриплый, похожий на карканье, звук.

— Верная Сталлан, я была несправедлива к тебе. Пока я пряталась здесь, ты сделала то, что наконец снимет мою опалу. Напомнила всем об устузоу. Показала всем, на что способны эти мерзкие черви. Там, на севере, — устузоу, они любят, чтобы их убивали. Скоро иилане' придут ко мне, Сталлан, они вспомнят мое умение. Уж я-то умею убивать. Всем случается ошибаться и учиться на собственных ошибках. Теперь мы будем убивать их спокойно и уверенно. Как мы срываем с дерева плод, чтобы накормить животное, так оборвем мы все дерево устузоу, чтобы ни единого не осталось, и вся Гендаси, все просторы ее будут принадлежать нам, иилане'.

— Я помогу тебе в этом, Вейнте'. В тот день, когда я впервые увидела устузоу, то сразу же поняла: или они, или иилане'. Кто-то из нас должен погибнуть.

— Это правда. В этом наша судьба, и от нее нельзя уйти. Настанет день, когда череп последнего устузоу повиснет на шипах Стены Памяти.

— Ты, Вейнте', повесишь его туда своими руками, — спокойно и искренне проговорила Сталлан. — Ты — и никто другой.

Глава двадцать девятая

Каждый вечер на закате Вейнте' приходила к модели Гендаси. К этому времени строительницы уже заканчивали работу, и во всем обширном, залитом сумеречным светом пространстве Вейнте' оставалась одна. Здесь она изучала все свершившиеся за день перемены, внимательно следила за новостями, которые приносили птицы. Было лето, и все животные кочевали, стаи устузоу тоже. Они сходились и расходились, сказать кто куда направился, было трудно. Не обладая теперь властью, она не могла направлять полеты птиц, а потому вынуждена была удовлетворяться той информацией, которую давали снимки.

Однажды вечером Сталлан принесла с собой свежие снимки, собираясь сравнить их с моделью. Вейнте' с жадностью выхватила их и принялась разглядывать в вечернем свете. Хоть они ни о чем и не договаривались, но когда Сталлан обнаружила, что Вейнте' бывает в эти часы у модели, она стала каждый вечер являться туда и приносить новые снимки перемещений устузоу. Так Вейнте', как и все жительницы города, могла узнавать об этих существах, которых поклялась уничтожить.

Раз Вейнте' не командовала теперь полетами раптора, ей приходилось довольствоваться тем, что ей приносили. И когда попадались новые снимки долины на юге, она всегда внимательно проверяла, что делают тамошние устузоу. Поэтому, когда однажды кожаные жилища и огромные звери исчезли, она не удивилась. Керрик не собирался дожидаться ее возвращения. Он исчез. Но он непременно объявится снова. Она была уверена в этом.

Все это долгое лето она только изучала модель, думала и гадала. Она следила за перемещениями всех

стай устузоу — одна из самых крупных двигалась к востоку. Когда эта стая оставила горы, и направилась на берег моря, Вейнте' ничего не сказала. Она молчала даже тогда, когда они остановились в месте, удобном для атаки с моря. Терпение, больше терпения. Сталлан рассказывала о тревожных разговорах среди иилане', обнаруживших устузоу в такой близости, о всеобщем неудовольствии по поводу того, что устузоу оставили в покое. Эти речи, конечно, доходили до Малсас<, и она тоже изучала снимки, а значит, должна была что-то предпринимать. Всеобщее внимание было теперь обращено к Малсас<, а потому Вейнте' могла сдерживать свое нетерпение. Впрочем, это ей удавалось с трудом. Но терять ей было нечего, а приобрести она могла многое. И когда за ней явилась фарги, возбуждение свое она спрятала за мрачной неподвижностью.

- Сообщение, Вейнте', сообщение от эйстаа.
- Говори.
- Необходимо твое присутствие на амбесиде.
- Возвращайся. Я иду.

Этот момент Вейнте' тщательно обдумала: нужно было решить, когда ей выйти, получив приглашение... Слишком медлить не следовало, чтобы без причины не возбуждать гнев Малсас<. Она обдумывала формальные жесты, потом оставила эту идею. Ничего наигранного быть не должно. Она только капнула несколько раз на ладони душистым маслом и натерла им гребень, так что он слегка залоснился. Остальное ушло на предплечья и тыльную сторону ладоней. И посчитала приготовления законченными. После чего она отправилась в путь и, хотя не торопилась, выбрала кратчайшую дорогу до амбесида. Там, в сердце города, когда-то восседала она как эйстаа. А теперь возвращается туда — но... как просительница? Как кающаяся грешница? Нет, нет, конечно, лучше умереть, чем выпрашивать милости. Она шла, готовая повиноваться, служить Алпеасаку и не более. И решение это виделось в каждом ее движении.

Теперь амбесид стал больше. Ведь Инегбан, пришедший в Алпеасак, увеличил число титулованных иилане'. Они стояли группами, разговаривали или медленно переходили от группы к группе. Заметив появление Вейнте', они уступали ей дорогу, но словно не замечали и не

приветствовали ее. Да, она пришла на амбесид, но до разговора с Малсас< ее словно бы и не было там.

Стоявшие вокруг эйстаа расступались, как бы случайно шагнув в сторону, и давали пройти. Этих дерзостей она не замечала, а просто шла, чтобы предстать перед Малсас<. Возле эйстаа стояла Сталлан. Охотница поглядела на Вейнте', и по ладоням ее побежали цвета узнавания. Вейнте' ответила на приветствие, решив запомнить смелый в своей простоте поступок. Это когда все отворачивались... Она остановилась перед Малсас<, безмолвно ожидая, пока эйстаа медленно повернет один глаз в ее сторону.

— Я здесь, эйстаа.

— Знаешь ли ты, что я приказала Сталлан отправиться в путь и убить их?

— Этого я не знала... Но мне известно, что Сталлан принесет верную смерть устузоу.

— Рада слышать, что ты говоришь это. Но Сталлан не согласна. Она утверждает, что не сумеет возглавить преследование устузоу в качестве сарн'еното. Ты согласна с нею?

Ответ следовало взвесить: говорить приходилось с великой осторожностью. Вейнте' грозила опасность, и снисхождения ожидать не приходилось. И когда она заговорила, в движениях ее виделась искренность и уверенность.

— Сталлан очень искусна в уничтожении устузоу, все мы учимся у нее. А что до того, быть ли ей сарн'еното или нет, — судить не мне. Только эйстаа может возвести в сарн'еното, только эйстаа может низложить.

Так она сказала. Ни возмущения, ни попытки спорить, ни лести не было в ее словах — только констатация факта. Решение всегда принимает эйстаа. Ей можно советовать, но решает она одна.

Все присутствовавшие молчали, Малсас< переводила взгляд с Вейнте' на Сталлан. Сталлан застыла словно дерево, невозмутимая и безмолвная, готовая повиноваться любому приказу. Всякая иилане', увидев ее, сразу поняла бы, что возражать эйстаа она не будет. И если эйстаа решит, что Сталлан не по плечу быть сарн'еното, спорить она не будет.

И Вейнте' тоже не обнаруживала неудовольствия, она пришла, чтобы повиноваться. Поглядев на обеих, Малсас< сделала выбор.

— Устузоу должны быть истреблены. Я, эйстаа, именую Вейнте' сарн'еното, чтобы она выполнила это. И как ты будешь выполнять мой приказ, сарн'еното?

Вейнте' постаралась скрыть всю радость, все рвущееся наружу ликование. Она молчаливо отсалютовала. А потом заговорила:

— Все устузоу сейчас стараются держаться подальше от берегов, где мы истребляли их. Однажды их стая устроила для нас ловушку на берегу моря. И когда я вижу, что на берегу опять обосновалась какая-то свора этих зверей, я усматриваю в этом намерение обмануть нас. Значит, необходимо сделать две вещи: избежать новой ловушки и перебить устузоу.

— Как ты поступишь?

— Город мы оставим двумя группами. Сталлан пойдет в лодках на север первый отряд, чтобы напасть на устузоу так, как мы это делали прежде. Они заночуют на берегу и нападут утром. Второй отряд вместе со мной направится в быстром урукето по морю далеко от берега. Мы высадимся к северу от устузоу и нападём неожиданно, прежде чем они заподозрят наше присутствие.

Малсас< жестом показала понимание... и удивление.

— Мы уничтожим стаю устузоу, но разве не смогут тогда другие их своры затаиться и ночью перебить всех фарги вместе со Сталлан во время сна?

— Мудрость эйстаа очевидна в таком сложном деле. Если устузоу будут следить за высадкой Сталлан, то они увидят только, что мы выгружаем мясо и воду, но под покровом тьмы мы достанем и новое ночное оружие. А когда это будет сделано, иилане' погрузятся на ночные лодки — на пляже останется только гибель для устузоу.

Подумав, Малсас< сделала жест согласия.

— Пусть будет так. План хорошо продуман. Вейнте', ты много размышляла над ним.

В ее словах слышалось недоумение: как это Вейнте', которой так долго приходилось только сомневаться в своем положении, ухитрялась строить далеко идущие планы. Но сомнение было не столь уж сильным и

совершенно уместным, и Вейнте' не возражала. Она вновь была сарн'еното — остальное не столь существенно. Сдерживая ликование, оно проговорила так спокойно, как только сумела:

— Я должна сказать тебе и еще кое-что об отряде Сталлан. Когда мы разрабатывали ночное оружие, мы обнаружили, что только некоторые иилане' могут управляться с ним в темноте, даже при искусственном свете. И только они, подготовив оружие к действию, пойдут потом к лодкам по световым маякам. А всем остальным фарги придется остаться на берегу. И если случится атака, очень возможно, что их перебьют.

— Это скверно, — ответила Малсас<, — и так погибло слишком много фарги.

— Я знаю, эйстаа, кому это знать лучше меня. А потому очень хочу, чтобы фарги не гибли более, и предлагаю заменить их Дочерьми Смерти. Они не будут сражаться, но хоть на что-то эти паразитки должны быть годны!

Предложение это Малсас< восприняла с удовольствием, ладони ее пожелтели.

— Да, Вейнте', ты и есть сарн'еното: у тебя полно умных идей. Выполняй. Выполняй немедленно.

— Приготовления будут закончены сегодня же, все припасы погрузят. Оба отряда отбудут с рассветом.

Времени было в обрез, но Вейнте' давно обдумывала эту вылазку, еще не зная, сможет ли она командовать, но все-таки готовясь к подобной возможности. Поспешные сборы были закончены со всей эффефективностью, присущей совместным действиям иилане'. Некоторые сложности были только с Энге. Она добивалась разговора с Вейнте' и собиралась ждать, пока ей не будет дана аудиенция. К ее удивлению, Вейнте' немедленно приняла ее.

— Что за приказы ты отдала, Вейнте'? Что ты хочешь сделать с Дочерьми Жизни?

— Я — сарн'еното. Обращайся ко мне как положено.

Энге чуть не взвилась, но тут же осознала, что гордость сейчас неуместна.

— Нижайшая к высочайшей, торопливая, беспокою я тебя, сарн'еното. Пожалуйста, проинформируй меня о сущности твоих приказаний.

— Ты и твои подруги направитесь в лодках на север. От вас не требуется использовать оружие и убивать. Нужно лишь, чтобы вы трудом помогли городу.

— Но не только: ты мне не обо всем говоришь.

— Да, не обо всем. И не собираюсь говорить. Вы едите пищу Алпеасака, вас защищают те, кто готов умереть за Алпеасак. Когда нужна ваша помощь — выполняйте приказы.

— Здесь что-то не так, мне это не нравится. А если мы откажемся?

— Пойдете! Если потребуется, вас свяжут и привяжут друг к другу. А теперь оставь меня. Можете выбирать, но что вы там предпочтете — не будет иметь значения. Оставь меня. Мне необходимо многое сделать.

Жесткость Вейнте' и безразличие ее к участи Дочерей убедили Энге, что в случае неповиновения Дочерей поведут на север в путях... И с первыми лучами солнца Дочери грузили на лодки припасы, а потом покорно последовали туда и сами.

Вейнте' лично проверила, не забыто ли что-нибудь из ночных ограждений, но, заведя торопившуюся к ней со стопкой снимков Сталлан, она обо всем забыла.

— Вот увеличенные снимки, ты их заказывала, сарн'еното.

— Ты видела его? Он в этой стае?

Движения Сталлан были неуверенными.

— Есть одна тварь, которая на него похожа, но все они покрыты шкурами, не различишь.

Вейнте' схватила снимки и быстро проглядела их, роняя по одному на землю, и наконец разыскала нужный. Она торжествующе подняла его над головой.

— Вот, вне всяких сомнений, это Керрик. Шерсть на нем выросла, ты права, но лицо не изменилось. Значит, он там, на берегу, на этот раз ему не спастись. Все ли ты знаешь, что делать?

— Знаю. Хороший план. — И Сталлан позволила себе одну из редких для нее шуток: — Просто радостный план. Я впервые мечтаю о нападении устузоу на нас.

Закончив погрузку, Сталлан повела лодки на север. И только к концу дня она узнала, что все труды их пропали впустую. Да, все шло по плану, и лодки торопились на север, чтобы к сумеркам добраться до нуж-

ного места и вовремя разгрузиться и расставить капкан для устузоу, но захлопнуться ему было не суждено. В последнем свете дня впереди, перед береговым прибором они увидели урукето; сопровождающие гиганта эн-тиисенаты резвились вокруг него. С вершины плавника им махала иилане'. Сталлан распорядилась, чтобы ее подвезли поближе на ночной лодке. Приблизившись, иилане' крикнула с высоты:

— Я говорю от имени Вейнте'. Она приказывает тебе утром возвращаться в Алпеасак. Везите все назад. Атака не удалась.

Такого Сталлан не ожидала. Она вопросительно и разочарованно зашевелилась.

— Причина в том, — объявила иилане', — что устузоу ушли. Эти черви оставили берег и поползли изо всех сил в глубь суши. Убивать некого.

Глава тридцатая

Раптор отправился к югу только под вечер. Сначала крылатый хищник поймал кролика и с добычей, брыкавшейся в когтях, взмыл на вершину сухого дерева. Усевшись там, он разодрал жертву на части и проглотил. А потом удовлетворенно замер, переваривая добычу. Темную шишку на ноге было видно издали. Раптор поточил крючковатый клюв о кору дерева, встопорщил перья и взмыл в воздух. Он поднимался вверх широкими кругами и наконец исчез, направившись на юг.

Один из следивших за птицей мальчишек немедленно понесся к Керрику. Тот, прикрыв ладонью глаза, поглядел на небо и увидел исчезающее в нем белое пятно.

— Херилак, он улетел! — крикнул Керрик.

Рослый охотник отвернулся от туши оленя, которую разделял, по локоть обграв руки в крови.

— Могут быть и другие.

— Конечно, нельзя быть уверенным, но стая морских птиц улетела, а мальчишки утверждают, что не видели поблизости других больших птиц.

— Что же ты прикажешь нам делать, маргалус?

— Выступать немедленно, не дожидаясь темноты. Еды теперь хватит, и оставаться здесь незачем.

— Согласен. Собираемся.

Все пожитки были уже перевязаны и подготовлены к отъезду. Шатры уложили на травойсы, запрягли мастодонтов, погрузили оставшиеся вещи. Последний травойс еще заканчивали загружать, а первый мастодонт, негодуя трубя, уже спешил прочь. Охотники на ходу оборачивались, но берег был пустынным, как и небо. На берегу остались дымившиеся костры, полуразделанная туша свисала с козел. Саммады ушли.

Они шли дотемна, потом остановились — поели холодного мяса. Так они шли всю ночь, изредка останавливаясь отдохнуть. К рассвету они уже были среди лесистых холмов, вдали от дороги, которую оставили, продвигаясь на запад к морю. Мастодонтов высвободили из травоедов и отпустили пастись, а усталые люди заснули в тени деревьев.

...Армун открыла глаза, когда косые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву, сказали ей, что уже за полдень. Малыш проголодался и заплакал. Прислонившись к стволу, она поднесла ребенка к груди. Керрика рядом не было — он беседовал с саммадарами на лужайке. Наконец он направился к ней, суровое лицо было серьезным, но, увидев жену, он улыбнулся. Его улыбка словно в зеркале отразилась в ее лице. Керрик сел, и Армун положила ладонь ему на руку.

— Скоро уходим, — проговорил он, отворачиваясь, чтобы не видеть, как гаснет на ее лице любящая улыбка. Ладонь Армун сжалась.

— Это нужно? — произнесла она, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Ты знаешь. Я должен. План мой, и я не могу допустить, чтобы все ушли в бой без меня.

— И ты оставишь меня?.. — В дрогнувшем голосе слышалась боль, все одиночество прожитой жизни. — Кроме тебя у меня никого нет...

— Неправда. С тобой останется Арнхвит, и тебе придется заботиться о мальчике. И я, и все мы идем на это лишь для того, чтобы ничто не угрожало саммадам. Разве возможен мир, если мургу будут живы? А когда их не станет, мы заживем спокойно, как прежде. Саммады останутся на лугу возле излучины. А мы вернемся в начале зимы. Береги себя.

— А ты вернешься, скажи мне, ты вернешься?

Голова ее поникла, и пышные волосы укрыли лицо, как в ту первую встречу. Младенец жадно сосал и причмокивал, озираясь круглыми голубыми глазами. Протянув руку, Керрик легонько приподнял голову Армун за подбородок. Откинув с лица волосы, он кончиками пальцев провел по ее лицу, по раздвоенной губе.

— И я тоже, Армун, всю свою жизнь провел в одиночестве, — тихо проговорил он, чтобы слышала

только она одна. — И я тоже был не таким, как все вокруг меня, и я их ненавидел. А теперь все прошло. Мы вместе, и когда я вернусь, мы не будем более расставаться. Это я тебе обещаю.

Ласковое прикосновение к губам смутило ее — он еще раз давал ей понять и совершенно искренне, что она дорога ему такая, какая есть, и лицо ее вовсе не кажется ему смешным. Слезы подступили к горлу, и она только коротко кивнула. Керрик встал.

Она глядела на малыша, баюкала его и не поднимала глаз до тех пор, пока охотники не исчезли из виду.

...Отряд возглавлял Херилак. Охотники шли по холмам, стараясь держаться в тени. Сакрипекс шагал быстро и размеренно, остальные не отставали. Все мужчины были крепки и выносливы, все набрались сил перед походом. За плечами была поклажа, в основном пища, так что груз будет легчать с каждым днем. Сейчас лучше не тратить время на охоту, чтобы как можно быстрее уйти от саммадов подальше. Птицы летают и будут летать, но уход охотников должен остаться незамеченным. Они должны исчезнуть в лесной чаще.

Так они шли до темноты, пока не стали спотыкаться от усталости. Только тогда Херилак объявил привал. Он сбросил наземь поклажу, остальные последовали его примеру, покрывая от удовольствия. Подошел Керрик, уселся рядом, и они молча принялись за поздний ужин. Тьма сгущалась, на небе выступали все новые и новые звезды. Высоко среди ветвей закричала сова.

— Неужели следят? А сова эта не скажет другим птицам? — озабоченно спросил Херилак.

— Нет, это просто сова. Птицы-шпионы говорят только с мургу, а не друг с дружкой. Тот раптор, что видел нас вчера, еще не долетел до Алпеасака, и мургу еще думают, что мы на берегу. К тому времени, когда они спохватятся и разошлют других птиц, мы будем уже далеко. Саммады-то они обнаружат и будут следить за ними. А о нас даже не будут знать. Хуже будет, если они заметят нас возле города.

— Но тогда будет слишком поздно.

— Да, тогда будет слишком поздно... для них.

Храбримся, подумал Керрик и усмехнулся про себя. Неужели этот крошечный отряд охотников действитель-

но может уничтожить могучий город со всеми его бесчисленными обитателями? Немыслимо. Сколько же здесь охотников? Меньше трех холтов, числа пальцев на руках и ногах троих охотников. Все вооружены хесотсанами, но ведь и иилане' тоже. Хесотсаны, стрелы и копья против могущественнейшей расы, населяющей мир от яйца времен. Затея казалась невероятно опрометчивой. Как ее осуществить?

Он думал, мучился, а пальцы ощупывали коробочку, которую он нес из долины. В деревянной шкатулке был спрятан камень, в котором живет огонь. Огонь поможет... они смогут, они выполняют все, что должны сделать. И с этой уверенностью он повернулся на бок и уснул, не разжимая пальцев.

— Вернулись первые птицы, которых мы разослали, — сказала Вейнте'. — Снимки изучили, скорее всего стая устузоу ушла от берега к горам, поближе к северу.

— Ты уверена? — спросила Малсас<.

— Эти твари так похожи, что никогда нельзя быть уверенным. Но мы знаем уже, что они ушли от берега моря, на юге их нет.

К разговору прислушивалась Сталлан. К югу устузоу не замечены, согласилась она. Но это ни о чем не говорило. Что-то было не так. Она чувствовала это, но не понимала. Малсас< разделяла ее тревогу, хоть и не была охотницей.

— Я просто не понимаю. Зачем этим тварям понадобилось идти так далеко — к берегу — и сразу же уходить?

Вейнте' неуверенно пошевелилась.

— Они запасаются пищей на зиму. Рыбачат в море.

— На охоту у них почти не было времени, — возразила Сталлан.

— Вот именно, — подтвердила Малсас<. — Зачем они это сделали? У них были на то какие-то причины... или они просто мечутся, словно звери? Вейнте', ты когда-то держала одного при себе и должна знать.

— Они думают. Они размышляют. Их животная хитрость может оказаться опасной. Нельзя забывать про побоище на берегу.

— Твой устузоу сбежал, не так ли? — спросила Малсас<. — Он был в этой стае на берегу?

Вейнте' ответила спокойно, как только могла:

— Думаю, да. Этот особенно опасен, в нем к животной хитрости добавилась выучка иилане'.

Так, значит, Малсас< следила за ней, знала причины ее интереса к увеличенным снимкам. Этого следовало ожидать: она и сама бы так поступила на ее месте.

— Тварь должна быть убита, а шкура ее распялена на шипах.

— И я желаю того же, эйстаа.

— Что же ты собираешься делать?

— Мне бы хотелось увидеть труп этого устузоу, но куда более важно убить всех. Итог одинаков. Умрут все — погибнет и он.

— Разумно. И как ты собираешься добиться этого?

— С согласия эйстаа я хочу объявить трумал, кото-
рый и покончит с этой угрозой.

Согласие и сомнение присутствовали в жестах Малсас<. Как и все иилане', ей приходилось принимать участие в трумалах, в юности, среди волн океана. Когда несколько эфенбуру объединяли свои усилия, например, против стаи спрутов, слишком большой для одного эфенбуру, то объявлялся трумал, и все кончалось уничтожением врага — уцелевших не бывало.

— Понимаю твои сомнения, эйстаа, но это необходимо. Города Энтобана пришлют новых фарги. Больше урукето, больше оружия. И когда окончится весна, мы пойдем морем на север, высадимся на сушу и повернем на запад. Убьем всех. А когда окончится лето, мы будем уже возле гор и повернем на юг, к теплому морю. Зимой доставят припасы, а с наступлением весны мы двинемся вдоль западного склона гор. К следующей зиме этот вид устузоу прекратит свое существование. Мы не упустим даже одной пары, что смогла бы размножиться в укромном уголке гор. Так, по-моему, следует поступить.

Малсас< внимательно выслушала ее, но сомнения не покидали эйстаа. Возможно ли это? Она поглядела на модель, подумала о бескрайних просторах, о нетороп-

ливых стаях устузоу. Неужели их действительно можно уничтожить?

— Их всех следует убить, — вслух ответила она на свой невысказанный вопрос. — Такова наша цель, и этого нельзя забывать. Но разве можно все сделать за следующее лето? Не лучше ли рассылать мелкие отряды, уничтожая стаи по одной? Они попрячутся, уйдут на север, в свои мерзлые земли. Хотелось бы управиться с ними поодиночке. Я сомневаюсь. Разве только армия фарги метлой выметет устузоу из северных краев, навсегда покончит с этой угрозой... А что ты скажешь, Сталлан? — Малсас< обернулась к молчавшей коренастой охотнице. — Ты привыкла убивать устузоу. Хорош ли, по-твоему, план Вейнте'? Примем ли мы его?

Сталлан взглянула на огромную модель и привела в должный порядок мысли, чтобы говорить разборчивей.

— Если будет объявлен трумал, устузоу умрут. Я не знаю, сколько войска для этого необходимо. Я не правительница. Я могу сказать только, что трумал окажется успешным, если нас будет много, и чем больше — тем лучше.

В наступившем молчании Малсас< обдумывала сказанное, остальные ждали. Наконец она решительно сказала:

— Трумал, сарн'еното! Бей устузоу!

Глава тридцать первая

— Прости мне, ничтожной, беспокойство, могущественная и утомленная трудами, — нерешительно говорила Крунат, приближаясь к Вейнте'.

Та стояла перед моделью Гендаси в полной отрешенности: грядущие бои занимали все ее мысли. На приветствие она ответила машинально и не сразу узнала явившуюся. Да, они прежде встречались, это Крунат, заменившая Сокайн в работах по расширению города. Помощницы ее сооружали модель Гендаси, а Крунат помогала советом. И теперь она стояла перед Вейнте', смиренно, словно нижайшая из фарги. Она была великолепным конструктором, хотя всегда придерживалась слишком низкого мнения о своих способностях. Вейнте' с трудом оторвалась от своих мыслей и заставила себя говорить вежливо: она была раздражена неожиданным визитом.

— Говорить с Крунат — всегда честь. Чем я могу помочь тебе?

Перебирая прихваченные с собой снимки, Крунат заговорила, выражая смирение каждым движением тела:

— Во-первых, величайшая благодарность тебе, Вейнте', за твои усилия. Снимки, которые приносят птицы по твоей воле, так полезны были при планировании города. Благодарность моя бесконечна.

Вейнте' коротким жестом согласилась: она не хотела показывать свое нетерпение. Крунат неторопливо перебирала снимки и говорила:

— К северу от Алпеасака лежат сосновые леса, но песчаные почвы скудны. И я продумывала возможность устройства там грязевых ям для крупных зверей. Поэтому мы сделали много снимков этих лесов, но все они

не представляют для тебя интереса. Все, кроме одного. Может быть, и он не слишком интересен, но мы исследуем местную фауну с целью ее дальнейшего использования, и потому я велела его увеличить.

Раздражение Вейнте' было уже так велико, что она, еле сдерживаясь, молча вырвала снимок из пальцев Крунат, — та даже съежилась.

Но взглянув на него, Вейнте' изменила тон.

— Добрая Крунат, — тепло проговорила она, — ты поступила правильно. Можешь ли ты указать мне на этой модели место, где был получен снимок?

Пока Крунат разглядывала модель, Вейнте' вновь посмотрела на снимок. Сомнений не было, на нем был устузоу, который держал в лапах свою дурацкую палку с острым камнем на конце. Эта дура обнаружила важную вещь.

— Вот, Вейнте', снимок был сделан где-то здесь.

Так близко! Конечно же, это всего лишь один устузоу, просто животное, но появление его на юге смущало. Даже тревожило. Он мог быть не один. Эти твари, бывало, убивали иилане' возле города. Она подозвала к себе фарги.

— Немедленно позови сюда охотницу Сталлан. А тебе, мудрая Крунат, приношу благодарность, и свою, и всего Алпеасака. Появление этой твари не обещает добра, следует принять меры.

Озабоченность Сталлан оказалась не меньшей.

— Снимок единственный?

— Да, я просмотрела остальные, они неинтересны.

— Этому снимку около двух дней, — проговорила Сталлан, указывая на модель. — Если устузоу продолжают идти на юг, то они или он могут оказаться неподалеку. Что прикажешь, сарн'еното?

— Удвой караулы в городе. Проверь, чтобы все сигнальные звери были в порядке. Если эти твари приближаются к Алпеасаку, то можно ли преградить им путь или уничтожить их?

Соединив вместе большие пальцы, Сталлан указала на модель, на поросшие кустарником земли за городом.

— Там повсюду чащи, терновые заросли. Можно пройти только по звериной тропе. Я знаю эти места. Разошлем птиц — лучше сов — а когда мы обнаружим

устузоу, я возьму своих лучших охотниц, и мы устроим засаду.

— Выполняй! — Гребень на голове Вейнте' подрагивал. — Я думаю, что с ними и Керрик. Только у него хватит наглости идти к Алпеасаку и тянуть за собой других устузоу. Прошу тебя, Сталлан, убей его. И доставь сюда его шкуру. Мы приколем ее шипами к стене и будем смотреть, как она сохнет...

— Твое желание, Вейнте', — это мое желание. Ему я желаю только смерти.

— Вот и кончилось копченое мясо, — проговорил Керрик, сбрасывая тонкой веткой червей с твердого куска. — У некоторых охотников остался только эккотта, и то немного.

Не обращая внимания на червяков, Херилак задумчиво жевал свой кусок.

— Дичь попадаетея и возле города. Там поедим свежего мяса.

Даже в тени сосен было влажно и жарко. Мухи путались в волосах, лезли в глаза. Поход был долгим, все уже устали. Но охотники и не думали жаловаться. Они попрятались среди деревьев. Но Керрик знал, что все они рядом, в лесу, и каждый настороже. Он боялся лишь одного — что ведет свой отряд на верную смерть. Чем ближе подходили они к городу, тем чаще эта мрачная мысль посещала его.

— Пошли! — проговорил Херилак, поднимаясь на ноги и перебрасывая лук через плечо рядом с хесотсаном, висевшим в дорожном мешке. Рослый охотник до сих пор чувствовал себя спокойно только с копьем в руке.

Поход продолжался, и Херилак как всегда возглавлял его. Тану следовали за ним по волнистой, покрытой кустами равнине, потом по краю заросшего деревьями болота, где кишели полчища кусачей мошкары.

Болото сужалось к проходу между холмами. Принюхавшись, Херилак замедлил шаг и жестом велел остановиться. Потом он подошел к Керрику.

— Ты видел впереди птиц? Они окружили над деревьями, но так и не опустились на ветви.

— Нет, Херилак, я не обратил внимания.

— В лесу надо замечать все, если хочешь остаться в живых. А теперь вздохни поглубже. Что чувствуешь?

— Запах болота, — улыбнулся в ответ Керрик, но не встретил ответной улыбки Херилака.

— А я чую их запах. Не поворачивай голову. Там мургу.

Сердце Керрика заколотилось, и только усилием воли он заставил себя не повернуть голову.

— Ты уверен?

— Сомнений быть не может.

— Что делать?

— Успеть их убить, прежде чем они убьют нас. Оставайся здесь. Жди моего сигнала, а потом осторожно спускайся в долину. Пусть стреляющие палки будут наготове.

— Мне идти одному?

— Нет. Вместе с саску. Охотники пойдут со мной. Они умеют незаметно подкрадываться к дичи.

Торопливо скользнув назад, Херилак бросил пару слов ближайшему охотнику. Оба исчезли среди деревьев. Вскоре во главе вооруженных копьями саску появился Саноне.

— Что случилось? — спросил он. — Херилак велел нам идти вперед вместе с тобой. Куда он пошел с охотниками?

— Держитесь тропы, — велел Керрик, — не сбивайтесь в кучу.

И тихим голосом он рассказал Саноне, в чем дело. Тот не выказал особой радости.

— Значит, мы приманка в ловушке? Если мургу на нас нападут, то нам конец.

— Доверимся Херилаку: он искусный охотник и умеет выслеживать зверя.

Они ждали, молча вглядываясь в темную стену джунглей, таившую неведомые опасности. Вдруг что-то шевельнулось, и Керрик уже вскинул хесотсан, но это оказался один из охотников Херилака. Он поманил их за собой и исчез среди деревьев.

Керрик шел первым, пытаясь одолеть охвативший его страх. Темное ущелье сулило беду, там можно было

спрятать целую армию иилане'. И он стиснул хесотсан так, что существо задергалось в его руках.

Вдруг среди деревьев раздался крик, потом второй. Затрещали хесотсаны.

Керрик растерялся: идти дальше? Что происходит в ущелье? На всякий случай он велел саску укрыться, держа оружие наготове.

Затрещали ветки: через кусты к ним кто-то бежал. Керрик поднял оружие; впереди под деревьями показалась темная фигура, выскочила на солнечный свет.

Иилане'! Он прицелился, выстрелил, но промахнулся, попав в дерево. Иилане' обернулась и взглянула прямо на него.

Сердце Керрика замерло. Она была так близко, что он видел, ее раскрытую пасть и острые зубы. И это лицо... ненавистное. Она тоже узнала его: ее поза изобразила ненависть.

Но едва копьё кого-то из саску ударило в ствол поблизости от нее, она метнулась в сторону и исчезла за деревьями, прежде чем Керрик пришел в себя.

— Сталлан! — крикнул он. — Это же Сталлан!

Он бросился за ней. Саску бежали следом. Они не разыщут ее в этой чаще, а вот она его... И он вернулся на звериную тропу. Навстречу уже торопился Херилак, вспотевший и довольный, победно потрясавший копьём.

— Мы напали на этих глупых мургу сзади. Они сидели в засаде и даже не сопротивлялись, когда мы до них добрались. Все убиты.

— Все, кроме одной. Самой главной. Кроме Сталлан. Я выстрелил, но промахнулся.

— Случается. Это неважно. Пусть они знают, что мы здесь. Все равно ничего не сумеют сделать. Но они обнаружили себя, и мы будем настороже.

— Что будем делать?

— Собирать их стреляющие палки. Идем вперед. Битва за город началась!

Глава тридцать вторая

Вейнте' обсуждала с Малсас< подробности трумала, когда от края амбесида донеслись звуки тревоги. Сквозь толпу отчаянно проталкивалась Сталлан, распихивая зазевавшихся иилане'. Она была вся в крови. Добежав до Малсас<, она вдруг сгорбилась в знак поражения. Поза эта всех поразила — никто не видел такой Сталлан: она всегда держалась гордо и прямо.

Словам ее внимали в молчании.

— Несчастье, эйстаа, все погибли. Вернулась только я одна.

— Не понимаю. Погибли... Но как?

Сталлан подняла голову и быстро заговорила:

— Я устроила засаду, и мы ждали устузоу. Но ведь это животные, уж мне-то не следовало забывать об этом. Они напали на нас сзади, и мы даже не услышали их приближения. Все убиты: и охотницы, и фарги. Я бежала. Если бы я стала отстреливаться, меня бы тоже убили, и вы ничего не узнали бы. А теперь я сказала и умру — потому что опозорена. Говори положенные слова, эйстаа.

— Нет! — протестующе выкрикнула Вейнте'.

Открыв рот, Сталлан изумленно уставилась на нее, забыв о смерти. И пока Малсас<, замешкавшись, молчала, Вейнте' быстро заговорила, чтобы удивление не превратилось в гнев.

— Не хотела оскорбить, эйстаа. Я так сказала, чтобы спасти жизнь Сталлан. Не вели ей умирать. Она верна своему городу, и город должен быть верен ей. Это я приказала ей взять охотниц и расставить западню для устузоу. Если это ошибка, то она моя. Эта смелая охотница необходима нам. Она не виновата. Идет война

с устузоу. И пусть смерть не будет ей наказанием за неудачу. Я понимаю, слова мои поспешны. И жду твоего суда.

И Вейнте' покорно склонила голову. Она пошла на большой риск и, быть может, немедленно умрет за свою наглость, но потерять Сталлан, единственную приветствовавшую Вейнте' на амбесиде в тот день, когда была снята опала...

Малсас< смотрела на обе покорно склонившиеся фигуры и размышляла. В наступившем молчании слышен был только топот ног иилане', подбиравшихся поближе, чтобы услышать решение эйстаа. И она решила.

— Да, Вейнте', ты говорила поспешно и грубо. В другое время таких слов нельзя было бы простить и ты умерла бы. Но ветер пахнет смертью, и я хочу, чтобы ты жила и хранила Алпеасак, так же, как ты хочешь, чтобы жила Сталлан. Городу необходимы вы обе. Объясни мне смысл случившегося.

— Сначала — моя благодарность, эйстаа. Как и Сталлан, я живу лишь для того, чтобы служить Алпеасаку. Смысл теперь ясен и значения прошлых событий тоже. Вооруженный и опасный отряд устузоу приближается к Алпеасаку. Их надо остановить. Теперь понятно, почему эти твари выходили к морю — чтобы обмануть нас. На пути к горам они разделились, и часть этих диких животных тайно устремилась на юг. И как только я узнала об их присутствии, то выслала против них отряд охотниц. Мы потерпели поражение. Оно должно быть последним... Иначе я опасюсь за наш город.

Слова ее потрясли Малсас<.

— Какой вред могут причинить Алпеасаку эти звери?

— Я не знаю, но я боюсь. Их решительность и дерзость вселяют страх. Разве пошли бы они на такой риск, если бы не рассчитывали нанести нам тяжелый ущерб. Надо проверить всю оборону.

— Сделаем. — Малсас< повернулась к Сталлан: — Теперь я понимаю, почему Вейнте' рискнула жизнью, чтобы спасти тебя. Это ведь ты, Сталлан, готовила оборону города?

— Так, эйстаа.

— Усиливай ее, укрепляй, говори как эйстаа. Требуй все нужное. Безопасность нашего города между твоими большими пальцами.

— Я не отступлюсь, эйстаа. С твоего разрешения, я приступаю немедленно.

Со смятением и сомнением Малсас < глядела ей вслед — так трудно понять все, что происходит в новых землях Гендаси. Все здесь не так, как в Энтобане. Нарушен миропорядок: устузоу убивают иилане'.

— Когда это кончится? Скажи мне, Вейнте'. Или и ты не знаешь?

— Я знаю одно. Мы должны убить этих тварей. И победить.

Но как ни старалась Вейнте', избежать движения неуверенности она не смогла. И все видели в них страх.

Услыхав впереди в лесу пронзительный крик, Херилак поднял руку. Охотники остановились. Крик повторился. Охотники в страхе переглянулись. Чьи-то тяжелые шаги сотрясали землю у них под ногами.

— Ты знаешь, что это? — спросил Херилак.

— Думаю, да, — ответил Керрик. — Идите осторожнее: вот-вот начнутся поля.

Здесь деревья росли плотнее, и звериная тропа, по которой шли охотники, петляла среди стволов. Херилак шел первым, Керрик рядом. Снова слышался тяжелый топот и вопли.

— Остановитесь! — крикнул Керрик. — Видите — на тропе лианы. Они присасываются к коже, их нельзя оторвать. Однажды я попался в них. Предупредите всех остальных. Мы подошли к самой границе города.

Охотники бесшумно двигались вперед, хотя любые звуки, которые они могли бы произвести, без сомнения, потонули бы в шуме, доносившемся с поляны перед ними. Выйдя на опушку, они замерли, увидев двух огромных существ, каждое из которых было крупнее самого большого мастодонта. Они кружили друг возле друга в высокой траве. Третье, такое же, наблюдало за схваткой. Желто-бурые шкуры их были морщинистыми, вдоль позвоночника тянулся кроваво-красный гребень.

Широкие головы защищали костяные воротники. Один из них, громко рывкнув, рванулся вперед, разинув беззубый клюв. Другой метнулся вбок, размахнувшись массивным концом хвоста, как тяжелой дубиной. Чудище уклонилось от удара — и костяная булава глухо стукнула оземь,

— Руутсы, — сказал Керрик. — Дерутся из-за самки. Вон она, травку щиплет. Я помню это поле. Теперь понятно, где мы.

Он сделал пяткой вмятину в мягкой земле и концом каменного ножа начертил несколько линий.

— Погляди сюда, Херилак, — это город. У мургу есть его модель, и я столько ее изучал, что запомнил почти наизусть и сейчас еще не забыл. Погляди, на что он похож. Вот море, вот пляж, вот стены. А вот амбесид, большая поляна, на которой они собираются.

Херилак внимательно следил, как Керрик набрасывал очертания города, окружавших его полей.

— Они охватывают город несколькими кольцами, руутсы находятся здесь.

Херилак внимательно глядел на черточки, теребя в задумчивости бороду.

— Ты уверен, что мы действительно здесь? Ведь ты уже давно не бывал в городе. Все может быть другим: и поля, и животные.

— Другим? Где угодно, но только не у иилане'. Они предпочитают постоянство. Мургу ничего не меняют. Сделают один раз и, если получилось, так и оставят... на века.

— Верно, ведь кто знает мургу лучше тебя...

Внезапно позади послышался крик. Торопливо обернувшись, они заметили, что один из охотников саску, вздрогнув, осел на землю. К нему бросились на помощь, и Херилак уже собирался снять с его руки лозу с шипами, но Керрик остановил его.

— Не прикасайся, иначе сам погибнешь. Ему уже не помочь. Яд проник в кровь.

Саску изгибался от боли, на губах выступила кровавая пена. Охотник умирал долго.

— Если не хотите найти такую же смерть, не трогайте ничего, пока не выйдем в поля. Смотрите, куда

ступаете, ничего не задевайте. Одни лианы прилипают, другие — вы видели — убивают.

— И в городе так? — поинтересовался Херилак.

— Нет, только здесь, на самой границе. Чтобы не лезли всякие звери и... тану. Там, внутри, придется опасаться лишь вооруженной охраны. Они прячутся в стенах, их можно сразу не заметить.

— Ночью-то они спят, — заметил Херилак.

— Должны. Только на ночь они расставляют ночные ловушки. Мы заметим, где они расположены, и обойдем их подальше.

— И что же ты предлагаешь?

Керрик вновь склонился над своей схемой и указал на внешний круг.

— Надо пройти эти поля. Здесь твари в основном травоядные, как и руутсы; они не нападут, если их не дразнить. — Подняв голову, он принялся. — Ветер дует с запада, придется идти так, чтобы он дул нам в спины. Сразу же за полями начинаются городские деревья, они растут близко друг к другу. Когда огонь разгорится, его ничто не остановит...

— А там найдется сушняк? — спросил Херилак.

— Едва ли.

— Тогда поищем и прихватим с собой.

— Подожди, пока не выйдем в поля, к западу от города. Там и дрова соберем, и подготовимся. Внешнюю ограду нужно одолеть до заката. Тогда иилане', вернувшись в город, не заметят нас. Так мы избежим внимания караульных и к темноте окажемся у деревьев. И тогда разведем огонь.

Люди ушли, а трое руутсов уже мирно паслись, позабыв недавние раздоры.

К вечеру тану были уже у цели. Звериные тропки, как назло, вели не туда, куда нужно, и охотникам приходилось продираться сквозь чащу и густой подлесок.

Возле сонного ручейка Керрик остановился и подождал отставших. Когда все утолили жажду, Керрик отдал распоряжения, время от времени переходя с марбака на сесек и обратно. Все слушали его с напряженным вниманием: пришел конец трудному походу. Победа или смерть.

Все слушали и не замечали, как темнеет небо над головой. Вдруг несколько капель дождя упали на Керрика — он умолк.

Херилак хмурясь взглянул на небо. В дождь нечего и думать об осуществлении плана: дерево не загорится.

— Сейчас все равно сухой сезон, — возразил Керрик, за уверенным тоном пряча тревогу. — Дожди в это время недолги. — Он даже боялся подумать, что случится, если прольется дождь.

Охотники стали собирать сухой хворост, тревожно поглядывая на небо. Темнело, ветер крепчал, вдали прогремел гром.

— До вечера ждать нельзя, — проговорил Херилак, — запаливаем, пока не пролился дождь.

— Вокруг мургу, они могут заметить нас.

— Придется рискнуть. Помоги мне расчистить проход в терновой стене, а остальные пусть собирают дрова.

Наломав толстых ветвей, охотники набросали их на гибкие ядовитые лианы. С поля круглыми глазами на них смотрели огромные утконосы. Утоптав ветви, Херилак прошел первым и дал знак остальным следовать за ним с дровами.

Керрик шел за Херилаком. Он вернулся в Алпеасак. Гром гремел все ближе и ближе, и, когда первые капли дождя забарабанили по плечам, он бросился бежать.

Глава тридцать третья

Младенец пищал на руках Армун. Он вымок и замерз под холодным ливнем. Она сама промокла насквозь, руки и ноги ее были в грязи: дождь застал ее у реки, где заостренной палкой она выкапывала луковицы. Коротко полыхнула молния, и сразу же раздался оглушительный раскат грома. Гневен был Ерманпадар. Пора возвращаться к шатрам. Младенец заверещал еще громче, она подхватила корзину с луковицами и поднялась на ноги.

Над головой Армун кружила птица. Выставив вперед когтистые лапы, она тяжело опустилась на высокий сук и сложила крылья. Армун заметила на ноге черную шишку и бросилась бежать, охваченная внезапным ужасом. Мало ей грома и молнии — так еще и птица-доносчик. Страх подгонял ее, и она изо всех сил неслась к уютным и покойным шатрам.

Вейнте' изучала модель Алпеасака, когда фарги принесла ей весть о том, что урукето входит в гавань. Резким движением она отослала вестницу, нарушившую ее размышления. Вид модели города не помогал. Оборона была надежной, и Сталлан принимала все новые и новые меры. Вейнте' не видела слабых мест, гнусные устузоу не могли причинить большого вреда... разве только убить животных. И она только раздражалась, разглядывая макет.

Надо было бы выйти поприветствовать прибывших на урукето, посмотреть, какой груз он доставил. Из Энтобана привозили фарги, новые, более сильные хе-

сотсаны. Многие из городов великого континента посылали свою помощь. Армия Вейнте' будет сильной, устузоу погибнут.

Выйдя под открытое небо, она впервые заметила высокие облака, услышала дальнее грохотанье. Редкими крупными каплями пошел дождь. Начиналась гроза.

Ей не было до грозы никакого дела — нужно было обдумать куда более важные дела.

Крунат следовала за группой фарги по пыльной тропинке. Следом за ней с охапкой деревянных шестов торопилась помощница. Каждая из фарги несла готовое к посадке молодое плодородное деревце с комом земли. На этот раз Крунат отправилась с рабочим отрядом, чтобы деревья посадили именно там, где положено. В этом городе попадались иилане', столь же глупые, как и фарги, вечно забывавшие распоряжения и вносившие путаницу даже в простейшую работу. Крунат обнаружила посадки, не соответствовавшие модели, и ей пришлось вносить исправления. Теперь будет иначе. Она сама расставит вешки, чтобы деревья посадили именно там, где надо. Крунат взглянула на темнеющий небосвод. Тучи обещали дождь. Хорошо, просто отлично для новых посадок.

Тропа повернула и вывела их на край зеленого поля. Навстречу по траве цепочкой двигались фарги. Так показалось Крунат, но они выглядели как-то странно. Слишком высокие и худые... Покрытые мехом!

Она замерла от ужаса. Устузоу в городе?! Разве это возможно? Помощница обогнала ее, над полем затрещали хесотсаны.

Фарги согнулась и упала, помощница выронила шесты — в бок ей воткнулась игла. Крунат в панике бросилась бежать к деревьям. Город она знала, поблизости была охрана, их следовало предупредить.

— Смотри, одна убежала! — завопил Херилак, бросившись за беглянкой.

— Нет времени! — крикнул Керрик. — Все, дальше можно не ходить, надо только успеть развести огонь до дождя.

Он бежал, задыхаясь, усталые охотники бежали следом. Близилась спасительная цепочка деревьев. Он слышал, как позади выстрелил хесотсан, но не оглянулся на бегу.

Споткнувшись, он упал под высоким дубом, бросил на землю оружие и вытащил из кожаного мешочка на шее деревянную резную коробочку. Когда он извлек из нее щепотку истолченной древесины, внезапный порыв ветра развеял пыль. По листьям над головой застучали первые капли. Возле него упала капля, другая.

Спокойнее, спокойнее! Все нужно сделать с первого раза, другой возможности не будет. Дрожащими руками он положил деревянную коробочку на землю, высыпал в нее всю древесную пыль. А теперь — камнем о камень, резким ударом, — так он делал несчетное число раз. Длинные искры летели одна за одной.

Тонкий дымок пополз над ящичком.

Он согнулся к огню и стал осторожно раздувать его. Вспыхнул тоненький язычок пламени. Керрик скормил огню сухие листья, извлек из сумки кусочки коры и сучья. И только когда огонь разгорелся, он оглянулся.

Позади на поле остались тела убитых иилане' и тану. Немного, он опасался, что убитых будет больше. Херилак расставил вокруг охотников. Они спрятались за деревьями, держа оружие наготове. Херилак подбежал к Керрику, лицо его было покрыто потом. Увидев огонь, он широко улыбнулся.

Коробочка вспыхнула, и Керрик затолкал ее под сложенные ветви, сверху набросал несколько ветвей потолще. Раздувая огонь, он старался не смотреть на подступающую тучу. От костра несло жаром, капли шипя исчезали в огне. Когда разгорелись крупные ветви, Керрику пришлось прикрыть лицо рукой от жара.

— Пусть сгорит город! — крикнул он.

Послышались взволнованные крики и топот бегущих ног. Охотники выхватили из костра пылающие сучья. Керрик тоже подхватил ветвь, бросился с нею к чаще и сунул полыхавшую палку прямо в сухие ветви. Листья пожухли прямо на глазах, потом задымились и вдруг вспыхнули ярким пламенем. Он двинулся вперед, поджигая кусты. Наконец жар отогнал его назад, дымящая

ветвь обжигала пальцы. Он забросил ее подальше к деревьям.

Охотники с криками поджигали все новые и новые деревья на краю рощи. Пламя уже охватило дуб, перепрыгнуло на соседнее дерево. В разожженном костре осталась одна ветвь. Керрик схватил ее и побежал. Мимо поджигавшего дерева Саноне. Отбежав подальше, Керрик сунул ветвь в сухой куст. Ветер подхватил искры, в одно мгновение куст запылал.

Дым и пламя рвались к небу, ветер нес темные клубы. С треском пылали деревья, грохотал гром. Гроза еще не разразилась.

С огромным трудом фарги удалось загнать отобранных на сегодня для забоя животных. Их что-то беспокоило, они метались от одного края загона к другому, закатывали глаза. Животные даже затоптали одну из фарги. Дежурная иилане' громко распоряжалась, но без особого успеха. Вдруг она услышала треск и почуяла странный едкий запах... Обернувшись, она увидела рвущиеся вверх языки пламени, а за ними черные грозовые тучи. Вместе с запахом пришло ощущение приятной теплоты. Что это значит, что происходит? И она, растерявшись, стояла и смотрела на подступавшее пламя, охватившее деревья неподалеку. Как тепло и приятно. Позади кричали животные, а она шагнула вперед, протянув руки к теплу и свету... А потом закричала.

Икеменд приоткрыла дверь ханане и выглянула наружу. Акотолп властным жестом потребовала распахнуть ее.

— Сперва посылаешь за мной, а потом не впускаешь, — с негодованием тряся щеками, проговорила толстуха. — Немедленно пропусти!

— Приношу извинения, — ответила Икеменд, впуская Акотолп и тщательно закрывая за ней дверь. —

Самцы опять ссорятся, должно быть, виновата погода. Есть раненые...

— Сейчас же доставь ко мне негодника!

Строгий голос и резкий жест заставили Икеменд поспешить. Она вернулась почти тотчас же, волоча за собой упиравшегося Эсетту.

— Вот он, — сказала Икеменд, толкнув самца вперед. — Поднимает шум, заводит драки — вот и получил по заслугам.

Акотолп не слушала. Схватив Эсетту за руку, она разглядывала его. Стоявший спиной к охранительнице Эсетта окинул ее мрачным взглядом. Акотолп обожала визиты в ханане.

— Ничего серьезного, просто царапины. Хватит и антисептика. Самцы остаются самцами...

Внезапно она умолкла и подняла голову, распахнув пошире носовые клапаны.

— Запах... Я знаю этот запах, — возбужденно проговорила она, озабоченно шевеля конечностями.

Она поспешила к входной двери и распахнула ее, невзирая на протесты Икеменд. Пахло все сильнее, казалось, воздух был пропитан этим запахом.

— Дым?! — крикнула Акотолп с недоумением и беспокойством. — Дым возникает лишь при одной химической реакции — при горении.

Эсетта отступил на шаг, задрожав от силы эмоций Акотолп. Икеменд жестикулировала, изображая свою глупость и полное непонимание. Дым сгущался, вдалеке послышался треск.

— Это реакция, которую называют горением. Мы в опасности. Немедленно забирай самцов, их следует быстро увести отсюда, — скомандовала Акотолп.

— Но у меня нет приказа! — простонала Икеменд.

— Я приказываю! Речь идет об опасности для здоровья, для жизни. Веди их за мной на берег, к океану.

Икеменд перестала колебаться и поспешила назад. Акотолп беспокойно расхаживала взад и вперед, не замечая, что держит за руку Эсетту: перепуганный самец следовал за нею. Новый порыв ветра принес облако дыма, и они закашлялись.

— Ждать нельзя, — произнесла Акотолп и громко крикнула: — За мной!

Понадеявшись, что звуки без жестов будут понятны, она повлекла за собой стенающего Эсетту.

Когда Икеменд вернулась в коридор, самцы столпились вокруг нее. Она торопливо закрыла и заперла дверь и приказала самцам расходиться по своим местам. Теперь не было нужды беспокоиться о том, как совместить два противоречащих друг другу приказа. Где еще в городе есть место, безопаснее ханане?

Через стены начинало сочиться тепло, ласковое и приятное. Страх пришел только тогда, когда у входа пробились языки пламени.

Спасать подопечных было поздно. Она умерла под их стоны и вопли.

Алпеасак пылал. Ветер нес пламя от дерева к дереву, полыхали кустарники, стены, плетеные полы, все горело, все корежилось.

Для иилане' беда была невероятной и непостижимой — они не могли понять даже причин ее. В тропическом дождевом лесу не бывает пожаров, и они ничего не знали об огне. Конечно же, некоторые из ученых изучали его, но лишь как интересное лабораторное явление. Такой огненной бури они не могли даже представить. Дым и огонь были повсюду. Пламя сперва подманивало иилане' теплом — а потом губило, причиняя жесточайшую боль. И они гибли. Оставались обгорелые, обуглившиеся трупы. Огонь шествовал дальше.

В страхе и смятении иилане' и фарги сбежались на амбесид, ожидая указаний. Площадь была уже заполнена до отказа, но на нее валом валили все новые и новые толпы, наконец амбесид оказался совершенно забитым телами. Всем хотелось услышать распоряжения Малсас<, все толкались, лезли вперед, ближайших уже прижало к эйстаа, которая тщетно приказывала отойти. Те, кто был поближе, пытались повиноваться, но безуспешно — никому не удавалось преодолеть напор охваченной паникой толпы.

Когда языки пламени достигли амбесида, паника стала невероятной. Иилане' не суждено было спастись, плотная толпа тщетно колыхалась в поисках выхода.

И Малсас<, и многих других затоптали задолго до того, как пламя охватило их тела.

Над головой грохотали раскаты грозы. Тучи громоздились, точно огромные горы. В них было спасение, но иилане' не подозревали об этом. Они не знали огня, откуда им было догадаться, что вода его может остановить?

Умер Алпеасак, погибли иилане'! Огонь шел от полей к океану, испепеляя все на своем пути. Черными клубами дым рвался к небу, крики погибавших тонули в реве огненной бури.

Почерневшие от сажи охотники прижимались к земле. Вооруженные иилане', с которыми они недавно воевали, погибли или бежали. Битва закончилась, и завершилась война, но они были слишком утомлены, чтобы осознать это. Херилак и Керрик стояли, покачиваясь от усталости.

— Кто-нибудь из них уцелел? — спросил Херилак, тяжело опираясь на копье.

— Я не знаю... Может быть...

— Их придется убить.

— Должно быть...

Керрик был потрясен... Погиб Алпеасак. Охваченный жаждой мести, он погубил иилане' и весь их чудесный город. Он вспоминал, с каким интересом исследовал его, открывал все новые и новые секреты. Как разговаривал в ханане с самцами, как наблюдал за стадами животных на пастбищах города. Все погибло, все погибли. Если бы можно было избавиться от иилане', не разрушая города... Он бы воспользовался этим способом... но такого пути не было. Иилане' погибли, а с ними — Алпеасак.

— Где их искать? — спросил Херилак, и Керрик недоуменно открыл рот, не понимая вопроса. — Уцелевших. Ты говорил, что кто-то мог спастись.

— Да. Но только не в городе. Он погиб. Некоторые сумеют укрыться в полях возле животных. На берегу, на пляже. Утихнет огонь — посмотрим.

— Долго придется ждать. Я видел лесные пожары. Большие деревья дымятся и тлеют много дней. Может быть, пойдем к пляжам на берегу? — Но взглянув на усталых охотников, Херилак сел и буркнул: — Пере-

дохнем немного и пойдем. — Полыхнула молния, изда- лека донесся гром. — Видно, Ерманпадар любит мургу не больше, чем мы с тобой. Не дает им дождя.

Немного отдышавшись, победители двинулись в путь. Они шли мимо дымящихся и почерневших древесных стволов, потом по несгоревшим полям и пастбищам. Дым потревожил животных, но теперь они успокоились. Олени убегали, заведя людей, а рогатые и покрытые броней гиганты невозмутимо паслись, не обращая внимания на подобную мелюзгу. Добравшись до ручья, люди обнаружили, что он покрыт густым слоем пепла.

Был отлив, и люди шли по плотному и прохладному песку. С одной стороны плескался океан, с другой — дымились почерневшие руины Алпеасака. Оружие держали наготове, но некому было противостоять ему. Завернув за мыс, охотники остановились. Впереди, в волнах океана, едва видимый в дымном сумраке, медленно двигался огромный силуэт.

— Урукето! — воскликнул Керрик. — Направляется в гавань. Может быть, там, возле реки, и собрались уцелевшие. — И он бросился бежать, остальные последовали за ним.

Сталлан смотрела на тела иилане', распростертые на берегу и плывущие вниз по течению. Она толкнула ближайшее ногой: едва дышавшая фарги, не открывая глаз, опрокинулась на спину и раскрыла пасть.

— Погляди только, — произнесла Сталлан с пренебрежением и брезгливостью в каждом движении. — Я привела их сюда, велела спастись в воде, а они еще и умирают теперь? Закрывают свои дурацкие глаза, откидывают глупые головы и умирают!

— Их город погиб, — устало проговорила Вейнте'. — Значит, мертвы и они. Все они теперь стали отверженными. Только наши бессмертные выжили. — Она презрительно показала на группу иилане', стоявших по колено в воде.

— Дочери Смерти... — проговорила Сталлан с разочарованием. — И это все, что осталось от Алпеасака? Вот эти самые?

— Сталлан, ты забыла о нас с тобой.

— Я помню: мы обе здесь, но не могу понять, как случилось, что мы уцелели.

— Мы выжили только потому, что ненавидим устузоу, совершивших все это. Они принесли с собой огонь и спалили наш город.

— Смотри! Урукето! Приближается к берегу.

Вейнте' взглянула на темный силуэт, скользивший по волнам.

— Я приказала ему отойти от берега, когда подступит пламя, и возвратиться, когда огонь угаснет.

Заметив урукето, на берег вышла Энге. Вейнте' видела ее, но предпочла не замечать вопросительной позы. Тогда Энге выпрямилась и заговорила:

— А что будет с нами, Вейнте'? Урукето подходит, а ты не желаешь разговаривать с нами.

— Я так решила. Умер Алпеасак, и я хочу, чтобы вы умерли с ним. Вы останетесь здесь.

— Жестокое решение, Вейнте'. Никто из нас никогда не причинил тебе зла. Вдвойне жестокое по отношению к твоей эфенселе.

— Ты больше не моя. Я ничего не хочу от тебя. Разве не ты сеяла сомнения среди иилане', когда нам необходимы были все силы? Умри здесь!

Энге смотрела на свою эфенселе, на Вейнте', что была всегда самой лучшей.

— И ты, погубившая своей ненавистью Алпеасак, отказываешься от меня? Я принимаю это и говорю тебе, что между нами все кончено. Теперь я сама отказываюсь от тебя и не желаю более тебе повиноваться. — Она повернулась к Вейнте' спиной. Увидев, что урукето уже у берега, она позвала подруг: — Мы отплываем! Все на урукето!

— Убей их, Сталлан! — завизжала Вейнте'. — Стреляй!

Повернувшись, Сталлан подняла хесотсан и, не замечая отчаянных жестов Энге, стала по одной всаживать иглы в плывущих иилане'. Она стреляла метко, и сраженные одна за другой исчезали под водой. Когда хесотсан опустел, Сталлан опустила оружие.

Уцелевшие добрались до урукето. Акотолп тащила за собой самца.

Энге отвернулась.

— Ты повсюду сеешь смерть, Вейнте', — проговорила она. — Ты воплощенная смерть. И я бы с радостью отказалась от своих убеждений, чтобы покончить с тобой.

— Ну давай, — насмешливо проговорила Вейнте', обернувшись и подняв голову. — Кусай, зубы у тебя есть. Давай!

Энге рванулась вперед, но отступила — она не могла убить даже такое существо, как Вейнте'.

Опустив голову, Вейнте' хотела что-то сказать, но резкий крик Сталлан остановил ее:

— Устузоу!

Вейнте' обернулась. Люди бежали навстречу, грозя хесотсанами и острыми палками. Мгновенно решившись, Вейнте' ударила Энге кулаком и повалила навзничь.

— Сталлан! — крикнула она, ступив в воду. — На урукето!

Это видел бежавший по пляжу Керрик. Мертвые иилане' на берегу, живые в воде. А одна стоит и не отрывает от него глаз... Этой иилане' ему не забыть...

— Не стреляйте! — громко крикнул он, повторив свой приказ на сесеке. — Этот мараг мой! — И на бегу он закричал на языке иилане': — Это я, Сталлан, тот самый устузоу, который ненавидит тебя и хочет убить! Сбежишь ли ты по великой своей трусости или подождешь меня?!

Сталлан не обратила внимания на слова Керрика. Ей было довольно видеть его. Это существо она ненавидела сильнее всех на свете. Этого устузоу, погубившего Алпеасак. Отбросив пустой хесотсан, она с яростным воплем бросилась на него.

Керрик вскинул копье и ударил. Но Сталлан-то знала повадки устузоу, и вовремя уклонилась. Набросившись на Керрика, она повалила его навзничь: пальцы ее рвали ему волосы, запрокидывая голову назад. В гневе она была так сильна, что Керрик задышался в смертельной хватке. И, оскалив зубы, она сделала движение, собираясь вцепиться ему в горло...

Копье Херилака ударило прямо в разверстую пасть, вошло в мозг. Она умерла мгновенно, тело еще не успело упасть на землю.

Сбросив увесистую тушу, Керрик едва поднялся на ноги.

— Отличный бросок, Херилак, — поблагодарил он.

— Отойди! — рявкнул в ответ Херилак, срывая с плеча лук.

Обернувшись, Керрик заметил вставшую с земли Энге.

— Положи лук! — приказал Керрик. — И вы все — не прикасайтесь к оружию. Эта никому не причинит вреда.

По воде заплясали капли, их становилось все больше и больше. Наконец хлынул дождь. Разразилась гроза. Слишком поздно — спасти Алпеасак уже было нельзя. Тропический ливень заливал тлевшие утольки.

— Керрик, ты принес всем нам погибель! — громко заговорила Энге, заглушая шум дождя. Печаль была в каждом ее движении.

— Нет, Энге, ты не права. Я принес жизнь устузоу. Если бы не я, такие вот, как это мертвое мясо, перебили бы всех нас. А теперь она мертва, умер и Алпеасак. Вы вернетесь теперь в Энтобан и останетесь там. И со страхом будете вспоминать обо всем, что здесь случилось, и никогда не вернетесь в эти края. Помните, что здесь вас ждет смерть. Позаботься, чтобы об этом знали все в Энтобане. Расскажи, как горели и умирали иилане', эйстаа, советницы ее, Вейнте'...

— Вейнте' там, — произнесла Энге, показав на живой корабль.

Керрик взглянул туда, но не смог различить Вейнте' среди фигурок, карабкавшихся по влажной спине гиганта. Значит, она жива. Она, ненавистнейшая из ненавистных. Да, он ненавидит ее, но откуда эта внезапная радость?..

— Отправляйся к ней, — крикнул он. — Расскажи ей все. Что иилане', отважившихся вернуться сюда, ждет верная смерть! Скажи ей!

— Может быть, лучше я скажу ей, что кровопролитие закончилось? Что жизнь явилась на смену смерти? Так лучше.

Он покачал головой.

— Я и забыл, что ты — Дочь Жизни. Отправляйся, скажи ей, скажи всем остальным, что, если бы они вовремя послушали тебя, Алпеасак был бы жив. Энге, пойми, нельзя говорить о мире теперь: слишком поздно. Смерть и ненависть навеки разделяют нас...

— Они разделяют устузоу и иилане', Керрик, но не нас с тобой.

Он снова покачал головой. Только ненависть. Что ему это холонокровное существо? Лучше взять копье и убить ее... тут же. Но он не мог сделать этого. И криво усмехнулся.

— Учительница, ты права. И я знаю, что существует один мараг, смерти которого я не желаю. А теперь отправляйся на урукето и не возвращайся. Тебя я буду помнить, даже когда забуду про всех остальных. Иди с миром!

— И тебе мир, Керрик. И чтобы мир настал между иилане' и устузоу.

— Нет. Будет ненависть, необъятная как океан. А мир будет до тех пор, пока вы будете оставаться в своих краях.

Энге скользнула в воду, а он оперся на копье и равнодушно следил, как она плывет к гиганту, как взбирается на него. А когда урукето направился к морю, великая усталость одолела его.

Все кончилось. Исчез Алпеасак, и все иилане' вместе с ним.

Думы его обратились к северу, к горам, к шатрам у речной излучины. Там его ждала Армун.

Медленно подошел Херилак и стал рядом. Обернувшись к старшему, Керрик взял его за обе руки.

— Все, Херилак. Ты отомстил. Мы все отомстили. А теперь давай возьмем копья и пойдем на север, пока не настала зима.

— Пойдем домой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИР К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА

ИИЛАНЕ'	465
История мира	465
Физиология	470
Наука	475
Общество	478
Язык	479
ТАНУ	484
Язык	486
СЛОВАРЬ	487
ЖИВОТНЫЙ МИР	492

ИИЛАНЕ'

От переводчика

Последующие заметки были переведены с языка иилане', что сложно уже само по себе. Перевод с этого языка не может не оказаться вольным, и переводчик заранее приносит свои извинения относительно ошибок и неточностей, которые могут вкратиться в текст.

ИСТОРИЯ МИРА

Начиная изложение истории, следует указать, что излагаемая здесь концепция существенно отличается от многих, прежде пользовавшихся популярностью. Она отличается уже в своей основе, что должен учитывать и справедливый читатель. Долгая история иилане' слишком долго являлась полем деятельности одних только сказочников и мечтателей. Интеллигентные иилане' с невозмутимым спокойствием отнесутся к любым ошибкам в трудах по биологии или, скажем, по физике, но немедленно начнут возмущаться любыми отклонениями от привычной канвы в общепринятых изложениях так называемой истории, какой бы неправдоподобной ни являлась общепринятая концепция. Ярким примером тому является популярная «История Мира», в которой описывается, как семьдесят пять миллионов лет тому назад огромный метеорит столкнулся с Землей, погубив восемьдесят пять процентов существовавших в те времена видов. Далее в подробностях описывается развитие теплокровных существ, ставших доминирующей формой жизни на этой планете. Такими-то сказками и

пичкают публику современные авторы, дабы не утруждать себя точными исследованиями. Никогда метеорит такого размера не сталкивался с Землей! И мир, который мы видим своими глазами, всегда был и вечно пребудет. Поэтому, прежде чем продолжить, необходимо определить смысл самого понятия «история».

В наши дни история не только не является точной наукой — по сути своей она неточна настолько, что зачастую является плодом вымысла, а не итогом анализа фактов, сонмом фантазий, а не результатом цепи логических построений. Такое, конечно, присуще самой природе иилане'. Нас не волнуют края, где приходилось бывать, нас интересуют только те, по которым ступают сейчас наши ноги. Кратковременные перемены нас развлекают, но одновременно все мы жаждем, требуем, чтобы будущее ни в чем не отличалось от настоящего, не грозило нам переменами, даже возможностью их. И поскольку эта устойчивая тенденция есть часть нашей природы, прошлое не доставляет нам удовольствия: а вдруг в нем отыщутся долговременные отличия, оскорбительные для нас. Потому-то мы и пользуемся понятием «яйцо времен», предполагая, что мир остается неизменным с тех пор, когда он был еще новым.

Это неверно. И в долгой жизни народа иилане' настало время признать, что известная нам история не имеет абсолютно никакой ценности. Нашу работу мы хотели бы назвать «Новой историей», но воздерживаемся, поскольку такое название предполагает наличие существования и «Старой истории», которой не существует. А потому мы просто отвергаем все предшествующие работы и заявляем, что существует только одна история. Эта.

В воссоздании нашей истории нам помогла горстка иилане', интересующихся геологией и палеонтологией. Чтобы воздать должное этим наукам, мы утверждаем, что они истинны в той же мере, как физика или химия, и вовсе не могут служить предметом лукавых насмешек, как принято ныне. Прошлое существовало, хотим мы этого или нет, как бы мы ни хотели игнорировать этот факт. При такой точке зрения требуется большая смелость, чтобы признать простой факт — иилане' вовсе

не появились ниоткуда, едва расколосось яйцо времен. В этом правда истории, и она нас питает и восхищает.

Позволим себе еще одну вольность. Мы не собираемся возвращаться к абсолютному началу, к появлению прокариотов. Есть работы, в которых возникновение жизни описывается в куда больших подробностях. Наш рассказ начинается около 270 миллионов лет до н.э. (до нашей эры), когда доминирующая роль рептилий уже установилась на земле.

В те времена существовали четыре основные группы рептилий, известных под названием текодонтов. Эти примитивные существа были прекрасно приспособлены для охоты в воде. Они были великолепными пловцами, с сильными, сплюснутыми по бокам хвостами. Некоторые из текодонтов оставили море и вышли на сушу. Их способ передвижения здесь предоставлял им преимущество над многими обитателями суши, вроде протерозухиев, предков современных крокодилов. Все видели, как неуклюже расхаживают крокодилы, виляя всем телом, фактически подвешенным между четырьмя ногами. Конечности высших текодонтов двигались в ровной походке вперед, вверх и назад.

Поскольку история тех дней существует лишь в окаменелостях, в ней обнаруживается немало пробелов. Пусть отдельные детали остаются неясными — общая линия развития событий вполне очевидна. Нашими далекими предками были существа, именуемые мозазаврами. Эти морские ящеры превосходно приспособились к жизни в воде; у них появился хвостовой плавник, лапы превратились в ласты. Одной из форм мозазавров были тилозавры — существа огромные и симпатичные. Они были поистине огромными — длина тилозавра больше чем в шесть раз превышала рост иилане' — и симпатичными — ведь они во многом похожи на нас. Причина этого заключена в том, что они-то и были нашими прямыми предками.

Если поставить рядом модели скелетов иилане' и тилозавра, каждый немедленно заметит сходство. И число пальцев на каждой конечности — по четыре и на руках, и на ногах. У нас по четыре пальца на каждой руке, из них два больших. Удобен и относительно короткий хвост, похожий на наш. Сходство очевидно и

в строении грудной клетки, начинающейся от ключиц и кончающейся у таза. Поглядите на оба скелета, и вы увидите перед собой будущее рядом с прошлым. Мы, потомки жителей моря, приспособились к жизни на суше.

Такова наша истинная история, не имеющая ничего общего с загадочным появлением из яйца времен. Мы — потомки благородных существ, около сорока миллионов лет назад превратившихся в иилане'.

Раннее время

Излагаемое далее во многом является результатом вынужденных догадок. Но это итог обоснованных размышлений, а не зыбких сказочных фантазий, подобных выдуманному гигантскому метеориту. Записанные в горных породах анналы еще надлежит прочитать. Мы всего лишь собираем и складываем воедино известные факты, как куски разбитой яичной скорлупы.

Если вы хотите сами собрать вместе части головоломки, обратитесь к соответствующим геологическим и палеонтологическим текстам. Они откроют вам происхождение видов, расскажут, как ранние формы превращались в поздние. Вы узнаете историю различных ледниковых эпох и о дрейфе огромных плит-континентов. Скалы поведают вам, что северный магнитный полюс Земли не всегда находился на юге, как ныне, а в разные геологические эпохи пребывал то на севере, то на юге. Вы можете проверить все это сами... или удовлетвориться нашим кратким изложением.

Представим же себе мир, каким он был сорок миллионов лет до н.э., когда первые простодушные и счастливые иилане' населили Землю. Мир был тогда более теплым и влажным, он изобиловал пищей. Как и сейчас, иилане' были плотоядными, поедали мясо сухопутных и морских существ. Молодняк, как и теперь, собирался в море в эфенбуру, все вместе трудились и были сыты. Геология не знает четких свидетельств того, что произошло, когда они вышли на сушу, и мы можем только догадываться.

Научившись в море взаимопомощи, иилане' не забыли о ней, выйдя из океана на твердую землю. В те времена, как и ныне, самцы были такими же простыми и добродушными существами и нуждались в защите, когда становились вялыми, когда росли яйца, и пляжи приходилось охранять. Пищи хватало с избытком, жизнь была прекрасна. Вот тогда-то оно и было, яйцо времен, истинное, а не воображаемое, и жизнь была безмятежной и простой.

Уже в те ранние времена зародились семена науки иилане', дошедшие до наших дней. Их можно видеть в терновой стене города.

Для защиты самцов от хищников ловили крупных ракообразных, своими клешнями оборонявших пляжи. Большие клешни — надежная защита, поэтому отбирали самых крупных. На рифах сажали самые прочные и ядовитые кораллы, чтобы оградить пляжи с моря. Вот они, первые, робкие шаги той могучей науки, той биологии, которой мы теперь овладели.

Но простому существованию настал конец. Иилане' наполняли сушу и океан и однажды переросли свой первый город на берегу древнего моря. Был построен второй, а за ним и другие. Стало мало еды, и пришлось научиться возводить стены, ограждать ими поля и выращивать домашних животных, охраняя их от хищников.

Так иилане' доказали свое превосходство над низшими формами жизни. Возьмем тиранозавра, такого же хищника, как и мы сами. Эти глупые гиганты умеют только преследовать, убивать, рвать тела жертв, оставляя на костях большую часть мяса. Они не думают о завтрашнем дне, не выращивают стад, не бракуют слабейших. Это безмозглые разрушители. Высшие же иилане' — разумные хранители. Для ученого обе формы равны. И уничтожить любой вид, населяющий Землю, все равно что уничтожить свой собственный. Наше уважение к жизни явствует из разнообразия животных на наших пастбищах, они исчезли бы тысячи и тысячи лет назад, если бы не мы. Мы создатели, а не разрушители, хранители, а не потребители. И когда мы учтем все это, станет понятным, почему именно мы доминируем на планете. Этот результат не случаен, он завершает логическую цепь обстоятельств.

ФИЗИОЛОГИЯ

Чтобы понять нашу физиологию, ее придется сравнить с физиологией прочих животных. Простые существа, вроде насекомых пойкилотермны. Это значит, что они неразрывно связаны со средой обитания, температура их тел равна температуре окружающего воздуха. Этого достаточно для существ некрупных, но при больших размерах тела более сложные организмы нуждаются в регулировке температуры. Эти животные являются гомеотермными, температура их тел в основном постоянна и не зависит от температуры окружающей среды. Иилане' принадлежат к числу теплокровных и экзотермических существ. Все важные формы животных в мире экзотермичны; этот способ контролирования температуры тела куда более выгоден, чем используемый устузоу, тела которых постоянно поддерживают одну и ту же температуру.

Мы — единое целое со своей средой, и природные различия температур позволяют нам поддерживать температуру собственного тела. После прохладной ночи мы греемся на солнце; если нам становится жарко — мы выходим на ветерок, отворачиваемся от солнца, раздуваем гребни, даже прячемся в тень. Мы делаем это бессознательно и температуру тела поддерживаем столь же автоматически, как и дыхание.

Наша физиология во многих аспектах совершеннее, чем физиология эндотермичных устузоу. Нам не приходится вечно искать пищу для жаждущих клеток, наш метаболизм перестраивается согласно обстоятельствам. Например, во время долгих морских переходов на урукето мы попросту замедляем скорость всех обменных процессов. Субъективное время при этом течет быстро, каждый субъект потребляет меньше пищи.

Еще более удивительным примером нашего физиологического превосходства, потрясающей особенностью, присущей одним лишь иилане', является неразделимая связь нашего метаболизма и нашего общества. Мы — это наш город, наш город — это мы с вами. Никто из нас не сможет прожить в одиночестве. Это доказываются необратимыми физиологическими переменами, име-

ющими место в тех очень редких случаях, когда отдельная индивидуальность нарушает какие-то из законов, совершает проступок, недопустимый с точки зрения иилане'. Чтобы наказать заблудшую, не требуется никакого внешнего физиологического насилия. Правосудие совершается внутри ее тела. Эйстаа, в которой находят воплощение город, наше общество, наши законы, только приказывает преступившей законы покинуть город, лишает ее имени. И праведно отвергнутая своим городом индивидуальность претерпевает необратимые физиологические перемены, оканчивающиеся ее гибелью.

Механизм этот имеет гормональную природу, основываясь на действии пролактина, обычно регулирующего наш метаболизм и сексуальное поведение. Когда преступница выслушивает приговор, ее гипоталамус перегружается и переходит на равномерный, но неравновесный режим. Нашим предкам этот механизм позволял выживать, впадая в спячку. Теперь, после значительного развития эта реакция организма иилане', безусловно, приводит к фатальному исходу.

Питание

Сказано: загляни ей в рот и узнаешь, что она ест. Форма зубов определяется видом питания. Плоские квадратные зубы ненитеска перетирают огромные массы растительности, а острые зубы спереди позволяют срывать растения. Аккуратные ряды остроконечных зубов в наших ртах свидетельствуют не только о здоровье, но и о плотоядности. Сила и прочность челюстей указывают нам, что некогда челюсти играли значительную роль в процессе питания. Ведь и мы можем зубами разгрызть раковины, чтобы достать вкусных моллюсков.

Размножение

О некоторых вещах не принято говорить, и это правильно: так и надлежит поступать в хорошо организованном обществе. Когда мы еще молоды, жизнь в

море сулит нам одни только удовольствия. Когда мы становимся фарги, мы по-прежнему радуемся бытию; простому уму этих созданий не под силу воспринимать сложные идеи.

Став иилане', мы не только обретаем возможность обсуждать любые вопросы, мы обязаны это делать, ведь мы собираемся понять мир, в котором живем. Жизненный цикл иилане' совершенен и симметричен, и мы начнем рассмотрение его с самого начала, с того самого момента, когда молодняк оставляет отца и уходит в море.

Тогда и начинается сознательная жизнь, и, хотя все ранние действия: дыхание, плавание, собирание в стаи являются чисто инстинктивными — уже начинает развиваться разум. Вступают в действие механизмы общения, наблюдения, размышления и получения выводов. Члены молодых эфенбуру учатся, наблюдая за теми, кто старше.

Тогда и начинается речь, язык. Две школы исследователей языка по-разному видят его происхождение. Оставив в стороне подробности, их можно назвать «плы-плы» и «пин-пин» теориями. В «плы-плы» теории считается, что первые наши попытки к общению вызываются подражанием другим морским созданиям; то есть движение руки, подражающее плавающей рыбе, используется для обозначения понятия «рыба». С другой стороны, последователи «пин-пин» теории утверждают, что первыми были звуки, похожие на те, что издают рыбы. Мы не знаем и никогда не узнаем, какая из этих теорий верна. Но все мы знаем, как молодняк учится разговаривать в открытом море.

Они используют те же элементы, которыми воспользуются позднее, но в значительно упрощенной форме. Основных жестов, цветовых изменений ладоней, простейших звукосочетаний достаточно, чтобы объединять членов эфенбуру, создавать между ними прочные, на всю жизнь, связи, обучать их взаимопомощи и сотрудничеству во всей их значимости.

Но, оставляя море, фарги узнают, что в мире есть трудности. Можно предположить, что в давние времена, когда раса наша еще была молодой, между нами не могло быть суровой конкуренции. И только в развитом

обществе, когда общение обрело особую важность, начала страдать отдельная индивидуальность.

Закон природы состоит в том, что слабые не выживают. Быстрые рыбы съедают медленных, которые не оставляют потомства. Но быстрая рыба передает свои гены, закрепляет фактор скорости плавания. Так происходит и с иилане'; ведь многие фарги так и не научаются говорить в той мере, что необходима для понимания всех радостных городских дел. Их кормят, конечно, ведь иилане' своим в еде не отказывают. Но они нежеланны в городе, чувствуют беспокойство, тревогу, когда видят, как преуспевают в речи остальные в их эфенбуру. Упав духом, они принимают сами ловить рыбу в море, а потом пропадают бесследно. Им можно только сочувствовать, но помочь таким мы не в силах. Закон природы гласит, что слабый должен уступить место сильному.

Не будем упоминать, что все они, сами уходящие навстречу судьбе, конечно же, самки. Насколько нам известно, всех самцов немедленно отлавливают, едва они выходят из океана, и потом тщательно ухаживают за ними. Погибнет общество, которое позволит пропадать этим простодушным, ласковым и бездумным созданиям. Еще влажными от волн морских их отводят в ханане, где они и будут вести, как и положено, спокойную и беззаботную жизнь. В сытости и безопасности проводят они счастливые дни, ожидая того дня, когда смогут выполнить свой долг в деле сохранения расы.

Предупреждение

Последующее может оказаться сложным для восприятия. Излагаемые подробности могут оскорбить деликатных особ. Поскольку авторы поставили своей целью только информировать, те, кто считает, что дальнейшее их не обрадует, могут ограничиться последующим абзацем, перейдя далее непосредственно к разделу «Наука иилане'».

Существует процесс, называемый размножением, когда малая частица тканей самца, называемых спермой, соединяется с женской яйцеклеткой. Она растет, пре-

вращается в яйцо, выращиваемое самцом в специальном кармане. Вынашивая яйцо, согревая его и заботясь о нем, самцы становятся очень жирными, сонными и блаженствуют. Наступает день, когда яйцо раскрывается и очаровательное существо отправляется в море, на чем и заканчивается весь процесс.

Подробности, которые можно счесть оскорбительными

Сперма и яйцеклетка соединяются во время процесса, технически именуемого соитием. Ниже приводится описание.

Самка специальными действиями возбуждает самца. Когда это происходит, один или оба его репродуктивных органа выступают из кожистого мешочка возле основания хвоста. После этого самка оседлывает самца, вводя его пенис в свою клоаку. В это время в результате взаимной стимуляции, которой мы не будем здесь касаться, самец извергает большое количество спермы. Высокоспециализированные клетки вливаются в яйцеклетки самки, образуя оплодотворенные яйца.

Одновременно со спермой извергается простагландин, под действием которого тело самки обретает жесткость; кроме того, это вещество значительно удлиняет время полового соединения — почти до целого дня (соитие, не связанное с выделением гормона, технически именуется извращением и не будет рассматриваться нами). За это время оплодотворенные яйца быстро развиваются, растут и наконец выделяются, попадая в карман в теле самца.

Роль самки на этом окончена, она выполнила свое жизненно важное дело, и ответственность за продолжение рода иилане' далее лежит на самце. Оплодотворенное яйцо содержит гены самца и самки. В кармане они прирастают к стенке, образуя плаценту, и растут, получая питательные вещества из тела самца. В теле того происходят при этом существенные изменения. Во-первых, возникает потребность вернуться в море, теплое море, и в течение первых двух дней это осуществляется:

для выращивания яиц необходима постоянная температура. Оказавшись на берегу моря, самцы испытывают физиологические перемены, они становятся рыхлыми и вялыми, большую часть времени они проводят во сне. В этом состоянии самцы и остаются, пока молодняк не проклюнется из яиц и не войдет в море.

Следует помнить — хотя это не существенно с точки зрения продолжения рода, — что во время метаболического процесса возвращения к нормальному образу жизни, на каждом пляже каждый год погибают несколько самцов. Но они уже выполнили свое дело, и участь их не существенна.

Так жизненный цикл иилане' начинается заново.

НАУКА

Существует много наук, представляющих собой специализированные отрасли знаний, и рассматривать их в подробностях слишком обременительно для краткой истории. Интересующиеся могут обратиться к трудам в области хромосомной хирургии, химии, геологии, физики, астрономии и др. Здесь мы коснемся только генетического конструирования и математики.

Как и все прочее в истории иилане', истоки наших биологических исследований затерялись в дымке времен. Однако можно сделать ряд логических заключений, объясняющих известные факты. При наличии соответствующего терпения — и времени тоже — можно решить любую биологическую проблему. Можно предположить, что первоначально все ограничивалось примитивной селекцией. Но постепенно вопросам размножения стало уделяться существенное внимание, начались исследования генетических структур. Настоящим прорывом был, вероятно, момент, когда исследователям удалось кристаллизировать геном, заморозить его эволюционное состояние. Лишь остановив эволюцию, сумели мы понять ее.

Здесь несведующий удивится, даже захочет спросить — как можно остановить эволюцию и внести из-

менения в гены? Ответ не относится к простым, и, чтобы все было понятно, придется начать с начала.

Чтобы понять генетическое конструирование, надо представить себе общую биологию жизни на этой планете. Есть два типа организмов. К простейшим относятся прокариоты: обычные бактерии, сине-зеленые бактерии, водоросли, вирусы и так далее. Позже мы обратимся к более крупным и сложным эукариотам, а сейчас внимательно рассмотрим прокариоты.

Все они содержат генетический материал в виде колец ДНК или РНК, как в некоторых вирусах. Эти крошечные организмы экономно используют генетический материал, поскольку области кодирования перекрываются. Гены разделяются особыми последовательностями ДНК по крайней мере с двумя целями. Во-первых, для контроля за генетическими функциями — за считыванием информации продуктами кодированных энзимов в оперонах. И для воссоздания последовательностей, распознаваемых транскрибирующими или репликаторными энзимами. Во-вторых, существуют и такие последовательности ДНК, что включают ДНК, разделяющие гены, в иные полосы ДНК. (Например, при действии плазида или бактериофага на бактерию или вируса на эукариоты.) Некоторые бактерии производят энзимы, буквально перерезающие или, напротив, соединяющие ДНК, за счет воспроизведения характерных для этого последовательностей в обоих нуклеотидах. С помощью энзимов возможно определить последовательность расположения в ДНК отдельных отрезков. Это производится путем их последовательной обработки энзимами, узнающими различные последовательности. Затем каждая смесь укороченных цепей обрабатывается другими энзимами.

Процесс требует времени, множества попыток. Но терпение иилане' безгранично, и у нас были миллионы лет на усовершенствование процесса. Чтобы проконтролировать последовательность расположения отрезков в цепях ДНК и РНК, использовались радиоактивные маркеры. Потом специальные энзимы вырезают нужный кусок цепочки и вставляют его в ДНК другого организма.

Так модифицируются бактериальные цепи ДНК. Сначала с помощью плазмидов. А потом с помощью фагов и вирусов, в естественных условиях заражающих бактерии. И, наконец, с помощью космидов, искусственных цепей ДНК, оснащенных особыми соединительными последовательностями, в каждую из которых можно включить новый, модифицированный ген. Так что преобразованная бактерия будет вырабатывать новые протеины.

Итак, можно видеть, что несложно преобразовать протеиновую химию бактерий, простейших эукариотов, таких, как дрожжи. Аналогичным образом можно запрограммировать и прочие эукариотные клетки.

Гораздо сложнее добиться необходимых результатов на крупных эукариотных животных. Само яйцо этих существ запрограммировано уже в матке матери и развивается далее само собой, повинаясь внутренней программе. Только после завершения формирования эмбрионов клетки начинают выделять протеины, меняющие саму клетку и прилежащие к ней в процессе, проводящем к созданию юного организма. Как мы овладели этим процессом и научились направлять его — вопрос слишком большой для краткого очерка. Перейдем к другим граням науки иилане'.

Коснемся математики, потому что о ней слышаны многие; кроме того, она широко используется всеми науками, но не во всех случаях. Достаточно краткого и точного пояснения.

Наука иилане' основывается на понятии числа. Если хотите узнать, что такое число, сложите руки вниз ладонями перед собой, соприкасаясь внутренними большими пальцами. Пошевелите большим пальцем справа. Это число «один». А теперь пойдем справа налево. Ближайший палец — «два», следующий за ним — «три», внутренний большой — «четыре». Левый внутренний большой — «пять», следующие пальцы — «шесть» и «семь» и, наконец, большой палец слева — «тен». Тен именуется основанием — это термин, который мы здесь не определяем. Достаточно понимать, как продолжается счет, если число, больше основания, — тен-и-один, тен-и-два и так до дважды-тен. И тен можно брать сколько угодно раз. Поэтому числа играют столь важную роль при взвешивании, измерении, записи, счете и т. д. Сама

математика очень проста. Это просто числа, которые могут быть больше или меньше или равняться друг другу.

Происхождение математики затерялось во тьме времен. Математики предполагают, что число тен было выбрано как основание, потому что у нас тен пальцев. Они утверждают, что в качестве основания можно выбрать любое число, хотя это кажется весьма неправдоподобным. Если взять за основание двойку, это число будет записываться в виде 10, если 3—11, 4—100, 5—101, 6—111 и так далее. Очень неуклюжая и неудобная система. Была высказана даже совершенно сумасбродная идея о том, что, если бы устузюу умели считать, они воспользовались бы в качестве основания десяткой, числом 12, по-нашему. И все числа тогда изменились бы. Сорок миллионов лет существования иилане' сократились бы для них всего лишь до тридцати миллионов. Вот к чему могут привести праздные размышления, поэтому лучше оставить пустое теоретизирование.

ОБЩЕСТВО

В нашей истории нам пришлось использовать некоторое количество новых терминов, к числу которых относится и «общество». Его следует определить как полную сумму того, как мы живем, передаваемую от века к веку. Мы имеем право предположить, что у нашего общества были исторические истоки, но какими они были, трудно даже представить. И все, что мы можем сделать, — это описать собственный образ жизни.

У каждой иилане' есть свой город, вся жизнь каждой из нас вращается вокруг него. Когда мы впервые выходим из моря, мы можем только с безмолвным благоговением взирать на симметрию и красоту своего города. Он принимает нас, фарги, и кормит. Мы слушаем и учимся у других. Мы смотрим и учимся у других. Открывая рот, мы предлагаем свою помощь, и к нам относятся дружелюбно. Мы видим все многообразие городской жизни, и та или другая часть ее начинает привлекать

нас. Некоторых влечет смиренная служба на пастбищах и бойнях. И все иилане' должны понимать, что смысл служения не в науке и прочих занятиях, смысл служения в нем самом, и все иилане' равны в этом.

Город строится крутами, внешний круг — поля и животные, внутри — жилые кварталы, в самом сердце — амбесид и родильные пляжи. Так построено и наше общество. Снаружи — огромное кольцо фарги. Внутри — их помощники и опытные рабочие разных специальностей. В свою очередь они окружают ученых, надсмотрщиц, строителей — всех искуснейших в своем деле. Далее идут правительницы, а наверху пирамиды сама правящая эйстаа. Просто, логично, совершенно, единственный возможный способ организации.

Таков мир иилане'. Он не изменялся от яйца времен, он останется неизменным. Там, где есть иилане', там правят обычай и закон иилане', и все они счастливы.

На полюсах нашего шара холодно и неуютно. Иилане' хватает мудрости избегать этих краев. И только недавно было обнаружено, что есть еще в нашем мире уютные местечки, где нет иилане'. Кое-где там живут устузоу, совершенно не симпатичные нам. Интересы науки заставляют нас исследовать эти существа. Большинство читателей может закрыть книгу на этом месте — дальнейшее не представит для них интереса. Последующие разделы предназначены для специалистов.

От переводчика

На этом месте заканчивается перевод с языка иилане'. Желающие глубже понять сложные и увлекательные проблемы, предстающие перед переводчиком с этого уникального языка, могут обратиться к последующим разделам.

ЯЗЫК

Неторопливое и долгое, в течение многих миллионов лет, развитие привело к возникновению богатого и сложного языка. Настолько сложного, что многие так и

не осиливают его и не становятся иилане'. Этот культурный гандикап разделяет расу на две подгруппы, одна из которых, так и не вступившая в город, жизнь свою проводит в основном в море, но не размножается, потому что не силах защитить вялых самцов от хищников. Потеря их приводит к медленному преобразованию генетического фонда, оно происходит неторопливо, как наступает ледник.

Иилане' разговаривают, выстраивая последовательность знаков, уместая в каждом от одного до четырех значений. Каждый гестальт характеризуется знаком, соответствующим положением тела или движением. Таких позиций немного, но число возможных сочетаний составляет около 25 000 000 000.

Любые попытки перевода с языка иилане' на русский требуют значительных усилий. В первую очередь следует учитывать определители, символы поз. Неполный перечень их включает следующие действия: лечь, отшатнуться, нагнуться, потянуться, сложить руки за головой, сесть на корточки, лечь, обнять, развалиться, развести руки и ноги, лезть, падать, поднимать, прыгать, приподниматься, толкать, плыть, нырять, поворачиваться, качаться, дрожать, тянуться одной рукой, тянуться обеими руками, садиться, ровно стоять, повернуть хвост по часовой стрелке, то же самое — против.

Звуки, издаваемые иилане', похожи на человеческие, и различия не слишком затрудняют понимание. Они используют «ж» и «х», а «тх» и «дх» применяются редко. Четыре звука характерны для иилане': «э» — горловой приступ; «<» — щелчок; «'» — цоканье и «х» — причмокивание.

В богатстве языка и сложности такого перевода можно убедиться на примере следующего выражения:

Первая боль жизни — от отцовской любви уйти в объятия моря, а первая радость — подружить, что ждут там тебя.

Для облегчения понимания разделим предложение на отдельные элементы — каждый со своим определителем, — обозначенные от С1 до С19.

С1 (развалиться) енге

С2 (лечь) Хан. натё. ихей

С3 (толкать) Ага. пте

- С4 (упасть) ембо¹ <Ке² ка<
 С5 (упасть) иги. рубу. шей³
 С6 (плыть) какх. шей. сесе
 С7 (отшатнуться) хе. ауа. ихей
 С8 (развести руки и ноги) хе. Ваи< ихей.
 С9 (плыть) какх. шей. нте
 С10 (потянуться) енд. пелен. ни
 С11 (плыть) асак. хен
 С12 (тянуться) енге

1 — здесь окружающая среда обозначается вращением кончика хвоста.

2 — теплота подтверждается также движением шейных мускулов, как бы подавленным зевком.

3 — отметим, что выражения 4 и 5 соединены детерминативом, а 3 и 5 выражают противоположные в начале концепции.

4 — здесь иилане' делают паузу, чтобы повторить движения в обратном порядке, образуя обратный параллелизм.

А вот как это же выражение будет выглядеть в точном переводе:

- С1 (развалиться) Любовь.
 С2 (лечь) Самец. Друг. Прикосновение. Запах.
 С3 (толкать) Уход. Одиночество.
 С4 (упасть) Давление. Липкость. Прекращение.
 С5 (упасть) Вход. Невесомость. Холод.
 С6 (плыть) Соль. Холод. Движение.
 С7 (отшатнуться) Число 1. Боль. Прикосновение.

Запах.

- С8 (развести руки и ноги) Радость. Прикосновение.

Запах.

- С9 (плыть) Соль. Холод. Охота.
 С10 (потянуться) Видеть. Открытие. Рост.
 С11 (плыть) пляж. Самец/самка.
 С12 (тянуться) Любовь.

В сжатой форме это транскрибируется так: Енге, хант ехен, агате етбокека нирубушен как шейсе, хеауахен; хевай< ихей, какшейнте, енуеленуу асахен енге.

На русский язык следовало бы переводить ритмизованной прозой, но можно удовлетвориться и приблизительным переводом.

Любовь отца; быть извергнутой из нее в холодное нелюбящее море — вот первая боль жизни; первая радость жизни (в холодных охотничьих угодьях) — встретить подруг и почувствовать их тепло.

Различия между языками людей и иилане' столь велики, что могут явиться непреодолимой преградой для любого, кто попытается овладеть языком иилане'. Говорящие на разных языках люди пробуют понять друг друга, касаясь предметов и называя их. Камень, дерево, лист. Достигнув некоторого понимания, они могут перейти к действиям: брось камень, подними лист.

На языке иилане' это немыслимо. Они не называют предметы, а описывают их. Вместо стула у них было бы «деревце-чтобы-сесть». Там, где мы ограничимся одним словом «дверь», иилане' может воспользоваться различными конструкциями: например, «вход-в-теплое-место» или «вход-в-холодное место», в зависимости от того, по какую сторону двери она находится.

Исель так и не сумела понять несколько положений. Она запомнила несколько слов и имела некоторое представление о детерминативах. Вейнте' обратилась к ней таким образом: (растопырить руки и ноги) есекапен (согнуться) иидшепен (потянуться) ииленбесей (потянуться) ефендууруу (согнуться) иилевтуу (растопырить руки и ноги) иилсатефен.

Что можно перевести следующим образом: (растопырить руки и ноги) требую (согнуться) говорящая требует (потянуться) взаимная трудность речи (потянуться) увеличение продолжительности жизни (согнуться) увеличение равенства в речи (растопырить руки и ноги) речь эквивалентна жизни.

В переводе это значит «Я сама требую этого. Говори, пожалуйста, как одна из иилейбе. Так ты будешь жить и расти дальше. Речь — это рост, прошу! Речь — это жизнь, пойми!»

Исель сумела только произнести «хас лейбе ене ни».

Она думала, что говорит «Мне трудно говорить». Получилось же оскорбление, повлекшее ее смерть, «Самка-старость/энтропия-угодливость-растет». Она сделала четыре ошибки.

1) «Хас» означает не «я», а «самка». Так получилось потому, что Энге во время обучения показывала на себя.

2) «Лейбе» и в самом деле значит «трудный», но после детерминатива, предполагающего известную стесненность. Например, «сгорбиться», «нагнуться», «сесть на корточки», смысл сдвигается ближе к понятию возраста, старения, относящемуся не только к иилане'.

3) «Ене» означает не «речь», а «податливость», поскольку иилане' связывают эти понятия.

4) «Ни» — поощрительное восклицание, употреблявшееся Энге в процессе обучения. Обозначает понятие: «расти, продолжать, стараться», но не «пожалуйста».

Не обладая хвостом, Исель не могла правильно отшатнуться. Наконец самой последней и окончательной ее ошибкой явилось использование позы с растопыренными руками и ногами — позы превосходства и угрозы, последней позы Вейнте'. Поэтому Вейнте' подумала, что Исель говорит «Старая самка лебезит» или, может быть, «Угодливость старит самок». Это чушь, и Вейнте' совершенно естественно рассердилась, ведь она была вежливой с этим животным. Она-то пусть и не отшатывалась, но сгибалась. Участь Исель решена.

Керрик же отвечал: «(Отшатнуться) есекакуруд (поднять) есейуишан (прямо) елен (прямо) лейбелейбе».

Он выразил фразу так: «(Отшатнуться) прекращение отращения (поднять) высшее стремление к речи (прямо) долго-долго (прямо) трудно-трудно».

Вейнте' поняла его так: «Я очень не хочу умирать. Я очень хочу говорить. Очень долго. Очень усердно». Сначала Вейнте' не поняла, что он отшатнулся — из-за отсутствия хвоста. Но знак «поднять» она заметила, а потом поняла и все остальное.

ТАНУ

Да, история Земли записана на камнях ее. История нашей планеты, пусть и с пробелами, начиная от палеозойской эры до наших дней отражена в окаменелостях. Так было и в эру древней жизни, когда в мелководных и теплых морях ползали черви, плавали медузы и прочие беспозвоночные существа. Континенты сливались тогда воедино, в единый огромный массив, именуемый ныне Пангеей.

Но уже тогда некоторые из существ сооружали себе известковые оболочки. Позже появились создания с внутренним скелетом, первые рыбы. Потом у них появились легкие и похожие на ласты конечности, позволившие выйти из моря на сушу. Так около 290 миллионов лет назад появились амфибии — предки первых рептилий.

Первые динозавры появились на земле около двухсот пяти миллионов лет назад. К тому времени, когда первые моря разодрали Пангею, ящеры успели распространиться по всему свету, добрались до самых дальних уголков древнего гигантского континента, впоследствии распавшегося на более привычные нам небольшие части. Мир принадлежал им, они заполняли в нем все экологические ниши, и правление их длилось сто тридцать пять миллионов лет.

Потребовалась мировая катастрофа, чтобы сокрушить их власть. Метеорит диаметром в десять километров упал в океан, взметнув в атмосферу миллионы тонн воды и пыли. Динозавры погибли. И не только они, а семьдесят процентов существовавших тогда видов. Так открылся путь для крошечных землероек — предков всех нынешних млекопитающих. И они размножились, и потомки их заселили весь земной шар.

Есть некая случайность, выпавший шанс в игре Вечности. И небесная скала поразила Землю именно в этот момент, вызвав все последствия.

Но что если бы она промахнулась? Если бы Случай решил иначе и космическая бомба миновала бы Землю? Каким был бы сейчас мир?

Первое и самое явное отличие — отсутствие Исландии: ее вулканические острова возникли там, куда упал метеорит, утонувший в мантии.

Во-вторых, другим стал бы и климат, вся история его, хотя причины изменения еще не достаточно ясны людям. Мы знаем, что магнитные полюса Земли менялись местами, северный становился южным и наоборот, но мы не знаем, почему это было. И можно испытывать уверенность в том, что, если бы не этот метеорит и вызванные им атмосферные перемены, — и ледовые эпохи, и очертания континентов были бы иными.

Вот каким мог бы оказаться наш мир.

Динозавры правят по-прежнему, мир принадлежит им, они господствуют на всех континентах, а над всеми ними — иилане'.

Но не в западном полушарии. Пусть в Южной Америке доминируют рептилии — на севере дело обстоит чуть иначе. Сухопутный мост Центральной Америки — узкая полоска между северным и южным континентами — уходил под воду в различные геологические эпохи. Ледяные щиты ледников спускались почти до берегов внутреннего моря. И долгие миллионы лет климат там был холодным даже летом. Холоднокровные вымерли в этих краях, стали доминировать теплокровные формы. Они распространялись, эволюционировали и начали преобладать на всем континенте.

Потом ледники отступили, млекопитающие ушли вслед за ними. И к тому времени, когда сухопутный мост вновь соединил обе Америки, в Северной уже правили теплокровные. Но противиться медленному натиску рептилий они не могли. Перед бронированным восьмидесятитонным гигантом можно лишь отступить.

Только на севере, в предгорьях и у подножия гор, сумели уцелеть млекопитающие. В том числе и приматы Нового мира, потомками которых являются тану.

В Старом Свете млекопитающих нет — он весь во власти рептилий. Нет ни собак, ни медведей. Но в Новом мире процветают олени — от самых маленьких до огромных, с лося величиной. Есть мастодонты и сумчатые, в том числе саблезубые. Так на узкой полоске плодородных земель между ледниками и ящерами процветают млекопитающие.

Большая часть тану из-за жестоких условий существования так и остались охотниками и собирателями. Но в этом они преуспели. Есть исключения — саску, первые фермеры неолита. Оседлые земледельцы освоили ткачество и гончарное ремесло, создали более развитое и неоднородное общество. Но это вовсе не значит, что они выше охотников-тану с их богатой речью, простым искусством, умением выживать, прочными семьями.

Язык

Как и прочие диалекты тану, марбак произошел от забытого древнего наречия восточного побережья. На марбаке мужчина — «ханнас», множественное число — «ханнасан». Различия: «хеннас» на ведамане, «хнас» на левревасане, «несес» на лебнарои и т.д.

Имена этих племенных групп имеют чисто описательный характер. Например, «ведеман» значит «островной», «левревасан» — черношатерные, народ черных шатров. Рядом с мужчиной, ханнасом, женщина — «линг», множественное число «лингаи». Слово это также нашло широкое распространение. Личность, если не важен пол, определяется словом «тор», множественное число «тану», так принято называть людей вообще.

Наиболее употребительная форма существительных склоняется следующим образом:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	ханнас	ханнасан
Винительный	ханнас	ханнасан
Родительный	ханнаса	ханнасанна
Дательный	ханнаси	ханнасанни
Местный	ханнаси	ханнасанни
Творительный	ханнасом	ханнасом

СЛОВАРЬ

Словарь тану

- Алладжекс — шаман
Амаратан — бессмертие (боги)
Арнхвит — сокол
Атта — отец (уменьш.)
Бана — сын (уменьш.)
Бека — узел
Бенсил — сфагновый мох
Далас — суп
Ерман — петля
Ерманпадар — отец-небо, дух
Истак — путь
Курмар — река
Курро — главный
Левревасан — люди черных шатров
Леврелаг — место стоянки
Лей — выжженная земля
Линга — женщина
Лингаи — женщины
Мадрап — мокасин
Мар — волос
Мараг — холоднокровное животное
Маргалус — знающий мургу
Марин — звезда
Марск — ихтиозавр
Мургу — множественное от «мараг»
Нат — убийца
Наудинз — охотник

Парад — брод

Саммад — смешанная группа мужчин и женщин

Саммадар — выборный вождь саммада

Стесси — племя

Таис — зерно

Тану — люди

Тер — личность

Терред — группа людей, разделяющих общую цель

Терредар — вождь такой группы

Торск — ихтиозавр

Торскан — ихтиозавры

Торсканат — убивший ихтиозавра

Улфадан — длиннобородый

Уведам — остров

Ханнас — мужчина

Ханс — военный отряд

Хардальт — спрут

Химин — гора

Хольт — двадцать (счет человека)

Эгхеман — давшие обет

Эккотац — смесь орехов и сушеных ягод

Элск — мастодонт

Словарь иилане'

Ава — боль

Ак — в

Ага — отбытие

Агле — проход

Ака — разочарование

Акас — цветущий остров

Акел — доброта

Аксе — камень

Алак — последовательность

Алакас-Аксехент — острова Флорида-кис

Але — клетка

Алле — красота

Амбеи — высота

Амбесид — центральная площадь города

Анат — конечность

Анканаал — океан, окруженный сушей

Анне — присутствие

Апен — требование

Асак — пляж

Аст — зуб

Асто — движение

Вап — дом

Вигу — окрестности

Дни — это

Ее — из

Ееде — это

Еесен — плоскость

Ейсеком — животное-драга

Ейсен — грязь

Ейсет — ответственность

Ексен — осторожность

Елин — маленький

Ембо — давление

Емре — распоряжение

Енге — любовь

Енд — зрение

Ене — мягкость, уступчивость

Енто — каждый в отдельности

Ерек — скорость

Есек — вершина

Еслк — юг

Еспен — поза

Ето< — стрелять

Иги — вход

Ии — прирост

Инег — старый

Инегбан — материнский город

Инле — большой

Инте — охота

Ипол — скрести

Исегнет — Средиземное море

Исек — север

Ихен — ощущение запаха/прикосновение

Иил — речь

Ка< — прекращение

Каин — линия зрения

Какх — соль

Кал — яд

Калкаси — терновый куст

Касеи — шип

Кем — свет

Кийис — восток

Кру — короткий

Кхет — вогнутость

Лан — соитие

Лейбе — трудность

Лек — плохо

Мал — отсутствие забот

Ман — последний

Манинле — Куба

Мелик — темная

Нате — друг

Нени — череп

Ненитеск — трицератопс

Нефмакел — живая повязка

Ниң — отсутствие

Нинсе — безответный

Ну — соответствие

Окол — потроха

Онетсенсаст — стегозавр

Релеи — открытие

Рубу — невесомость

Сас< — скорость

Сат — равенство

Селе — связь

Сесе — движение

Сете — группа, имеющая одно задание

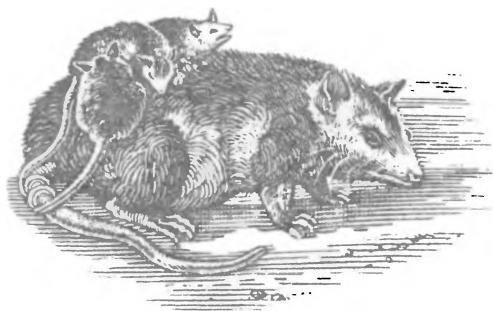
Сокен — расчистка

Соп< — элемент

Стал — дичь

- Такх — чистота
Таракаст — верховое животное
Теан — животное
Тео — экскременты
Теск — вогнутый
Топ — бежать
Тууп — жирный, вялый
Укуг — ползти
Унутакх — пожирающий волосы слизень
Урукето — мутировавший ихтиозавр
Уруктоп — восьминое тягловое животное
Урукуб — бронтозавр
Усту — кровь
Устузоу — млекопитающее
Фар< — спрашивать
Фарги — обучающаяся говорить
Фафы — ловить
Хайс — ум
Хан — самец
Ханане — место обитания самцов
Хас — самка | значение определяется
Хас — желтый | детерминативом
Хе — число 1
Хен — самец/самка
Хент — революция
Хесотсан — живое оружие
Хорнсопа — генетический вид
Хурукаст — моноклон
Шак — изменение
Шей — холод
Шип — воля
Эйстаа — глава города
Энтиисенат — плезиозавр
Энтобан — Африка
Эсекасак — хранилище родильных пляжей
Эфен — жизнь
Эфенбуру — группа ровесников
Эфенселе — член эфенбуру

ЖИВОТНЫЙ МИР

БАНСЕМНИЛА

(*Metatheria: Didelphys dimidiata*)

Рыжевато-серый сумчатый зверь с тремя черными полосками на спине. Обладает хватательным хвостом и противостоящими большими пальцами на задних лапах. Плотояден, предпочитает крыс и мышей, разводится саску для уничтожения вредных грызунов.

БОЛЬШОЙ ОЛЕНЬ

(*Eutheria: Alces machlis gigas*)

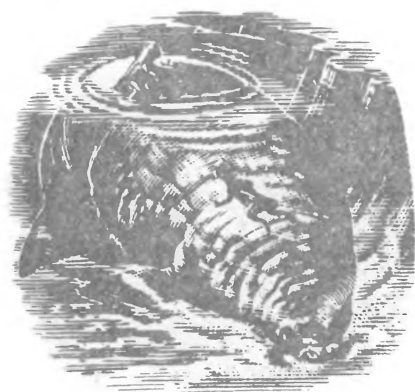
Самый крупный из оленей. От прочих *Cervidae* отличается огромными рогами. Объект охоты тану, которые помимо мяса предпочитают использовать его шкуру для покрытия шатров.

ДОЛГОЗУБ

(*Metatheria: Machaerodus neogeus*)

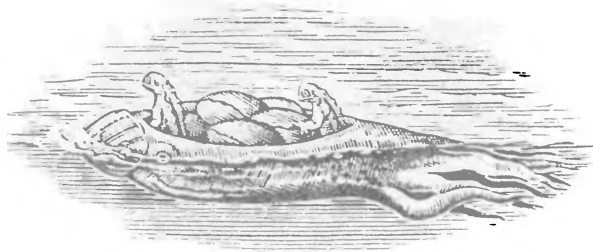
Сумчатый хищник из числа саблезубых. Крупный и свирепый зверь, сражающий добычу длинными верхними клыками. Некоторые племена каргу научились сопровождать этим зверям в охоте.

Е Й С Е К О Л

(*Eutheria: Trichecbus latirostris mutatus*)

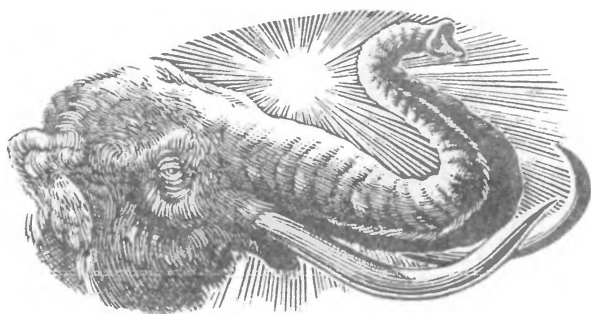
Травоядное водное животное, пожирающее подводную растительность. Выведенная иилане' с помощью генной перестройки разновидность обладает огромными размерами и используется для расчистки и углубления водных путей.

ЛОДКА

(*Cephalopoda: Archeololigo olcostephanus mutatus*)

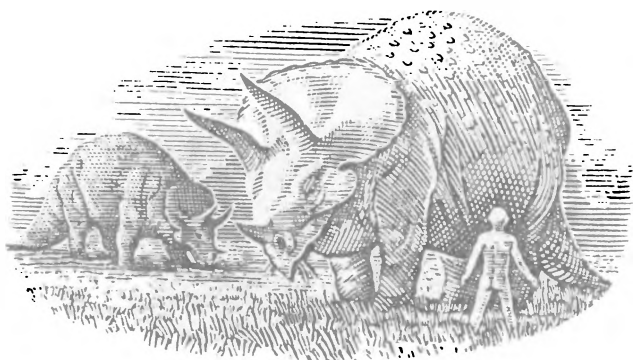
Средство для передвижения по воде. В движение приводится струей воды в сторону щупалец. Обладает зачаточным интеллектом. Может быть обучена выполнению нескольких простейших команд.

М А С Т О Д О Н Т

(*Eutheria: Mastodon americanus*)

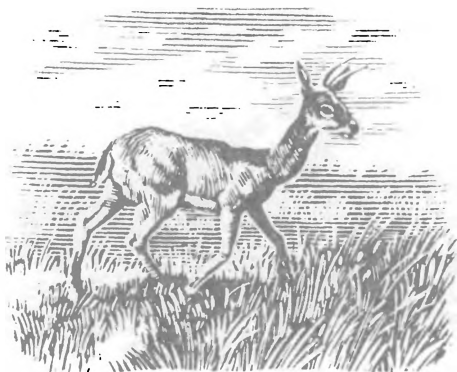
Крупное млекопитающее с длинными верхними клыками. Обладает длинным хватательным хоботом. Одомашнен тану, позволяет им перемещаться на большие расстояния во время охоты и сезонных перекочевок. Мастодонты перевозят волокуши-травойсы.

НЕНИТЕСК

(Ornithischia: Triceratops elatus)

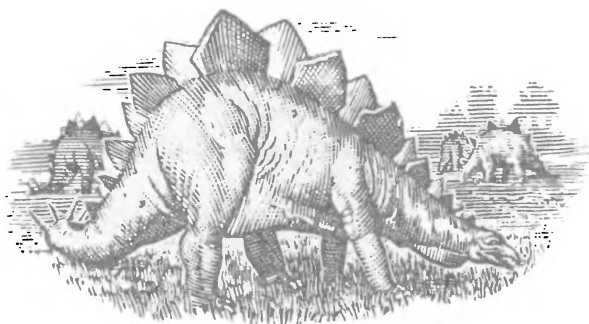
Травоядное четвероногое, отличающееся тремя рогами и костным защитным щитом, в неизменности сохранившееся с мелового периода. Размножается, откладывая яйца. Мозг его невелик, умственные способности и того меньше. Не представляет особого интереса в качестве источника мяса, так как растет очень медленно, но крайне декоративен.

О Л Е Н Ь

(*Eutheria: Cervus mazama mazama*)

Небольшой олень с прямыми рогами. Широко распространен в северной температурной зоне. Ценится тану как за шкуру, так и за мясо. Из выдубленных шкур изготавливают одежду и маленькие изделия из кожи: мокасины-мадрапы и мешки.

ОНЕТСЕНСАСТ

(*Ornithischia: Stegosaurus variatus*)

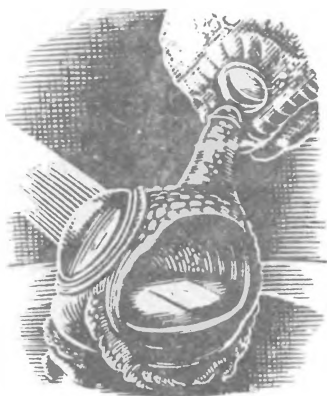
Крупнейший из панцирных динозавров. Этих огромных травоядных защищают от нападения два ряда костяных пластин на спине и шее и тяжелые шипы на хвосте. Появились в позднемеловой период, и лишь тщательные усилия иилане' сохранили это живое ископаемое.

П Л А Щ

(*Selachii: Elasmobranchus kappe mutatus*)

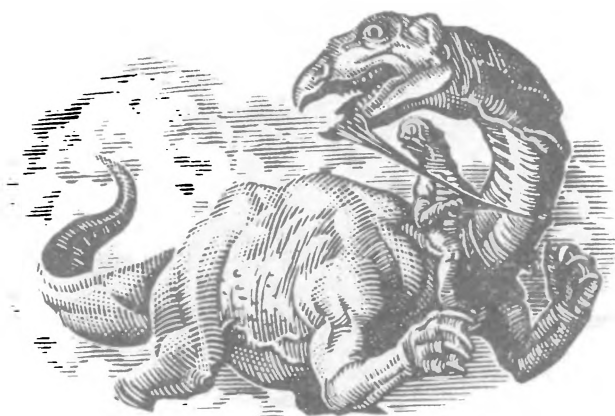
Используются иилане' для защиты тела от дождливой и прохладной погоды. Не обладают никакими признаками разума, накормленные поддерживают температуру тела около 102 °F.

САНДУУ

(*Anuca: Rana catesbiana mulatus*)

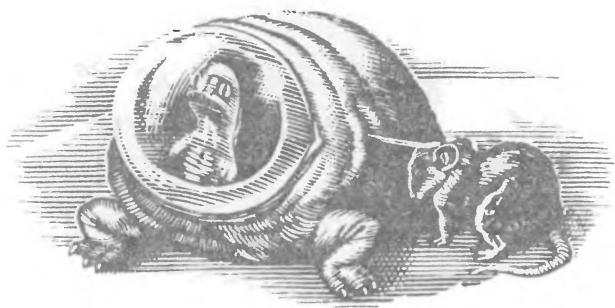
Активные генные манипуляции полностью исказили первоначальный облик этого существа. О его происхождении можно догадаться только по его коже. Правильно подбирая органические линзы в голове, при хорошем солнечном освещении можно добиться двухсоткратного увеличения.

ТАРАКАСТ

(*Ornithischia: Segnosaurus shiungisaurus mutatus*)

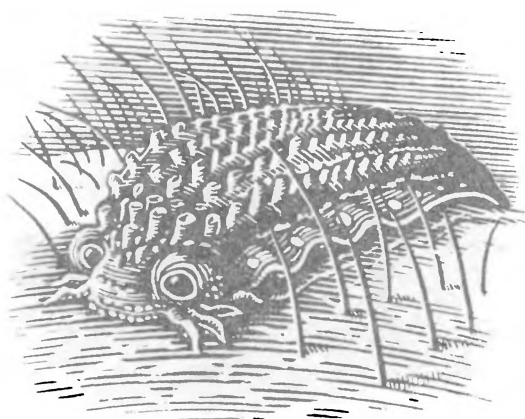
Остроклювый плотоядный динозавр, крупные экземпляры превышают 4 метра в длину. Трудно поддаются дрессировке, требуют большой силы для управления. При правильной подготовке — лучшие скакуны иилане'.

У Г У Н К Ш А А

(*Squamata: Phrynosoma fierhsyna mutatus*)

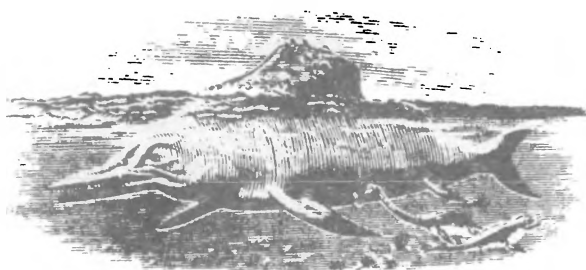
Поскольку язык иилане' включает в себя цвет, звук и движения, ведение письменных записей невозможно. И письмо так никогда и не возникло. Исторические сведения передавались устно. А регистрация информации стала возможна только после разработки этого живого видеодисплея, соединяемого с запоминающим существом.

У Н У Т А К Х

(*Cephalopoda: Deroceras agreste mutatus*)

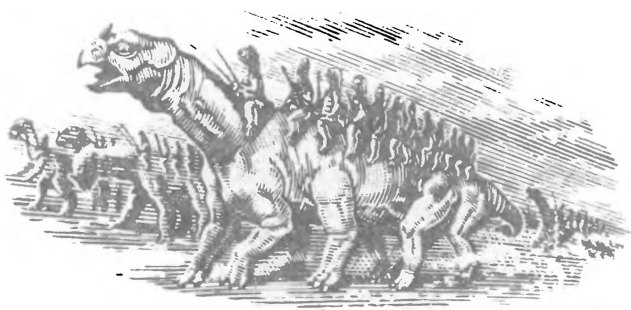
Одно из весьма специализированных животных, используемых иилане'. Это головоногое легко переваривает белковые ткани, в особенности волосы и чешуйки эпидермиса.

У Р У К Е Т О

(*Ichthyopterygia: Ichthyosaurus monstruosus mulatus*)

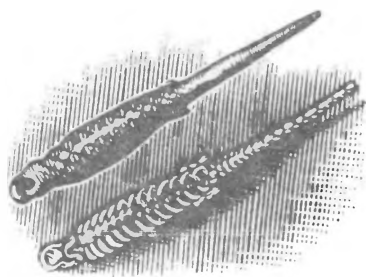
Крупнейший из рыбащеров. Тысячелетия генной хирургии позволили получить колоссальное существо с полый камерой, находящейся наверху тела и открывающейся в высоком спинном плавнике.

У Р У К Т О П

(*Chelonia: Psittacosaurus montanoceratops mutatus*)

Одно из в высшей степени преобразованных иилане' животных. Используется для сухопутных грузоперевозок, доставки тяжелых грузов на дальние расстояния. После удвоения генетического набора имеет восемь ног.

ХЕСОТСАН

(*Squamiata: Paravaranus comensualis mutatus*)

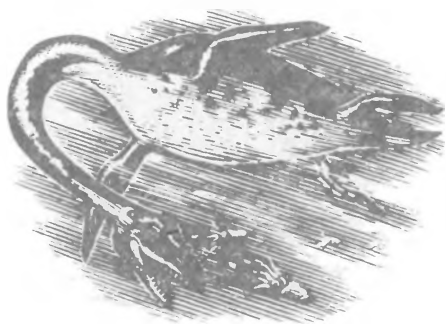
Этот вид ящерицы претерпел в руках иилане' такие изменения, что абсолютно не напоминает оригинал. Позаимствованные у жуков *Brachinus* паровые железы выбрасывают иглу, покрывающуюся ядом при прохождении через половые органы рыбы, относящейся к *Tetraodontid*. Этот яд, самый сильный из всех известных, вызывает паралич и смерть, даже в количестве пятисот молекул.

Э Л И Н О У

(*Saurischia: Coelurosaurus compsognathus*)

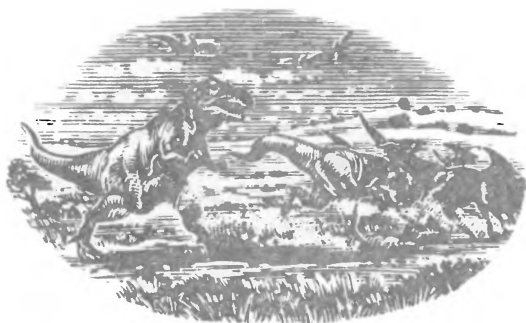
Маленький гибкий динозавр, ценящийся иилане' за способность ловить мелких млекопитающих. Красивая шкурка и приятный покладистый характер часто делает его домашним любимцем иилане'.

Э Н Т И И С Е Н А Т

(*Sauropterygia: Elasmosaurus plesiosaurus*)

Хищная морская рептилия, отлично приспособленная к жизни в море, не изменилась с мелового периода. Относительно небольшая голова располагается на длинной шее. Лопasti плавников сходны с плавниками морской черепахи. Выведены новые, более разумные разновидности, обеспечивающие кормление урукето.

Э П Е Т Р У К

(*Saurischia: Tyrannosaurus rex*)

Самый крупный и сильный из существовавших на Земле карнозавров. Длина свыше 12 метров, самцы весят более 7 тонн. Передние лапы невелики, но сильны. Большой вес неповоротливого гиганта замедляет его движения, поэтому для нападения он выбирает только крупных зверей. Значительную долю его рациона составляет добыча, отобранная у хищников меньшего размера.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Оператор компьютерной верстки *Т. Крукле*

Главный редактор *А. Захаренков*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректор *Г. Бочарова*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление обложки, форзаца

и шмуцтитолов: *В. Иванов*

Подписано в печать 01.04.93. Лицензия № 2-0477. Формат 84х108 1/32.

Усл. печ. листов 26,88. Тираж 100 000 экз. Заказ № ~~1855~~.

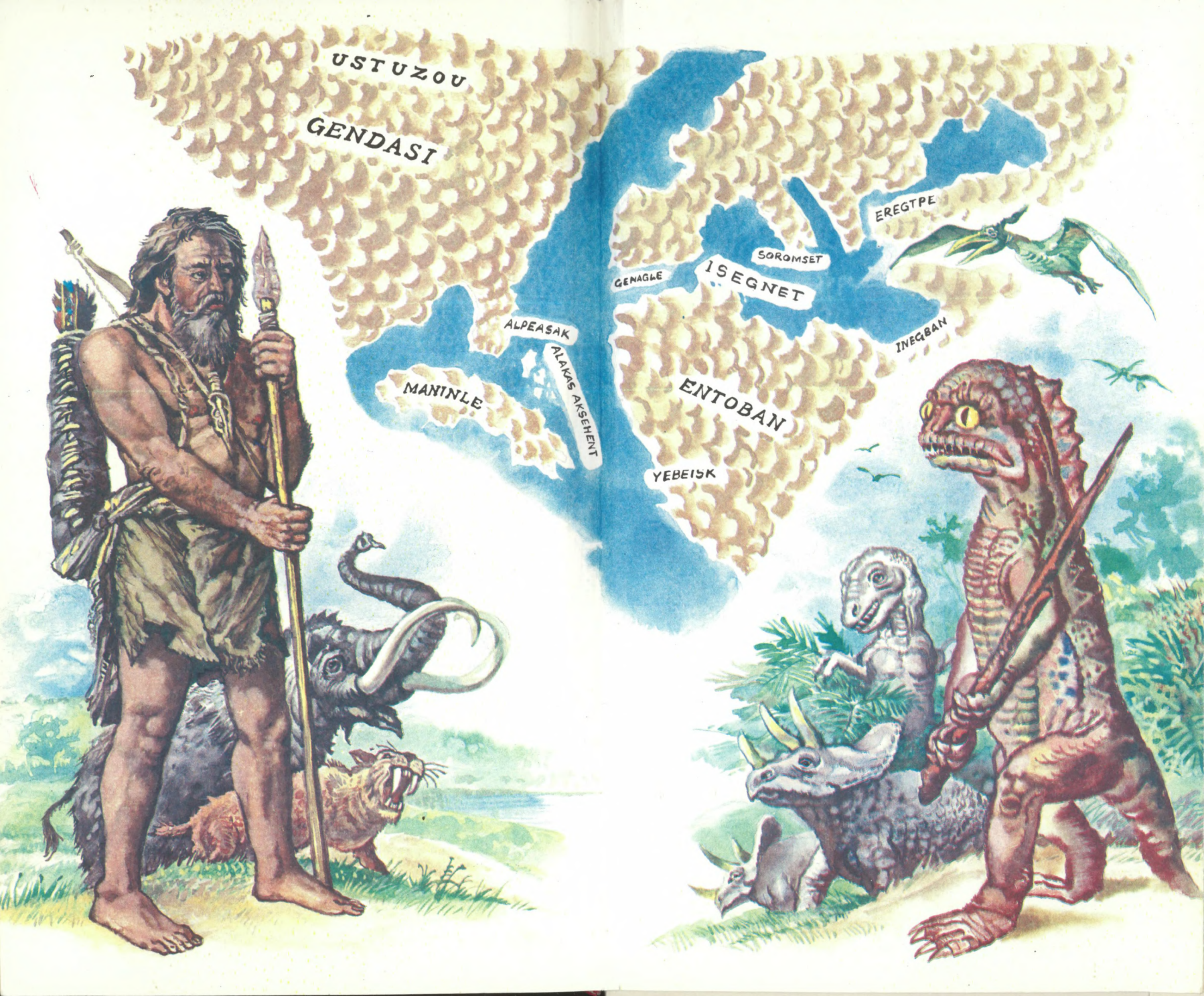
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

**Миры Гарри Гаррисона / Пер. с англ.—Рига.:
Полярис, 1993.—511 с.**

Московская типография № 7. Министерство печати и информации
Российской Федерации. 121019, г. Москва, пер. Аксакова, 13.

ISBN 5-88132-024-7

**К ЗАПАДУ
ОТ ЭДЕМА**